

Annotation

Карл Фридрих Май (нем. Karl May; 25 февраля 1842, Эрнсталь, Саксония — 30 марта 1912, Радебойль) — немецкий писатель, автор знаменитых приключенческих романов для юношества (в основном вестернов), многие из которых экранизированы.

Роман Виннету - это первый роман трилогии:

- * Виннету
- * Белый брат Виннету
- * Золото Виннету

-
- [Май Карл](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Май Карл
Виннету

Глава I

ГРИНХОРН

Знаете ли вы, уважаемый читатель, что такое «гринхорн»? Гринхорн — прозвище, которым награждают на Диком Западе новичка. «Грин» — по-английски «зеленый», «хорн» — «рог». Стало быть, гринхорн — это еще не созревший для настоящей мужской жизни субъект, недотепа, рохля, олух, остолоп, молокосос, что там еще... одним словом — желторотый, ни на что путное не способный новичок.

Гринхорн — это пентюх, который, тянет руку хозяину, вместо того чтобы раскланяться сначала с дамами, и которому даже не придет в голову встать со стула в гостиной, когда туда входит леди. Заряжая ружье, гринхорн сначала забивает в ствол пыж, потом пулю и только уж потом сыплет порох. Гринхорн говорит по-английски до тошноты старательно и правильно, зато от языка настоящих янки или ядреного охотничьего жаргона его так коробит, что он, как ни бьется, не может запомнить или воспроизвести ни единого слова. Гринхорн принимает енота за опоссума, а мулатку не может отличить от квартеронки. Он курит сигары и презирает тех, кто жует табак. Получив оплеуху, гринхорн бежит жаловаться судье, вместо того чтобы дать сдачи, как это принято у настоящих янки. След дикого индюка он принимает за медвежью тропу, а спортивную яхту — за пароход с Миссисипи.

На привале гринхорн стесняется положить свои грязные сапоги на колени спутника, а суп старается есть бесшумно, вместо того чтобы чавкать, подобно умирающему бизону на водопое. Отправляясь в прерию, гринхорн берет с собой губку величиной с тыкву и добрых десять фунтов мыла, зато компас, прихваченный им в последний момент, показывает через три дня все, что угодно, только не север. Он с умным видом запишет восемьсот индейских слов, а при встрече с первым же краснокожим обнаружит, что отослал свои записи домой — вместо письма, которое так и осталось лежать у него в кармане. Гринхорн покупает порох, а когда пытается выстрелить, обнаруживает, что ему подсунули толченый уголь. Гринхорн в течение десяти лет изучал астрономию, но даже если бы он так же долго смотрел в небо, все равно не смог бы определить, который теперь час.

Гринхорн так неловко засовывает нож за пояс, что тот при каждом

движении впивается ему в бедро. Пламя разведенного им костра взметается выше макушек деревьев, а гринхорн потом ломает голову, как это индейцам удалось напасть на его след. Словом, гринхорн есть гринхорн. Я сам был когда-то точно таким же желторотиком, только не надо думать, будто мне приходило в голову, что эта малоприятная кличка относится и ко мне тоже! Одна из отличительных черт гринхорнов именно в том и состоит, что они считают неопытными кого угодно, только не самих себя. Как раз наоборот мне казалось, что я весьма умудренный и опытный человек. Еще бы, ведь я получил высшее образование и никогда не боялся экзаменов. Будучи молод, я еще не понимал тогда, что настоящим университетом может быть одна лишь жизнь, ибо она заставляет своих учеников сдавать экзамены ежедневно и ежечасно.

Врожденная жажда приключений и желание обеспечить свое будущее привели меня за океан, в Соединенные Штаты Америки, где расторопному молодому человеку в то время было легче пробиться в жизни, чем теперь. Не брезгуя никакой работой, я вскоре поднакопил денег, обзавелся всем необходимым и, полный радостных надежд, приехал в Сент-Луис.

Здесь судьба свела меня с семьей, у которой я нашел кров и работу в качестве домашнего учителя. В этом доме часто бывал мистер Генри, оружейник, отдававшийся своему ремеслу со страстью артиста и называвший себя с патриархальным достоинством «оружейных дел мастером».

Это был добрейший души человек, хотя внешность и поведение никак не соответствовали внутреннему строю его натуры. По виду чудак и оригинал, он был неразговорчив и угрюм и, кроме упомянутой семьи, ни с кем больше не общался. С клиентами особо не церемонился, и лишь первоклассное качество изделий мистера Генри заставляло их заходить в его магазин.

Семья мистера Генри погибла в результате какого-то ужасного события. Он никогда об этом не говорил, но по некоторым намекам я догадался, что его жену и детей убили во время одного из вооруженных налетов. Этот страшный удар, по-видимому, и стал причиной замкнутости и суровости мистера Генри. Вероятно, он даже не замечал, насколько бывал резок с окружающими, оставаясь в глубине души добрым и мягким.

Мне не раз доводилось видеть, как у него навертывались слезы на глаза, когда я рассказывал ему о родине и соотечественниках, к которым я был и остаюсь привязан всем сердцем.

Долгое время я не мог понять, почему этот старый человек проявлял столь живой интерес именно ко мне, юноше, да еще иностранцу, пока

однажды это не прояснилось само собой.

Однажды он пригласил меня в гости. Никто до этого не удостоивался такой чести, и я вдруг решил повременить с визитом. Мистеру Генри очень не понравилось, что я не сразу воспользовался приглашением. До сих пор я помню его рассерженное лицо, когда я наконец зашел к нему, и тон, с которым он обратился ко мне, не ответив на приветствие:

— Где же это вы вчера были, сэръ?

— Дома.

— Не морочьте мне голову!

— Я говорю правду, мистер Генри!

— Юноши, вроде вас, не сидят на месте, а суют свой нос куда угодно, только не туда, куда следует.

— Скажите на милость, где ж мне следовало быть?

— Здесь, у меня. Понятно? Я давно собирался спросить вас кое о чем.

— Что же не спросили раньше?

— А вот представьте себе, раньше не было желания.

— Ну, а теперь?

— Не знаю, может быть, оно сегодня появится.

— Ну что ж, готов ответить на любой ваш вопрос, — воскликнул я, устраиваясь на верстаке, за которым он работал.

Мистер Генри удивленно взглянул на меня, укоризненно качая головой:

— Довольно дерзкое начало! Не в моих правилах спрашивать соизволения у гринхорна!

Меня задела его слова, и я, нахмутив брови, спросил:

— Гринхорна? Надеюсь, мистер Генри, это слово вырвалось у вас случайно?

— Ничего подобного! Я сказал то, что хотел сказать. Да-да, милостивый государь, вы — самый настоящий гринхорн! Он, видите ли, прекрасно усвоил содержание прочитанных книг! Просто поразительно, сколько всего там у вас приходится учить! Любой умник точно знает, на каком расстоянии находятся звезды, что царь Навуходоносор писал на глиняных табличках, сколько весит воздух, который даже невидим глазу. Напичканный такими знаниями, каждый сопляк воображает себя мудрецом, а ведь жизни он еще и не нюхал! Поживите-ка лет эдак пятьдесят на свете, может, тогда и поймете, в чем состоит истинная мудрость! Вся ваша премудрость гроша ломаного не стоит, а вы сами — и того меньше. На что вы годны? Наверняка даже стрелять не умеете.

Он сказал это с таким презрением и с такой категоричностью в голосе,

точно это и впрямь не требовало доказательств.

— Умею ли я стрелять? — отозвался я с усмешкой. — Дайте мне хорошее ружье и получите ответ.

Услышав это, он отбросил ружейный ствол, в котором нарезал канал, подбежал ко мне и удивленно воскликнул:

— Ружье? Вам, сэр? И не ждите от меня этого! Мои ружья попадают в руки только тем, кому я вместе с ними могу доверить свою честь.

— У меня именно такие руки.

Мистер Генри искоса взглянул на меня, сел и опять принялся колдовать над стволом, ворча себе под нос:

— Что за нахал этот гринхорн!

Я уже знал его, поэтому ничуть не обиделся, достал сигару и закурил. Мистер Генри помолчал минут пятнадцать, но больше не выдержал. Он зажмурил один глаз, посмотрел через ствол на свет и заметил:

— Стрелять — это совсем не то, что пялиться на звезды или читать про старинные таблицы Навуходносора. Понятно? Вы когда-нибудь держали в руках оружие?

— Держал.

— Когда?

— Довольно давно.

— И вам доводилось из него стрелять?

— Бывало.

— И вы попадали?

— Разумеется.

Быстро опустив ствол, он глянул на меня:

— Ну да, ну да, попадали, разумеется, попадали, но во что?

— Как во что? В цель, естественно.

— Вот уж не поверю!

— А это ваше дело, я же говорю правду.

— Дьявол вас побери, сэр! Я совершенно уверен, что вы не попадете даже в стену высотой в двадцать локтей и шириной в пятьдесят, а вы с такой наглостью утверждаете обратное, что можно лопнуть от злости! Я, понимаете ли, не мальчишка, которому вы даете уроки! Эдакий гринхорн и книжный червь смеет утверждать, что он умеет стрелять! Рылся-рылся в арабских и еще невесть каких дурацких рукописях и при этом находил время для стрельбы. Так я и поверил! Ну-ка снимите с гвоздя вон тот старый флинт^[1] и покажите, на что вы способны. Если идешь на медведя, лучше оружия не найти.

Я повиновался.

— Эй! — вдруг закричал он, срываясь с места. — Вы обращаетесь с ним, словно с легкой палочкой, а ведь это тяжелый карабин. Вы и впрямь так сильны?

Вместо ответа я ухватил его правой рукой за ремень и легко поднял вверх.

— Разрази меня гром! — закричал он. — Пустите! Оказывается, вы намного сильнее моего Билла.

— Вашего Билла?

— Это мой сын, который... впрочем, оставим это. Его уже нет на свете, как и остальных. Он рос смелым парнем, но его убили вместе с другими, когда меня не было дома. Вы похожи на него фигурой, и глаза такие же, и рот... впрочем, вас это не касается!

Черты мистера Генри исказились от глубокой печали. Словно пытаюсь стереть ее, он провел рукой по лицу и вновь заговорил:

— Очень жаль, что, имея такие мощные мускулы, вы зарылись с головой в книжки. Нужно было как можно больше упражняться.

— Я так и делаю!

— А боксом занимаетесь?

— У нас это не принято. Но я занимаюсь гимнастикой и борьбой.

— А верхом ездите?

— Да.

— А как с фехтованием?

— Я даже давал уроки.

— Небось привираете?

— Может, попробуем?

— Нет уж, благодарю покорно, силу вашу испытал. И вообще, я должен работать.

Он вернулся к верстаку, я последовал за ним. Разговор не клеился. Генри, видимо, был занят своими мыслями и работой. Вдруг, взглянув на меня, он спросил:

— А как у вас с математикой?

— Это один из любимейших моих предметов.

— Арифметика и геометрия?

— Конечно.

— Может, и геодезия вам знакома?

— Я занимался ею с большой охотой и очень любил бродить по полям с теодолитом.

— И вы действительно сумеете сделать съемку местности?

— Я не считаю себя профессиональным геодезистом, но мне

приходилось делать и вертикальный и горизонтальный планы местности.

— Хорошо, очень даже хорошо!

— Но почему вы об этом спрашиваете, мистер Генри?

— Значит, есть на то причина. А вот какая — об этом узнаете в свое время. Пока же я должен убедиться, гм... да, должен убедиться — умеете ли вы стрелять.

— Устройте мне экзамен!

— Я так и сделаю, будьте уверены, так и сделаю. Во сколько у вас завтра первый урок?

— В восемь утра.

— Зайдите ко мне часов в шесть. Пойдем на стрельбище, где я испытываю свое оружие.

— Но к чему такая спешка?

— А зачем ждать? Мне не терпится доказать вам, что вы гринхорн — и не более. Все, на сегодня хватит, у меня есть дела поважнее.

Он, видимо, уже покончил со стволом и, достав из шкафа многогранный брусок металла, принялся обтачивать его. На торцевых гранях я заметил многочисленные отверстия.

Мистер Генри так сосредоточенно трудился, что, кажется, совершенно забыл о моем присутствии. Его глаза блестели, а когда он время от времени любовался на свою работу, в них светилось, я бы сказал, благоговение. Этот кусок металла, безусловно, представлял для него особую ценность. Я спросил:

— Это будет какая-то часть ружья?

— Да, — ответил он, как будто с трудом припоминая, что я еще у него в доме.

— Мне неизвестна система оружия с такой составной частью.

— Охотно верю. Такая система рождается у вас на глазах, это будет оружие системы Генри.

— Ага, понятно, новое изобретение.

— Вот именно.

— В таком случае простите меня за глупый вопрос. Конечно же, это пока тайна?

Он еще долго крутил брусок в разных направлениях, заглядывая во все отверстия и поминутно примеряя его к каналу ствола, наконец отозвался:

— Да, пока тайна, но я знаю, держать язык за зубами вы умеете, и потому скажу: перед вами многозарядный штуцер на двадцать пять выстрелов.

— Но это невозможно!

— Что вы понимаете! Я не так глуп, чтобы тратить время на невозможное.

— В таком случае у вас должен быть магазин на двадцать пять патронов!

— Он у меня и есть!

— Значит, получится громоздкая, неудобная и жутко тяжелая штука.

— В том-то и дело, что у меня будет только один барабан, причем очень удобный. Этот стальной брусок — не что иное, как будущий барабан для патронов.

— Может, я чего-то не понимаю в вашем ремесле, но позвольте высказать опасение: а не будет ли перегреваться ствол?

— С чего бы? Сплав и способ изготовления ствола — это и есть моя тайна. А потом, кому понадобится палить все двадцать пять патронов подряд?

— Да, пожалуй, подряд не понадобится.

— Вот видите! Из этого куска металла получится барабан на двадцать пять патронов. При каждом выстреле, вращаясь, барабан будет досылать в ствол следующий патрон. Долгие годы я вынашивал эту идею, но мне никак не удавалось воплотить ее в жизнь. И вот теперь появилась надежда. Кажется, дело идет на лад. Уже сегодня как оружейник я заработал доброе имя, ну а вскоре я стану знаменитым, очень знаменитым, и заработаю много денег.

— Ага, и в придачу — нечистую совесть.

Он непонимающе посмотрел на меня.

— Совесть? О чем вы говорите?

— Вы считаете, что убийца может иметь чистую совесть?

— О, Господи! Уж не хотите ли вы сказать, что я убийца?

— Пока еще нет.

— Выходит, я стану им?

— Да, ибо содействие убийству — такое же преступление, как и само убийство.

— Прикусите язык! Я не собираюсь содействовать никакому убийству. Что вы плетете?

— Конечно, это будет не одно убийство, а целая бойня.

— То есть? Я совершенно отказываюсь вас понимать.

— Если вы сделаете многозарядную винтовку на двадцать пять выстрелов и она попадет в руки первого встречного подлеца, то в прериях, каньонах и лесах начнется страшная бойня. Бедняг индейцев начнут Стрелять как бешеных койотов, и через несколько лет не останется ни

одного краснокожего. Вы готовы взять этот грех на душу?

Генри угрюмо молчал.

— Если каждый сможет приобрести такую винтовку, вы и вправду скоро станете миллионером, но бизоны и мустанги будут окончательно уничтожены, а вместе с ними и другие животные, необходимые для жизни краснокожих. Сотни и тысячи любителей пострелять вооружатся вашими штуцерами и ринутся на Дикий Запад. Кровь людей и зверей польется рекой, и вскоре окрестности по ту и другую сторону Скалистых гор опустеют, не останется ни одного живого существа.

— Проклятие! — вскричал он. — Вы действительно приехали сюда из Европы?

— Да.

— А до этого никогда не бывали в наших краях?

— Нет.

— И никогда не были на Диком Западе?

— Нет.

— Значит, типичный гринхорн... А болтает так, как будто он — прадед всех индейцев и живет здесь по меньшей мере лет сто! Эх, юноша, не думайте, что можете запугать меня. Даже если все, что вы здесь живописали, — правда, знайте: я вовсе не собираюсь стать владельцем оружейного завода. Я человек одинокий и останусь таким до окончания века. У меня нет желания каждый божий день ругаться с сотней-другой рабочих.

— Но вы можете получить патент на свое изобретение, продать его и хорошо на этом заработать.

— А вот это уж не ваша забота, сэр! До сих пор мне хватало на жизнь, надеюсь, и в дальнейшем не придется горе мыкать. А теперь собирайтесь-ка домой! Я не намерен дольше выслушивать птенца, который только вылупился, а уже чирикает.

Меня не обидели грубые слова — такова уж натура мистера Генри. Я ни минуты не сомневался, что он желает мне добра, искренне ко мне привязался и хочет помогать во всем в меру своих сил и возможностей. Мы обменялись крепким рукопожатием, и я ушел.

Я и не предполагал, какие последствия будет иметь тот вечер, а тем более какую значительную роль в моей будущей жизни сыграют тяжелый карабин, называемый Генри «старым флинтom», и не доделанный еще штуцер.

А пока я с нетерпением ожидал наступления утра, будучи уверен, что не ударю в грязь лицом и покажу своему новому приятелю, на что

способен, поскольку стрелял я действительно неплохо.

Ровно в шесть часов я уже был у Генри. Он ждал меня в хорошем расположении духа — на его всегда суровом лице играла легкая, чуть ироничная улыбка.

— Приветствую вас, сэр! Ого, какой самоуверенный вид! Надеетесь попасть в ту самую стену в пятьдесят локтей, о которой я вчера говорил?

— Само собой разумеется.

— Ладно, сейчас проверим. Я возьму ружье полегче, а вы несите карабин, такая тяжесть мне уже не под силу.

Генри закинул за плечо легкую двустволку, а я взял «старый флинт».

Когда мы пришли на стрельбище, Генри зарядил оба ружья, но сначала выстрелил пару раз из своей двустволки.

Наступил мой черед. Хотя мне никогда не доводилось стрелять из такого ружья, с первого же раза я попал в самый край черного круга мишени. Во второй раз мне повезло больше, третий выстрел был точно в яблочко, а все остальные пули пролетели сквозь отверстие, пробитое с третьего раза.

Изумление Генри росло с каждым моим выстрелом. Я испробовал и его двустволку, а когда и тут добился блестящего результата, он воскликнул:

— Сэр, не иначе вам сам дьявол помогает. Или вы — прирожденный охотник. Я впервые вижу, чтобы молодой человек так метко стрелял.

— Дьявол мне не помогает, и я не собираюсь заключать с ним договор.

— В таком случае вы просто обязаны стать вестменом.^[2] Что скажете?

— Хорошо бы!

— Ладно, посмотрим, что удастся из вас сделать. Верхом хорошо ездите?

— Да так, с грехом пополам.

— С грехом пополам? Значит, не так хорошо, как стреляете?

— Не такое уж большое искусство — ездить верхом. Трудней сесть на коня. Но если я окажусь в седле, то уж ни за что не дам себя сбросить.

Он пристально посмотрел на меня, словно проверял, серьезно ли я говорю или шучу. Я сделал вид, будто ни о чем не догадываюсь, а он заметил:

— Вы действительно так думаете? И считаете небось, что надо держаться за гриву? Заблуждаетесь. Вы сказали, что самое трудное — очутиться в седле, мол, для этого надо приложить немало усилий. А я вот скажу, что вылететь из седла гораздо легче — об этом уж позаботится сам конь. Вы и охнуть не успеете, как окажетесь на земле.

— У меня конь не забалует!

— Да? Посмотрим! Может, попробуете?

— С удовольствием!

— Идемте-ка! Сейчас только семь часов, время еще есть. Мы пойдем к Джиму Корнеру, он дает лошадей напрокат. Есть у него один пегий жеребец, уж он-то для вас постарается.

Мы вернулись в город и отыскивали торговца лошадьми. Ему принадлежал загон для выездки, вокруг которого выстроились конюшни.

Корнер вышел к нам сам и любезно осведомился, чего желают джентльмены.

— Этот юноша утверждает, что ни один конь его не сбросит. Что вы на это скажете, мистер Корнер? Может, позвольте ему взобраться на вашего пегого?

Торговец смерил меня оценивающим взглядом и, покачав головой, ответил:

— Судя по всему, костяк у парня крепкий и гибкий, да и вообще... молодые люди не так быстро сворачивают себе шеи, как старики. Если этот джентльмен желает испытать пегого жеребца, то я ничего не имею против.

Он тут же отдал распоряжение, и двое конюхов вывели оседланного коня. Конь вел себя беспокойно и все время норовил вырваться. Старик Генри, видимо, испугался за меня и принялся упрашивать, чтобы я отказался от глупой затеи. Но, во-первых, я ничуть не боялся, а во-вторых, для меня это был вопрос чести.

Я приказал подать мне плеть и пристегнул шпоры. После нескольких неудачных попыток, несмотря на сопротивление коня, я оказался в седле. В этот момент конюхи быстро отскочили, а пегий строптивец, став на дыбы, вдруг резко прыгнул в сторону. Я удержался в седле, хотя не успел еще вдеть ноги в стремяна, а едва вдел — паршивец начал брыкаться. Ничего этим не добившись, прижался к стене, пытаюсь сбросить меня, однако моя плеть отогнала его на середину. Началась трудная и опасная борьба с конем. Понадобились вся моя сила, ловкость и сноровка (а тогда у меня еще не было должного опыта), но в конце концов я победил. Когда я спешил, ноги мои дрожали от усталости, а с коня падали огромные тяжелые хлопья пены. Теперь он был послушен каждому движению шпор и поводьев.

Торговец испугался за него, велел накрыть попоной и медленно поводить по двору. Затем он обратился ко мне:

— Вот уж не думал, юноша, что вы с ним справитесь. Так и ждал, что он сбросит вас на землю. Плату с вас я не возьму, но если хотите сделать

мне приятное, приходите еще и научите эту бестию уму-разуму. Тут дело не в десяти долларах, а в значительно большей сумме: конь дорогой и, когда вы его объездите, принесет мне немалые барыши.

— Ну что ж, я готов оказать вам эту услугу.

За все это время Генри не промолвил ни слова. Он только разглядывал меня и качал головой, а потом хлопнул в ладоши и воскликнул:

— Вот уж необыкновенный гринхорн, никогда таких не видал! Коня чуть насмерть не удушил, но не дал себя сбросить. Кто вас этому научил, сэр?

— Случай. Однажды мне попался полудикий венгерский жеребец. Я долго и упорно, рискуя жизнью, объезжал его, и в конце концов он стал шелковым.

— Ну, что касается меня, то я предпочитаю свое старое кресло, оно по крайней мере не брыкается, когда я в него сажусь. У меня даже голова закружилась, глядя на вас! Но, поверьте, вы не напрасно сегодня так потрудились, мне непременно надо было знать, как вы стреляете и сидите в седле.

Мы разошлись по домам.

Ни в этот день, ни в течение двух других Генри не появлялся, да и у меня не было времени навестить его. На третий день, после обеда, зная, что я уже свободен, он зашел ко мне и спросил:

— Не желаете ли прогуляться со мной?

— А куда?

— В гости к одному джентльмену. Он мечтает с вами познакомиться.

— Хорошо, идемте.

Сегодня Генри был сам на себя не похож — деловой и одновременно таинственный. Он явно приготовил какой-то сюрприз.

Мы прошли несколько улиц и оказались перед большой застекленной дверью.

Генри вошел туда так стремительно, что я не успел даже прочитать надпись на вывеске, сделанную золотыми буквами. Кажется, там были слова «офис» и «геодезия». Вскоре я убедился, что не ошибся.

В комнате сидело трое мужчин. Они сердечно приветствовали Генри, а со мной учтиво, не скрывая любопытства, раскланялись. Столы были завалены картами и планами, а также всевозможными измерительными инструментами. Мы попали в геодезическую контору, непонятно только, зачем мы туда пришли. Похоже было, что Генри не собирался делать заказ или получить справку, а зашел просто поболтать со старыми приятелями.

Завязалась оживленная беседа, которая постепенно перешла на темы,

связанные с работой конторы, и я тоже смог вступить в разговор, ибо он касался предметов мне более знакомых, чем, к примеру, сугубо американские проблемы, в которых я в то время разбирался мало.

Видимо, Генри очень интересовался геодезией. Вникая во все мелочи, он незаметно втянул в разговор и меня, задавая разные вопросы. Я объяснил назначение некоторых инструментов, оказавшихся под рукой, и показал, как чертят карты и планы. Нет, тогда я действительно был еще гринхорном и ни о чем не догадывался. Лишь когда я заметил, что присутствующие джентльмены подают оружейнику какие-то таинственные знаки, я заподозрил подвох и поднялся со стула, тем самым давая Генри понять, что мне пора. Генри распрощался с хозяевами, и мы вышли, провожаемые еще более дружелюбно, чем были встречены.

Отойдя довольно далеко от конторы, Генри остановился и, положив мне руку на плечо, сказал:

— Сэр, мой юный друг! Какое же удовольствие вы мне доставили сегодня! Я горжусь вами!

— Но почему?

— Вы превзошли данные мной рекомендации и ожидания этих джентльменов!

— Рекомендации? Ожидания? Не понимаю.

— И не надо. Все очень просто. Вы недавно говорили, что разбираетесь в геодезии. Чтобы убедиться, не хвастовство ли это, я привел вас к своим друзьям. И вы с честью выдержали экзамен.

— Хвастовство? Мистер Генри, если вы думаете, что я способен на хвастовство, то наша дружба кончена.

— Не глупите! Не лишите же вы старика удовольствия видеть юношу, так похожего на его сына! Кстати, вам удалось еще раз побывать у торговца лошадьми?

— Я хожу к нему каждое утро.

— И объезжаете пегого жеребца?

— Да.

— Выйдет толк из этого коня?

— Выйти-то выйдет, но сомневаюсь, справится ли с ним тот, кто его купит. Он привык ко мне и других будет сбрасывать.

— Рад, очень рад, конь, видно, хочет носить на себе гринхорна вроде вас. Послушайте, давайте свернем вот в эту боковую улочку, я знаю здесь отличный ресторан, с хорошей кухней и прекрасными напитками. Должны же мы отметить такое событие, как успешно сданный экзамен!

Я не верил собственным ушам: всегда сдержанный, нелюдимый, Генри

вдруг захотел пообедать в ресторане! Он весь преобразился: был необычайно оживлен, голос зазвучал громче и радостнее. Но при чем тут экзамен? Это слово меня озадачило, впрочем, я не придавал ему особого значения...

С этого самого дня Генри навещал меня ежедневно и обращался со мной как с единственным другом, с которым вскоре должен расстаться, что, однако, не мешало ему бесцеремонно ставить меня на место, как только я, по его мнению, заносился.

В это же время я начал замечать, как изменилось отношение ко мне и в семье, где я давал уроки. Родители стали предельно внимательны, а дети старались всячески проявлять свою привязанность и любовь. Порой я ловил на себе их взгляды, смысл которых был мне непонятен, ибо в них сквозило нечто вроде затаенной грусти.

Однажды, кажется, недели три спустя после нашего визита к геодезистам, хозяйка дома попросила меня вечером никуда не уходить, а остаться поужинать с ними, в кругу семьи. К ужину ожидалось сэр Генри и еще двое джентльменов, один из которых был некто Сэм Хокенс, известный в этих краях вестмен.

Мне, впервые попавшему на Дикий Запад, это имя ничего не говорило, но я был рад познакомиться с таким знаменитым охотником-следопытом.

Я был своим в этом доме, поэтому не стал дожидаться назначенного часа и спустился в столовую немного раньше. Каково же было мое изумление, когда я увидел торжественно накрытый стол. Пятилетняя малышка Эмми, пользуясь тем, что в столовой никого не было, вылавливала пальчиками ягоды из компота. При моем появлении она смутилась, отдернула руку от вазы и вытерла ее о свои светлые волосики. Я погрозил ей, а она, подскочив ко мне, обвила мою шею ручонками. Желая загладить свою вину, девочка выдала мне то, что составляло тайну последних дней. Ее горячий шепот обжигал мне ухо. Сперва мне показалось, что я неправильно понял, и переспросил, но она радостно подтвердила:

— Да, да, это прощальный ужин в вашу честь!

Прощальный ужин в мою честь?! Да возможно ли такое? Нет, девочка определено что-то путает.

Тут в соседней комнате послышались голоса — прибыли гости, и я вышел поздороваться с ними.

Все трое пришли точно к назначенному часу. Генри представил меня мистеру Блэку, невзрачному на вид, слегка неуклюжему юноше, а затем подвел к следопыту Сэму Хокенсу.

Так это и есть следопыт? Наверняка я выглядел сущим невеждой, когда с удивлением уставился на него. Да и было чему удивляться — подобного до сих пор я не встречал, хотя позже мне доводилось видеть и более удивительные вещи.

Передо мной стоял странный персонаж, впечатление от которого усиливалось еще и тем, что он заявился в гости, словно только что вышел из лесу — в потертой шляпе и с ружьем в руках.

Он являл собой незабываемое зрелище: из-под грустно повисших полей фетровой шляпы неопределенного цвета и возраста торчал флюгером нос необыкновенных размеров, а с давно не бритой физиономии поглядывали маленькие умные глазки. Быстро перебегая с предмета на предмет, они наконец остановились на мне с выражением озорной плутоватости. Следопыт разглядывал меня с нескрываемым любопытством. Позже я понял причину такого интереса к моей персоне.

Старая охотничья куртка до колен, сшитая из козьей шкуры, болталась на нем как на вешалке. В ней он выглядел ребенком, надевшим для забавы сюртук деда. Под этим более чем свободным одеянием виднелась пара тощих и кривых ног в обтрепанных брюках, причем возраст последних красноречиво говорил о том, что владелец брюк вырос из них лет двадцать тому назад. Не меньшего внимания заслуживали и сапоги, настолько большие, что знаменитый охотник мог бы в случае необходимости поместиться в них целиком. В руках он держал ружье, больше смахивающее на палку, чем на огнестрельное оружие. Лишь с крайней предосторожностью я отважился бы прикоснуться к этому пугачу.

Трудно было себе представить лучшую карикатуру на охотника прерий. И только много дней спустя я смог по достоинству оценить этого чудака.

Оглядев меня с ног до головы, следопыт неожиданно тонким голосом обратился к оружейнику:

— Мистер Генри, это и есть тот гринхорн, о котором вы мне говорили?

— Да, — ответил тот.

— А он мне даже нравится. Надеюсь, и ему понравился Сэм Хокенс? Хи-хи-хи! — И с этим странным хихиканьем он повернулся к входящим в гостиную хозяевам дома.

Хозяева приветствовали охотника как старого знакомого, из чего можно было заключить, что они видят его не в первый раз. Гостей пригласили в столовую; направляясь туда, Хокенс, к моему изумлению, не снял ни шляпы с головы, ни ружья с плеча. И только когда нам указали места за столом, он сказал, показывая на свою старую хлопушку:

— Настоящий охотник не расстается с оружием ни на секунду, а тем более я с моей драгоценной Лидди.

Свою винтовку он называл Лидди! Со временем я узнал, что многие охотники, бродящие по прериям, обращаются со своими ружьями как с живыми существами и дают им имена.

Сэм Хокенс повесил винтовку около окна и хотел сделать то же самое со своей шляпой. Вот он ее снял, и о Боже! В шляпе осталась вся его шевелюра. Вид совершенно голой багровой головы мог повергнуть в ужас кого угодно. Хозяйка дома вскрикнула, дети завизжали, а он, желая успокоить присутствующих, произнес речь:

— Не пугайтесь, дамы и господа, ничего страшного! У меня, как и у всякого порядочного человека, были на голове собственные волосы. И я всю жизнь прожил с ними. Но вот однажды целая дюжина индейцев напала на меня и содрала волосы вместе с кожей. Дьявольски неприятное ощущение, скажу я вам, но все обошлось благополучно. Хи-хи-хи! Потом я отправился в Текаму и купил себе новый скальп, чтоб мне лопнуть!

Это называется парик, он обошелся мне в целую связку бобровых шкурок. Ну, да я не жалею, новый скальп гораздо практичнее, особенно летом, в любую минуту можно снять, когда жарко. Хи-хи-хи!

Хокенс повесил шляпу на дуло винтовки, надел парик, а кожаную охотничью куртку снял и перебросил через спинку стула. На куртке пестрели многочисленные заплатки, причем они накладывались одна на другую, что придавало куртке невероятную твердость и толщину — ее не смогли бы взять даже острые стрелы индейцев! Под курткой на Хокенсе оказалась кожаная жилетка. За поясом торчали нож и два пистолета.

Теперь удобство тощих кривых ног знаменитого следопыта стало еще заметнее.

Вернувшись к столу, он спросил, хитро взглянув сначала на меня, потом на хозяйку дома:

— Может быть, до того как приступить к ужину, миледи скажет этому юноше, что происходит, чтоб мне лопнуть!

Хозяйка кивнула головой и, обратившись ко мне, указала на молодого гостя:

— Сэр, позвольте вам представить вашего преемника и нашего нового учителя, мистера Блэка.

Я был ошарашен:

— Моего... преемника?

— Надо же было позаботиться о новом учителе для детей, ведь сегодня мы прощаемся с вами.

— Прощаетесь... со мной? Да что же, в самом деле, здесь происходит?

— Хотя вся наша семья полюбила вас, — продолжила хозяйка, — мы не хотим мешать вашему счастью. Нам очень грустно расставаться с вами, но что поделаешь? Счастливого пути, и храни вас Бог!

Ничего не понимая, я лишь бормотал:

— Какой путь? Куда я должен ехать?

Сэм Хокенс хлопнул меня по плечу и усмехнулся:

— Со мной, на Дикий Запад. Куда же еще? Вы прекрасно выдержали экзамен, хи-хи-хи! Вся экспедиция уже в пути. Меня, Дика Стоуна и Билла Паркера взяли проводниками в группу геодезистов на строительство железной дороги вдоль реки Канейдиан до Нью-Мексико. Не собираетесь же вы, в самом деле, остаться гринхорном до конца своих дней!

Тут словно пелена спала со моих глаз. Так, значит, все было заранее подстроено! Меня ждала работа геодезиста на строительстве одной из крупнейших дорог! Мой дорогой старый Генри все объяснил мне:

— Я к вам очень привязался, и вы знаете почему. Но роль домашнего учителя — не дело для настоящего мужчины, которым можно стать лишь на Диком Западе. Поэтому я обратился в «Атлантик Пасифик Компани», но до этого проверил ваши знания в геодезии. Вы с честью прошли все испытания, и вот контракт на работу в геодезической экспедиции.

С этими словами он протянул мне документ, где была проставлена такая сумма вознаграждения, что я не поверил своим глазам. А старик Генри продолжал:

— Ехать надо на лошадях, значит, нужен хороший конь. Вот я и подумал, а не купить ли того жеребца, которого вы так ловко объездили? Взял и купил. Дальше. Без оружия в прерии делать нечего, поэтому возьмите с собой флинт. Мне он уже вряд ли понадобится, к тому же вы так метко из него стреляете. Что скажете, сэр?

Все это время я стоял, не в силах вымолвить и слова, а когда снова обрел дар речи, горячо поблагодарил Генри и стал отказываться от столь дорогих подарков. Как вы догадываетесь, безрезультатно. Эти благородные люди от чистого сердца желали мне добра, и не принять помощи означало их обидеть. Чтобы положить конец дальнейшим пререканиям на эту тему, хозяйка села за стол, приглашая последовать ее примеру.

* * *

После ужина мне все подробно разъяснили: принято решение

построить железную дорогу, которая протянется от Сент-Луиса через индейские территории,^[3] штаты Нью-Мексико, Аризону и Калифорнию до самого побережья Тихого океана. Столь длинную трассу необходимо изучить и, поделив на участки, произвести съемку местности. Сектор, доставшийся мне и трем другим геодезистам во главе со старшим инженером, находится между истоками рек Пекос и Канейдиан. Трое опытных проводников — Сэм Хокенс, Дик Стоун и Билл Паркер — должны сопровождать нас до места, где мы перейдем под охрану смелых и опытных вестменов. Кроме того, мы можем рассчитывать на помощь всех военных частей близлежащих фортов.

Желая сделать мне приятный сюрприз, они сказали об этом только сегодня. Поздновато, на мой взгляд. Впрочем, как оказалось, все необходимое для столь долгого путешествия было уже подготовлено. Мне оставалось лишь познакомиться с новыми друзьями, ожидавшими меня в доме старшего инженера.

Назавтра, попрощавшись с моими хозяевами, я зашел к Генри и снова принялся благодарить его, но он стиснул мне руку и не дал закончить:

— О чем говорить, сэр?! Я отправляю вас в путешествие всего лишь для того, чтобы мой «старый флинт» мог еще на что-нибудь сгодиться. Когда вернетесь, найдите меня и расскажите о своих приключениях и о том, чему вы научились. Вот тогда и увидим, что получилось из гринхорна, подобного которому не найти на всем белом свете, хотя вы и не хотите признаться в этом.

И он подтолкнул меня к двери. Уходя, я обернулся и увидел слезы на его глазах.

Глава II

КЛЕКИ-ПЕТРА

Великолепная североамериканская осень подходила к концу. Мы трудились уже три месяца, а работы еще было невпроворот, в то время как остальные сектора давно с ней покончили. Причиной тому были два обстоятельства: объективное и субъективное.

Первое из них — сложный рельеф местности, съемку которой мы проводили. Линия железной дороги должна была пройти вдоль русла Канейдиана, и направление было нам указано лишь до истоков этой реки. Дальше, от Нью-Мексико, нам следовало самим проложить наиболее удобный путь через долины и каньоны.

Очень много времени отнимали постоянные разведывательные выезды, а также изматывающие предварительные измерения. Без них мы не могли приступить к основной работе. Кроме того, нашу жизнь осложняли индейцы. Племена кайова, команчей и апачей возражали против строительства железной дороги на территориях, которые они считали своей собственностью. Нам приходилось постоянно остерегаться нападения этих племен и быть начеку, отчего наша работа затягивалась. Из-за индейцев мы боялись охотиться, иначе они выследили бы нас. Все необходимое закупалось в Санта-Фе и доставлялось в фургонах, запряженных волами. К сожалению, доставка продуктов без конца опаздывала, и мы из-за отсутствия провизии и других необходимых вещей частенько простаивали.

Субъективным обстоятельством, препятствующим работе, явились взаимоотношения в нашей геодезической группе.

Не могу не сказать, что старший инженер и другие геодезисты в Сент-Луисе отнеслись ко мне очень доброжелательно, и казалось, мы сработаемся. Однако вскоре меня ждало горькое разочарование. Мои коллеги, настоящие янки, видели во мне лишь гринхорна. Я старался работать на совесть, они же думали только о деньгах, а к своим обязанностям относились спустя рукава. Естественно, я стал для них помехой, и вскоре от прежней доброжелательности не осталось и следа. К тому же я обнаружил, что они не так уж много знают. Пользуясь тем, что я впервые в экспедиции, они взвалили на меня самую трудную работу, а сами болтались без дела и пользовались любой возможностью развлечься. Я ничего не имел против работы, она позволяла мне получить новые знания и

опыт.

Из всей компании наиболее образованным был старший инженер Бэнкрофт, но, как оказалось, он любил выпить. В Санта-Фе на наши фургоны погрузили несколько бочонков бренди, и с тех пор начальник экспедиции интересовался больше их содержимым, чем измерительными приборами. Нередко он по полдня валялся пьяным где-нибудь в кустах. К сожалению, за бренди должны были платить все, включая и меня, так что трое геодезистов — Риггс, Мэрси и Виллер, дабы деньги не пропадали даром, пили с Бэнкрофтом за компанию. Понятно, что и эти джентльмены не всегда были в наилучшей форме. Какая уж тут работа? Поскольку я спиртного в рот не брал, то выходило, что в основном работал я один, в то время как они пьянствовали или отсыпались. Более сносно, чем другие, ко мне относился Виллер, ибо у него хватало ума понять, что я один отдувался за всех них.

Немногим лучше были и остальные члены нашей группы. Нам выделили для охраны и помощи двенадцать вестменов. Они ждали нас уже на месте работ. Поначалу я относился к ним с огромным уважением, однако позже убедился, что имею дело с людьми весьма безнравственными.

К счастью, в течение трех месяцев не произошло ничего такого, что заставило бы меня искать у них защиты, а что до помощи, то тут можно смело сказать: здесь как на подбор собралась компания самых отъявленных бездельников во всех Соединенных Штатах. Поэтому с дисциплиной у нас было из рук вон плохо.

Бэнкрофт, комендант лагеря и старший по должности, изображал из себя большого начальника, но его никто не слушал. Над ним открыто смеялись, он в ответ сыпал ужасными проклятиями, но все кончалось бренди, которым он вознаграждал себя за труды. Риггс, Мэрси и Виллер ни в чем ему не уступали и пили с ним наперегонки. Вот так и получилось, что я работал за всю группу, и при этом мне еще приходилось считаться с их честолюбием, ведь подчиняться столь молодому и неопытному человеку, как я, для них было оскорбительным. Будь я поглупее и говори с ними в приказном тоне, нарвался бы лишь на насмешки, но я вел себя осторожно, как умная жена, которая так умеет управлять упрямым мужем, что он об этом и не догадывается. Эти необузданные, грубые люди, обзывая меня гринхорном, тем не менее подчинялись мне и при этом были убеждены, что действуют исключительно по собственной воле.

Неоценимую помощь мне оказывали Сэм Хокенс и два его товарища, Дик Стоун и Билл Паркер. Это были в высшей степени порядочные люди, а главное, опытные, умные и смелые следопыты-разведчики, слава о которых

недаром простиралась так далеко. Они больше держались меня и сторонились других, однако с оглядкой, стараясь не задевать остальных.

Конечно, главной моей опорой был Сэм Хокенс. Несмотря на свою чудаковатость, он пользовался всеобщим уважением в группе, хотя его и недолюбливали. Сэм всегда приходил мне на помощь, делая это в своей полусерьезной-полунасмешливой манере.

Постепенно между нами установились отношения, которые напоминали отношения опекуна с подопечным. Хокенс взял меня под защиту, не спрашивая моего на то согласия.

Для меня, новичка, он, опытный вестмен, был непогрешимым образцом, а его поступки — единственно верными. Пользуясь любым случаем, он преподносил мне теоретические и практические уроки того, что должен знать и уметь каждый, отправляясь на Дикий Запад.

Сегодня, не погрешив против истины, я должен признать: высшими премудростями этой науки я овладел значительно позже, в общении с Виннету, с Сэмом же научился азам, без которых уроки высшей школы пропали бы даром.

Сэм собственноручно сплел лассо и к тому же сам со своей лошадью добровольно стал объектом для моих упражнений. Когда петля, брошенная мной, намертво обвивала цель (а потом это получалось уже при каждом броске лассо), он искренне радовался и, удовлетворенный, с трудом освобождаясь от петли, поучительно замечал:

— Великолепно! Прекрасно, мой юный друг! Надеюсь, однако, что моя похвала не вскружит вам голову, ведь учитель время от времени вынужден хвалить даже самого глупого ученика, если хочет, чтобы тот добился успехов. Скольких воспитал я на своем веку, и все они учились прилежней и были куда понятливей вас. Если так дело пойдет и дальше, то лет эдак через шесть-семь уже никто не осмелится назвать вас гринхорном. Но не падайте духом, ведь и дураку случается добиваться таких же успехов, что и умному, а иногда и перещеголять его, чтоб мне лопнуть!

Все это он говорил очень внушительно — в педагогических целях, а я делал вид, будто всерьез воспринимаю его слова, хотя в глубине души знал он вовсе так не думает. Полезней всего для меня были практические советы Сэма и обучение навыкам, без которых не выжить в прерии. Если бы не Хокенс, вряд ли я нашел бы время для упражнений с лассо, ведь работа поглощала меня целиком. Впрочем, мы держали наши уроки в тайне от всех, выбирая место подальше от лагеря, чтобы никто не мог нас видеть. Этого требовал Сэм Хокенс, а когда я однажды спросил его — почему, он ответил:

— Да все из-за вас, сэр! Вы так неловки и неумелы, что я умер бы со стыда, если бы нас увидели эти типы. Теперь понятно почему? Хи-хи-хи! Примите это к сведению!

Вот так получилось, что навыками вестмена я овладел втайне, и никому из нашего окружения и в голову не могло прийти в случае опасности рассчитывать на мою физическую силу или умение владеть оружием и лассо.

Несмотря на все перечисленные сложности, работа все-таки продвигалась, и наконец ее осталось примерно на неделю. За это время, по нашим расчетам, мы должны были выйти к границе соседнего сектора. Об этом следовало известить соседей, послав гонца, что мы обычно и делали, когда возникала необходимость связаться с ними. Бэнкрофт заявил, что поедет сам под охраной одного из наших вестменов.

В воскресенье, с утра пораньше, Бэнкрофт собрался в путь. Перед этим, отправляясь в дальнюю дорогу, следовало обязательно выпить на посошок. Само собой разумеется, в выпивке приняла участие вся братия. Не пригласили только меня, а Сэм Хокенс, Дик Стоун и Билл Паркер от приглашения отказались. Как я и ожидал, попойка затянулась и закончилась только тогда, когда Бэнкрофт уже лыка не вязал. Остальные не отставали от него и тоже были крепко пьяны. О поездке не могло быть и речи. Захмелевшая компания, как обычно, забралась в кусты, чтобы проспать.

Что было делать? Теперь пьянчуг не добудишься до полудня, а гонца выслать необходимо. Получалось, что ехать, кроме меня, некому. На поездку уйдет по меньшей мере дня четыре, значит, работа снова встанет, никто палец о палец не ударит. Пока я обдумывал все это, собираясь посоветоваться с Сэмом, он вдруг указал рукой на запад:

— Сэр, вам не придется ехать, можно все передать через вон тех двоих, которые едут сюда.

Посмотрев в указанном Сэмом направлении, я увидел двух всадников. Это были белые. В одном я узнал старого проводника, который уже не раз приезжал с известиями из соседнего сектора, а рядом с ним ехал незнакомый мне молодой мужчина, одетый иначе, чем принято на Диком Западе. Всадники приблизились к нам, и незнакомец спросил мое имя. Как только я назвал себя, он дружелюбно посмотрел на меня:

— Так вы и есть тот молодой человек, который делает здесь всю работу, в то время как остальные бездельничают? Вам наверняка известна моя фамилия, я — Уайт.

Это был начальник соседнего, западного, сектора, по отзывам — человек весьма энергичный. Именно к нему мы и собирались отправить

гонца.

Его приезд был вызван, без сомнения, какой-то веской причиной. Он спешился, пожал мне руку и осмотрелся. Увидев спящих в зарослях гуляк и рядом с ними бочонок из-под бренди, он с пониманием и укоризной покачал головой.

— Пьяные?

Я кивнул.

— Все?

— Да. Мистер Бэнкрофт собрался ехать к вам, вот и выпили на посошок. Сейчас разбужу его.

— Погодите! — прервал он. — Я хотел бы поговорить с вами без свидетелей. Отойдем в сторону и не будем пока будить их. Кто эти трое, что стояли с вами, когда мы подъехали?

— Это Сэм Хокенс, Дик Стоун и Билл Паркер, наши проводники, люди, вполне заслуживающие доверия.

— Ах, Хокенс, этот чудак. Он честный мальй, я слышал о нем. Пусть все трое пойдут с нами.

Я выполнил его просьбу и поинтересовался:

— Вы здесь по собственной инициативе, мистер Уайт, или произошло что-то серьезное?

— Отнюдь. Хотелось только убедиться, все ли здесь в порядке, и заодно поговорить с вами. На нашем секторе мы уже все закончили, а тут, как я вижу, работы еще непочатый край.

— Виной тому сложный рельеф. Я собираюсь...

— Знаю, знаю! — прервал он меня. — Мне все известно. Если бы не вы, Бэнкрофт все еще топтался бы в самом начале сектора.

— Ну, не совсем так, мистер Уайт. Уж не знаю, кто ввел вас в заблуждение, будто я один работаю, так что из чувства справедливости...

— Спокойно, сэр, спокойно. Посыльные регулярно ходили от нас к вам и обратно, так что мне известно истинное положение дел. Очень благородно с вашей стороны, что вы вступаетесь за этих пьянчуг и лодырей, но мне хотелось бы знать правду. Раз уж вы скромничаете, придется расспросить Сэма Хокенса.

Мы направились к палатке. Уайт, усевшись перед ней на траву, жестом предложил нам сделать то же самое, и принялся расспрашивать Сэма Хокенса, Стоуна и Паркера, которые без обиняков выложили ему всю правду. Все мои попытки вступить за товарищей Уайт моментально пресекал, советуя не тратить напрасно слов.

Узнав все, что требовалось, Уайт попросил показать наши чертежи и

мой дневник наблюдений. Я мог бы не выполнить его просьбу, но мне не хотелось обижать хорошего человека, к тому же я чувствовал, что он расположен ко мне.

Уайт очень внимательно просмотрел материалы и поинтересовался, не я ли автор чертежей. Я не стал отпираться, так как действительно ни один из нашей веселой компании не сделал на них ни одной черточки, не вписал ни одной буквы.

— Из дневника не понять, сколько работы выполнил каждый в отдельности. Пожалуй, вы слишком далеко зашли в своем достойном похвалы чувстве товарищества, — сказал Уайт.

Посмеиваясь, Сэм посоветовал:

— Загляните к нему в карман, мистер Уайт. Возможно, там найдется нечто жестяное, такое, знаете, в чем бывают сардины. Сардин, правда, давно нет, но зато есть кое-что бумажное. По-видимому, личный дневник, если не ошибаюсь. Там-то уж наверняка все описано иначе, нежели в официальном отчете, где он пытается покрыть нерадивых товарищей.

Хокенс знал, что я веду записи для себя и держу их в жестянке из-под сардин. Мне стало досадно, что он выдал мою тайну. Уайт попросил показать мои личные записи. Что ж мне оставалось делать? Да и заслужили ли мои коллеги, чтобы я покрывал их, один надрываясь на работе, в то время как они лишь пьянствовали да посмеивались надо мной?

Мстить я не собирался, но и Уайту не хотелось противоречить. Я отдал дневник с непременным условием, что он никому не расскажет о его содержании. Закончив чтение, Уайт вернул мне его со словами:

— В принципе, я должен взять эти записки с собой и передать начальству. Ваши коллеги — негодяи, не стоящие ломаного гроша, а вам надо оплатить работу за троих. Впрочем, это дело ваше, но советую припрятать получше этот дневник, он наверняка еще пригодится. А теперь давайте разбудим этих славных джентльменов.

Поднятый им шум разбудил «джентльменов», и они выползли из зарослей, всклокоченные, с опухшими лицами. Бэнкрофт со злости, что его разбудили, принялся было браниться, но притих, узнав, что приехал мистер Уайт. Старший инженер, по своему обыкновению, для начала предложил выпить, что с его стороны было весьма опрометчиво. Пользуясь случаем, Уайт прочел ему такую проповедь, которой тот отродясь не слышал. Некоторое время Бэнкрофт озадаченно молчал, потом вдруг подскочил к Уайту и, схватив его за плечо, закричал:

— Сэр, кто вы такой?

— Я — Уайт, старший инженер соседнего сектора.

— И кто-нибудь там командует вами?

— Думаю, что нет.

— То-то, а я — Бэнкрофт, старший инженер этого сектора, и никто не вправе тут командовать мною, а уж тем более вы, мистер Уайт!

— Ну что ж, — спокойно возразил мистер Уайт, — мы равны, и никто из нас не вправе приказывать другому, но мой долг — указать на ошибки и недостойное поведение, если они наносят вред общему делу. Вы ищете смысл жизни на дне бочки с бренди, да и ваши подчиненные, все шестнадцать человек, лежали мертвецки пьяные, когда я приехал сюда два часа назад.

— Два часа назад? Вы уже столько времени здесь находитесь?

— Разумеется. Я успел уже посмотреть чертежи и узнать, кто их делал. Вы тут жили как в раю, а всю работу взвалили на одного человека, к тому же самого молодого из вас.

Услышав такое, Бэнкрофт прошипел мне:

— Успели настроить его против нас? Не отпирайтесь, подлый обманщик и предатель!

— Ошибаетесь, — возразил мистер Уайт, — ваш молодой коллега поступил как настоящий джентльмен: говорил о вас только хорошее и всячески пытался выгородить. Так что советую извиниться перед ним.

Бэнкрофт издевательски захохотал:

— Извиниться перед ним? Да ни за что на свете! Гринхорн не в состоянии отличить треугольник от квадрата, а воображает себя геодезистом! Из-за него-то мы и не успели в срок сделать работу, ведь он только все путает и портит чертежи, а теперь еще, вместо того чтобы чистосердечно признаться в этом, воспользовался случаем и наговорил на нас...

Закончить он не успел. Многие месяцы я терпеливо сносил насмешки и издевательства этих людей, но тут мое терпение лопнуло. Схватив Бэнкрофта за плечо, я так сильно сжал его, что тот вскрикнул от боли.

— Мистер Бэнкрофт, вы выпили слишком много и не успели еще проспать. Вы пьяны, поэтому будем считать, что я не слышал ваших оскорблений в мой адрес, — произнес я.

— Я — пьян? Да вы с ума сошли! — завопил он.

— Да, вы пьяны и не отдаете отчета в том, что говорите, не то за умышленное оскорбление я бы просто ударил вас, как последнего негодяя. Ясно? Так вы пьяны или нет?

Я не отпускал Бэнкрофта. Он не был трусом, да и силой его бог не обделил, но выражение моего лица, видимо, напугало его. Признаться, что

он пьян, Бэнкрофту не хотелось, но и возразить не хватало мужества. Он попытался найти выход из неловкого положения, обратившись к начальнику наших вестменов;

— Мистер Рэттлер, неужели вы позволите, чтобы этот человек поднял на меня руку? Ведь вы тут для того, чтобы охранять нас!

Рэттлер, мощного сложения вульгарный тип и постоянный собутыльник Бэнкрофта, не выносил меня и с удовольствием воспользовался случаем, чтобы свести со мной счеты.

— Нет, этого я не могу позволить, мистер Бэнкрофт. Сопляк не износил еще своих первых чулочков, а уже осмеливается угрожать взрослым мужчинам, да еще в присутствии посторонних? Не смей поднимать руку на мистера Бэнкрофта, гринхорн! — он схватил меня за плечо, точь-в-точь как я Бэнкрофта.

Хорошо, что это сделал именно он — более достойный по силе противник, чем старший инженер. Если я проучу его, это придаст мне больше веса, чем победа над Бэнкрофтом. Я вырвал руку и с вызовом переспросил:

— Это я-то гринхорн? Сейчас же возьмите свои слова назад, мистер Рэттлер, иначе я разделаю вас под орех!

— Что? — засмеялся тот. — Этот гринхорн воображает...

Он не закончил: я ударил его кулаком в висок, и он тяжело, как подкошенный, рухнул на землю.

Все ошарашенно молчали, затем один из приятелей Рэттлера в ярости проревел:

— Ко всем чертям! Мы что же, спокойно будем смотреть, как гринхорн бьет нашего начальника? А ну-ка всыпем ему по первое число! — И он кинулся было на меня, но я выхватил из-за пояса оба револьвера и угрожающе произнес:

— Ну, кто смелый? Подходи!

Это охладило пыл банды Рэттлера. Они нерешительно поглядывали друг на друга, а я продолжал:

— Слушайте, вы! Кто приблизится ко мне хотя бы на шаг, получит пулю в лоб! Гринхорн я или нет, но справляюсь с дюжиной таких вестменов, как вы!

Тут рядом со мной встал Сэм Хокенс и сказал:

— Учтите, этот юноша под моей защитой. Я продырявлю голову любому, кто хоть пальцем тронет его. Прошу зарубить это себе на носу. Я не шучу. Хи-хи-хи!

Дик Стоун и Билл Паркер встали рядом с нами, и это произвело

должное впечатление на противников. Они отступили и, бормоча себе под нос проклятия, занялись лежавшим на земле Рэттлером, пытаясь привести его в чувство. Бэнкрофт благоразумно скрылся в палатке.

Уайт смотрел на меня широко раскрытыми от удивления глазами. Покачав головой, он сказал:

— Однако, сэр, не хотел бы я попасться вам под горячую руку. Одним ударом вы уложили на землю такого громилу. Надо же так точно ударить. Ну и разящая же у вас рука! Никогда ничего подобного не видел.

Сэм Хокенс весело хохотнул:

— Шеттерхэнд!^[4] Хи-хи-хи! Такое воинственное прозвище у гринхорна! Прямо совсем как Файерхэнд,^[5] а ведь этого имени удостоен опытейший вестмен. Дик! Билл! Как вам нравится прозвище Шеттерхэнд?

Что они ответили — не знаю, так как Уайт, взяв меня за руку, отвел в сторону и сказал:

— Вы мне очень нравитесь, сэр. Может, перейдете ко мне?

— Хотел бы, но не могу.

— Почему?

— Мой долг — закончить работу здесь.

— Я беру это на себя.

— Вы меня не поняли. Я перестану себя уважать, если брошу работу, не завершив ее.

— Но ведь Бэнкрофт может ее закончить с теми тремя.

— Сомнительно, да и когда это будет?

— Подумайте, ведь вам небезопасно здесь оставаться.

— Почему?

— Вы еще спрашиваете? Неужели вы еще не поняли, что теперь эти люди ваши лютые враги?

— Может быть, и так, но я не боюсь. И потом, своим поступком я завоевал их уважение. Теперь вряд ли кто-нибудь отважится полезть ко мне. Кроме того, за меня стоят горой Хокенс, Стоун и Паркер.

— Дело ваше. Вольному — воля. А мне бы вы оченьгодились. Но хоть проводить меня вы не откажетесь?

— Когда?

— Сейчас.

— Вы уже уезжаете, мистер Уайт?

— Разумеется, долго гостить здесь — сомнительное удовольствие.

— Но хоть перекусите перед дорогой.

— Это лишнее. У меня в переметных сумках есть все необходимое.

— Вы не проститесь с Бэнкрофтом?

— Нет.

— Но вы же приехали поговорить с ним о делах?

— О делах я поговорил с вами, ведь в них вы разбираетесь лучше его.

И еще я хотел предупредить вас, что индейцы где-то рядом.

— Вы их видели?

— Нет, но их следы попадаются все чаще. В это время года кочуют на юг стада мустангов и бизонов, и краснокожие покидают свои стоянки, чтобы охотиться на них. Кайова можно не опасаться, с ними есть договоренность о строительстве железной дороги, а вот команчи и апачи не знают о нашем договоре, и лучше не попадаться им на глаза. Мы в своем секторе работы закончили и покидаем эти края, так что бояться нам уже нечего, а вот вам следует поостеречься и поспешить. Здесь становится весьма опасно... А теперь седлайте коня и спросите, не хочет ли Сэм Хокенс составить нам компанию.

Сэм, конечно, хотел. Я отправился в палатку Бэнкрофта и сообщил, что сегодня работать не буду, а вместе с Хокенсом еду провожать Уайта. В ответ услышал:

— Катитесь ко всем чертям! Может, шеи себе свернете!

Кто бы мог предположить, что это «ласковое» пожелание чуть не сбылось!

Уже несколько дней я никуда не выезжал, и мой пегий жеребец радостно заржал, когда я принялся его седлать. Кстати, он оказался замечательным конем, и я уже предвкушал, как буду рассказывать об этом старине Генри.

Мы неспешно ехали в блеске прекрасного осеннего утра, рассуждая о строительстве новых железных дорог и других делах, близких нашему сердцу. Уайт дал несколько дельных советов о том, как лучше соединить наши участки.

Около полудня мы сделали привал возле ручья, чтобы отдохнуть и перекусить, а затем Уайт с проводником отправились дальше, а мы с Сэмом немного отдохнули, изредка переговариваясь.

Пора было в путь, и я нагнулся над ручьем, чтобы зачерпнуть воды. Вода в ручье была кристально-чистая. И вдруг на дне я увидел следы человека и показал их Сэму. Он долго рассматривал их, а потом сказал:

— Уайт был совершенно прав: индейцы рядом.

— Вы считаете, что это след индейца?

— Да, это след индейских мокасин. Что скажете, сэр?

— Да ничего.

— Но вы же должны при этом что-то предполагать, ощущать, думать, наконец!

— Думаю, что здесь был краснокожий.

— То есть вы хотите сказать, что вам совершенно не страшно?

— Нисколько.

— Признайтесь, что вы встревожились.

— Тоже нет.

— Значит, вы просто не знаете краснокожих!

— Вот и узнаю. Они, наверное, такие же люди, как и мы: враги своих врагов и друзья своих друзей. Во всяком случае, я не собираюсь враждовать с ними, и, думаю, мне нечего их опасаться.

— Вы гринхорн, и, похоже, останетесь им навсегда. С краснокожими все зависит от чистой случайности, а не от вашей воли. Вы убедитесь в этом на собственном опыте, и я от души желаю, чтобы за драгоценный опыт вам не пришлось поплатиться какой-либо частью тела, не говоря уже о жизни.

— Как по-вашему, когда краснокожий прошел здесь?

— Вероятно, уже дня два назад, иначе его следы были бы заметны и на траве, а сами видите — она нигде не примята.

— Думаете, это разведчик?

— Да, он выслеживал бизонов. Сейчас между многими племенами заключено перемирие, так что вряд ли это военный разведчик. Он был очень неосторожен, как видно, молодой еще. Опытный воин никогда не ступит в такой мелкий ручей, ведь на его дне след остается надолго. Здесь прошел гринхорн вроде вас, только краснокожий. Хи-хи-хи!

Тихо посмеиваясь себе под нос, Сэм встал, чтобы оседлать коня. Я уже привык к тому, что он постоянно называл меня гринхорном, и не обижался, зная, что он желает мне только добра.

Мы могли бы вернуться прежней дорогой, но мне необходимо было разведать трассу, поэтому мы немного отклонились в сторону и поехали параллельно уже известной дороге.

Вскоре мы выехали к широкой долине, буйно заросшей травой. Вокруг возвышались холмы, покрытые у подножия густым кустарником. На вершинах темнел лес. Небольшая, всего на полчаса пути, долина хорошо просматривалась. Не успели мы проехать и несколько шагов, как Сэм Хокенс вдруг остановил коня и стал внимательно вглядываться в даль.

— Ага, ладненько, вот и они! — крикнул он. — Первые в этом году!

— Что это? — спросил я, увидев вдалеке восемнадцать, а может, и двадцать медленно передвигающихся точек.

— Что? — передразнил он, оживленно крутясь в седле. — И не стыдно спрашивать? Ах, да чего еще и ожидать от вас? Гринхорн порой не видит даже того, что у него под носом! Ну-ка, сэр, попробуйте отгадать, что это за существа передвигаются вон там, куда устремлены ваши прекрасные глаза?

— Попробую. Олени? Но их стада насчитывают обычно не больше десяти особей. К тому же, учитывая расстояние, следует предположить, что эти животные крупнее оленей.

— Олени? Хи-хи-хи! — от души веселился Сэм. — Здесь, в горах, у истоков Канейдиан? Ну и шутник вы, сэр. Распотешили старика, ничего не скажешь. А вот насчет того, что эти животные крупнее оленей, тут вы правы.

— Дорогой Сэм, уж не бизоны ли это?

— Конечно, бизоны, настоящие кочующие бизоны, первые в этом году. Правду сказал мистер Уайт — бизоны и индейцы. Мы не видели индейцев, но обнаружили их следы. А бизоны — вот они перед нами во всей своей красе. Что вы на это скажете, чтоб мне лопнуть? Хи-хи-хи!

— Едем к ним!

— Разумеется! И что дальше?

— Я хочу посмотреть на них!

— Посмотреть? И только-то? — с неподдельным удивлением спросил Сэм.

— Ну да, я еще никогда в жизни не видел бизонов и хотел бы хорошенько рассмотреть их.

Меня, как зоолога, давно интересовали бизоны. Похоже, Сэм Хокенс и в самом деле не понимал этого.

— Посмотреть, всего лишь посмотреть? Ну точно малец, подсматривающий в дырочку за кроликами! Нет, этот гринхорн выведет-таки меня из терпения! Я лично не собираюсь глядеть на бизонов, я буду на них охотиться.

— Сегодня, в воскресенье?

У меня это вырвалось совершенно произвольно, но Сэм Хокенс разозлился не на шутку:

— Умоляю, сэр, помолчите! Разве настоящий охотник спрашивает, какой сегодня день, видя перед собой первых бизонов? Ведь это мясо! Понимаете, мясо, да еще какое, чтоб мне лопнуть! Кусок бизоньего окорока — самое вкусное, что есть на свете, лучше, чем небесная амброзия, или как там ее, чем питались боги древних греков? Я должен добыть окорок, или я буду не я! Нам везет, ветер дует в нашу сторону. И солнце светит удачно, на наш склон, а вон правее густая тень. По ней мы и поедем, чтобы бизоны не

сразу нас заметили. Вперед, быстрее!

Он осмотрел свою Лидди, проверил, заряжены ли оба ствола, и пустил коня в галоп. Я последовал его примеру и так же внимательно обследовал флинт. Заметив это, Сэм осадил коня.

— Никак, вы тоже собираетесь поохотиться? — поинтересовался он.

— Конечно!

— Выкиньте дурь из головы! Бизон — не канарейка, которую сажают на пальчик и приказывают ей петь. Вы и глазом не моргнете, как они затопчут вас насмерть. Не раз еще взойдет солнце и не одна буря пронесется над Скалистыми горами, прежде чем вы наберетесь достаточно опыта, чтобы пойти на бизона.

— Все же я попробую.

— Молчите и слушайте! — прервал он не терпящим возражений тоном, какого я от него никогда еще не слышал. — Я не возьму греха на свою душу, ведь вы лезете прямо в пасть смерти!

Я не терплю грубого обращения и любому дал бы достойную отповедь, но это был Сэм, и я молча поехал вслед за ним, придерживаясь тени, отбрасываемой лесом.

— Я вижу, их штук двадцать, — сказал Сэм уже более мягким тоном, — а представьте себе, как несется по прерии тысяча бизонов. Мне приходилось видеть стада по десять тысяч и больше. Бизоны — хлеб для индейцев, и вот белые отнимают его у них. Краснокожие щадят животных и убивают их лишь в меру надобности, белые же, подобно хищным зверям, опьяненные кровью, истребляют несметные стада, убивают даже тогда, когда сыты. Вскоре исчезнет последний бизон, а вместе с ним и индейцы. Храни их Господь!

То же происходит и с табунами мустангов, — продолжал Сэм. — До недавнего времени здесь паслись табуны по тысяче и более голов, а теперь радуешься, увидев хотя бы сотню.

Незаметно для бизонов мы приблизились к ним на расстояние около четырехсот шагов, и Хокенс остановил коня. Животные мирно паслись, медленно двигаясь по долине. Впереди шел старый бык. Какой же он был огромный! Наверняка выше двух метров в холке, а длиной не меньше трех!

Тогда я еще не умел определять на глаз вес бизона, но этот весил не менее тридцати центнеров — огромная гора мяса и костей! Увидев грязную лужу, бизон с наслаждением плюхнулся в нее.

— Это вожак стада, — шепнул Сэм, — самый опасный. Идя на такого, следует запастись заверенным у нотариуса завещанием. Я беру на прицел молодую корову, ту, что справа за ним. Обратите внимание, куда я ей

влеплю пулю — под лопатку, наискосок, самый верный способ, если не считать выстрела в глаз. Но стрелять в глаз, когда бык идет на вас, — на это может решиться только сумасшедший. Намотайте себе на ус. А теперь спрячьтесь с лошадей в кустах. Как только бизоны меня увидят, они обратятся в бегство и промчатся мимо вас. И не смейте покидать своего укрытия, пока я не вернусь.

Лишь убедившись, что я хорошенько спрятался в кустах, Сэм покинул меня.

Я не раз читал, как охотятся на бизонов, но все же существует разница между тем, что написано в книгах, и действительностью. В тот день я впервые в жизни увидел бизонов. Животные, на которых мне приходилось охотиться, не шли ни в какое сравнение с этими опасными гигантами. И все-таки я не подчинился приказу Сэма, хотя поначалу и решил только понаблюдать за ними. Непреодолимое желание поохотиться было сильнее меня. Сэм решил убить только молодую корову. Для этого не нужно особой смелости. Настоящий мужчина берет на прицел самого мощного быка!

Мой конь в беспокойстве перебирал копытами. Он тоже впервые видел бизонов, боялся и готов был обратиться в бегство. С большим трудом я удерживал его на месте, размышляя, как поступить. Решение пришло само собой.

Когда до бизонов оставалось шагов триста, Сэм пришпорил коня и пустил его вскачь. Поравнявшись с вожаком, он объехал его, чтобы приблизиться к намеченной корове. Сбитый с толку бык и не помышлял о бегстве, а Сэм на скаку выстрелил в корову. Она вздрогнула, голова ее поникла, но я не увидел, упала она или нет, так как иная картина привлекла мое внимание.

Гигантский вожак ошалело уставился на Сэма. Какое же это было мощное животное! Высоко посаженная голова с широким лбом и короткими, но крепкими изогнутыми рогами, густая свалывшаяся шерсть на загривке и груди, поднимающийся к передним лопаткам мощный хребет — могучее, прекрасное создание словно олицетворяло собой первобытную стихию. Да, это был опасный противник, и тем более мне хотелось помериться с ним силой.

Не знаю, то ли я отпустил поводья, то ли конь сам понес, только мой пегий вдруг выскочил из зарослей и поскакал налево, не разбирая дороги. Я же заставил его развернуться и погнал прямо на быка. Услышав топот, бизон повернулся, увидел меня и пригнул голову, готовясь поднять на рога и коня и всадника.

Сэм Хокенс что-то громко кричал, но у меня уже не было возможности

оглянуться. Выстрелить в быка я тоже не мог, тот стоял неудобно для выстрела, да к тому же конь, не слушаясь поводыев, ведомый страхом, летел прямо на грозного исполина. Бык широко расставил задние ноги и приготовился поднять коня на рога. Я напряг все силы, и мне удалось свернуть пегого в сторону: он встал на дыбы и огромным прыжком пролетел над быком, так что удар страшных рогов пришелся в пустоту. Коня несло к луже, где незадолго до этого принимал грязевые ванны бизон. К счастью, я вовремя это заметил и успел выдернуть ноги из стремян до того, как пегий поскользнулся и вместе со мной повалился в грязь. Я тут же вскочил на ноги, крепко сжимая карабин. До сегодняшнего дня не могу понять, как мне это удалось.

Развернувшись в нашу сторону, бизон неуклюже, но стремительно припустился к успешному подняться коню. Когда бык повернулся ко мне боком, я вскинул ружье. Только несколько шагов отделяли бизона от жеребца. Я спустил курок. Гигант замер на месте — то ли испугавшись звука выстрела, то ли потому, что пуля угодила в цель. Я выстрелил еще раз. Медленно подняв голову, он заревел, да так страшно, что у меня мурашки побежали по спине. А потом пошатнулся и тяжело рухнул на землю.

На победные кличи не было времени, потому что скакавшего по другой стороне долины Сэма Хокенса преследовал бык не меньших размеров, чем тот, которого я только что убил. А как известно, в скорости бизон не уступает лошади и в ярости преследует свою жертву по пятам. Конь Сэма выдохся, скакал все медленнее, и бык, казалось, вот-вот настигнет его.

Я поскорее зарядил оба ствола и кинулся на помощь Сэму, даже не удостоверившись, мертв ли мой бизон. Хокенс заметил меня и развернул коня в мою сторону, совершив тем самым роковую ошибку: теперь его конь был открыт для нападения. Нагнув голову, бизон одним махом подцепил коня вместе с всадником на рога и, швырнув их на землю, принялся остервенело бодать.

Меня отделяло от них не менее ста пятидесяти шагов, но медлить было нельзя. Разумеется, вернее было стрелять с более близкого расстояния, но опоздай я на секунду, и Хокенс бы погиб. Делать нечего: даже если не попаду точно в цель, то хоть отвлеку разъяренное чудовище от моего друга. Остановившись, я прицелился быку под левую лопатку и выстрелил. Тот поднял голову, будто прислушиваясь, медленно повернулся, заметил меня и бросился в мою сторону, но движения его замедлились. Перезаряжая ружье, я видел краем глаза, как на меня надвигается живая

гора. Вот он уже в тридцати шагах! Раненый бизон явно терял силы и бежал все медленнее, но все же расстояние между нами сокращалось. Я уже отчетливо различал налитые кровью глаза на мощной, пригнутой к земле голове. Казалось, сам неотвратимый рок надвигается на меня.

Встав на колени, я прицелился. Мое движение заставило быка поднять голову, его глаза оказались на уровне прицела, и я, не теряя ни секунды, выстрелил из обоих стволов. Короткая дрожь пробежала по телу, и исполин грянулся оземь. Я было бросился к кругу, но Сэм собственной персоной стоял уже рядом со мной. Слава Богу, жив!

— Вы не ранены?

— Вовсе нет! — ответил он. — Только болит правое бедро... Или левое?

— А конь?

— Бедняге уже не помочь. Он, правда, еще дышит, но бизон вспорол ему живот. Надо бы пристрелить, чтобы бедное животное не мучилось! А что с бизоном?

— Сейчас посмотрим.

Подойдя к быку, мы убедились, что он не дышит.

— Ну и досталось же мне от этого старого разбойника! Корова обошлась бы со мной нежнее. Впрочем, от быков трудно ожидать, чтобы они вели себя как изысканные леди, хи-хи-хи!

— С чего это он вдруг так на вас взъярился?

— А вы разве не видели?

— Нет.

— Я застрелил корову, но не смог справиться с конем и налетел на быка. Тот и принялся за меня всерьез. Правда, я послал ему пулю из второго ствола, но это его не остановило; он принялся напропалую ухаживать за мной, а я никак не мог ответить ему взаимностью. Негодник так распоясался, что даже не дал мне перезарядить ружье, и я отбросил бесполезную железку. Двумя руками я успешнее правил конем, чтоб мне лопнуть! Бедная кляча старалась изо всех сил, но это нас не спасло.

— А все потому, что вы коня повернули. Ехали бы по дуге — и не подставились бы быку.

— Гляди-ка! Гринхорн, а как здраво рассуждает!

— Что ж, и от гринхорнов тоже польза бывает.

— Справедливо. Если б не вы, лежать мне сейчас с распоротым животом, как и моей лошади. Пойдемте-ка к ней!

Несчастное животное было мертво. Сэм со вздохом снял узду и седло:

— Придется самому стать лошадьёю и взгромоздить седло на спину.

Вот что бывает, когда напорешься на быка!

— Как же вы теперь обойдетесь без коня?

— Не волнуйтесь, поймаю себе какую-нибудь лошадку.

— Мустанга?

— Да. Бизоны уже появились, значит, вскоре жди и мустангов.

— Я с вами, ладно?

— Конечно. И это вам надо познать. А теперь идем посмотрим, как там наш бычок. Такие мафусаилы.^[6] обычно очень живучи.

Но бык был уже мертв, и только сейчас по достоинству можно было оценить его гигантские размеры.

Сэм поглядывал то на меня, то на бизона и качал головой.

— Непостижимо, просто непостижимо, — отозвался он наконец. —

Вы хоть знаете, куда попали?

— Ну и куда?

— В самое нужное место. Опасное животное! Я бы десять раз подумал, прежде чем приставать к такому исполину. Знаете, кто вы?

— Кто?

— Самый легкомысленный человек на свете.

— Ого!

— Да, да, самый легкомысленный!

— Чем-чем, а легкомыслием я никогда не страдал.

— Значит, с сегодняшнего дня стали. Ясно? Я же строго-настрого запретил вам выходить из кустов и лезть к бизонам. Почему вы не послушались?

— Сам не знаю.

— Выходит, совершаете поступки, не задумываясь? Без всякой причины? Это ли не легкомыслие?

— Думаю, нет. Наверняка я о чем-то думал. И причина была.

— Какая же?

— Вы мне приказали, а я приказов не терплю.

— Даже если вас из добрых побуждений предостерегают от опасностей, вы упрямо лезете на рожон!

— Не для того я отправился на Дикий Запад, чтобы отсиживаться в кустах!

— Прекрасно! Но не забывайте: вы гринхорн, значит, надо быть осторожным. А коль скоро нарушили мой приказ, почему выбрали именно этого огромного бизона, а не молодую корову?

— Да как-то не по-рыцарски...

— По-рыцарски? Вы что ж, возомнили себя рыцарем, чтоб мне

лопнуть, хи-хи-хи!

И он схватился за живот, а вволю насмеявшись, продолжал:

— Чтобы стать Баяром или Роландом,^[7] надо совершить множество подвигов, а потом влюбиться в бизоницу и каждый день на закате ждать свидания с возлюбленной. Тогда, может быть, в один прекрасный вечер, вы и окажетесь... желанной добычей койотов и грифов... в виде трупа. Зарубите себе на носу, настоящий вестмен никогда не раздумывает, по-рыцарски он поступает или нет, главное будет ли польза.

— Я именно о ней думал! Ведь в быке мяса больше!

Сэм озадаченно замолчал, а потом произнес:

— Больше мяса? Этот гринхорн застрелил быка ради мяса! Хи-хи-хи! Уж не сочли ли вы меня трусом за то, что я выбрал корову?

— Нет, просто подумал — благороднее помериться силами с более опасным противником!

— И есть мясо старого бугая? Умно, ничего не скажешь! У этого быка на хребте — груз двадцати прожитых лет, и, кроме шкуры, костей да жил, в нем больше ничего нет. Мясо его уже и не мясо вовсе, а дубленая шкура, не прожужешь, хоть вари целый день. Любой опытный охотник непременно предпочтет быку корову, мясо ее нежнее и вкуснее. Ох, какой же вы гринхорн! А теперь расскажите мне о вашей охоте на бизона, у меня не было времени наблюдать за вами.

Я подробно поведал ему обо всем, а когда закончил, Сэм вновь смерил меня оценивающим взглядом и, покачивая головой, промолвил:

— Приведите вашего коня, погрузим на него мясо.

Я отправился за конем. Откровенно говоря, мне было немного обидно. И не в том дело, что хотелось услышать похвалу, я ждал хоть какого-то одобрения. А тут — ни слова. Вот, за конем послал...

Когда я вернулся, Сэм, сидя на корточках перед убитой коровой, ловко снимал шкуру с задних ног и вырезал окорок.

— Вот, — сказал он, — на сегодняшний вечер у нас будет жаркое. Погрузим мясо вместе с моим седлом на вашего скакуна — и в путь. Учтите, это мясо предназначается только нам, да еще Дику и Биллу. Если остальным тоже захочется полакомиться, пусть сами отправляются за ним.

— Если к тому времени тушу не расклюют птицы и не сожрут дикие звери.

— Скажите какой умник! Само собой разумеется, мы прикроем корову ветками и заложим камнями, и тогда уж только медведь или другой какой крупный зверь сможет добраться до нее.

Я срезал с ближайших кустов несколько толстых веток и натаскал

камней потяжелее. Мы хорошенько накрыли корову, затем нагрузили моего пегого и отправились в обратный путь.

— А что сделаем с вожаком стада?

— А что с ним можно сделать?

— Нам ничего не пригодится?

— Абсолютно ничего.

— И шкура тоже?

— Может, вы — специалист по выделке шкур? Я нет!

— Я читал, что шкуры убитых бизонов прячут в специальных тайниках.

— Вы об этом читали? Коль так, значит, правда. Ведь все, что пишут о Диком Западе, — правда, чистая правда. Хи-хи-хи! Впрочем, есть охотники, убивающие зверей ради их шкур. Я сам когда-то так делал, но сейчас у нас другие планы, не тащить же эту тяжесть с собой!

Мы довольно быстро добрались до лагеря. Оказалось, долина, где я уложил двух первых в своей жизни бизонов, находилась всего в получасе ходьбы от лагеря. Увидев нас возвращающихся пешком, наши товарищи пришли в удивление.

— Мы охотились на бизонов, и один из них распорол живот моей лошади, объяснил Сэм Хокенс.

— Они охотились на бизонов... на бизонов... — доносилось со всех сторон. — Где это, где?

— В получасе ходьбы отсюда. Себе мы принесли бизоний окорок, а остальное — ваше. Берите, не стесняйтесь.

— Возьмем, конечно! — вскричал Рэттлер, делая вид, будто между нами ничего не произошло. — Где это место?

— Поезжайте по нашему следу, найдете, глаза-то у вас на месте, чтоб мне лопнуть!

— Много было бизонов?

— Двадцать.

— А скольких убили вы?

— Одну корову.

— Только-то! А где остальные бизоны?

— Исчезли! Можете поискать. Я не догадался спросить, куда они направились! Хи-хи-хи!

— Неужели двум опытным стрелкам удалось убить только одну корову... презрительно бросил один из них.

— Убейте больше, если сможете, сэр! Вы бы не успокоились, пока не убили бы все двадцать, да еще парочку. Впрочем, там найдете

двадцатилетних быков, которых застрелил этот молодой человек.

— Быки, старые быки! — закричали кругом. — Чтобы стрелять в двадцатилетних быков, надо действительно быть гринхорном.

— Смейтесь, господа, смейтесь, но этот гринхорн спас мне жизнь.

— Жизнь? А как это было? — они пристали к Сэму с расспросами, но тот заявил:

— У меня нет желания говорить об этом, порасспросите его самого, однако замечу, вряд ли удобно отправляться за мясом в потемках.

Сэм был прав, солнце клонилось к закату, да и они уже знали мой характер и понимали, что я не стану распространяться о своих приключениях. Вот почему, быстро сев на лошадей, наши коллеги отправились за мясом — все вместе, так как не доверяли друг другу.

Среди порядочных охотников добыча, убитая одним, считается общей, но у этих людей чувство товарищества отсутствовало. Позднее я узнал, что они набросились на корову точно дикие звери и рвали мясо на куски чуть ли не руками, ссорясь и отталкивая друг друга. Каждый для себя, кто сколько мог, самый лучший, самый большой кусок — себе!

Они уехали, а мы освободили от ноши моего коня, и я отвел его в сторону, чтобы расседлать и стреножить. Сэм тем временем описывал наши приключения Паркеру и Стоуну. Нас разделяла палатка, и они не заметили, как я подошел с противоположной стороны и услышал весь рассказ Сэма.

— Поверьте, все так и было. Этот парень прицелился в самого большого, самого сильного быка и свалил его одним выстрелом, словно старый, опытный охотник. Конечно, я всыпал ему как следует за «легкомыслие», но я-то знаю цену такому выстрелу!

— Я тоже, — подтвердил Стоун. — Из гринхорна получится отличный охотник-следопыт.

— И совсем скоро, — долетел до меня голос Паркера.

— Да, — сказал Хокенс, — он вестмен от рождения. К тому же эта его необычайная физическая сила! Вы видели, как он вчера один вытянул тяжеленный воз? Где пройдет — там трава не скоро поднимается! И тем не менее я считаю, мы не должны хвалить его.

— Но почему?

— Иначе он зазнается.

— Да нет, вряд ли.

— Конечно, парень он бесхитростный, и все же никогда не следует слишком хвалить человека, даже самый скромный может зазнаться. А потому будем и впредь называть его гринхорном. У парня есть все задатки стать со временем настоящим вестменом, но их еще надо долго и упорно

развивать.

— Сэм, ты хоть поблагодарил его за то, что он спас тебе жизнь?

— И не подумал!

— Ну уж это ни в какие ворота не лезет!

— Мне все равно, чтоб мне лопнуть! Можешь считать меня неблагодарным, но я думаю о парне. Главное, чтобы он не заважничал и оставался таким, как есть. Хотя, признаюсь, я бы с удовольствием пожал ему руку и расцеловал в обе щеки!

Стоун расхохотался:

— Целоваться с тобой? Скажет же такое! Пожать руку — куда еще ни шло, но целоваться... Вот уж рассмешил!

— А что тут такого? — обиделся Сэм.

— Да ты хоть раз видел себя в зеркале? Нет? Ну так взгляни хотя бы на свое отражение в ручье. Зрелище малоприятное, должен тебе сказать.

— Ах, вот оно что! Хорошего же вы мнения обо мне! Значит, я страшилище, а ты, выходит, — красавец? Не задирай нос! Даю слово, на конкурсе красоты я возьму первый приз, а ты как раз останешься ни с чем, хи-хи-хи! Ладно, это к делу не относится, вернемся к нашему гринхорну. Я уже сказал, благодарить его не собираюсь, но когда мясо поджарится, он получит от меня самый лакомый кусок. И знаете, что еще я завтра сделаю?

— Интересно.

— Доставлю удовольствие нашему гринхорну.

— Каким образом?

— Дам ему возможность заарканить мустанга.

— Ты разве собираешься на мустангов?

— Ну да, ведь должен же я подумать о новом коне. А пока ты одолжишь мне своего. За бизонами придут мустанги. По-моему, их надо искать в долине, по которой пройдет дорога. Если мустанги уже появились в наших краях, то скорее всего мы найдем их там.

Дальше слушать я не стал, обогнул палатку и подошел к трем приятелям с другой стороны, чтобы они не догадались, что я подслушал разговор, не предназначенный для моих ушей.

У палатки горел костер. На огне поджаривался огромный кусок мяса. Хокенс ловко поворачивал вертел, сделанный из толстого сука и опиравшийся на рогадины по обе стороны костра. Интересно было наблюдать за ним — так сосредоточенно, даже с упоением он занимался стряпней.

Но вот наши коллеги тоже привезли мясо и тоже принялись его готовить. Они развели несколько костров, но для всех места не хватило,

каждый поджаривал кусок лишь для себя, поэтому многим пришлось довольствоваться полусырым мясом. Я действительно получил лучший кусок фунта на три и с большим удовольствием съел его до последнего кусочка. Но не спешите обвинять меня в обжорстве. Дело в том, что вестмену приходится поглощать очень много мяса, чтобы сохранить здоровье и силу. Ведь человеку кроме белков необходимо и определенное количество углеводов, которые в городе он получает с обычной пищей. Вестмен же месяцами вынужден питаться лишь одним мясом, и ему приходится поглощать его в огромных количествах, чтобы восполнить недостаток углеводов.

Я знал траппера, съевшего восемь фунтов мяса за один присест, а когда я спросил его, наелся ли он, тот, икая, ответил: «Вроде бы, ведь больше нет, но если уступите кусочек от своей порции, я с удовольствием съем и его».

За ужином только и говорили, что о нашей охоте на бизонов, причем я понял, что как только вестмены увидели убитых мной двух старых быков, их мнение о сделанной мною «глупости» изменилось.

Утром следующего дня я сделал вид, будто собираюсь приступить к работе, но тут появился Сэм Хокенс.

— Оставьте эти инструменты, сэр, вас ждет более интересное дело.

— Какое?

— Потом узнаете, а сейчас седлайте коня, и мы едем.

— На прогулку? Но мне надо работать.

— Вы уже достаточно потрудились. К тому же, думаю, к полудню мы вернемся, и тогда можете измерять и считать сколько вам заблагорассудится.

Предупредив Бэнкрофта, мы с Сэмом уехали. По дороге Сэм лукаво поглядывал на меня, а я делал вид, будто не догадываюсь о его намерениях. Мы ехали уже проложенной нами трассой.

Долина протянулась на четыре английские мили в длину и на две в ширину. Ее окружали поросшие лесом холмы, а посередине бежал широкий ручей, так что влаги вполне хватало и трава разрослась буйно.

С севера сюда можно было попасть через каньон, а с юга — по нашей трассе. Прибыв на место, Хокенс окинул равнину зорким взглядом и двинулся вверх по ручью. Я последовал за ним.

Внезапно Хокенс резко осадил коня, спешился и, перескочив через ручей, тщательно осмотрел примятую траву на другом его берегу, затем снова вскочил в седло и двинулся дальше, но уже не на север, а под прямым углом на запад, так что вскоре мы оказались в западной части долины. Тут

Сэм слез с коня и, стреножив, пустил его пастись. С момента обнаружения следов он не промолвил ни слова, но по его заросшему лицу, как солнечный луч по лесу, скользила улыбка явного удовлетворения. Он торжественно обратился ко мне со словами:

— Сэр, извольте спешиться и как следует стреножить коня. Будем ждать здесь.

— А зачем мне его как следует стреноживать? — спросил я, хотя прекрасно знал, в чем дело.

— А затем, чтобы не потерять. Я не раз был свидетелем, как в таких обстоятельствах кони убегали.

— В каких же это обстоятельствах?

— А вот подумайте!

— Мустанги?

— Как вы догадались? — спросил он удивленно, бросив на меня быстрый взгляд.

— Читал об этом!

— О чем?

— О том, что плохо стреноженные кони часто убегают с дикими мустангами.

— Черт вас возьми! Обо всем-то вы читали, такого нелегко удивить. Вот поэтому я предпочитаю людей, не умеющих читать.

— А вы хотели меня удивить?

— Да, мне хотелось преподнести вам маленький сюрприз.

— Устроив охоту на мустангов?

— Да.

— Разве это возможно? Одним из условий сюрприза является неожиданность, а вам все равно пришлось бы сказать мне о мустангах еще до их появления.

— Гм, верно! Послушайте, мустанги уже были здесь.

— Это их следы вы так внимательно изучали только что?

— Да. Они прошли здесь вчера. Это был авангард, что-то вроде разведки. Знайте, юноша, мустанги — очень умные животные. Они всегда высылают небольшие отряды вперед и на фланги, у них есть свои офицеры, совсем как в армии, а военачальник — старый и опытный жеребец. Пасутся ли они или переходят с места на место, стадо всегда окружают жеребцы, прикрывая кобыл и жеребят, которые держатся в самой середине. Вы помните, как обращаться с лассо?

— Разумеется.

— Хотелось бы заарканить хоть одного?

— Конечно.

— Сэр, еще до полудня вам представится такая возможность!

— Благодарю! Но я не воспользуюсь ею.

— Нет? Тысяча чертей! Почему?

— Мне не надо коня.

— Настоящий вестмен не смотрит на то, нужен ему конь или нет!

— Я иначе представлял себе благородного вестмена.

— Интересно, как именно?

— Вчера вы с горечью говорили о белых охотниках, убивающих сотни бизонов, хотя столько мяса им в жизни не съесть. Я тоже считаю, что это наносит вред животным и индейцам, ведь тем самым мы лишаем их пропитания. Вы согласны со мной?

— Конечно!

— Так же обстоит дело и с лошадьми. Не хочу напрасно лишать свободы ни одно из этих прекрасных животных. Зачем? Мне ведь конь не нужен.

— Правильно рассуждаете, сэр. Именно так должен думать, говорить и поступать каждый человек. Только с чего вы взяли, что лишите свободы мустанга? Просто-напросто предоставляется удобный случай на практике проверить то, чему я вас учил. Хочу устроить вам экзамен!

— Это другое дело. Согласен.

— Ну и прекрасно! А мне нужен хороший верховой конь. Теперь о деле. Я твердил вам много раз и еще повторяю: самое главное — крепко сидеть в седле и резко осадить коня в тот момент, когда лассо натянется и вы почувствуете рывок, иначе слетите с коня и мустанг потянет вас за собой. Считайте тогда — конь пропал, станете вы, сэр, жалким пешеходом, вроде меня.

Сэм собирался еще что-то сказать, но вдруг остановился на полуслове, показывая рукой на север. Там на горе показался одинокий конь. Он медленно двигался, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону и втягивая ноздрями воздух.

— Видите его? — шепнул Сэм, хотя конь и так не услышал бы нас. — Что я говорил? Вот и разведчик, который поскакал вперед, чтобы проверить, не опасны ли эти места. Вот бестия! Видите, как он шарит глазами по сторонам, как принюхивается? Нас он не учует, ветер дует в нашу сторону, я нарочно выбрал это место.

Мы видели, как мустанг пустился рысью сначала вправо, потом влево и наконец, развернувшись, скрылся в той стороне, откуда появился.

— Ну что скажете, сэр? — спросил Хокенс. — Заметили, как умно он

провел разведку, как использует каждый куст, чтобы не быть на виду, чтобы ветви прикрыли его от чужого взгляда! Индейский разведчик не сделал бы лучше.

— Заметил. Просто поразительно!

— Теперь он вернулся и докладывает своему четвероногому генералу, что путь свободен. Но тут они ошибаются! Хи-хи-хи! Держу пари, не позже чем через десять минут они будут здесь. Надо приготовиться к встрече.

— Как?

— Скачите быстро на тот край долины и ждите там, а я отправлюсь в другую сторону и укроюсь в лесу. Когда табун приблизится, я пропущу его мимо себя и поскачу вдогонку. Лошади помчатся на вас, вы выскочите из укрытия, и они повернут назад. Так и будем гонять их, пока не высмотрим пару подходящих коней. Тогда постараемся их задержать, я выберу себе лучшего, а второго отпустим. Согласны?

— Вы еще спрашиваете! Я ведь ничего не понимаю в этом деле, а вы мастер, и я буду во всем следовать вашим указаниям.

— Вот именно! Вы правы! Немало мустангов я заарканил, немало объездил, так что слово «мастер» как нельзя более подходит. А теперь — за дело, время не ждет, иначе не успеем укрыться.

Мы сняли путы с лошадей и разъехались в разные стороны. Сэм — на север, я — на юг, в самый дальний конец долины.

Я понимал, что тяжелый и длинный карабин будет стеснять мои движения, и с удовольствием избавился бы от него, но вспомнил главную заповедь вестмена: с оружием можно расстаться лишь в том случае, если абсолютно уверен в безопасности. Сейчас же в любую минуту мог появиться или индеец, или какой-нибудь зверь, поэтому я только поправил ремень на плече, чтобы во время скачки флинт не бил по спине.

Мне не терпелось увидеть мустангов. Остановившись на опушке леса, примыкающего к долине, я свернул лассо петлями и удобно пристроил под правой рукой, чтобы в любой момент можно было метнуть его, не забыв, конечно, привязать конец веревки к луке седла. Другой край долины был так далеко, что мустангов я заметил бы лишь после того, как Сэм погонит их в мою сторону. Прошло около получаса, и вот вдали показалось множество быстро приближающихся темных точек. Сначала они были величиной с воробья, потом с кошку, собаку, теленка и, наконец, обрели свои истинные размеры. На меня в диком испуге летели мустанги.

Как прекрасны эти животные! Пышные гривы и хвосты развевались по ветру, мелькали стройные ноги, земля дрожала от топота копыт. В табуне было около трехсот голов, а впереди мчался сивый жеребец, достойный

того, чтобы заарканить его и приручить. Однако никому из охотников прерий не пришло бы в голову ездить на лошади светлой масти — она слишком заметна.

Пора и мне показаться мустангам. Я выехал из-за деревьев на открытое пространство.

Увидев меня, вожак так резко остановился, будто его ранили в грудь. Лошади громко и тревожно заржали, как по команде «кругом», повернули назад, и сивый жеребец снова оказался впереди. Мустанги стремительно понеслись на другой конец долины, а я не спеша двинулся за ними; торопиться было некуда, теперь Хокенс снова погонит их на меня. Хотя лошади остановились передо мной лишь на краткий миг, мне почудилось, что среди них бежал один мул. Конечно, я мог и ошибаться, следовало присмотреться получше. Показавшееся мне мулом животное находилось в первых рядах, сразу за вожаком, видимо, кони не только считали его равным себе, но в их иерархии он занимал не последнее место.

Через некоторое время животные помчались снова в мою сторону, и все повторилось. Теперь я мог хорошенько приглядеться к ним. Ошибки быть не могло, среди мустангов находился один мул — саврасый, с темной полосой вдоль спины, он совсем неплохо смотрелся, хотя голова и уши у него были великоваты. Мулы менее прихотливы и более выносливы, чем лошади, а в горах они не испытывают головокружения. К сожалению, животные эти очень упрямы.

Иной раз они скорее умрут, чем сделают шаг вперед, даже если не навьючены и впереди дорога гладкая, как стол. Не хотят, и все тут!

Снова и снова рассматривал я привлекшее мое внимание животное и с каждым разом открывал в нем все больше и больше достоинств. Какая резвость, какая грация в движениях, какие блестящие, умные глаза! Словом, мул мне понравился, и я решил его изловить. Возможно, он убежал от хозяина и отправился вслед за кочующим табуном мустангов, где и остался.

Хокенс снова погнал лошадей на меня и приблизился настолько, что я уже его видел. Мустанги, потоптавшись на месте, свернули в сторону, а мы — за ними. Табун разделился, мул же остался рядом с вожаком, тем самым подтверждая свою необыкновенную выносливость и резвость. Я нацелился туда, где был мул, и понял, что Сэм собирается сделать то же самое.

— Обходите их, я слева, вы справа: — крикнул он мне.

Пришпорив коней, мы вскоре нагнали мустангов, прежде чем те достигли опушки леса. Лес — не совсем подходящее место для скачки, поэтому мустанги повернули назад, пытаясь проскочить между нами.

Чтобы не допустить этого, мы с Хокенсом рванули навстречу друг другу, а мустанги бросились врассыпную, точно стайка куропадок, на которых напал ястреб. Вожак и мул, оторвавшись от остальных, все же успели вырваться. Мы бросились вдогонку. Крутя лассо над головой, Сэм закричал:

— Эй, юноша! Что же вы делаете? Хотите заарканить сивку? Хи-хи-хи!

Я попытался объяснить свой замысел, но его громкий смех заглушил мои слова. Итак, он решил, что я охочусь за вожаком? Ну, ладно, уступлю ему мула.

Хокенс уже был около мула. Лассо взлетело, петля обвилась вокруг шеи животного. Теперь следовало осадить коня, чтобы удержаться в седле при рывке натянувшегося лассо. Сэм еще недавно учил меня этому. Он так и сделал, но чуть замешкался, и от мощного рывка его конь свалился. Сам Хокенс, перевернувшись в воздухе, грохнулся на землю. Конь тут же вскочил, натяжение лассо немного ослабло, мул вдохнул полной грудью и помчался вдаль, увлекая за собой коня Сэма, ибо лассо было приторочено к луке седла.

Я кинулся к Сэму на помощь, но тот уже поднялся на ноги, ругаясь на чем свет стоит:

— Разрази меня гром! Они убегают от меня, даже не попрощавшись, чтоб я лопнул!

— Вы не сильно ушиблись?

— Нет. Слезайте скорее и дайте мне своего коня!

— Зачем?

— Догнать беглецов. Ну, слезайте побыстрее!

— И не подумаю. Вы снова кувыркнетесь, и мы лишимся двух коней!

И я припустил за мулом, который ускакал уже далеко и мог бы вообще скрыться, если бы не конь Сэма. Тот не очень торопился и все время менял направление, что, естественно, сдерживало мула, поэтому я нагнал его без особого труда. Ухватившись за лассо, которым он был связан с конем, я сначала слегка отпустил мула, а сам с двумя конями поскакал позади, постепенно затягивая петлю. До определенной степени мне удавалось управлять мулом, от ослабляя, то натягивая лассо, и я заставил его, сделав полукруг, приблизиться к Сэму Хокенсу. Теперь петля с такой силой захлестнула шею животного, что бедняга не мог вдохнуть и рухнул на землю.

— Держите крепче, пока я не схвачу этого негодника, а потом отпусайте! — закричал Сэм.

Он подскочил к мулу и, несмотря на то, что тот здорово брыкался, встал рядом с ним и скомандовал:

— Давай!

Я отпустил лассо, мул получил возможность вдохнуть и подняться на ноги. В этот момент Сэм вскочил ему на спину. От ужаса мул на мгновение окаменел, а потом, придя в себя, принялся скакать, пытаясь сбросить всадника. Чего он только не вытворял! Кидался в стороны, падал то на передние, то на задние ноги, выгибал спину, словно разъяренный кот. Но Сэм сидел крепко.

— Ему не сбросить меня! — крикнул Сэм. — А сейчас он прибежит к последнему средству. Подождите здесь, вскоре я вернусь, он станет как шелковый!

Увы, Сэм ошибся. Мул вовсе не собирался убежать вместе с ним. Он вдруг бросился на землю и принялся кататься, угрожая переломать седоку все ребра. Пришлось Сэму быстренько соскочить. Я вынужден был спешиться и, схватив тащившийся по земле конец, обвил лассо два раза вокруг ствола ближайшего дерева. Стряхнув настырного всадника, мул вознамерился умчаться прочь, но не тут-то было: затянувшаяся петля снова сдавила шею, и упрямое животное свалилось на землю.

Сэм Хокенс, нагнувшись, ощупал свои ноги и ребра, а потом с кислой гримасой произнес:

— Отпустите этого дьявола, нам с ним не справиться, чтоб мне лопнуть!

— Еще чего! Не позволю, чтобы надо мной взяла верх скотина, отцом которой был не джентльмен, а простой осел. Я его приструню. Смотрите!

Я отвязал лассо от дерева и, широко расставив ноги, встал над мулом. Почувствовав, что петля ослабла, упрямец набрал воздуха в легкие, вскочил, и я оказался у него на спине. Теперь все искусство заключалось в том, чтобы как можно сильнее сдавить его бока ногами. Одной рукой я ухватился за лассо у самого основания петли и ждал, когда мула утомят прыжки и уловки, уже опробованные на Сэме. Как только он попытался броситься на землю, я затянул петлю и сильно сжал коленями бока строптивца, удерживая его на ногах. Это была трудная борьба. Я взмок, с мула тоже пот катил градом, а с губ падали крупные хлопья пены... Он постепенно слабел, остервенелое поначалу фырканье перешло в короткий кашель, и в конце концов, обессиленное животное рухнуло подо мной. Бедняга лежал на земле без движения, с закатившимися глазами.

Наконец-то я смог перевести дыхание. Казалось, еще немного, и все мои силы лопнут, как струны. Сэм был в восторге:

— О небо, у вас больше сил, чем у этой скотины! Если бы вы могли сейчас увидеть свое лицо!

— А что в нем такого!

— Глаза вот-вот выскочат из орбит, губы распухли, того и гляди брызнет кровь.

— Ничего особенного, такое бывает с гринхорном, когда он не позволяет себя сбросить, в то время как опытные ловцы мустангов летят на землю, да еще отпускают собственного коня на прогулку по прерии.

Добряк Сэм состроил жалкую гримасу и примиряюще произнес:

— Ох, и не говорите, сэр! Уверяю вас, что такое может случиться даже с самыми опытными вестменами Дикого Запада. А вам везет. И вчера, и сегодня.

— Надеюсь, что и впредь удача не оставит меня. А вот о вас такого не скажешь. Как там ноги и ребра?

— Не знаю. Как-нибудь на досуге соберу их и посчитаю, а пока пускай бренчат вперемешку. Такой дьявол мне еще не попадался! Думаю, теперь он, а точнее она, ведь эта скотина женской породы, будет благоразумнее.

— Наверняка. Смотрите, как бедняжка измучена, даже жалость берет. Пусть отдохнет, потом ее оседлаем, и вы поедете на ней домой.

— А если она опять взбрыкнет?

— Не бойтесь! Похоже, она уже смирилась, и вы заполучили замечательную лошадку.

— И я так считаю. Знаете, мне она сразу приглянулась. А вот вы нацелились на сивку. Очень глупо с вашей стороны.

— Вы уверены в этом?

— Еще бы, конечно, глупо!

— Я не об этом. Вы действительно думаете, что я выбрал сивого жеребца?

— А то кого же?

— Тоже мула.

— Правда?

— Да, хоть я и гринхорн, но знаю, что сивый вестмену ни на что не сгодится. Мул мне сразу понравился. Помогите мне поднять его на ноги.

Мы подняли мула. Он стоял смирно, хотя дрожь сотрясала все его тело, и не упирался даже тогда, когда мы начали седлать его. Сэм вскочил в седло, и мул повел себя как хорошо объезженный конь.

— Видно, у нее был когда-то хороший хозяин. И хороший к тому же наездник. Знаете, как я ее назову?

— Ну и как же?

— Мэри. Когда-то у меня была лошадка с таким именем, не буду изобретать другого.

— Значит, мул — Мэри, а винтовка — Лидди?

— Ну да, очень милые имена, не правда ли? Послушайте, окажите мне еще одну услугу.

— Какую?

— Не рассказывайте никому о том, что здесь произошло. По гроб жизни буду вам благодарен.

— Какие могут быть разговоры! Все и так ясно, — понимающе согласился я.

— Да я о другом. Эта банда в лагере со смеху помрет, если узнает, как именно Сэм Хокенс стал обладателем своей очаровательной Мэри! Уж они меня со свету сживут, если вы об этом расскажете.

— Что вы такое говорите! — прервал я его. — Вы — мой учитель и друг, разве я не понимаю.

В его маленьких, лукавых глазках блеснула слеза.

— Да, сэр, я вам друг, — растрогался он, — и был бы счастлив, если бы и вы испытывали ко мне теплые чувства.

Крепко пожав ему руку, я ответил:

— Могу доставить вам это удовольствие, дорогой Сэм. Будьте уверены, что я люблю вас так, ну... как любят доброго почтенного дядюшку! Вас это устраивает?

— Вполне, сэр, вполне! Я в восторге, я счастлив, я сгораю от желания прямо здесь, не сходя с места, доказать свою признательность. Скажите, что мне сделать? Хотите, к примеру, я съем свою Мэри прямо сейчас, на ваших глазах, вместе со всеми потрохами, с костями и шкурой? Или, может быть, вы предпочитаете, чтобы я замариновал свой парик и слопал? Или вот еще...

— Хватит, хватит, милый Сэм! — засмеялся я. — Избави Бог, я не хочу потерять друга. Ведь в первом случае вы наверняка лопнете, а во втором умрете от несварения желудка, ему вашего парика не вынести. Вы уже сделали для меня много хорошего, и вам еще не раз представится случай доказать свою любовь. А пока пощадите бедную Мэри, а заодно и себя. И давайте поспешим в лагерь, мне еще надо поработать.

— А что же вы здесь делали — прохлаждались? Если уж это не работа, то я просто не знаю, что тогда называть работой, — заворчал Сэм.

С помощью лассо я привязал коня Дика Стоуна к своему седлу, и мы двинулись в лагерь. Мустанги давно исчезли, а мул был настолько смирен, что Сэм не уставал его хвалить:

— Она прошла школу, эта Мэри, и очень хорошую школу! С каждым шагом убеждаюсь, что у меня будет отличная верховая лошадка. Вот сейчас умница Мэри понемногу вспоминает все, что когда-то умела и что в стаде мустангов у нее вылетело из головы. Похоже, у нее есть не только темперамент, но и характер.

— А если еще и нет, то у вас она пройдет отличную выучку, ведь для этого она не так стара.

— Сколько ей лет, как вы думаете?

— Самое большее — пять.

— Я тоже так считаю, потом установлю точно. Спасибо вам за Мэри, если бы не вы — не видать мне ее. Смотрите, как получилось — за такое короткое время вы научились охотиться и на бизонов, и на мустангов.

— На Диком Западе нужно быть готовым ко всему. Надеюсь, что научусь охотиться и на других зверей.

— От всей души желаю всегда выходить победителем из таких схваток, как вчера и сегодня. Особенно вчера, ведь ваша жизнь висела на волоске. Сразу видно гринхорна: подпустил бизона вплотную и лишь потом выстрелил ему в глаз. Виданное ли дело? Вот они, неопытность и легкомыслие гринхорна! Советую впредь быть более осторожным и не таким самоуверенным! Охота на бизонов — опаснейшее дело, и только одна вещь на свете опаснее ее.

— Какая?

— Охота на медведя.

— Черного с желтой мордой?

— Вы имеете в виду барибала? Это смех один! Барибал настолько добродушен и спокоен, что его можно научить стирать и вышивать гладью. Я говорю о гризли, сером медведе со Скалистых гор. Наверное, читали о нем?

— Читал.

— Не дай вам Бог встретиться с ним! Громадина, на две головы выше человека, если встанет на задние лапы. Щелкнет зубами, а вместо головы фарш. А уж свиреп! Не успокоится, пока не разорвет врага в клочья.

— Или враг — его!

— Ого! Глядите, он опять хорохорится! Уж не путаете ли вы огромного свирепого гризли с маленьким безобидным енотом?

— Отнюдь. Я понимаю, он опасен, но нет на свете диких зверей, которых нельзя одолеть. В том числе и гризли.

— Вы и это нашли в книжках?

— Конечно.

— Гм, сдается мне, книжки — главная причина вашего легкомыслия. Вроде бы вы, сэр, человек разумный, чтоб мне лопнуть, но боюсь, у вас хватит ума пойти на серого медведя, как вчера на бизона.

— Если надо будет, пойду.

— Надо? Глупости! Что вы имеете в виду? Каждый волен поступать как сочтет нужным.

— Например, трусливо бежать? Вы об этом подумали?

— Да, но это совсем не трусость — убегать от гризли. Наоборот, нападать на него — верное самоубийство.

— Я иного мнения. Если зверь застанет меня врасплох, если не будет времени для бегства, придется обороняться. А если он бросится на моего товарища, приду на помощь. Впрочем, считаю себя вправе и без особой на то причины просто поохотиться на серого медведя, хотя бы для того, чтобы испытать себя. К тому же, говорят, медвежьи лапы — лакомство, каких мало.

— Честное слово, вы неисправимы, мне страшно за вас. Молите Бога, чтобы не пришлось поближе познакомиться с этими лапами! Хотя и в самом деле вкус у них отменный, куда там вчерашнему бизоньему окороку.

— Не стоит заранее так из-за меня трястись. Скажите, а здесь водятся гризли?

— Думаю, водятся. Хотя они и живут преимущественно в горах, но иногда спускаются по рекам в долины.

Гризли — близкий родственник вымершего когда-то пещерного медведя и, пожалуй, больше принадлежит доисторической эпохе, чем нашему времени. Он достигает порой десяти футов в высоту, и позже мне доводилось убивать экземпляры весом в столько же центнеров. Серый великан обладает такой силой, что способен бежать, держа в пасти оленя, жеребенка или молодого бизона. Только всадник на резвом и сильном коне может ускользнуть от него. Невероятная сила, безумная храбрость и необыкновенная выносливость делают его практически неуязвимым. Для индейцев одолеть гризли — подвиг из подвигов.

Ни Сэм, ни я пока еще не знали, да и знать не могли, что уже на следующий день этот опасный зверь встретится на нашем пути. Разговор прекратился сам собой, потому что мы подъехали к лагерю, который за наше отсутствие был перенесен вперед. Бэнкрофт с тремя геодезистами взялся за дело, чтобы хоть под конец показать, на что он способен. Наше появление вызвало всеобщий переполох.

— Мул, мул! — кричали со всех сторон. — Откуда вы его взяли?

— Нам его прислали, — серьезно отвечал Сэм.

— Не может быть!

— По почте, в бандероли за два цента. Хотите увидеть обертку?

Кто-то засмеялся, кто-то разозлился, но шутка Сэма попала в цель, и к нам больше не приставали с расспросами.

Не знаю, рассказал ли Сэм о наших приключениях Дику и Биллу. Время поджимало, и я сразу же по возвращении энергично взялся за съемку, благодаря чему мы быстро продвинулись вперед и вышли к долине, где вчера я вступил в единоборство с бизонами. Вечером, по окончании работ, я спросил Хокенса, не помешают ли нам бизоны, ведь там они проложили себе тропу. Пока по ней прошел только передовой отряд, но вскоре может пожаловать и все стадо.

— Не думаю, сэр, — ответил тот. — Бизоны ничуть не глупее мустангов. Спугнутые нами разведчики вернулись и предупредили остальных, так что стадо вероятней всего выберет другой путь.

С первыми лучами солнца мы перенесли наш лагерь к подножию холмов. Нам пришлось обойтись без помощи Хокенса, Стоуна и Паркера. Сэм решил объездить свою Мэри, и двое товарищей вызвались помочь ему в этом.

Геодезисты и я занялись установкой вешек, в чем нам помогали несколько вестменов Рэттлера. Сам же он от нечего делать слонялся с остальными головорезами по окрестностям. Наконец мы достигли места, где оставили туши убитых быков. Я был немало удивлен, не обнаружив старого быка, а когда подошел поближе, то заметил широкий след, тянущийся от места, где лежало животное, к ближайшим зарослям: трава была примята на ширину двух локтей, будто по ней тащили что-то тяжелое.

— Что за черт! — вскричал Рэттлер. — Ничего не понимаю! Когда вчера мы брали отсюда мясо, я точно видел — оба быка мертвы, а выходит, один из них был еще жив!

— Вы так думаете?

— Ясно! Мертвый бык не ушел бы!

— Его мог кто-то уволочь.

— А кто?

— Индейцы, например. Мы тут недалеко обнаружили следы индейцев.

— Смотрите-ка какой умный гринхорн! Быка уволокли индейцы! Да откуда здесь взяться индейцам?

— Этого я не знаю.

— Может, они с неба свалились? А я уверен — бизон еще был жив, собравшись с силами, он потащился в заросли и там сдох.

И Рэттлер со своими людьми кинулся по следу, уверенный, что я

поспешу за ними. Но мне надо было работать, а куда подевался бык, меня совершенно не интересовало.

Едва я успел взяться за вешку, как услышал испуганные крики, затем два или три выстрела и голос Рэттлера:

— На деревья, живо на деревья! По деревьям он не умеет лазать.

«Кто это не умеет лазать по деревьям?» — недоумевал я, но тут из зарослей выскочил один из людей Рэттлера. Он несся, не разбирая дороги, огромными скачками, как человек, охваченный смертельным страхом.

— Что случилось? — спросил я громко.

— Медведь, огромный медведь гризли! — заикаясь, кричал он и, не останавливаясь, помчался дальше.

Тут донесся душераздирающий крик:

— Помогите! Помогите! Он схватил меня! А-а-а-а!

Так вопить мог только человек, перед которым разверзлись врата ада. Видно, ему угрожала огромная опасность, и нужно было спешить на помощь. А я свой «старый флинт» оставил в палатке, поскольку он мешал в работе. И это вовсе не было легкомыслием, ведь по идее нас охраняли вестмены. Вернуться в палатку за оружием? Но тогда медведь успеет расправиться со своей жертвой. И я побежал как был: с ножом и двумя револьверами за поясом. Разве это оружие против серого медведя?

Я бросился в заросли. След вел дальше, к месту, где начинались деревья. Именно туда медведь оттащил старого бизона, тем самым затерев свои следы.

Это были страшные минуты. Позади меня кричали бегущие к палаткам за оружием геодезисты, впереди орали вестмены, и весь этот шум покрывали вопли человека, попавшегося медведю в лапы. С каждым шагом я приближался к месту разыгравшейся трагедии, и вот услышал рычание медведя. Нет, не рычание, а фыркание, ибо и этим он отличается от остальных медведей: в ярости или от боли он по-особому фыркает и сопит часто и громко.

И вот я у цели. Передо мной — растерзанная туша бизона, на деревьях вестмены, орущие дикими голосами, несмотря на то, что пребывали в относительной безопасности, ибо еще никто не видел, чтобы гризли лазал по деревьям.

Тут же за полуобглоданным быком я увидел вестмена, которого настиг медведь. Бедняга тоже пытался залезть на дерево, но не успел. Он ухватился обеими руками за нижний сук и даже, подтянувшись, лег на него животом, но тут подоспел гризли, и поднявшись на задние лапы, стал рвать когтями его ноги и спину. Одного взгляда было достаточно, чтобы

убедиться — вестмена уже не спасти. Я мог убежать, и никто бы меня не упрекнул, но страшная картина заставила меня действовать. Я схватил одно из брошенных вестменами ружей — оно оказалось незаряженным. Тогда я, перепрыгнув через тушу бизона, нанес медведю удар прикладом по голове. Ружье разлетелось в щепки, но я все-таки отвлек внимание гризли, и он повернул ко мне голову, но не рывком, стремительно, как это делают хищники из породы кошачьих, а медленно, словно недоумевая: кто это смеет нападать на него? Сверля меня своими маленькими глазками, он, казалось, раздумывал, прикончить ли первую жертву или схватить новую.

Это промедление оказалось для меня спасительным. Я понял, что у меня есть один-единственный выход. Вырвав из-за пояса револьвер, я выпустил четыре пули прямо ему в глаза и тут же отскочил в сторону, зажав в руке нож. Промедли я хоть секунду, мне пришел бы конец, так как ослепленный зверь тут же оставил свою жертву и бросился на меня, вернее, на то место, где я только что стоял. Не обнаружив там никого, медведь принялся искать меня, грозно сопя и в бешенстве колотя лапами по воздуху. Как сумасшедший, крутился он волчком вокруг себя, рвал когтями землю, прыгал во все стороны, далеко выбрасывая лапы, чтобы дотянуться до меня.

В конце концов, может быть, нюх и привел бы его к цели, но он был чересчур разъярен. А вскоре боль заставила его забыть обо мне и заняться своими ранами. Гризли принялся протирать глаза, фыркая и щелкая зубами. В мгновение ока я оказался рядом с ним и всадил ему нож между ребер. Он бешено замолотил лапами, но я успел отскочить. Наверное, дож не дошел до сердца, и у него оставались еще силы. Минут через десять он ослабел от потери крови, сел и опять принялся тереть глаза, а я снова нанес ему несколько ударов ножом. На этот раз они были удачней: гризли попытался встать на задние лапы, но вдруг завалился на бок, по телу пробежала дрожь, и зверь вытянулся.

— Слава Богу! — закричал Рэттлер с дерева. — Опасность миновала!

— Уж вы-то постарались обезопасить свою персону, — сказал я. —

Теперь можете слезать.

— Нет, нет! Сначала проверьте, он совсем мертв?

— Это лишнее.

— Нет, нет, обязательно проверьте! Вы не представляете, как живучи эти бестии!

— Хотите убедиться, проверяйте сами. Я же всего-навсего гринхорн, а вы — известный вестмен.

Я подошел к несчастному, все еще висящему на суку. С искаженного

ужасом лица на меня смотрели остекленевшие глаза.

— Отпустите ветку, сэр! — сказал я. — Я сниму вас.

Он не ответил и ни одним движением не подтвердил, что понял мои слова.

На просьбу спуститься и помочь мне славные вестмены отреагировали не раньше, чем я перевернул медведя, доказав тем самым, что он мертв. Лишь после этого они осмелились слезть, и мы с трудом сняли истерзанного медведем человека. Он не дышал. Ужасная смерть товарища, видимо, не слишком взволновала остальных, так как они тут же кинулись к медведю, рассматривая его и удивляясь. Рэттлер удовлетворенно произнес:

— Вот и поменялись местами: сначала медведь хотел нас съесть, а теперь мы съедим его. Эй, помогите скорее снять шкуру, отведаем окороков и лап!

Вынув нож и присев на корточки, он собрался было заняться этим, но я сказал:

— Вот если бы вы пустили нож в ход, когда медведь был жив, — другое дело, а теперь поздно. Не трудитесь.

— Что? — вскричал он. — Уж не вы ли помешаете мне отрезать мясо на жаркое?

— Именно я, мистер Рэттлер!

— По какому праву?

— Медведя повалил я.

— Ложь! Не станете же вы утверждать, что гринхорн смог убить ножом гризли? Это мы несколько раз выстрелили в него, когда увидели.

— ... А потом разбежались и забрались на деревья? Да, это правда, абсолютная правда.

— Но в конце концов медведь сдох от наших пуль. Он уже едва дышал, когда вы принялись колоть его ножом. Ясно?

И он опять нагнулся над медведем. Я снова крикнул:

— Сейчас же отойдите, мистер Рэттлер, иначе придется вас проучить!

Рэттлер успел всадить нож в тушу гризли. Я сгреб его в охапку — так как он сидел на корточках — и швырнул в сторону. Рэттлер с громким треском угодил в дерево. Не знаю, что трещало — дерево или кости негодяя. Выхватив из-за пояса заряженный револьвер, я приготовился. Рэттлер тяжело поднялся и, со злобой глядя на меня, прошипел:

— Ты еще пожалеешь об этом! Второй раз нападаешь на меня. Третьего не будет! — И он двинулся ко мне с ножом в руке.

Я поднял револьвер, предостерегая:

— Еще шаг, и пущу вам пулю в лоб! Бросьте нож! Стреляю на «три»!

Раз, два...

Он не бросил нож, и я бы выстрелил в него — нет, не для того, чтобы убить, но уж руку с ножом прострелил бы наверняка, чтобы заставить уважать себя, — как вдруг раздался чей-то голос:

— Вы что, спятили? Остановитесь!

Посмотрев в ту сторону, откуда доносился голос, мы увидели, как из-за деревьев вышел человек. Был он мал ростом, одет как индеец — в кожаные штаны и охотничью куртку, так что трудно было определить, белый это или краснокожий. Пожалуй, все-таки белый, хотя лицо его сильно обгорело на солнце. Голова незнакомца была непокрыта, темные волосы спускались до плеч, за поясом — нож, в руках — ружье. Умный взгляд темных глаз выдавал в нем незаурядного человека, и, несмотря на физический недостаток — горб, фигура не выглядела смешной. Известно, что только глупые люди позволяют себе смеяться над физическими недостатками других. Увидев незнакомца, Рэттлер закричал:

— Эй, это еще что за чучело? Никогда не видал на прекрасном Западе таких карликов и уродов!

Незнакомец смерил его взглядом с головы до ног и спокойно, с достоинством ответил:

— Благодарите Бога за то, что он наградил вас здоровым телом. Но тело — не самое важное в человеке, многое зависит от сердца и души, и вот тут я не уступлю вам.

Он сделал презрительный жест рукой, а затем обратился ко мне:

— Природа наделила вас большой силой, сэр. Не каждый может так легко отшвырнуть такую тяжесть. Приятно было посмотреть!

Пнув медведя ногой, он добавил:

— Вот за кем мы охотились! Жаль, не получилось.

— Вы хотели убить его?

— Да. Обнаружив вчера следы медведя, мы упорно преследовали его, а когда настигли, оказалось, что все уже кончено.

— «Мы»? Так вы не один, сэр?

— Со мной еще два джентльмена.

— Кто они?

— Представлю их вам, как только узнаю, кто вы такие. В этих местах надо соблюдать осторожность, встречаются ведь разные люди, причем больше плохих, чем хороших.

И он выразительно взглянул на Рэттлера и его подчиненных, а затем опять обратился ко мне:

— Впрочем, джентльмена видно издалека. Я слышал ваш разговор и

составил собственное мнение.

— Сэр, — ответил я, — мы ведем геодезическую съемку. Нас четверо, один старший инженер, трое проводников и двенадцать вестменов для охраны.

— Гм, что касается охраны, сдастся мне, вы в ней не нуждаетесь. Итак, вы — геодезисты. А что за съемка?

— Прокладываем трассу для железной дороги.

— Она пройдет по этой территории?

— Да.

— Вы ее купили?

Взгляд незнакомца стал колючим, тон неприязненным. Видимо, у него была причина спрашивать об этом, поэтому я вежливо пояснил:

— Меня включили в геодезическую экспедицию, и мое дело — съемка.

— А остальное, значит, вас не касается? А должно бы. Территория, на которой вы находитесь, является собственностью индейцев, конкретно — апачей из племени мескалери. И я точно знаю, они эту землю не продавали и не уступали ни на каких других условиях.

— А вам-то что за дело? — крикнул Рэттлер. — Не забивайте голову чужими проблемами! Подумайте лучше о своих!

— Что я и делаю, сэр! Ведь я тоже апач, да к тому же мескалери.

— Вы? Ну знаете, нужно быть слепым, чтобы не разглядеть в вас белого.

— И все же вы ошибаетесь! Обо мне нужно судить не по цвету кожи, а по имени. Меня зовут Клеки-Петра, что на языке апачей означает Белый Отец.

Рэттлер, должно быть, уже слышал это имя. Он сделал шаг вперед и издевательски произнес:

— Ах, Клеки-Петра, бакалавр, известный учитель апачей! Какая жалость, что вы горбун. Вот уж краснокожие небось насмеются над вами.

— Ошибаетесь, сэр! Я привык за свою жизнь к издевательствам разных негодяев, тогда как умные люди не позволяют себе этого. А теперь, когда я узнал, кто вы такие и что здесь делаете, могу вам открыть, кто мои товарищи. Впрочем, лучше я вам их представлю.

Он крикнул что-то по-индейски в сторону леса, и на его зов оттуда вышли две колоритные фигуры. Это были индейцы, как мне показалось — отец и сын.

Старший был чуть выше среднего роста, могучего телосложения. От его фигуры веяло благородством, а движения свидетельствовали о большой

физической силе и ловкости. Лицо типичного индейца, хотя черты его были не столь резки, как это обычно бывает у краснокожих. Спокойный и даже мягкий взгляд, исполненный какой-то тихой, внутренней сосредоточенности, должно быть, выделял его среди соплеменников. Голова индейца была непокрыта, темные волосы стянуты в узел, подобно шлему, в котором торчало орлиное перо — знак отличия вождя. Одежда его состояла из штанов с бахромой, замшевой охотничьей куртки и мокасин. Все одеяние выглядело ладным и прочным. На поясе висел нож и несколько узелков с необходимыми для охотника мелочами. На шее я заметил мешочек с «лекарствами» (об этом мешочке я еще скажу позже) и трубку мира с мундштуком из священной глины. В руках индеец держал двустволку, деревянные части которой были искусно украшены серебряными гвоздиками. Эта двустволка, названная впоследствии «серебряной», прославилась потом его сына Виннету.

Одежда юного индейца отличалась несколько большей изысканностью: мокасины украшала щетина дикобраза, а швы штанов и куртки были прошиты тонкой красной нитью. На его шее тоже висели мешочек с «лекарствами» и трубка мира. Как и отец, он был вооружен ножом и двустволкой, длинные, до плеч волосы стянуты в узел на макушке. Перьев я не заметил. Любая женщина позавидовала бы таким прекрасным, густым, иссиня-черным волосам. Черты светло-коричневого с легким бронзовым оттенком лица юноши отличались еще большим благородством, чем у отца. Как потом оказалось, мы были с ним одного возраста.

С первого взгляда юный индеец произвел на меня глубокое впечатление. Чувствовалось, что это хороший человек и выдающаяся натура. Мы испытующе разглядывали друг друга, и вдруг мне показалось, что в его серьезных темных, бархатных глазах промелькнула симпатия ко мне.

— Вот мои спутники и друзья, — сказал Клеки-Петра, представляя сначала отца, а потом сына. — Это Инчу-Чуна, Доброе Солнце, вождь мескалери и верховный вождь всех племен апачей. А это его сын — Виннету, совершивший, несмотря на свой молодой возраст, столько добрых дел, сколько десять воинов не совершают за всю жизнь. Слава его прогремит по всей прерии и Скалистым горам.

Слова Клеки-Петры прозвучали несколько высокопарно, но, как я позже убедился, были справедливы. Рэттлер издевательски засмеялся:

— Этот молокосос уже наделал столько дел? Именно наделал, это наверняка воровство, разбой и грабеж. Мы-то уж знаем. Все краснокожие грабят и воруют.

Это было тяжкое оскорбление, но трое пришельцев сделали вид, что не расслышали. Они обступили медведя и принялись его осматривать. Клеки-Петра нагнулся, внимательно обследовал раны и сказал, обращаясь ко мне:

— Он сдох от ударов ножом, а не от пуль.

Видимо, из укрытия он видел, что произошло, слышал нашу с Рэттлером ссору и теперь подтвердил, что я прав.

— А это мы еще посмотрим! — напыжился Рэттлер. — Что ты понимаешь в медвежьей охоте, горбатый бакалавр? Снимем шкуру с медведя и увидим, какая рана оказалась смертельной. Я не дам себя обмануть гринхорну!

При этих словах Виннету тоже склонился над медведем, ощупал его раны и спросил на хорошем английском языке:

— Кто бросился на него с ножом?

— Я.

— Почему мой юный белый брат не стрелял?

— При мне не было оружия.

— Здесь лежат ружья!

— Они не мои. Те, кому они принадлежат, побросали их и залезли на деревья.

— Идя по следу медведя, мы слышали испуганные крики. Уфф! Белки и скунсы залезают на деревья при появлении врага, мужчина же должен сражаться; если он отважен, то победит самого сильного зверя. Мой юный белый брат отважен, почему его здесь называют гринхорном?

— Потому что я впервые на Диком Западе и совсем недавно здесь.

— Бледнолицые — странные люди. Юношу, который с ножом бросается на страшного гризли, называют гринхорном, а те, кто со страху лезут на деревья и воют там от ужаса, считают себя опытными вестменами. Краснокожие справедливы, у них мужественный не может называться трусом, а трус отважным.

— Мой сын правильно сказал, — подтвердил отец, его английский был немного хуже. — Этот бледнолицый уже не гринхорн. Тот, кто убил серого медведя, храбрый герой. А если он к тому же спас других, то заслуживает благодарности, а не оскорблений. Хуг! Я сказал!

Как велика была разница между моими белыми коллегами и презираемыми ими индейцами! Чувство справедливости склонило краснокожих к свидетельству в мою пользу, что требовало немало мужества: ведь их было трое, а они выступили против вестменов. Но это не испугало индейцев, и они спокойно, с достоинством, медленным шагом прошли мимо нас. Мы последовали за ними. Инчу-Чуна увидел вбитые в

землю вешки, остановился и, обернувшись ко мне, спросил:

— Что это значит? Бледнолицые хотят измерить эти края?

— Да.

— Зачем им это?

— Чтобы построить дорогу для огненного коня.

Выражение спокойной задумчивости исчезло с лица старого индейца.

В нем загорелся гнев.

— Ты пришел с этими людьми? — спросил он.

— Да.

— Ты измерял вместе с ними?

— Да.

— И тебе платят за это?

— Да.

Смерив меня презрительным взглядом, он с упреком обратился к Клеки-Петре:

— Ты говоришь нам красивые слова, но они лживы. Вот мы увидели бледнолицего с отважным сердцем, искреннего и честного, а спросив, что он здесь делает, выяснили: за деньги ворует нашу землю. Бледнолицые могут выглядеть хорошими или плохими, но внутри они все одинаковы.

Должен признаться, что в тот момент я ничего не сумел сказать в свое оправдание. В душе я испытывал стыд, так как вождь был прав.

Во время схватки с медведем геодезисты со старшим инженером укрылись в палатке и наблюдали оттуда в щелочку за происходящим. Завидев нас, они вышли и, с недоумением поглядывая на неизвестно откуда взявшихся индейцев, принялись расспрашивать, как удалось справиться с медведем. Рэттлер отрезал:

— Мы застрелили его, и на обед будут медвежьи лапы, а вечером окорок.

Трое гостей взглянули на меня — неужели промолчу? Я не вытерпел:

— Медведя не застрелили, это я заколол его ножом. Вот эти люди признали мою правоту, но пускай Хокенс, Стоун и Паркер, когда вернутся, рассудят нас. Пусть они скажут свое слово, а пока я никому не позволю прикоснуться к медведю.

— Какого дьявола! Буду я еще прислушиваться к их мнению! — взорвался Рэттлер. — Пойду со своими людьми и освежую медведя, а кто нам захочет помешать, получит дюжину пуль в живот!

— Не кипятитесь, мистер Рэттлер, не то лопнете! Я ваших пуль не испугаюсь, не то что вы медведя, и запомните: меня не загоните на дерево. Впрочем, я разрешаю вам отправиться на ту полянку, но лишь для того,

чтобы предать земле вашего товарища. Нельзя же его так оставлять.

— Кто погиб? — испуганно спросил Бэнкрофт.

— Да Роллинс, — ответил Рэттлер. — А погиб из-за чужой глупости, мог бы и уцелеть.

— Как это? По чьей глупости?

— Он вместе с нами бросился на дерево и уже почти вскарабкался, но тут прибежал этот гринхорн и раздражил медведя. Тот в ярости бросился на Роллинса и разорвал его на куски.

Это была уже такая наглая ложь, что я от возмущения в первый момент потерял дар речи. Опомнившись, спросил Рэттлера:

— Вы уверены в этом, сэр?

— Да! — И он вытащил револьвер, приготовившись к нападению.

— Вы настаиваете на том, что Роллинс мог спастись, а я помешал ему?

— Да.

— А разве медведь не схватил его еще до меня?

— Ложь!

— Что ж, придется заставить вас сказать правду.

Выбив левой рукой у него револьвер, правой я нанес такой сильный удар в скулу, что Рэттлер отлетел на шесть шагов. Вскочив на ноги, он выхватил нож из-за пояса и кинулся на меня, рыча, как разъяренный зверь. Отразив удар, я со всей силы стукнул его кулаком по голове, и он без сознания рухнул у моих ног.

— Уфф, уфф! — удивился Инчу-Чуна, забыв на миг об обычной индейской невозмутимости, но в следующее мгновение его лицо снова приняло непроницаемое выражение.

— Олд Шеттерхэнд! — вырвалось у геодезиста Виллера. Я изготовился отбить нападение дружков Рэттлера, однако ни один из них не решился подойти ко мне, хотя злоба душила их.

Отваги у этих трусов хватило лишь на то, чтобы вполголоса посылать мне проклятия.

— Мистер Бэнкрофт, — потребовал я, — хоть раз призовите Рэттлера к порядку. Он все время ищет со мной ссоры. Добром это не кончится. Отошлите его, а если вы этого не сделаете, то уйду я.

— Ого, сэр, неужели это так серьезно?

— Да, серьезно! Вот его нож и револьвер, не отдавайте ему, пока не успокоится, иначе смею вас заверить, я буду защищаться и просто пристрелю его. Можете называть меня гринхорном, но я закон прерии знаю: того, кто угрожает ножом или револьвером, позволено убить на месте.

Я говорил только о Рэттлере, хотя имел в виду и остальных «славных» вестменов. Разумеется, они все поняли, но промолчали.

Инчу-Чуна обратился к инженеру:

— Мое ухо слышало, что среди бледнолицых ты имеешь право приказывать. Так ли это?

— Да, — ответил Бэнкрофт.

— Я должен поговорить с тобой.

— О чем?

— Узнаешь. Но ты стоишь, а мужчины во время разговора должны сидеть.

— Ты хочешь быть нашим гостем?

— Это невозможно. Как я могу быть твоим гостем, если это ты находишься на моей земле, в моем лесу, в моей долине и в моей прерии? Пусть белые мужчины сядут. А что за бледнолицые идут сюда?

— Это наши люди.

— Пусть сядут с нами.

Сэм, Дик и Билл возвращались с прогулки. Будучи опытными вестменами, они очень удивились, увидев индейцев, и еще больше обеспокоились, узнав, кто те такие.

— Кто этот третий? — спросил меня Сэм.

— Это Клеки-Петра, Рэттлер называет его бакалавром.

— Клеки-Петра, бакалавр? Я слышал о нем, чтоб мне лопнуть. Таинственная личность. Белый, но уже давно живет среди апачей. Он вроде миссионера, хотя и не священник. Я рад его видеть. Прощупаем его немного! Хи-хи-хи!

— Если он позволит.

— Не укусит же он меня! Ба, да тут еще что-то произошло?

— Да, и очень серьезное.

— Говорите же!

— Мне пришлось сделать то, от чего вы меня вчера предостерегали.

— Точнее! Я от многого вас предостерегал.

— Я встретил гризли.

— Как? Что? Где? Вы шутите?

— Ни в коем случае. За этими кустами, в лесу. Он затащил туда тушу старого быка.

— Сто тысяч чертей! И надо же было этому случиться как раз тогда, когда меня не было в лагере! Кто-нибудь пострадал?

— Да, погиб Роллинс.

— А вы? Что делали вы? Держались в сторонке, как я советовал?

— Да.

— Правильно! Хотя что-то не верится.

— Придется поверить. Я держался настолько в стороне, что он ничего не смог со мной сделать, а я всадил ему нож между ребер.

— Вы в своем уме? Напали на него с одним ножом?

— Да, у меня не было ружья.

— Нет, это уже ни в какие ворота не лезет! Этот гринхорн специально берет с собой тяжелый карабин на медведя, а когда тот появляется, убивает его ножом. Это же нарочно не придумаешь!

— Рэттлер утверждает, будто не я уложил гризли, а он.

И я рассказал другу, как все произошло — и о медведе, и о ссоре с Рэттлером.

— Ну и легкомысленный парень! — вскричал Сэм. — Никогда в жизни не видел серого медведя, а идет на него, как на старого пуделя! Немедленно хочу поглядеть на добычу! Дик, Билл, пошли посмотрим, какую глупость выкинул опять наш гринхорн!

В это время очнулся Рэттлер, и Сэм бросил ему:

— Послушайте, мистер Рэттлер, вы опять пристаёте к моему юному другу. Если вы дотронетесь до него еще хоть раз, я уж постараюсь, чтобы этот раз был для вас последним. Запомните, мое терпение кончилось. — И он торжественно удалился с друзьями.

Лицо Рэттлера исказилось яростью, он с ненавистью взглянул на меня, но промолчал, хотя готов был взорваться, как мина, в любую секунду.

Оба индейца и Клеки-Петра уселись рядом на траве, инженер устроился напротив, но разговор не начинали. Ждали возвращения Сэма и его приговора. Вернулся он довольно быстро и еще издали закричал:

— Какой дурак сначала стреляет в медведя, а потом убегает? Если не хочешь вступать с ним в схватку, то нечего и стрелять, только раздражишь. Оставьте его в покое, и он не нападет. Так кто же убил медведя?

— Я! — поспешно вскричал Рэттлер.

— Вы? А чем?

— Пулей.

— Правильно, все сходится!

— Я так и думал!

— Верно, медведь сдох от пули.

— Значит, он мой! Слушайте, добрые люди. Сэм Хокенс на моей стороне, торжествовал Рэттлер.

— Ну конечно, ведь ваша пуля чиркнула медведя по голове и оторвала кончик уха, от чего гигант на месте скончался. Хи-хи-хи!

Досыта насмеявшись, Сэм продолжал:

— Если и вправду в медведя стреляло несколько человек, то все они со страху промазали. Только одна пуля приласкала его по уху, других следов нет. Зато имеются четыре огромные ножевые раны: две около сердца и две прямо в нем. Кто его заколол?

— Это сделал я.

— Вы один?

— Один!

— Значит, медведь — ваш, точнее, вам принадлежит шкура, а мясо — всем нам. Поделите мясо вы, таков обычай Дикого Запада. Что скажете, мистер Рэттлер?

— Чтоб вас черт побрал!

Задыхаясь от проклятий, Рэттлер направился к фургону, где стоял бочонок с бренди, плеснул в стакан и залпом выпил. Ну вот, теперь он будет пить, пока не свалится с ног.

Спор был закончен, и Бэнкрофт обратился к вождю, чтобы тот изложил свою просьбу.

— То, что я хочу сказать, — не просьба. Это приказ, — гордо произнес Инчу-Чуна.

— Вы не вправе приказывать мне, — высокомерно ответил старший инженер.

На мгновение лицо вождя вспыхнуло гневом, однако он сдержал себя и спокойно ответил:

— Мой белый брат, ответь мне, но по совести. Там, где живет белый брат, у него есть свой дом?

— Да.

— И сад перед ним?

— Да.

— Стерпел бы мой белый брат, если бы сосед начал строить дорогу через его сад?

— Нет.

— Места по ту сторону Скалистых гор и на восток от Миссисипи принадлежат бледнолицым. Как бы бледнолицые посмотрели на то, если индейцы пришли туда строить железную дорогу?

— Мы бы выгнали их.

— Мой брат прав. Но бледнолицые пришли на наши земли, ловят наших мустангов, убивают наших бизонов, ищут у нас золото и драгоценные камни. И вот теперь еще собираются строить длинную-длинную дорогу, по которой побежит огненный конь. И новые тысячи

бледнолицых приедут сюда, чтобы отнять у нас последнее. Так как же мы должны поступить?

Бэнкрофт молчал.

— Неужели мы совсем бесправны? Вы называете себя христианами и все время говорите о любви, а сами нас грабите и убиваете, требуя в ответ покорности. Вы говорите, что ваш Бог — добрый отец всех краснокожих и белых людей, но отец он только для вас, для нас же — отчим. Разве вся эта страна не принадлежит краснокожим? Вы отобрали ее у нас, а что дали взамен? Нищету, нищету и еще раз нищету!

Вы гоните нас все дальше, забирая все наши земли. Мы задыхаемся в тесноте. Почему вы так делаете? Нужда заставляет? Самим земли мало? Нет, это все ваша жадность. Там, где вы живете, хватит места для всех, для многих миллионов, а краснокожий, законный хозяин этой страны, должен ютиться на жалком клочке земли. Клеки-Петра рассказывал мне о вашей священной книге — Библии. В ней сказано, что у первого человека было двое сыновей, и один из них убил другого, а кровь убитого взывала к небесам о мщении. Не так ли происходит и с нами — краснокожими и белыми братьями? Вы — каины, а мы — авели, чья кровь взывает к небесам о мщении. Вдобавок ко всему вам бы еще хотелось, чтобы мы покорно позволяли себя убивать. Нет, мы будем защищаться! Нас гонят с насиженных мест все дальше и дальше. Казалось, здесь мы нашли наконец отдых и пристанище, но вот вы вновь приходите и начинаете прокладывать путь для огненного коня. Разве у нас не такие же права на свой сад, как у тебя на твой? Действуя по вашим законам, мы должны были бы истребить всех вас. Мы так не делаем, только хотим обладать теми же правами, что и вы. Но оказывается, у ваших законов два лица, и вы выбираете то из них, которое вам выгодней. Ты хочешь строить здесь дорогу, а спросил ли ты нашего разрешения?

— Это излишне.

— Почему? Разве это ваша страна?

— Да, я так считаю.

— Нет, она принадлежит нам. Разве ты купил ее у нас?

— Нет.

— Разве мы подарили ее тебе?

— Мне — нет.

— И другим тоже. Если ты честный человек и приходишь сюда строить дорогу для огненного коня, то первым делом должен спросить того, кто тебя послал, имеет ли он право, и должен потребовать доказательств. Но ты этого не сделал. Я запрещаю вам дальше мерить нашу

землю.

Последние слова Инчу-Чуна произнес с особым нажимом, в них слышалась суровая решимость. Меня его речь потрясла. Много книг читал я об индейцах, но в них они изображались совсем другими. Инчу-Чуна говорил на чистом английском языке, аргументация и логика его речи свидетельствовали о ясном уме. Быть может, это заслуга бакалавра Клеки-Петры?

Положение было в высшей степени затруднительное. Будь старший инженер честным человеком, он признал бы справедливость обвинений вождя. Но мистер Бэнкрофт честным человеком не был, поэтому принялся выкручиваться, пытаясь оправдать наше присутствие. Вождь легко прижал его к стене своей железной логикой, и тогда старший инженер в раздражении обратился ко мне:

— Сэр, вы разве не слышите, о чем идет речь? Скажите же свое веское слово.

— Благодарю покорно, мистер Бэнкрофт, но я геодезист, а не адвокат. Мне приказано делать измерения, а не произносить речи.

Инчу-Чуна решительно отрезал:

— Не надо слов. Я сказал, что больше вас тут не потерплю, и хочу, чтобы уже сегодня вы возвратились туда, откуда пришли. Мы с моим сыном Виннету сейчас уйдем и вернемся за ответом по истечении времени, которое бледнолицые называют часом. Если вы покинете нашу землю, мы останемся братьями, в противном случае я выкопаю топор войны. Я Инчу-Чуна, вождь всех апачей. Я сказал! Хуг!

«Хуг» — восклицание индейцев для придания большей убедительности словам, и означает оно то же, что и «аминь», «я сказал» или «да будет так».

Инчу-Чуна встал, вслед за ним поднялся Виннету. Они медленно удалялись и скрылись за поворотом. Клеки-Петра остался. Инженер обратился к нему за советом, как поступить. Старик ответил:

— Поступайте как знаете, сэр! Я согласен с вождем. Краснокожих жестоко и планомерно уничтожают. Но я белый и понимаю, что сопротивление бесполезно. Если сегодня вы уйдете отсюда, завтра придут другие и закончат ваше дело. Но хочу предостеречь вас. Вождь не шутит.

— Куда он пошел?

— За нашими лошадьми.

— Разве вы на лошадях?

— Разумеется. Мы спрятали их, когда преследовали медведя, так как на гризли не охотятся верхом.

Он встал, тем самым давая понять, что дальнейший спор бессмыслен. Мне очень хотелось порасспросить его, и я осмелился с ним заговорить.

— Сэр, позвольте я провожу вас. Мне хотелось бы поговорить с вами об Инчу-Чуне и Виннету. Они очень заинтересовали меня.

Сам он тоже крайне занимал мои мысли, однако я воздержался от вопросов.

— Хорошо, сэр, идемте, — ответил он. — Когда-то я оставил мир белых, и ни с одним из них больше не общался, но вы мне понравились. Пройдемся вместе.

Из короткой беседы я понял, что имею дело с человеком необыкновенной судьбы, хотя он очень неохотно говорил о своем прошлом. Зато сам задавал много вопросов.

Немного отойдя от лагеря, мы сели под деревом. Беседуя с ним, я не сводил глаз с его выразительного лица, на котором жизнь оставила глубокие следы. Это были следы сомнений и утрат, забот и нужды. Сколько гнева, тревоги и отчаяния выражали, вероятно, эти глаза, которые сейчас были ясны и спокойны, как ровная гладь лесного озера.

Выслушав мой рассказ, он слегка кивнул головой и сказал:

— О себе могу заметить одно: после долгой внутренней борьбы я обрел покой, оставив свет и людей, побывал в разных странах и, наконец, оказался на Диком Западе, где племена краснокожих ведут отчаянную борьбу за выживание. Я знал, что битва проиграна, что им грозит полное уничтожение и не в моих силах спасти их. Однако я мог хотя бы облегчить их страдания. Я пришел к апачам и поселился у них, узнал и полюбил этих благородных людей, их обычаи, добился их доверия и сегодня могу с радостью наблюдать первые плоды своей деятельности. Молодой человек, мне бы хотелось, чтобы вы познакомились с Виннету. Он — мое творение, я особенно горжусь им. Этот юноша наделен большими способностями. Будь Виннету сыном какого-нибудь европейского аристократа, он стал бы великим полководцем или знаменитым политическим деятелем. Но он — сын индейского вождя и разделит участь своего народа. Мое единственное желание — быть рядом с ним до самой смерти, сопровождать его во всех делах, оберегать от коварных превратностей судьбы. Он — мое духовное дитя, и я люблю его больше себя самого, а если получится, что пуля, предназначенная ему, попадет в мое сердце, я умру счастливым.

Клеки-Петра умолк, опустив голову. До глубины души взволнованный его исповедью, я лишь молча пожал ему руку — любые слова были бы лишними. Он понял и поблагодарил меня крепким рукопожатием. После долгой паузы он тихо спросил:

— Как случилось, сэр, что я открылся перед вами? Я вижу вас в первый и, может стать, в последний раз. Может, сама судьба нам уготовила эту встречу? Мне как-то странно грустно сегодня, но эта грусть светлая. Такое настроение испытываешь осенью, когда опадают листья. Интересно, как опадет последний лист моей жизни? Тихо и спокойно или его сорвет вихрем до времени?

Погрузившись в тихую, безотчетную грусть, он смотрел вдаль, на долину. По ней к нам приближались верхом Инчу-Чуна и Виннету, ведя коня Клеки-Петры в поводу. Мы поднялись и направились в лагерь, добравшись туда одновременно с индейцами.

Рэттлер, весь красный и опухший, стоял, прислонившись к фургону, и осоловелыми глазами поглядывал в нашу сторону. Пока мы отсутствовали, он успел здорово нализаться, так что теперь едва держался на ногах. А насупленный мрачный взгляд делал его похожим на быка, готового броситься на противника.

Вождь и Виннету спешили и подошли к нам.

Что решили мои белые братья: они останутся или уйдут? — спросил Инчу-Чуна.

Старший инженер попытался покончить дело миром.

— Даже захоти мы уйти, — сказал он, — мы не сможем этого сделать, ведь надо вести порученное дело до конца. Сегодня я вышлю посыльного за распоряжениями и после его возвращения смогу дать ответ.

Это было неплохо задумано, ведь, пока посыльный будет ездить туда и обратно, мы успеем закончить работу.

Но вождь решительно отказался:

— Я не намерен ждать так долго. Белые братья должны дать ответ немедленно.

В это время Рэттлер, наполнив стакан бренди, двинулся к нам нетвердыми шагами. Я подумал, что он замышляет что-то против меня, но он приблизился к индейцу и невнятно пробормотал:

— Если индейцы выпьют со мной, мы исполним их волю и уйдем, а иначе нет. Пусть начинает молодой, вот тебе огненная вода, Виннету!

И он протянул стакан, но Виннету жестом отказался.

— Как, не хочешь выпить со мной? Да ведь это оскорбление! Тогда я выплесну все это в твою поганую физиономию, краснокожий! Умойся бренди, если выпить не хочешь!

И прежде чем мы опомнились, он выплеснул стакан в лицо молодому апачу. По индейским обычаям подобное оскорбление карается смертью. И Рэттлер тут же, правда не столь сурово, был наказан. Виннету нанес ему

кулаком в зубы такой удар, что тот распластался на земле и с трудом поднялся на ноги.

Я готов был уже встать между ними на случай, если начнется драка, но Рэттлер лишь бросил грозный взгляд на молодого апача и с проклятиями отошел к фургону.

Виннету отер лицо ладонью с невозмутимым видом.

— Я вновь спрашиваю вас, — спросил вождь, — но уже в последний раз. Уйдут ли белые братья сегодня же из долины?

— Нам нельзя этого сделать, — прозвучал ответ.

— Тогда уйдем мы! Но отныне между нами война.

Я попытался было их остановить, но тщетно. Все трое вернулись к лошадям. И тут раздался голос Рэттлера:

— Прочь отсюда, краснокожие собаки! А за оплеуху заплатите мне сейчас же!

С неожиданной для его состояния прытью Рэттлер схватил ружье и прицелился в Виннету. Индеец стоял прямо под пулей. Все произошло слишком быстро, спасения не было.

В ужасе вскричав: «Уходи, Виннету, быстро уходи!» — Клеки-Петра рванулся и прикрыл собой молодого индейца.

Раздался выстрел. Клеки-Петра схватился рукой за сердце, покачнулся и упал, как подкошенный. В ту же секунду упал и Рэттлер, сбитый моим ударом. Желая предотвратить выстрел, я бросился к нему, но опоздал. Поднялся шум, и только оба апача не проронили ни звука. Они опустились на колени рядом с Клеки-Петрой, отдавшим жизнь за своего воспитанника, и в молчании осматривали рану. Пуля прошла через сердце, кровь текла ручьем. Я поспешил к ним. Глаза Клеки-Петры были закрыты, лицо бледнело с каждой минутой.

— Положи его голову себе на колени, — попросил я Виннету, — если он откроет глаза и увидит тебя, ему легче будет умирать.

Юный индеец молча повиновался. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он неотрывно смотрел на умирающего друга. Клеки-Петра медленно открыл глаза, и счастливая улыбка озарила его лицо при виде склонившегося Виннету.

— Виннету, о мой сын Виннету, — прошептал он, слабея.

Его угасающий взгляд принялся кого-то искать и остановился на мне.

— Остайся с ним... — сказал Клеки-Петра. — Будь ему верен... продолжи... мое дело.

— Я сделаю так. Клянусь!

Клеки-Петра сложил руки в молитве. Судорога прошла по всему телу,

кровь в последний раз с силой брызнула из раны, голова откинулась. Он скончался.

Виннету бережно опустил на траву голову умершего и медленно встал. Он вопросительно взглянул на отца.

— Там лежит убийца, я сбил его с ног, — сказал я. — Он ваш.

— Огненная вода! — Только эти слова произнес вождь, но сколько же презрения в них заключалось!

— Я хочу быть вашим другом и братом. Я иду с вами! — вырвалось у меня невольно, но вождь плюнул мне в лицо:

— Паршивый пес! Вор, укравший нашу землю! Вонючий койот! Только осмелюсь пойти с нами, я убью тебя!

Будь на его месте кто-нибудь другой, он получил бы достойный ответ кулаком, я же оставил оскорбление безнаказанным. Он вправе считать меня врагом, пришедшим на чужую землю, я заслужил это обвинение. А как быть с клятвой, данной умирающему? Но и навязываться индейцам я больше не мог.

Белые стояли в молчании, ожидая, что предпримут апачи. Те, ни разу на нас не взглянув, усадили труп Клеки-Петры на коня, привязали, потом вскочили на своих коней и, поддерживая мертвое тело, удалились. Ни слова угрозы, ни слова о мести, они даже не взглянули на нас. И это было невыносимо. Уж лучше бы они пригрозили нам самой лютой смертью!

— То, что произошло, — ужасно, но это лишь начало. Конец может быть страшнее, — отозвался наконец Сэм Хокенс. — Пьяный негодяй все еще без сознания после вашего удара. Что с ним делать?

Не ответив, я вскочил на коня и ускакал. Мне хотелось остаться одному, хоть немного успокоиться и осмыслить происшедшие в последние полчаса события. Только поздним вечером, опустошенный и уставший телом и душой, я вернулся в лагерь.

Глава III

ВИННЕТУ В НЕВОЛЕ

В мое отсутствие лагерь перенесли к тому месту, где я убил медведя. Десять мужчин с трудом перетащили тушу из-под ветвей к костру.

Несмотря на позднее время, никто не ложился, и только Рэттлер отсыпался после пьянки. Хокенс освежевал медведя, но к мясу не притронулся.

Когда я вернулся в лагерь, маленький вестмен подошел ко мне и спросил:

— Куда же вы подевались, сэр? Мы с нетерпением ждем вас. Уж больно хочется отведать медвежатинки, а без вашего разрешения мы не можем разрезать тушу. Я только помог мишке раздеться. Костюмчик сидел на нем как влитой, ни единой морщинки, хи-хи-хи! Не обессудьте, пожалуйста. А теперь вам решать, как разделить мясо. Хотелось бы зажарить кусок перед сном.

— Делите по вашему усмотрению, — ответил я, — мясо принадлежит всем.

— Ладно, но позвольте заметить, что самое вкусное — это лапы. На свете нет ничего вкуснее медвежьих лап. Правда, им положено полежать некоторое время, пока в них не заведутся черви, — только тогда они приобретут отменный вкус. К сожалению, мы так долго ждать не можем, боюсь, апачи испортят нам пир. Поэтому желательно немедленно заняться ужином и еще сегодня приготовить лапы. Если уж помирать, так хоть после ужина, вкусно поев напоследок. Вы согласны, сэр?

— Конечно.

— Ну и прекрасно, тогда пора браться за дело. С аппетитом у нас все в порядке, если я не ошибаюсь.

И Сэм взялся за дело: разделал лапы и разрезал их на куски, каждому по штуке. Мне досталась лучшая часть от передней лапы. Я завернул ее и отложил в сторону, тогда как остальные спешили зажарить свои порции. Я был страшно голоден после трудного дня, но и думать не мог о еде. Я все еще переживал ужасное убийство Клеки-Петры. Казалось, что я сижу вместе с ним и слушаю исповедь благородного человека, слышу слова, полные предчувствия близкой смерти. В самом деле, так глупо оборвалась его жизнь. И кто это сделал?! Пьяный мерзавец! Вот он лежит, убийца, все

еще пьяный до бесчувствия. Рэттлер был мне противен. Думаю, что именно чувство гадливости было причиной того, что апачи не расправились с убийцей на месте.

«Огненная вода», — бросил с глубоким презрением Инчу-Чуна. Двумя словами вождь выразил и обвинение, и упрек.

Единственным, хотя и слабым для меня утешением было то, что Клеки-Петра умер, как и хотел — на руках у Виннету, от пули, предназначенной для его любимого воспитанника. Но почему именно меня просил Клеки-Петра, чтобы я остался с Виннету и продолжил дело, начатое белым учителем? Почему я? За несколько минут до кровавого события Клеки-Петре казалось, что мы больше никогда не увидимся, что жизненный путь не приведет меня к апачам, а потом он вдруг потребовал клятву, которая непременно должна была связать меня с этим племенем.

Почему я так быстро дал умирающему свое согласие? Из жалости? Вполне возможно. Но был и другой повод. Виннету произвел на меня огромное впечатление, как никто до сих пор. И хотя мы были ровесниками, он во многом превосходил меня — я это сразу почувствовал. Достоинство, гордость, чистота помыслов, отблеск душевной муки, которые я разглядел на его лице, спокойная уверенность в каждом движении — все это потрясло меня. Поведение обоих вождей вызывало чувство глубокого уважения. Другие люди, и краснокожие и белые, бросились бы на убийцу и тут же расправились с ним. Эти двое даже не взглянули на него, ни малейшим жестом, ни выражением лица не показали, что происходит в их душах. Насколько же они превосходили нас!

Мои товарищи уплетали медвежьи лапы, а я все сидел, погруженный в раздумья, пока Сэм Хокенс не вернул меня к действительности:

— Что с вами, сэр? Вы не голодны?

— Голоден, но не в состоянии есть.

— Вот как? Предпочитаете скорбные размышления? Должен предупредить очень вредная привычка. И меня потрясло сегодняшнее происшествие, но вестмен обязан уметь спокойно относиться к подобным случаям. Не зря Дикий Запад называют «землей кровавой темной». Поверьте, каждая ее пядь пропитана кровью, а тот, чей нос столь деликатен, что не выносит запаха крови, пусть лучше сидит дома и пьет лимонад. Не принимайте все близко к сердцу и разрешите зажарить для вас кусок медвежьей лапы.

— Спасибо, Сэм, я не смогу есть. Вы уже решили, как нам поступить с Рэттлером?

— Да, мы говорили по этому поводу.

— Какое будет наказание?

— Наказание? Вы считаете, что его надо наказать?

— Безусловно.

— И как именно? Может, прикажете отвезти его в Сан-Франциско, Нью-Йорк или Вашингтон и предать суду за убийство?

— Ерунда! Мы здесь олицетворяем власть, которая должна его судить, руководствуясь законами Запада.

— Что вы, гринхорн, можете знать о законах Запада? Может, вы специально прибыли сюда из Старого Света, чтобы играть роль главного судьи? А может, Клеки-Петра приходится вам родственником или другом?

— Отнюдь.

— То-то! Правда, Дикий Запад руководствуется собственными, незыблемыми и особыми законами: око за око, зуб за зуб, кровь за кровь, как в Библии. Здесь можно казнить убийцу без суда и следствия или же созвать суд, который вынесет приговор и немедленно приведет его в исполнение. Так здесь избавляются от мерзавцев, мешающих жить честным охотникам.

— Давайте созовем такой суд.

— Для этого необходим обвинитель.

— Им буду я!

— На каком основании?

— Я не смогу допустить, чтобы убийство осталось безнаказанным.

— Вы рассуждаете, как гринхорн. В роли обвинителя выступить можно только в двух случаях: во-первых, если убитый был вашим близким родственником или другом, но вы только что сказали, что это не так; во-вторых, если бы вы были этим убитым, хи-хи-хи! Неужели мы имеем дело со вторым случаем?

— Сэм, шутки здесь неуместны!

— Знаю, знаю! Я хотел лишь уточнить, что убитый имеет неоспоримое право требовать наказания убийцы. Но у вас такого права нет, так же как и у нас, а там, где нет обвинителя, нет и судьи. Поэтому мы не можем судить его.

— Значит, Рэттлер не будет наказан?

— Ну уж нет! Я совершенно уверен, он понесет наказание от рук апачей.

— И мы вместе с ним!

— Вполне вероятно. Вы думаете, мы избежим расправы, если уьем Рэттлера? Ошибаетесь. Мы вместе работаем, вместе попадем в плен и вместе погибнем. Не только его, но и нас апачи считают убийцами, и когда

начнут мстить, то расправятся со всеми.

— Даже если мы избавимся от него?

— И тогда тоже. Нас просто перестреляют, не спрашивая, с нами он или нет. А каким образом вы хотели бы избавиться от него?

— Прогнать, и все.

— Мы обдумывали такое решение, однако, во-первых, мы не имеем права прогонять его, а во-вторых, нам нельзя поступать так из соображений предосторожности.

— Не понимаю! Если чье-то общество меня не устраивает, я расстаюсь с этим человеком! Что же, и дальше терпеть присутствие негодяя и пьяницы, который причиняет нам все новые и новые беспокойства?

— К сожалению, да. Рэттлер, как и я, Стоун и Паркер, был нанят на работу, и только те, кто его нанимали и платят, могут его прогнать. Мы обязаны неукоснительно следовать букве закона.

— По отношению к человеку, который изо дня в день попирает законы, не только человеческие, но и божеские!

— Именно так! Он негодяй, вы совершенно правы, но мы, вестмены, в данном случае олицетворяем власть и не имеем права нарушить ее предписания. Но даже если отбросить эту проблему, что, по-вашему, предпримет Рэттлер в случае его изгнания?

— Это его дело!

— И наше тоже! Тогда нам угрожает месть с его стороны. Пусть остается с нами, легче будет за ним присматривать. Будучи изгнан, Рэттлер станет кружить поблизости, а кому хочется получить пулю в спину? Надеюсь, я вас убедил?

Говоря это, Сэм взглядом указал на приятелей Рэттлера, которым мы не доверяли и которые при попытке выгнать Рэттлера, скорее всего, горой встанут за него. Поэтому я ответил Сэму:

— Вынужден согласиться с вами, но боюсь, апачи будут непременно мстить нам.

— Несомненно, будут, тем более что мы не услышали от них ни слова угрозы. Они вели себя очень гордо, но и необыкновенно умно. Заметили? Если бы они захотели немедленно отомстить, то погиб бы только Рэттлер — если бы, конечно, мы им не помешали. Но апачи ополчились против нас всех, поскольку Рэттлер — один из нас. Мы для них враги, отнимающие их землю. Если их план удастся — готовьтесь к мучительной смерти. Уважение, которым пользовался Клеки-Петра, требует двойной, даже тройной мести.

— А все из-за пьяницы! И к нам, конечно, пожалуют целые полчища

апачей.

— Разумеется! Все зависит от того, когда они пожалуют. К черту работу, и немедленно бежать — только так можно спастись.

— Может, мы все-таки успеем закончить?

— Сколько дней вам потребуется?

— Дней пять.

— Гм! Насколько мне известно, поблизости нет стойбищ апачей. До ближайших селений дня три пути. Итак, если я не ошибаюсь, Инчу-Чуна и Виннету будут ехать дня четыре, ведь они везут убитого. На обратном пути им понадобится три дня, итого — дней семь. Если вы считаете, что уложитесь в пять дней, то мы можем продолжить съемку.

— А если ваши расчеты ошибочны? Где гарантия, что апачи повезут тело в селение, а не спрячут его в укромном месте и не вернуться раньше, чтобы перестрелять нас из засады? А может, где-то поблизости скрывается отряд апачей? Странно, очень странно, что два индейца, к тому же вожди, отлучились столь далеко от своих поселений без надлежащего сопровождения. Вероятнее всего, сейчас, в разгар охоты на бизонов, Инчу-Чуна и Виннету прибыли сюда во главе отряда охотников и лишь на короткое время покинули его. Обо всем этом мы должны помнить и все учитывать.

Сэм Хокенс прищурил маленькие глазки, скорчил гримасу и воскликнул с глубочайшим удивлением:

— Черт возьми! Ну и умница же вы! В самом деле, цыпленок в десять раз умнее старого петуха, чтоб мне лопнуть! Честно говоря, мысль неглупая. Согласен, мы должны быть начеку. И прежде всего надо узнать, куда отправились апачи. На рассвете поеду за ними.

— И я с вами, — сказал Билл Паркер.

— И я, — заявил Дик Стоун. Сэм, подумав минуту, ответил:

— Оставайтесь здесь, вы необходимы в лагере.

И Сэм бросил многозначительный взгляд на приятелей Рэттлера. Старый вестмен был прав. Оставаясь без присмотра, эти люди могли спровоцировать протрезвевшего Рэттлера на нежелательные для нас действия, поэтому Стоуну и Паркеру нельзя было покидать лагерь.

— Ты не можешь ехать один, — сказал Стоун.

— И один справлюсь, но поеду не один, — ответил Сэм. — Подыщу себе товарища.

— Кого?

— Да вот этого гринхорна, — сказал Сэм, указывая на меня.

— Ему нельзя покидать лагерь! — возразил инженер.

- Почему, мистер Бэнкрофт?
- Мне необходима его помощь.
- Интересно, в чем именно?
- В работе. Если мы должны закончить съемку в пять дней, то надо напрячь все силы. И все должны участвовать в работе.
- Ага, напрячь все силы! А до сих пор этого не требовалось? Один работал за всех, так пусть теперь все поработают на одного.
- Вы что себе позволяете, мистер Хокенс? Ваши шутки неуместны!
- Я и не шучу. Думаю, вы не очень-то отстанете, если завтра вместо пятерых поработают четверо. У меня созрел один план, а чтобы его осуществить, надо кое-куда съездить вместе... с Шеттерхэндом.
- Шеттерхэндом? Гм... Можно узнать, что за план?
- Естественно. Пусть молодой человек узнает, как выслеживать индейцев. Ему пригодится умение следопыта.
- Вот уж это меня не волнует!
- Знаю. Но есть еще одна причина. Я собираюсь в опасный путь, и полезно будет и для меня, и для вас, кстати, тоже, если моим спутником станет человек физически сильный, к тому же меткий стрелок...
- Не понимаю, в чем тут наша польза.
- Не понимаете? Быть не может! Такой умный, такой предусмотрительный джентльмен — и не понимает? Я ведь еду на разведку. А что, если враги укокошат меня? Никто не предупредит вас об опасности, нападение будет внезапным, и вас всех перебьют. А мой молодой спутник своей тоненькой ручонкой одним махом уложит любого верзилу и тем самым при необходимости решит проблему нашего возвращения в лагерь. Я ясно излагаю свою мысль?
- Гм-м, да.
- А сейчас — самое важное. Во избежание скандала он непременно завтра должен покинуть лагерь, иначе последствия могут быть самые прискорбные. Вы же знаете, что Рэттлер имеет на него зуб. Во избежание открытой схватки их необходимо развести на некоторое время, не то этот пьяница проснется и набросится на молодого человека. Поэтому один останется с вами, а другой поедет со мной. Ну как?
- Пусть едет.
- Значит, все в порядке, — сказал Сэм и добавил, поворачиваясь ко мне: — Вы слышали, что завтра вас ожидает? Возможно, у нас не будет ни минуты на перекус. Поэтому спрашиваю еще раз, не хотите ли попробовать кусочек медвежьей лапы?
- Раз так — попробую.

— Попробуйте, попробуйте! Знаю я вас, хи-хи-хи! Снимая маленькую пробу, не остановитесь, пока не слопаете все до конца. Дайте сюда ваш кусок — жарю его для вас. Гринхорнам недостает ума для выполнения столь ответственной работы. Смотрите и учитесь! Другого раза не будет, в другой раз я сам съем такое лакомство.

Добрый Сэм оказался прав. Когда он протянул мне свой кулинарный шедевр и я попробовал его, во мне пробудился зверский аппетит. Забыв на какое-то время все неприятности, я не остановился, пока не съел все до последнего кусочка.

— Ну как? — смеялся Сэм. — Не правда ли, намного приятнее есть серого медведя, чем его убивать? Мы сейчас вырежем несколько хороших кусков из задней части, сегодня же испечем и возьмем их в дорогу, а то в разведке не всегда бывает время для охоты, да и не всегда можно разжечь костер. Едем на рассвете, силы нам завтра понадобятся.

— Хорошо, я сейчас же ложусь спать, но скажите, на какой лошади вы поедете?

— Я поеду не на лошади.

— А на ком?

— Думаете, я поскачу верхом на крокодиле или какой другой пташке? Конечно, поеду на муле, забыли о моей Мэри?

— Не советую.

— Почему же?

— Вы мало ее знаете.

— Зато она знает меня прекрасно и относится ко мне с глубочайшим почтением, хи-хи-хи!

— Но завтра у нас очень ответственный поход, а ненадежная лошадь может все испортить.

— Неужели? Вы так думаете? — рассмеялся Сэм.

— Ну да, ведь важна каждая мелочь. Можно поплатиться жизнью, если лошадь не вовремя фыркнет.

— А, вы даже об этом знаете? Ах, какой умный! И об этом вы читали, сэр?

— Разумеется.

— Так я и думал. Чтение книг, должно быть, очень занимательно. Если бы я не был вестменом, отправился бы в город, уселся на мягком диване и стал читать завлекательные рассказы об индейцах. И при этом жутко бы растолстел, несмотря на то, что медвежьи лапы встречаются там исключительно в письменном виде. А скажите, пожалуйста, побывал ли на берегах старой Миссисипи хоть один из благородных джентльменов,

писавших подобные книги?

— Многие, вероятно, бывали.

— Вы так думаете?

— Да.

— А я сомневаюсь.

— Почему?

— Сейчас объясню, сэр. Раньше я тоже умел писать, а потом все это умение куда-то улетучилось, и сегодня я с трудом напишу свое имя. Рука, привыкшая держать поводья, ружье и лассо, не способна заниматься каллиграфией. Истинный вестмен, несомненно, забыл, как это делается, тот же, кто вестменом не был, пусть не пишет о том, о чем не имеет ни малейшего представления.

— Чтобы написать книгу о Диком Западе, вовсе не обязательно пробыть там столько, чтобы разучиться писать.

— Вы совсем меня не поняли, сэр! Я сказал, что написать правду может только настоящий вестмен, но настоящий вестмен никогда этого не сделает.

— Почему же?

— Потому что ему никогда не придет в голову мысль покинуть Запад, а здесь чернильниц нет. Прерия как море — не отпускает того, кто познал и полюбил ее. Нет, все эти писатели не знают Запада! Кто полюбил Запад, не уедет отсюда, чтобы мараить чернилами сотни бумажных листов. Это мое мнение, и я уверен — совершенно правильное.

— Нет. Я, например, знаю человека, который полюбил Запад и хочет стать настоящим охотником, но когда-нибудь обязательно вернется в цивилизованный мир, чтобы написать о Западе.

— Да? И кто это такой? — спросил Сэм, с интересом поглядывая на меня. — Уж не себя ли вы имеете в виду? Вернетесь к тем бездельникам, что кропают книги?

— Скорее всего — да.

— Бросьте это, сэр. Бросьте, очень вас прошу. Поверьте, вы пропадете.

— Не думаю.

— А я уверен. Могу даже поклясться! Вы хоть представляете, что вас ждет?

— Конечно. Поезжу по свету, чтобы изучить страны и народы, со временем вернусь к себе на родину и напишу о том, что довелось увидеть и пережить.

— Господи, зачем?

— Это будет поучительно для читателей. И кроме того, я заработаю

деньги.

— Бог мой! Рассказать читателям и заработать! Сэр, вы спятили, если я не ошибаюсь! Ничего поучительного читатели из ваших книг не вычитают, потому что вы сами ни на что не годны. Как гринхорн может учить других? Я совершенно уверен, никто ваши книги читать не будет! И зачем становиться учителем, если учеников у вас все равно не будет? Неужели в мире не хватает учителей и бакалавров? Вы обязательно должны пополнить их ряды?

— Послушайте, Сэм. Профессия учителя очень важна!

— Вестмен во много раз важнее! Я это точно знаю, ведь я вестмен, а вы пока лишь прикоснулись к этой профессии. И я не желаю, чтобы вы стали учителем! Да еще получали за это деньги! Что за вздор! Сколько стоит книга, которую вы намерены написать?

— Один, два, а может, три доллара, зависит от объема.

— Великолепно! А сколько стоит шкура бобра? Вы хоть имеете представление об этом? Если будете ставить силки, заработаете значительно больше учителя читателей. Даже если они и найдутся, ничему, кроме глупостей, от вас не научатся. Зарабатывать деньги! Проще это делать на Западе. Здесь деньги лежат под ногами: в прерии, в лесах, между скал и на дне рек. А что за жизнь ждет вас! Вместо чистой родниковой воды Запада вы будете пить густые чернила, вместо медвежьей лапы или бизоньей вырезки жевать гусиное перо. Вместо роскошной голубизны над вами нависнет облупившийся потолок, а вместо зеленой мягкой травы под вами будет жесткая деревянная койка. Ревматизм обеспечен! Здесь вы восседаете на лошади, а там — в мягком кресле. Здесь в любую погоду пользуетесь всеми благами природы, там с первой каплей дождя раскрываете желтый или зеленый зонт. Здесь вы свободный и веселый человек с ружьем в руках, а там будете протирать штаны за письменным столом и попусту тратить силы на какую-то писанину. Эх, пожалуй, довольно, не то меня хватит удар. Если вы и на самом деле собираетесь стать учителем читателей, вас можно только пожалеть!

Произнося эту длинную тираду, Сэм все больше вскипал, его маленькие глазки разгорелись, лицо сквозь густую бороду покраснело, а нос приобрел пурпурный оттенок. Я догадывался, на что он сердится, но хотел услышать об этом из его уст, поэтому подлил масла в огонь:

— Уверяю вас, дорогой Сэм, и вам будет приятно, если осуществится моя мечта.

— Мне? Приятно? С чего вы это взяли? Примите к сведению, я не потерплю подобных шуток!

— Это вовсе не шутка!

— Тогда не понимаю.

— В моих книгах я и о вас напишу.

— Обо мне? — спросил он, и его маленькие глазки округлились. — Вы собираетесь написать, что я делаю и о чем говорю?

— Да. Я расскажу обо всем, что нам пришлось пережить вместе, поэтому вы будете одним из главных героев, точно как здесь.

Тут Сэм, отбросив кусок медвежатины, который зажаривал во время нашего разговора, схватив ружье, вскочил на ноги и с грозным видом крикнул:

— Я вас серьезно спрашиваю при свидетелях: вы действительно намерены сделать это?

— Конечно.

— Немедленно откажитесь от своих слов и поклянитесь, что этого не будет. Я требую!

— Но почему же?

— Потому что в противном случае я вас застрелю или размозжу вам голову моей старой Лидди, которую держу в руках. Ну, я жду!

— Нет!

— Тогда бью! — крикнул он, замахиваясь на меня ружьем.

— Пожалуйста, бейте, — спокойно ответил я.

Обиженный Сэм несколько секунд помахал прикладом над моей головой, потом швырнул ружье на траву, в отчаянии всплеснул руками и запричитал:

— У него не все дома, он с ума сошел, ей-богу, с ума сошел! Я сразу догадался, как только он признался, что хочет стать учителем своих читателей, а теперь и вовсе убедился. Только сумасшедший может спокойно смотреть, как моя Лидди взлетает над его головой! Что же с ним делать? Мне кажется, он неизлечим!

— Мне не нужен доктор, дорогой Сэм, — ответил я. — Мои мозги в полном порядке.

— Ничего себе в порядке! Умный предпочел бы поклясться, лишь бы не получить прикладом по голове.

— Вы не убьете меня, я это прекрасно знаю.

— Знаете? Вот как? Да я... Увы, это правда. Скорее я убью себя, чем позволю упасть волосу с вашей головы.

— Вы должны знать, Сэм, мое слово дороже любой клятвы. И никто никогда ни под какой угрозой не сможет заставить меня дать слово, если я не захочу, даже приклад Лидди. А книги — дело серьезное. Когда-нибудь

объясню вам это.

— Благодарю! — сказал Сэм, усаживаясь у костра и опять принимаясь за приготовление мяса. — Обойдусь без объяснений того, что объяснить невозможно. Учитель читателей! Получать доход с книг! Бред какой-то!

— Сэм, а слава?

— Какая еще слава? — спросил Хокенс, поворачиваясь ко мне.

— Ну, вас читает столько народу! Вы становитесь знаменитостью!

Хокенс поднял вверх правую руку с куском мяса и крикнул:

— Сэр, прекратите немедленно, иначе я швырну в вас двенадцать фунтов медвежьего мяса! Вы глупее самого глупого медведя! Прославиться изданием книг! Чушь какая-то! Что вы можете знать об известности и славе? Я вам скажу, как заслужить славу. Вот видите эту медвежью шкуру? Смотрите сюда. Отрежьте уши вот так и заткните их за ленту шляпы, из лап вырвите когти, а из пасти — зубы, сделайте из них ожерелье и повесьте на шею. Так делает каждый белый вестмен и каждый индеец, если ему посчастливится убить гризли. Все станут говорить: «Смотрите! Он свалил серого медведя». Герою почтительно уступают дорогу, молва о нем идет от поселка к поселку. И человек обретает славу. Понятно? А о какой славе вы можете мечтать, кропая книжонки?

— Сэм, почему вы так сердитесь? Не все ли вам равно, что я стану делать?

— Все равно? Мне? Тысяча чертей! Ну что вы за человек?! Я люблю его, чтоб мне лопнуть, как родного сына, и должен равнодушно смотреть, как он катится в пропасть? Ну нет! Парень наделен силой бизона, выносливостью мустанга, скоростью оленя, взором сокола, слухом мыши и пятью или даже шестью фунтами мозгов, судя по лбу. Стреляет как опытный охотник, справляется с любой лошадьёю, как на морских свинок, идет на бизона и медведя, хотя до сих пор в глаза их не видел. И этот человек, настоящий охотник прерии, прирожденный вестмен, хочет вернуться домой и писать книги! Что может быть глупее! Ничего удивительного, что настоящего вестмена берет злость!

Закончив свою речь, Сэм победно взглянул на меня, ожидая ответа, но я промолчал. Он попался на мою удочку. Я придвинул к себе седло, подложил его под голову, вытянулся и закрыл глаза.

— Это что такое? — возмутился Сэм, все еще держа в руке поджаренный медвежий окорок. — Вы не достаиваете меня ответом?

— Именно, — ответил я. — Спокойной ночи, Сэм! Приятных снов!

— Вы ложитесь спать?

— Вы сами только что посоветовали мне сделать это.

— Так это было до нашего разговора, а он еще не окончен!

— Разве?

— Сэр, я желаю с вами поговорить.

— А я — нет, я и так уже все знаю.

— Что же вы знаете?

— То, в чем вы не хотели признаться.

— Интересно, в чем же?

— В том, что я прирожденный вестмен.

Озадаченный Сэм опустил руку с медвежьим окороком, сконфужено откашлялся и сказал:

— Нет... Смотрите... Этот гринхорн... этот... меня... в лужу... гм, гм, гм!

— Спокойной ночи, Сэм Хокенс, приятных снов! — повторил я и повернулся на другой бок.

Сэм взорвался:

— Да, да, спокойной ночи, висельник! Закройте глаза и перестаньте водить за нос порядочных людей! Конечно! Знать вас больше не хочу! Это ж надо, какой плут!

Так гневно и так искренне прозвучали его слова, что казалось, между нами действительно все кончено. Однако спустя несколько минут Сэм как ни в чем не бывало произнес:

— Спокойной ночи, сэр! Засыпайте поскорее, нам надо хорошенько выспаться!

Старый Сэм Хокенс был милым, добрым и порядочным человеком.

Я спал как убитый, а когда он меня разбудил, Паркер и Стоун были уже на ногах: остальные, включая Рэттлера, еще спали глубоким сном. Мы подкрепились куском мяса, напоили лошадей и двинулись в путь, но не прежде чем Сэм Хокенс растолковал товарищам, как вести себя в случае опасности.

Солнце еще не взошло, когда мы покинули лагерь. Первый раз я шел на разведку, полную опасностей! Что меня ожидало? Позже, когда я совершил множество таких разведок, я не раз вспоминал эту — первую.

Двинулись мы в том же направлении, в котором уехали апачи, сначала вниз по долине, а потом вдоль кромки леса. На траве еще сохранились их следы, даже мой неопытный глаз легко различил их. Следы вели на север, а мы собирались искать апачей на юге. Долина поворачивала вправо. На пологом, заросшем лесом склоне бросалась в глаза проплешина. Видимо, деревья извели вредители. Именно туда вели следы индейцев. Проехав ее, мы оказались на просторе прерии. Она широко раскинулась перед нами,

равномерно, как крыша дома, поднимаясь к югу. Здесь также были видны следы. Добравшись до вершины крышеобразного склона, мы увидели огромное, покрытое густой травой пространство, простиравшееся без конца и края к югу. Равнину пересекал прямой, отчетливый след апачей, хотя со времени их отъезда прошли почти сутки. Сэм, до сих пор молчавший, покачал головой и буркнул себе под нос:

— Очень не нравится мне этот след!

— А мне нравится, — ответил я.

— Это потому, что вы гринхорн, хотя вчера и попытались доказать обратное. Вы лягнули такое, что сразу становится понятно, с кем имеешь дело. Вам нравится этот след? Охотно верю, он так красиво, так прямо тянется через равнину, что даже слепой нащупает его рукой. Именно это мне, старому вестмену, и кажется подозрительным.

— А мне не кажется.

— Замолчите, дорогой сэр! Я взял вас с собой не шутки шутить. Если индейцы оставляют столь отчетливые следы, это всегда настораживает, тем более, что уезжали они с враждебными намерениями. Значит, заманивают нас в ловушку, ведь знают, что мы поедем за ними.

— А что за ловушка?

— Пока не знаю.

— Где она?

— Разумеется, там, на юге, ведь туда они увлекают нас, не замечая следов. Поверьте, все рассчитано.

— Мда! — буркнул я.

— Что сэр хотел этим сказать? — поинтересовался Сэм.

— Да ничего!

— Вот тебе и на! А мне показалось, у вас есть что сказать.

— Я уж лучше помолчу.

— Почему же?

— Боюсь, что опять подумаете, будто хочу подшутить.

— Да бросьте! На друзей не обижаются. Ведь вы решили учиться, а как это делать молча? Итак, сэр, что означал странный звук, который только что вы произнесли?

— Я с вами несогласен. Не верю в ловушку.

— Вот как? Почему?

— Апачи спешат к своим, чтобы как можно скорее вернуться и напасть на нас, к тому же в такую жару везут тело убитого. Причина достаточная, чтобы поторапливаться. У них просто нет времени замечать следы. По моему, это единственно верное объяснение.

— Мда! — на этот раз буркнул Сэм.

Я продолжал:

— Даже если я не прав, мы совершенно спокойно можем ехать за ними. На равнине нам не угрожает опасность, ведь врага мы заметим издали и подготовимся к его встрече.

— Мда! — еще раз буркнул Сэм, искоса поглядывая на меня. — Думаете, они все-таки везут тело в такую жару?

— Да.

— Не похоронят где-то по пути?

— Нет. Покойный пользовался таким уважением, что по индейским обычаям должен быть похоронен со всеми почестями. Ритуал завершится смертью убийцы, его прикончат поблизости от тела жертвы. Значит, индейцы постараются сохранить тело, а нас и Рэттлера захватить в плен. Насколько я их знаю, они поступят именно так.

— Насколько вы их знаете! Может, вы выросли среди индейцев?

— Не говорите глупостей!

— Так откуда же вы знаете?

— По книгам, естественно, о которых вы и слышать не желаете.

— Ладно уж! Поехали!

На сей раз Сэм не спорил со мной, но часто поглядывал на меня, а губа под усами вздрагивала, что, как я уже знал, свидетельствовало о чрезмерном волнении.

Мы пустились вскачь по равнине, заросшей невысокой травой. Это была прерия, одна из тех величественных прерий, что тянутся между верховьями Канейдиан и Пекос. По земле тянулся след, будто здесь проволокли огромный трезубец. Видно, лошади шли рядом, в том же порядке, в каком покидали лагерь. Наверняка индейцам было нелегко поддерживать покойного в седле в течение столь долгого пути, но пока ничто не говорило об их попытках облегчить себе задачу. Однако я был уверен, что им придется это сделать.

Тем временем Сэм Хокенс решил, что пришла пора начинать мое обучение, и стал объяснять мне, по каким признакам можно определить, как ехали всадники: шагом, рысью или галопом. Объяснял он очень доходчиво.

Полчаса спустя мы увидели перед собой лес, но, подъехав ближе, убедились, что он останется слева от нас. Деревья росли не густо, и всадники могли бы без труда проехать здесь друг за другом, но апачам, так как три их лошади ехали рядом, пришлось обогнуть лес. Мы тоже не стали в него углубляться, а поехали по их следам, по проторенной ими же тропе.

Потом, естественно, когда я уже «выучился», я обычно сокращал путь, проезжая сквозь лес, и опять находил след по ту сторону препятствия.

Чем дальше мы ехали, тем уже становилась прерия, превратившись в конце концов в долину, поросшую редким кустарником. Здесь мы нашли место, где апачи сделали привал. Над зарослями возвышались дубы и буки. Соблюдая меры предосторожности, скрываясь за кустами, мы подъехали к деревьям только тогда, когда убедились, что краснокожие давно покинули это место. По ту сторону кустов трава была сильно вытоптана. Осматривая ее, мы пришли к выводу, что апачи сошли с лошадей, отвязали тело, сняли его с седла и уложили на траву. Мы обнаружили, что в зарослях индейцы вырезали дубовые жерди и очистили их от ветвей.

— Зачем понадобились им жерди? — менторским тоном спросил Сэм.

— Они смастерили что-то наподобие носилок или саней, чтобы положить на них тело, — ответил я.

— Почему вы так думаете?

— Я все ждал, когда же индейцы что-нибудь предпримут. Нелегко удерживать тело в седле.

— Неплохо. Это вы тоже вычитали в ваших книгах?

— Описание точно такого же случая — вряд ли, но ведь все зависит от того, кто и как читает книгу. Из книг действительно можно многому научиться и при случае воспользоваться знаниями.

— Мда. Хоть какая-то польза есть. Похоже, тот, кто это писал, побывал на Западе. Впрочем, я и сам так думаю. Посмотрим, правы ли мы.

— Я думаю, они сделали сани, а не носилки.

— Почему же?

— У апачей всего три лошади. Для саней достаточно одной, для носилок необходимы две, идущие рядом или друг за другом.

— Да, это так, но сани оставляют глубокий след, что для апачей опасно. Сюда они прибыли вечером. Посмотрим, ночевали они здесь или продолжали путь ночью.

— Я думаю, что они немедленно пустились в путь, ведь времени у них в обрез.

— Верно, но давайте осмотрим все внимательнее.

Мы сошли с лошадей и, держа их под уздцы, медленно двинулись по следу, который теперь явно изменился; правда, он все еще был тройным, но приобрел совсем иные очертания. Средний широкий след оставили лошадиные копыта, а две параллельные рытвины прочертили сани, сделанные из двух длинных жердей и нескольких поперечных веток.

— С этого места они ехали друг за другом, — заметил Сэм. — Вполне

могли ехать рядом, но что-то заставило их двигаться именно так. За ними!

Мы опять сели на коней и пустили их рысью. Я попытался понять, почему апачи ехали гуськом, и вскоре понял.

— Сэм, будьте внимательны! Где-то здесь след изменится, а мы можем проглядеть.

— Чего это он вдруг изменится?

— Ну как же, ведь они смастерили сани не только чтобы провезти тело, но и для того, чтобы самим незаметно разъехаться в разные стороны.

— Разъехаться? Это им и не снилось, хи-хи-хи! — засмеялся вестмен.

— Ясно, не снилось, они ведь это сделали наяву.

— Скажите, откуда вы это взяли? Тут уж точно книги подвели вас.

— Об этом в книгах нет ни слова, но они меня научили думать.

— Ну и?...

— До сих пор вы играли роль учителя, сейчас разрешите мне задать вам вопрос.

— Разумеется, но только умный. Спрашивайте, мне очень интересно!

— Почему индейцы обычно ездят гуськом? Мне кажется, не потому, что так удобно или принято.

— Чтобы нельзя было сосчитать всадников.

— Я думаю, мы имеем дело именно с таким случаем.

— Вряд ли. Один едет впереди, потом идет конь с санями, а сзади второй апач следит, чтобы тело не упало на землю.

— Возможно, но не забывайте, что они торопятся напасть на наш лагерь. С телом Клеки-Петры им быстро не поскакать, а потому, думаю, один из них повезет мертвеца, а другой поскачет за подмогой.

— У вас богатое воображение. Уверяю, они и не подумают разъезжаться.

Мне не хотелось возражать Сэму. Ведь я, новичок, мог и ошибаться в споре с опытным следопытом. Не сказав больше ни слова, я напряженно всматривался в след.

Он привел нас к широкому руслу высохшей реки, по которому вода мчится только весной. Дно реки покрывали круглая галька и песок. Медленно продвигаясь вперед, я стал внимательно осматривать песчаные островки. Если моя догадка верна, именно здесь индейцам было удобнее всего разделиться. Если поехать вниз по высохшему руслу реки, направляя лошадь по камням, а не по песку, следов практически не останется. Второй из апачей мог продолжать путь, ведя лошадь с санями и оставляя следы, которые можно принять за следы трех лошадей.

Я следовал за Хокенсом, как вдруг на песчаной отмели, среди камней,

я заметил круглое, величиной с большую чашку, углубление с обвалившимися краями. В то время я не обладал еще столь пронизательным взглядом и опытом, как сейчас, однако сразу догадался, что это след лошадиного копыта, соскользнувшего с камня. Преодолев русло реки, Сэм хотел, не задерживаясь, ехать дальше, но я остановил его:

— Идите-ка сюда, Сэм!

— Зачем? — спросил он.

— Хочу вам кое-что показать.

— Что?

— Сейчас увидите.

Я повел его вдоль берега, заросшего травой. Не проехали мы и двухсот шагов, как заметили на песке четкие следы лошади, ведущие на берег, а затем уходящие к югу.

— Что это такое, Сэм? — спросил я, не пытаясь скрыть распиравшую меня гордость.

Лицо Сэма вытянулось, а маленькие глазки почти вылезли из орбит.

— Следы лошади! Откуда они взялись?

Окинув взглядом русло реки и не увидев следов по ту сторону, Хокенс пришел к выводу:

— Кто-то ехал по сухому руслу реки.

— Правильно. А кто?

— Откуда мне знать?

— А я знаю.

— Ну и кто же?

— Один из наших индейцев.

Физиономия Сэма вытянулась еще больше.

— Один из апачей? Быть этого не может!

— И тем не менее. Они расстались, как я и предполагал. Давайте вернемся к нашему следу и внимательно рассмотрим его. Я уверен, мы обнаружим, что там прошли только две лошади.

— Невероятно! Давайте посмотрим!

Мы вернулись, внимательно изучили след и убедились, что на тот берег вышли только две лошади. Сэм кашлянул несколько раз, смерил меня подозрительным взглядом и спросил:

— Откуда вы узнали, что индейцы расстанутся в высохшем русле реки?

— Я заметил внизу след на песке и сделал определенный вывод.

Когда я привел его к тому месту, Сэм посмотрел на меня с еще большей подозрительностью и спросил:

— Сэр, хоть раз вы можете сказать правду?

— Я никогда не обманывал вас, Сэм!

— Мда, я всегда считал вас прямым и честным человеком, но сейчас не могу вам верить. Вы действительно никогда не бывали в прерии?

— Никогда.

— И на Диком Западе тоже?

— Да.

— А может, вы побывали в стране, похожей на эту?

— Нет, до сих пор я не покидал родины.

— Так скажите мне, черт бы вас побрал, что же это получается? Является гринхорн, который еще не видел, как растет трава, не слышал, как поет земляная блоха, идет в первый раз в разведку и заставляет краснеть от стыда старого Сэма Хокенса. Я в вашем возрасте был раз в десять глупее, чтоб мне лопнуть! Что, по-вашему, должен чувствовать вестмен, у которого осталась хоть капля гордости?

— Не расстраивайтесь, Сэм!

— Легко сказать! Ведь я вынужден признать, что вы попали в точку, хотя до сих пор не понимаю, как вам это удалось.

— Только путем умозаключений. Умение делать выводы — весьма полезное качество для человека.

— Умозаключений? Не понимаю. Слишком умно для меня.

— Я делал выводы вот так: если индейцы едут друг за другом, они хотят замести следы. Эти два апача ехали гуськом, следовательно, они заметали следы. Понятно?

— Конечно.

— Исходя из этого, я и пришел к верному решению. Настоящий вестмен должен прежде всего хорошо думать. Хотите, представлю вам еще один вывод?

— Интересно.

— Вот вас зовут Хокенс. На английском языке «хок» значит «ястреб». Правильно?

— Да.

— Итак, слушайте внимательно! Ястреб поедает полевых мышей. Я прав?

— Да, если поймает, то поедает.

— Отсюда можно сделать умозаключение: ястреб поедает полевых мышей, вас зовут Хокенс, значит, вы поедаете полевых мышей.

Сэм открыл рот, чтобы глотнуть воздуха и собраться с мыслями, посмотрел на меня обалделым взором и вдруг завопил:

— Сэр, вы смеетесь надо мной? Что за неуместные шутки? Нанести такую смертельную обиду! Это я поедаю мышей, к тому же самых поганеньких полевых? Требую удовлетворения немедленно! Как вы относитесь к поединку?

— Не имею ничего против.

— Отлично! Вы учились в университете?

— Да.

— Значит, согласно кодексу чести, вы можете дать мне удовлетворение. Я пришлю к вам моего секунданта.

— Конечно. А вы посещали университет?

— Нет.

— Значит, согласно кодексу чести, вы не имеете права требовать у меня удовлетворения. Ясно?

Сэм не нашелся, что ответить. Я выдержал паузу, а потом добавил:

— Хотя вы и не можете вызвать меня на поединок, но я все-таки дам вам удовлетворение.

— Какое?

— Дарю вам мою медвежью шкуру.

Маленькие глазки загорелись.

— Ведь она вам самому небось нужна?

— Нет. Дарю ее вам.

— На самом деле?

— Конечно.

— Черт побери, не откажусь! Спасибо, сэр, большое спасибо! Представляю, как все просто взбесится от зависти! А знаете, что я из нее сделаю?

— Что же?

— Новую охотничью куртку. Представляете, куртка из шкуры серого медведя! Сам ее сошью. Довожу до вашего сведения, портной я первоклассный. Вы только посмотрите, как хорошо я починил старую куртку.

И он стал демонстрировать свой допотопный мешок, от множества кожаных заплат ставший твердым и толстым, как доска.

— Однако, — великодушно добавил он, — уши, когти и зубы получите вы, я уж обойдусь без этих трофеев, вы заслужили их, рискуя жизнью. Из них я сделаю для вас ожерелье, в этом я знаю толк. Согласны?

— Согласен.

— Вот это правильно, совершенно правильно, тогда и я, и вы будем удовлетворены. Да, вы молодец, большой молодец, ничего не скажешь.

Дарите вашему Сэму Хокенсу медвежьей шкуру! Если вам нравится, сэр, говорите себе на здоровье, что я поедая не только полевых мышей, но даже и крыс, и это ничуть не нарушит моего душевного спокойствия. Ну а относительно книг... В общем, я признаю, что они не так уж и плохи и кое-чему могут научить. Вы на самом деле напишете такую книгу?

— Возможно, несколько.

— О том, что с вами приключилось?

— Безусловно.

— И обо мне там тоже будет?

— Я опишу в ней самых выдающихся из моих друзей. Это будет им памятник.

— Гм, гм! Выдающихся! Памятник! Неплохо звучит. Вчера я, наверное, ослышался. Значит, и обо мне?

— Только с вашего согласия.

— Я согласен, сэр, согласен, чего там. Даже прошу обязательно поместить меня в книге.

— Хорошо, будет, как договорились.

— Но вы должны доставить мне еще одно удовольствие!

— Что же еще?

— В книге вы расскажете обо всем, что мы вместе пережили?

— Разумеется.

— В таком случае умолчите о том, что я не заметил места, где следы индейцев разделились. Такой позор! Мне стыдно перед читателями, которые захотят учиться по вашим книгам. Скройте мой промах и тогда можете спокойно писать о мышах и крысах. Мне все равно, что люди подумают о моем меню, но я не переживу, если весь мир узнает, как старый вестмен опозорился со следами. Нет, не переживу!

— Нельзя, дорогой Сэм!

— Почему?

— Потому что любого героя книги я обязан представить таким, каков он есть на самом деле. В противном случае лучше вообще о нем не писать.

— Да нет же, я хочу попасть в книгу! Ладно уж, пишите правду! И если люди узнают о моих ошибках, это будет прекрасный урок всем глупым, как я, читателям, хи-хи-хи! Я же постараюсь меньше ошибаться, зная, что обо мне будет написано в книге. Идет?

— Да.

— Тогда в путь!

— По какому следу? Боковому?

— Нет, по этому!

— Это Виннету.

— Откуда вы взяли?

— Апач с убитым ехал медленно, зато второй индеец помчался вперед, чтобы поскорее собрать воинов. Скорее всего, это вождь.

— Да! Вы правы! Я того же мнения. Вождь нас сейчас не интересуется. Поехали за сыном.

— Почему за ним?

— Я хочу посмотреть, останавливался ли он в пути, для меня это важно. Итак, вперед, сэр!

Мы пустились вскачь. По пути ничего интересного не произошло, и местность, через которую мы проезжали, тоже не отличалась ничем примечательным. Примерно за час до полудня Сэм остановился и сказал:

— Пока хватит. Виннету тоже всю ночь был в пути. Они очень торопятся, как видно, вскоре надо ожидать нападения, может, и раньше, чем мы успеем закончить работу.

— Это плохо!

— Разумеется, ведь если убежим, то не выполним задание, а если останемся — апачи нападут на нас, и работу мы все равно не завершим. Надо серьезно поговорить с Бэнкрофтом.

— Может, есть какой-нибудь выход?

— Какой?

— Спрятаться в безопасном месте, а когда апачи уедут, спокойно закончить работу.

— Мда, может, это и возможно. Посмотрим, что скажут другие. Сейчас надо спешить, чтобы к ночи вернуться в лагерь.

Обратно мы ехали тем же путем. Мы не щадили лошадей, и, несмотря на это, мой пегий оставался бодрым, а «новая Мэри», казалось, только что покинула конюшню. За сравнительно короткое время мы покрыли большое расстояние. У ручья мы остановились, напоили коней и часок отдохнули на мягкой траве в зарослях.

Мы лежали молча. Я думал о Виннету и ожидающей нас схватке с ним и, его воинами, а Сэм Хокенс закрыл глаза и... уснул. Он мог позволить себе вздремнуть, потому что я был начеку, а кроме того, ведь до сих пор мы не заметили ничего подозрительного.

И тут я неожиданно получил возможность узнать, сколь обостренными чувствами обладают на Диком Западе и люди, и животные. Мул, целиком скрытый в зарослях, объедал листья с веток. Это необщительное существо избегало лошадей и предпочитало уединение. Мой пегий держался поблизости и щипал траву острыми зубами. Вдруг мул издал странный

звук, похожий на предостерегающее фырканье. В тот же миг Сэм проснулся и вскочил на ноги.

— Я вздремнул, но Мэри фыркнула и разбудила меня. Сюда идет человек или животное. Где мул?

— Здесь, в зарослях.

Мы залезли в кусты и увидели Мэри. Притаившись за ветвями, она осторожно выглядывала из-за них, прядала длинными ушами, помахивала хвостом. Увидав нас, Мэри успокоилась, уши и хвост замерли. Да, это животное раньше было в хороших руках. Повезло Сэму, что он поймал именно ее, а не дикого мустанга!

Посмотрев сквозь ветви, мы увидели шестерых индейцев, следовавших гуськом по нашему следу. Они приближались с севера, оттуда, куда мы направлялись. Первый из них, невысокий, но крепкого телосложения, не отрывал глаз от нашего следа. Индейцы были одеты в кожаные штаны и темные замшевые куртки. Их оружие составляли ружья, ножи и томагавки. Блестящие от жира лица пересекали две цветные полосы: голубая и красная.

Встреча с индейцами обеспокоила меня, но Сэм неожиданно громко сказал, совсем не тревожась, что его могут услышать:

— Вот это встреча! Мы спасены, сэр!

— Спасены? Говорите тише, они могут обнаружить нас.

— Ну и пусть. Это люди из племени кайова. Их ведет Бао, что на языке кайова значит «лиса», храбрый и хитрый воин, вполне заслуживающий это имя. Вождя племени зовут Тангуа, это предприимчивый краснокожий и мой друг. Смотрите, на лицах индейцев боевая раскраска, а я не слышал, что это племя с кем-то воюет.

Кайова представляют собой скорее всего смесь индейских племен шошонов и пуэбло. Хотя они обладают собственной территорией, ее пределов не придерживаются. Их отряды можно встретить даже на границе с Нью-Мексико. У них прекрасные лошади, так что они могут очень быстро передвигаться. В поисках легкой добычи отряды индейцев грабят белых, наживая смертельных врагов среди приграничных поселенцев. Кайова воюют и с многими племенами апачей, не щадя ни имущества, ни жизни своих краснокожих братьев. Словом, отряды кайова — это банды разбойников.

Между тем шестеро разведчиков приблизились к нам. Каким образом они способны нас спасти, я не мог себе представить. От шестерых индейцев пользы было бы немного, а может, и никакой. Только потом я узнал, как эту помощь представлял себе Сэм Хокенс, а в данный момент я

просто обрадовался, что он их знает и нам нечего опасаться.

Идя по нашему следу, индейцы заметили, что он сворачивает в сторону зарослей. Там могли скрываться преследуемые. Реакция была молниеносной индейцы развернули своих сильных и быстрых коней и помчались в противоположную сторону, чтобы уйти от возможного обстрела. Сэм выскочил из зарослей, свернул ладони у губ и издал пронзительный, громкий крик, очевидно, знакомый индейцам, потому что они остановились и оглянулись. Сэм крикнул еще раз и замахал рукой. Разведчики поняли крик и знаки, а увидев характерную фигуру Сэма, которого ни с кем не спутаешь, пустились вскачь обратно. Я тоже вышел из кустов и встал рядом с Сэмом. Индейцы скакали, словно собирались нас растоптать, и вдруг, натянув поводья, так резко осадили лошадей, что те присели. Спешившись, они пустили коней пастись.

— Наш белый брат Сэм здесь? — спросил предводитель. — Каким образом ты попал на тропу своих краснокожих друзей и братьев?

— Бао, Хитрая Лиса, встретил меня, ибо шел по моему следу, — ответил Сэм.

— Мы думали, это след красных собак, которых ищем, — объяснил Бао на ломаном, но вполне понятном английском языке.

— О каких собаках говорит мой красный брат?

— Об апачах из племени мескалоро.

— Почему вы называете их собаками? Мои храбрые братья кайова повздорили с ними?

— Мы выкопали военный топор против паршивых койотов.

— Уфф! Я рад! Мои братья сядут с нами, а я скажу им важную новость.

Бао внимательно посмотрел на меня:

— Я не встречал еще этого бледнолицего, он молод. Это белый воин? У него уже есть имя?

Мое настоящее имя и фамилия не произвели бы должного впечатления, поэтому Сэм Хокенс, вспомнив слова Виллера, ответил:

— Мой любимый брат и друг приплыл недавно по Большой Воде со своей родины, где прославился как великий воин. Он никогда не видел ни бизона, ни медведя, но позавчера, спасая мне жизнь, сразился с двумя быками и убил их, а вчера заколол ножом серого медведя из Скалистых гор, причем сам не получил ни царапины.

— Уфф, уфф! — в удивлении воскликнули краснокожие, а Сэм продолжил, не боясь преувеличений:

— Его пуля всегда попадает в цель, его кулак бьет без промаха. Одним

ударом он валит с ног любого врага. Поэтому белые с Запада прозвали его Шеттерхэнд — Разящая Рука.

Таким образом, не спрашивая моего согласия, мне окончательно было присвоено военное имя. Согласно обычаям Запада даже лучшие друзья часто не знают настоящих имен друг друга.

Бао протянул мне руку и дружелюбно сказал:

— Шеттерхэнд — Разящая Рука позволит нам называть его нашим братом и другом? Мы любим и уважаем людей, которые убивают врага одним ударом. Шеттерхэнд — Разящая Рука будет желанным гостем в наших вигвамах.

В переводе это значило: «Нам нужны негодяи, сильные и ловкие, как ты. Если ты будешь рыскать, убивать и грабить для нас, мы станем друзьями!»

Мой ответ прозвучал дипломатично:

— Я люблю краснокожих воинов, сынов Великого Маниту, нашего общего отца. Мы братья и должны помогать друг другу в борьбе с любым врагом, который выступит против вас или нас.

На измазанном жиром и краской лице Бао промелькнуло выражение удовлетворения:

— Шеттерхэнд сказал хорошо. Мы выкурим с тобой трубку мира.

Индейцы вместе с нами сели на берегу ручья. Бао достал трубку. От нее исходил резкий, неприятный запах, ощущавшийся даже на расстоянии. Он набил трубку смесью, как мне показалось, крошенной свеклы, желудей, листьев льна и капусты, зажег ее, встал, затянулся дымом, подул вверх — к небу, вниз — к земле и сказал:

— Там, наверху, живет Добрый Дух, а здесь, на земле, растут плоды и ходят животные, которых он подарил людям кайова.

Затем Бао затянулся еще четыре раза, поочередно выпуская дым на север, юг, восток и запад.

— Там, — продолжал он, — живут красные и белые мужи, которые незаконно присвоили себе плоды и животных. Но мы найдем их и отнимем все, что принадлежит нам. Я сказал! Хуг!

Ну и речь! Как же она отличалась от всего, что мне приходилось читать, а потом и часто слышать! Этот кайова без зазрения совести объявил все растущее и живущее на земле собственностью своего племени, тем самым не только признав за собой право на грабеж, но и возводящего в ранг обязанностей каждого члена своего племени. И теперь мне предстояло стать другом этих людей! К сожалению, с кем поведешься...

Бао протянул Сэму эту отнюдь не мирную трубку мира, тот отважно

затянулся шесть раз и тоже произнес речь:

— Великий Маниту не обращает внимания на цвет человеческой кожи, он знает, что люди могут использовать краску, чтобы его обмануть, поэтому он смотрит в сердца людей. Сердца воинов прославленного племени кайова всегда мужественные, бесстрашные и верные. Мое сердце привязано к ним, как мой мул к дереву, и всегда так будет, чтоб мне лопнуть! Я сказал! Хуг!

Вот каким был Сэм Хокенс, этот маленький и хитрый человек! Любое дело он мог обратить к выгоде для себя. Его речь была воспринята громким и уважительным «уфф, уфф, уфф!»

И тут Сэм совершил настоящее злодейство, протянув мне глиняную вонючку и недвусмысленно давая понять, что от этого деликатеса мне не отвертеться. А ведь случалось, того, кто закуривал эту адскую смесь, приходилось поддерживать, чтобы человек не свалился с ног. К счастью, мне уже довелось пережить такой ритуал, и я полагал, что выдержу и этот. Я встал, торжественно поднял руку с трубкой и затянулся первый раз. И тут же убедился, что помимо названных мною четырех ингредиентов здесь присутствует и пятый. Мой нос и язык явственно ощущали запах и дым тлеющего войлочного сапога. Пустив струю дыма к небу и к земле, я сказал:

— С неба ниспадают лучи солнца и дождь, небо шлет нам все блага. Земля принимает тепло и влагу и за это дарит нам бизона и мустанга, медведя и оленя, тыкву и кукурузу, а главное — благородное растение, из которого мудрые краснокожие мужи изготавливают кинникинник, тот самый, что источает из трубки мира запах любви и братства.

Когда-то я прочитал, что индейцы называют свою табачную смесь «кинникинник», и воспользовался этим знанием. Затянувшись еще раз, я выпустил дым на все четыре стороны света. Нет, запах сложнее, чем я думал. В нем явно чувствовалось присутствие еще двух компонентов: канифоли и ногтей. Совершив это эпохальное открытие, я вдохновенно продолжал:

— На западе возвышаются Скалистые горы, на востоке тянутся бесконечные равнины, на юге сверкают озера, а на севере плещутся огромные волны моря. Будь эта страна моей, я подарил бы ее воинам кайова, потому что они мои братья. Пусть удача сопутствует вам в охоте, пусть в этом году будет у вас в десять раз больше бизонов и в пятьдесят раз больше медведей, чем людей вашего племени. Пусть зерна кукурузы будут словно тыквы, а тыквы вырастут такие, чтобы каждая была как десять обычных. Хуг! Я сказал!

Мне ничего не стоило желать им всех этих благ, зато они радовались,

будто на самом деле их получили. Это была лучшая из когда-либо произнесенных мною речей и, учитывая обычную сдержанность индейцев, была выслушана с величайшим вниманием и вызвала невероятную радость. До сих пор никто, тем более белый человек, не желал им столько благ, да и не собирался ничего дарить, поэтому благодарные крики «уфф, уфф!» звучали не переставая. Бао жал мне руку, заверяя в вечной дружбе, и так широко улыбался, произнося «уфф!», что мне удалось избавиться от трубки мира, воткнув ее ему в рот. Индеец тут же умолк, наслаждаясь ее содержимым.

Я впервые участвовал в «священном обряде» индейцев. Выкурить трубку мира — для них действие исключительно торжественное. Делается это лишь в чрезвычайных обстоятельствах и ко многому обязывает. Позже я много раз курил трубку мира, всегда сознавая значимость этого обряда, но в тот день испытал лишь отвращение. Когда Сэм упомянул о сердце, «привязанном, как мул к дереву», мне было смешно, и только. Моя рука провоняла табаком, и я от всей души обрадовался, что трубка попала в рот индейца. Достав из кармана сигару, я раскурил ее, чтобы перебить противный вкус и запах. И тут заметил, что глаза краснокожих с вожделием обратились ко мне. У Бао отвисла челюсть, причем из открытого рта вывалилась трубка, но он, опытный воин, ловко подхватил ее и опять зажал зубами. Однако весь облик его свидетельствовал о том, что он явно предпочитал одну сигару тысяче трубок мира, набитых благоухающим кинникинником.

Поскольку наша экспедиция поддерживала постоянную связь с Санта-Фе, откуда доставлялись на повозках все необходимые продукты, я не испытывал недостатка в сигарах и на всякий случай взял в поход изрядное количество. Поэтому сейчас я мог угостить всех индейцев. Бао сразу же вынул изо рта трубку и закурил сигару, а его люди, засунув подарок целиком в рот, начали его жевать. И хотя, как известно, о вкусах не спорят, в тот день я поклялся никогда больше не дарить индейцам сигары.

Торжественная часть закончилась. Краснокожие пребывали в прекрасном настроении, и Сэм приступил к расспросам.

— Мои братья говорят, что они выкопали военный топор против апачей, а мне ничего об этом не известно. Когда вы вступили на тропу войны?

— С тех пор прошло две недели, вы, белые, так называете это время. Видно, мой брат Сэм находился далеко отсюда, раз не слышал об этом.

— Это правда. Но ведь совсем недавно племена жили в мире. Что заставило моих братьев вступить на тропу войны?

— Апачи, собаки, убили четверых наших воинов.

— Где?

— На берегах Пекос.

— Там же нет ваших вигвамов!

— Но стоят вигвамы апачей.

— Что делали там ваши воины?

Индеец простодушно выложил всю правду:

— Наши воины собирались ночью похитить коней апачей, но эти вонючие собаки хорошо охраняли свои табуны. Они стали защищаться и убили четверых храбрых воинов кайова. Поэтому мы и откопали топор войны.

Итак, кайова решили украсть лошадей у апачей, но дело сорвалось. Они сами были повинны в смерти своих сородичей, а расплачиваться за это должны были апачи, защищавшие свою собственность. Мне захотелось прямо в глаза сказать этим негодьям все, что я о них думал, и я уже открыл было рот, но Сэм упредил меня, задав новый вопрос:

— Знают ли апачи, что ваши воины выступили в военный поход против них?

— Мой брат считает нас лишенными разума? Мы застигнем их врасплох, убьем сколько сможем и отнимем все, что захотим.

Нет, это уж слишком! Я не выдержал:

— Почему мои храбрые братья хотели отнять у апачей лошадей? Я слышал, что богатое племя кайова имеет коней больше, чем требуется.

Бао с улыбкой посмотрел мне в лицо и ответил:

— Мой молодой брат прибыл к нам из-за Большой Воды и не знает еще, как живут и думают люди в этой стране. Да, у нас много коней, но к нам пришли белые люди и захотели купить их. Им надо много лошадей, столько у нас не было. Тогда белые сказали нам о табунах апачей и обещали за каждую лошадь столько же товаров и «огненной воды», как за лошадью кайова. Поэтому наши воины отправились за лошадьми апачей.

Кто же был повинен в смерти уже погибших воинов и тех, кто еще погибнет? Белые торговцы лошадьми, которые расплачивались спиртным и толкали кайова на грабежи! Мне стало бы легче, если бы я мог высказаться: но Сэм опять остановил меня:

— Мой брат Хитрая Лиса идет в разведку?

— Да.

— Когда остальные воины двинутся за вами?

— Примерно через день.

— Кто поведет их?.

— Храбрый вождь Тангуа.
— Сколько воинов пойдет с ним?
— Два раза по сто.
— И вы надеетесь застать апачей врасплох?
— Мы нападём на них внезапно, как орел на ворон.
— Мой брат ошибается. Апачи знают о намерениях кайова.
Бао с сомнением покачал головой:
— Откуда им это известно? Разве их уши дотянулись до вигвамов кайова?
— Да.
— Я не понимаю моего брата Сэма. Объясни мне твои слова!
— У апачей есть уши, которые умеют ходить и ездить. Мы вчера видели две пары таких ушей. Они побывали вблизи вигвамов кайова и подслушивали их.
— Уфф! Две пары ушей? Значит, два воина вышли на разведку?
— Да.
— Я немедленно должен вернуться к вождю. Он ведет всего двести воинов. Они справились бы с апачами, если бы те ни о чем не ведали. Но раз апачи предупреждены, Тангуа понадобится больше воинов.
— Мои братья должны все взвесить. Инчу-Чуна, вождь апачей, очень умный воин. Увидев четверых убитых кайова, он понял, что апачам не избежать мести, и выехал, чтобы тайком понаблюдать за вами.
— Уфф, уфф! Он был один?
— С ним был его сын Виннету.
— Уфф! И этот тоже! Знай такое, мы бы поймали этих собак! Теперь они устроят нам горячий прием. Я должен предупредить вождя, остановить его и собрать нужное количество воинов. Сэм Хокенс и Шеттерхэнд поедут с нами?
— Да.
— Тогда — по коням!
— Подожди! Я еще не окончил разговор.
— Остальное расскажешь по пути.
— Нет. Я поеду с тобой, но не к Тангуа, а в наш лагерь.
— Мой брат Сэм ошибается.
— Слушай, что я тебе скажу! Хотите поймать живым Инчу-Чуна, вождя апачей?
— Уфф! — воскликнул пораженный кайова, а его люди насторожились.
— И его сына вместе с ним?

— Уфф, уфф! И это возможно?

— Проще простого.

— Если бы я не знал моего брата Сэма, то подумал бы, что он шутит, а такую шутку я не потерплю.

— Я все сказал! Вы сможете взять в плен вождя и его сына.

— Когда?

— Я думал, дней через шесть или семь, но сейчас знаю, что намного раньше.

— Где?

— В окрестностях нашего лагеря.

— Я не знаю, где ваш лагерь.

— Сами увидите, а когда выслушаете все, что я хочу вам сказать, охотно поедете с нами.

Сэм рассказал им о нашей работе и встрече с вождями апачей. Кончил он так:

— Меня удивило, что вожди были одни, я подумал, они отстали от своих воинов во время охоты на бизонов. Но сейчас знаю, почему это произошло. Апачей интересовали кайова. А если разведкой занялись вожди, значит, дело принимает очень серьезный оборот. Теперь они возвращаются домой. Виннету с телом убитого продвигается значительно медленнее старого вождя, который загонит лошадь, чтобы скорее собрать воинов.

— Поэтому и я должен немедленно сообщить обо всем нашему вождю!

— Пусть мой брат повременит и выслушает меня! Апачи жаждут двойной мести, вам и нам, из-за смерти Клеки-Петры. Они пошлют против вас большой отряд воинов, против нас выступят небольшой группой, которую возглавят Инчу-Чуна и его сын. Нападут на нас, перебьют, а потом соединятся с основным отрядом. Я покажу тебе наш лагерь, и оттуда ты вернешься к Тангуа и передашь ему все, о чем я тебе рассказал. Затем вы придете к нам, подождете Инчу-Чуну с маленьким отрядом воинов и возьмете его в плен. Вас будет двести человек, их не больше пятидесяти. В лагере находится двадцать белых, и мы, конечно, поможем вам. При таком соотношении сил вы без труда победите апачей. И как только вожди окажутся у вас в плену, вы сможете потребовать за них любой выкуп. Мой брат согласен со мной?

— Да. Мой брат Сэм представил хороший план. Думаю, узнав его, Тангуа обрадуется и согласится.

— Тогда — по коням! До ночи надо успеть вернуться в лагерь!

Мы сели на отдохнувших лошадей и пустились вскачь. Теперь не было необходимости держаться следа, и мы поскакали напрямик в лагерь.

Должен признаться, слова Сэма очень меня огорчили. Виннету, благородный Виннету, вместе с отцом и полестней воинов угодит в ловушку! Если это произойдет, все они погибнут. Как Хокенс мог дать такой совет! С моих слов вестмен знал, как мне понравился Виннету, да и сам он вроде бы не питал зла к молодому вождю апачей.

Все мои попытки поговорить с ним по пути в лагерь не увенчались успехом. Я хотел убедить его отступить от намеченного плана, предложить взамен другой, но он, видно, предчувствовал это и ни на шаг не отходил от предводителя индейцев. Я редко бывал в плохом настроении, но поведение Сэма привело меня в ярость. В лагере я сошел с лошади, расседлал ее и, с трудом сдерживая кипящее во мне негодование, улегся на траву, не пытаясь больше заговорить с Сэмом. Хокенс не обращал на меня внимания и рассказывал товарищам о нашей встрече с кайова и о том, что должно произойти. В лагере при виде индейцев поднялся переполох, но потом все успокоились, узнав, что это наши друзья и союзники и что можно не бояться нападения апачей. Под охраной двух сотен кайова мы могли спокойно завершить работу.

Кайова приняли нас в лагере дружелюбно, накормили медвежьим мясом, и вскоре они покинули нас, спеша предупредить своих воинов о надвигающихся событиях. Только после их отъезда Сэм подошел ко мне, растянулся рядом на траве и обычным заносчивым тоном спросил:

— Что за унылый вид, сэр? Для плохого настроения есть только две причины: либо несварение желудка, либо душевные переживания, хи-хи-хи! Думаю, имеет место второй случай, не так ли?

— Так, — неохотно отозвался я.

— Тогда откройте мне свое сердце, выявите причину, и я вас вылечу.

— Хорошо бы, но, боюсь, ваши усилия будут напрасны.

— А вы не бойтесь.

— Тогда скажите: вам понравился Виннету?

— Очень. И вам, кажется, тоже.

— В таком случае почему же вы желаете его смерти? В чем дело?

— Смерти? Ни в коем случае.

— Но его ведь схватят!

— Само собой.

— Значит, он погибнет!

— Нет,

— В таком случае зачем заманивать его в ловушку?

— Чтобы защитить нас от него самого и от его воинов.

— А что будет дальше?

— Дальше... гм! Вы готовы ему помочь?

— Не только готов, но непременно это сделаю! Если он попадет в плен, я освобожу его, если кто-нибудь станет угрожать ему оружием, я буду сражаться рядом с ним!

— В самом деле?

— Я обещал это умирающему Клеки-Петре, такое обещание равносильно клятве, а я никогда не нарушаю данного слова.

— Очень рад.

— Очень рад? — раздраженно переспросил я. — А как же тогда прикажете понимать ваши гнусные намерения?

— Ах, вот в чем дело! Мда, старина Сэм Хокенс еще в дороге заметил, что вы хотели поговорить с ним, но, благодарение Богу, удалось помешать этому, не то мой великолепный план провалился бы с треском. Не всем моим словам следует верить, милый юноша, не каждому я разрешаю заглянуть в свои карты, хи-хи-хи! Но вам разрешу. Дику Стоуну и Биллу Паркеру тоже, потому что вы будете мне помогать, чтоб мне лопнуть! Итак, я думаю, Инчу-Чуна и Виннету пошли на разведку, приказав воинам следовать за ними. Поскольку вождь и Виннету наверняка ехали всю ночь, а апачи двигались им навстречу, Инчу-Чуна встретится с ними завтра утром или в полдень, значит, послезавтра вечером апачи могут быть здесь. Ну, понимаете теперь, что нам грозит? К счастью, мы поехали за ними, к счастью, мы встретили кайова, к счастью, они приведут сюда двести всадников и...

— Я должен предупредить Виннету, — сказал я.

— Ни в коем случае! — вскричал Сэм. — Ну как вы не понимаете? Вы предупредите апачей, они не попадут в ловушку и будут нам угрожать. Нет, пусть кайова победят их и возьмут в плен. А мы тайком освободим их! Ясно? Тогда они будут благодарны нам и откажутся от мести. В худшем случае потребуют одного Рэттлера, а уж этому я препятствовать не стану. Ну разгневанный джентльмен, что вы на это скажете?

Протянув руку Хокенсу, я сказал:

— Вы прекрасно все придумали, дорогой Сэм!

— Неужели? А кто говорил, будто Сэм Хокенс поедает полевых мышей? Оказывается, и он может на что-нибудь сгодиться, хи-хи-хи! Вы согласны?

— Согласен, дорогой Сэм!

— Тогда отдыхайте, выспитесь хорошенько. Завтра будет много

работы. Я расскажу все Стоуну и Паркеру.

Ну разве старина Сэм не чудесный парень? Конечно, он далеко не стар, ему не больше сорока лет, но невероятно заросшее лицо, фантастический нос, возвышавшийся над этой разительностью, как сторожевая башня, кожаная куртка, будто сколоченная из досок, старили его неимоверно.

Здесь необходимо объяснить смысл слова «олд» — «старый». Употребляется это слово не только для обозначения возраста, но и в дружеском общении с близкими приятелями: «старик», «старина». Человек, о котором идет речь, не всегда стар, часто весьма молод. Но слову «старый» нередко придают и другое значение. Говоря о ком-то: «старый бездельник», «старый молчун», «старый мошенник», — обычно подчеркивают какую-то характерную черту, отличающую данного человека.

Именно такое значение придают слову «олд» на Западе. Известнейшего охотника прерии звали Олд Файерхэнд. Он прославился меткостью выстрела, и его нарекли «Огненная Рука». Предшествующее имени слово «Олд» подчеркивало исключительную меткость. И к моему имени «Шеттерхэнд» впоследствии прибавили «Олд».

Сэм ушел, а я попытался уснуть, но тщетно. В лагере громко обсуждали происшествия последних дней и радовались приходу индейцев. И шум в лагере, и собственные мысли не давали заснуть. Хокенс настолько поверил в свой план, что полностью исключал возможность провала, однако я не разделял его оптимизма. И потом, можно ли освободить Виннету и его отца, не подумав об участии остальных апачей? Бросить их на произвол судьбы? Но четыре человека не смогут освободить всех апачей незаметно, не навлекая на себя подозрений. И еще, апачей возьмут в плен, добровольно они не сдадутся, значит, будет бой. И тут не надо большого ума, чтобы понять: яростнее всех в таком случае будут сражаться те двое, кого мы хотим уберечь, значит, именно им грозит наибольшая опасность. Как их спасти от смерти?

Мысли одолевали меня, я ворочался с боку на бок, но ничего не мог придумать. В конце концов я решил положиться на опыт Сэма Хокенса, поклявшись самому себе встать грудью на защиту вождей, если это понадобится. С тем я и уснул.

Утром я с особым рвением приступил к прокладке трассы. Впрочем, все остальные тоже старались как могли, так что работа продвигалась быстрее, чем обычно. Рэттлер держался в стороне, слоняясь без дела. Его люди по-прежнему относились к нему вполне по-дружески, словно ничего не произошло. Наблюдая за ними, я пришел к выводу, что в случае стычки

с Рэттлером глупо было рассчитывать на их помощь. Вечером оказалось, что мы прошли участок в два раза больший, чем надеялись, несмотря на сложную трассу. Разбив лагерь на новом месте, уставшие, мы сразу после ужина легли спать.

На следующий день мы так же усердно работали до обеда, пока не появились индейцы кайова. Они без особого труда нашли место нашей новой стоянки.

Крепкие, воинственного вида индейцы сидели на хороших лошадях, и у всех без исключения были ружья, ножи и томагавки. Воинов было больше двухсот. Вождь кайова действительно отличался необыкновенным ростом, строгими, скорее даже угрюмыми чертами лица и хищными глазами, в которых горела жажда наживы и разбоя. Звали его Тангуа, что значит «предводитель». Взглянув на него, я испытал чувство страха и тревоги за судьбу Инчу-Чуны и Виннету.

Прибывший к нам в качестве друга и союзника, Тангуа вел себя отнюдь не дружелюбно. Он напоминал тигра, готового сожрать даже пантеру, только что охотившуюся с ним бок о бок. Тангуа вместе с Бао ехал во главе банды краснокожих. Приблизившись, он не сошел с лошади, чтобы поздороваться с нами, а повелительным жестом отдал приказ, исполняя который индейцы мгновенно окружили лагерь. Не говоря ни слова, Тангуа направился к нашему фургону и, приподняв полотняный полог, заглянул внутрь. Содержимое явно заинтересовало его. Спешившись, он забрался в фургон, чтобы обследовать его.

— Ого! — произнес Сэм. — Кажется, Тангуа считает нас и нашу собственность своей добычей, чтоб мне лопнуть! Он принимает Сэма Хокенса за дурака, который пускает волка в овчарню, но он ошибается. Сейчас я его приструню.

— Поосторожнее, Сэм! — забеспокоился я. — Их двести человек! Преимущество на их стороне.

— Преимущество в числе, но не в хитроумии, хи-хи-хи!

— Мы окружены.

— Вижу. Вы что, думаете, у меня нет глаз? Кажется, мы привели сюда не лучших помощников. Раз Тангуа приказал окружить лагерь, значит, он и нас вместе с апачами собирает засунуть в свой карман, а может, и проглотить. Ну нет, этот кусок ему не по зубам! Пойдемте к фургону, послушайте, как Сэм Хокенс говорит с такими мерзавцами! Я хорошо знаю Тангуа, а он прекрасно осведомлен, что я в лагере, и тем не менее не счел нужным приветствовать меня. Плохой знак! Взгляните на эти грозные лица. Ну да ладно, я им сейчас покажу, чего стоит Сэм Хокенс. Пойдемте!

Держа ружья наготове, мы подошли к фургону, в котором хозяйничал Тангуа. Возвысив голос, Сэм ехидно поинтересовался:

— Знаменитый вождь кайова собирается в Страну Вечной Охоты?

Тангуа, стоявший к нам спиной, обернулся и грубо ответил:

— Почему бледнолицые мешают мне своими дурацкими вопросами? Когда-нибудь Тангуа станет верховным вождем в Стране Вечной Охоты, но пройдет много времени, прежде чем он туда попадет.

— Возможно, лишь одна минута.

— Почему?

— Слезай с повозки, и поскорее, тогда скажу!

— Я здесь останусь!

— Прекрасно! Тогда ты взлетишь на воздух!

Сказав это, Сэм повернулся и сделал вид, будто уходит. Тангуа немедленно спрыгнул с фургона, схватил Хокенса за плечо и крикнул:

— Взлечу на воздух? Почему Сэм Хокенс говорит так?

— Чтобы предупредить тебя.

— О чем?

— О смерти, которая похитит тебя, если останешься в повозке.

— Уфф! В ней поселилась смерть?

— Да.

— Где? Покажи мне ее!

— Потом. Разве твои лазутчики не рассказали тебе, что мы здесь делаем?

— Рассказали. Вы хотите построить дорогу для огненного коня бледнолицых.

— Да, это так! Дорога пройдет через реки, пропасти и скалы, которые мы взрываем. Думаю, тебе это известно.

— Да, но при чем тут смерть, которой ты меня пугаешь?

— При том. Знаешь ли ты, чем мы взрываем скалы, оказавшиеся на пути огненного коня? Может, думаешь, при помощи пороха, которым заряжают ружья?

— Нет. Бледнолицые придумали что-то другое, чтобы взрывать горы.

— Вот именно! Это «что-то» мы держим в фургоне. И хотя оно упаковано неплохо, тот, кто не умеет с ним обращаться, погибнет. Возьмет пакет, а он взорвется в руках и разорвет его на тысячу мелких кусков.

— Уфф, уфф! — вскричал перепуганный Тангуа. — И я был рядом с этим пакетом?

— Совсем рядом. Если бы ты не спрыгнул, то сейчас был бы в Стране Вечной Охоты. И с чем бы ты туда явился? Духи предков увидели бы, что

ты пришел без мешочка со священным «лекарством», не принес скальпы, не принес ничего, а явился в виде кусков мяса и костей. Разве в таком виде ты смог бы стать верховным вождем в Стране Вечной Охоты? Да твои останки растоптали бы и разнесли по небу копыта коней предков.

Всякому известно, что индейца, попавшего в Страну Вечной Охоты без священного мешочка и скальпа, умершие герои встречают с презрением. Придется бедняге скрываться от них и пребывать в вечном одиночестве. Индейцы верят в старые предания: несчастье появиться на небесах в виде мелких кусочков! Медное лицо вождя посерело от страха.

— Уфф! — выдохнул Тангуа, медленно приходя в себя. — Как хорошо, что ты вовремя сказал мне об этом! Но почему эту опасную вещь вы держите в фургоне среди других полезных предметов?

— А где же? На земле она испортится, или кто-нибудь возьмет ее и взорвется. Даже в фургоне она очень опасна. Если пакет взорвется, на воздух взлетит все, что находится поблизости.

— И люди тоже?

— Само собой и люди, и животные на расстоянии ста больших шагов.

— Значит, я должен запретить моим воинам приближаться к повозке.

— Это надо сделать. Любая неосторожность может погубить все! Ты видишь, как я забочусь о вас, ведь вы наши друзья. Но может быть, я ошибаюсь? Друзья при встрече приветствуют друг друга и выкуривают трубку мира. Ты этого не сделал.

— Ведь ты курил трубку с Хитрой Лисой!

— Только я и этот белый воин, которого ты видишь здесь, а больше никто из моих товарищей. Раз ты их не приветствуешь, значит, что-то затаил в сердце.

Тангуа какое-то время в раздумье смотрел вдаль, потом придумал отговорку:

— Мы вступили на тропу войны и не взяли кинникинника мира.

— Уста вождя кайова произносят не то, что думает его сердце. Я вижу мешок кинникинника у твоего пояса, к тому же полный. Нам он не нужен, у нас хватает табака. И необязательно трубку курить всем. Ты выкуришь за себя и своих воинов, а я за себя и остальных белых, таким образом, союз заключат все.

— Зачем нам двоим курить, если мы и так друзья? Пусть Сэм Хокенс считает, что мы выкурили ее за всех.

— Как тебе угодно. Пусть каждый делает, что ему вздумается, но ты апачей не получишь.

— Ты хочешь их предупредить? — злобно спросил Тангуа.

— И не подумаю! Они наши враги и хотят убить нас. Но я не скажу тебе, как заманить их в ловушку.

— Я не нуждаюсь в твоих советах. Сам знаю, что делать.

— Ого! Знаешь, когда и откуда придут и где можно устроить засаду?

— Мои люди разузнают.

— Ты запретишь им отлучаться от лагеря, ведь мудрый вождь знает, что апачи найдут их следы и подготовятся. Они подкрадутся незаметно, нападут внезапно, и еще неизвестно, чем все кончится. Действуя же по моему плану, вы сами сможете неожиданно окружить их и взять в плен, чтоб мне лопнуть!

Я заметил, что эти слова произвели впечатление на Тангуа. Подумав, он ответил:

— Я посоветуюсь с моими воинами.

Тангуа отошел в сторону, жестом подозвал нескольких краснокожих, в том числе и Бао, и они начали оживленный разговор.

— Итак, Тангуа признался, что не собирался церемониться с нами, отметил Сэм.

— Мошенник вздумал подло обмануть нас, несмотря на дружбу и ваше доброе отношение к нему? — удивился я.

— Дружбу? Вы знаете, что такое дружба в понимании кайова? Ведь это воры и убийцы, промышляющие грабежом! Вы для них друг лишь до поры до времени, они не задумаются обокрасть и убить друга, если это выгодно. А у нас есть фургон с продуктами и другими вещами, представляющими для индейцев огромную ценность. Лазутчики давно обо всем узнали и сообщили вождю.

— Что же теперь будет?

— Ну что... гм! Теперь мы в безопасности.

— Хорошо, если так.

— Думаю, что это так. Я знаю индейцев кайова. А как вам понравилась моя выдумка с динамитом? Прекрасная идея, не правда ли? Теперь ни один из краснокожих не подойдет к фургону. Осталось только убедить их в том, что и в жестянке из-под сардин я держу взрывчатку. У вас тоже есть такая банка, та, где вы храните бумаги. Запомните это, может, когда-нибудь пригодится.

— Прекрасная идея, Сэм! Надеюсь, она произведет необходимое впечатление. А что вы скажете о трубке мира?

— Индейцы заранее решили не курить ее, но сейчас, кажется, передумают. Я переубедил вождя и полагаю, он уговорит воинов. И все равно доверять им нельзя.

— Значит, дорогой Сэм, прав оказался я. Вы собрались использовать кайова для осуществления своего плана, а теперь сами оказались в их руках. И мы вместе с вами. Интересно, чем все это кончится?

— Все будет хорошо, уж положитесь на меня, наверняка я переубедил Тангуа. Он понял, что без нас ему не заманить в ловушку апачей, словно слепых котят. О, вот он возвращается! Интересно, что же они решили?

Все выяснилось еще до того, как Тангуа подошел к нам: Бао отдал приказ, и плотное кольцо краснокожих, до сих пор окружавших лагерь, распалось. Индейцы отошли назад и спешили. Лицо вождя утратило былую угрюмость.

— Я посоветовался с моими воинами, — сказал он. — Они согласны, чтобы я выкурил трубку мира с моим братом Сэмом от имени всех краснокожих.

— Тангуа правильно решил, он не только храбрый, но и мудрый вождь. Пусть воины кайова сядут вокруг, чтобы все могли обменяться дымом мира и дружбы.

Все произошло так, как предложил Сэм. Тангуа и Хокенс выкурили трубку мира, соблюдая ритуал, потом мы, белые, подходили ко всем индейцам по очереди и пожимали им руки. Теперь несколько дней мы могли спать спокойно, но кто знает, что потом взбредет в голову краснокожим?

Европейцы говорят: «выкурить» трубку мира. На самом деле индейцы не курят табак, а, как они сами утверждают, «пьют дым», и это очень верно, потому что индеец в процессе курения непрерывно всасывает дым, чтобы потом изредка выпускать его малыми порциями.

Восстановив временное согласие, Тангуа потребовал созвать большой совет с участием всех белых и краснокожих. Было это очень некстати, поскольку мешало работе, которую следовало закончить как можно скорее, совет же мог затянуться до бесконечности. Я попросил Сэма перенести совет на вечер. Хокенс поговорил с вождем.

— Тангуа истинный индеец и ни за что не изменит своего решения. Апачей придется ждать долго, поэтому он требует созвать совет и подробно обсудить мой план, а потом будет большой пир. У нас достаточно продовольствия, да и кайова привезли пеммикан на вьючных лошадях. К счастью, он согласился, чтобы в совете участвовали лишь я, Дик Стоун и Билл Паркер, а вы можете приступить к работе.

— Можем? Соизволили разрешить? Я им покажу, кто здесь решает! — Взорвался я.

— Не дурите, сэр! Сделайте вид, что ничего не произошло! Их нельзя

сердить, если мы хотим, чтобы все кончилось нормально.

— Но мне надо присутствовать на совете.

— Это лишнее.

— Я так не считаю. Мне необходимо знать о принятых решениях.

— Вы о них немедленно узнаете.

— А если я с ними не соглашусь?

— Не согласитесь? Вы? Ай да гринхорн! Вы что, в самом деле собираетесь утверждать решения, принятые Сэмом Хокенсом? И я должен испрашивать, вашего разрешения, чтобы постричь ногти или почистить сапоги?

— Сэм, не лезьте в бутылку. Мне только надо знать, что жизни Виннету и его отца ничто не угрожает.

— Тут вы можете положиться на старого Сэма. Даю вам слово, с ними ничего не случится. Вы удовлетворены?

— Конечно. Вашего слова достаточно.

— Итак, приступайте к работе и не беспокойтесь. Все будет хорошо!

Я вынужден был смириться, ведь надо было закончить работу до прибытия апачей. Мы с большим рвением приступили к съемке и очень быстро продвигались вперед. Бэнкрофт и трое его помощников, зная о грозящей нам опасности, старались изо всех сил.

И угроза нападений апачей, и соседство с кайова не сулили ничего хорошего. Закончив съемку местности до появления апачей, мы могли быстро убраться отсюда, сохранив и жизнь, и полученные материалы.

Понимая это, все работали слаженно, как никогда раньше. Меня же беспокоила не собственная безопасность, а судьба Виннету, и я не собирался бежать, не убедившись, что ему ничто не угрожает.

Я работал за двоих. Приходилось вести измерения, делать записи и составлять чертежи, к тому же в двух экземплярах. Один экземпляр получал старший инженер, копию я прятал на всякий случай. Мы оказались в столь опасном положении, что нелишне было подстраховаться.

Совет действительно затянулся до вечера и закончился только тогда, когда мы прекратили работу из-за наступивших сумерек. Кайова пребывали в превосходном настроении, потому что Сэм (правильно или нет — обсуждать было уже поздно) угостил их остатками бренди из нашего бочонка. Ему и в голову не пришло спросить разрешения у Рэттлера. В лагере уже горело несколько костров, вокруг них сидели пирующие краснокожие. Рядом паслись лошади, а чуть дальше, укрытые темнотой, охраняли лагерь расставленные вождем воины.

Я сел вместе с Сэмом и его неразлучными товарищами, Паркером и

Стоуном. Ужиная, я с интересом разглядывал лагерь, который для меня, новичка, представлял необычный вид. По всему чувствовалось, что дело идет к войне. Вокруг — свирепые медные лица людей, не способных на проявление жалости и великодушия. Нашего бренди хватило каждому индейцу лишь на пять-шесть глотков, поэтому никто не опьянел, однако «огненная вода» большая редкость и лакомство для индейцев — сделала свое дело: языки развязались, повсюду велись громкие, оживленные разговоры.

Я, естественно, сразу спросил Сэма о решениях, принятых на совете.

— Можете не беспокоиться, — ответил Хокенс. — Вашим любимчикам ничего не угрожает.

— А если они будут защищаться?

— До этого не дойдет. Апачи не успеют опомниться, как будут пойманы и связаны.

— Мда? Как же вы это все себе представляете, мой дорогой Сэм?

— Очень просто. Сюда они могут проникнуть только по одной дороге. Угадajte, сэр, по какой?

— Ну, это ясно. Сначала выйдут на место старой стоянки, а оттуда двинутся по нашему следу.

— Совершенно верно! Вы не так глупы, как можно судить по виду. Итак, первую важную вещь мы знаем — откуда ожидать их появления. Вторая, не менее важная, — время их прибытия.

— Вычислить точно нельзя, но можно догадаться.

— Да, тот, кто умеет шевелить мозгами, может догадаться, хотя вряд ли стоит полагаться на догадки, это может стоить нам жизни. Время надо знать абсолютно точно.

— Только разведка даст верные сведения, но вы против этого, дорогой Сэм, ибо считаете, что следы разведчиков выдадут нас.

— Краснокожих разведчиков, запомни это! Апачи знают, что мы здесь, поэтому след белого человека не вызовет подозрений.

А что будет, если они обнаружат следы краснокожих? О чем они подумают?

— Что поблизости находятся кайова?

— Надо же, угадали! Мысленно снимаю перед вами шляпу, и сделал бы это не только мысленно, если бы мне не надо было беречь мой парик.

— Спасибо, Сэм! Я надеюсь снискать ваше уважение навсегда. Но давайте вернемся к делу. Значит, вы считаете, что мы должны послать на разведку белых, не краснокожих?

— Да, но только одного.

— Одного хватит?

— Вполне, потому что на него можно полностью положиться. Зовут его Сэм Хокенс, и, чтоб мне лопнуть, он питается полевыми мышами, хи-хи-хи! Вы знаете такого, сэр?

— Да, — ответил я. — Если он за это возьмется, я буду совершенно спокоен, его апачи не поймают.

— Конечно, не поймают, хотя он им покажется.

— Как? Они должны вас увидеть?

— Разумеется.

— В таком случае, индейцы схватят вас и убьют.

— Нет, для этого они слишком умны. Когда я спокойно прогуляюсь у них на виду, краснокожие убедятся, что мы чувствуем себя в полной безопасности. Меня апачи не посмеют тронуть, ведь мое исчезновение всполошит лагерь, да и зачем меня хватать, если я все равно попаду к ним в руки?

— Но, Сэм, возможно ли, чтобы вы их увидели, а они вас нет?

— Сэр, — взорвался Хокенс, — хорошенького же вы мнения обо мне! Как это я могу их не увидеть? У Сэма Хокенса глазки маленькие, но зоркие. Апачи, правда, вышлют вперед разведчиков, но уж я-то найду место, откуда видно все. Есть такие места, где даже опытнейший вестмен не сможет укрыться и вынужден будет появиться на открытом пространстве. Вот в таком месте я и обнаружу разведчиков. И сразу же сообщу вам, что они крадутся к нашему лагерю. А вы ведите себя спокойно, как ни в чем не бывало.

— Но ведь апачи сразу увидят кайова и предупредят Инчу-Чуну.

— Кого увидят? наших краснокожих? Молодой человек, уважаемый гринхорн, уж не считаете ли вы, что у Сэма Хокенса мозги из ваты? Моя забота — чтобы нигде не было ни малейшего следа кайова, понятно? Наши дорогие друзья спрячутся очень хорошо и появятся только в последний момент. Разведчики апачей должны увидеть только тех, кто был в лагере во время визита к нам Виннету и его отца.

— Здорово придумано!

— То-то! Не мешайте разведчикам апачей наблюдать за лагерем, пусть убедятся, что мы совершенно спокойны. Как только они уберутся, я поспешу за ними и дождусь, когда подойдут главные силы апачей. А те появятся ночью, чтобы напасть на лагерь в темноте.

— И возьмут нас в плен или убьют, если не всех, то многих.

— Послушайте, сэр! Право, мне вас жаль. Вроде бы образованный человек, а не знаете, что надо удирать, если не хочешь попасть в лапы

врагу. Любой заяц знает об этом, и даже одно маленькое черное и кусачее насекомое, которое прыгает в шестьсот раз выше своего роста, а вы понятия об этом не имеете! Неужели в книгах, которых вы прочли такое множество, ничего нет на этот счет?

— Ни слова! Отважному вестмену не пристало прыгать так высоко, как упомянутое вами насекомое! Так вы считаете, мы должны удрать в безопасное место?

— Конечно. Мы разожжем костры, пусть апачи нас видят. Пока огонь горит, они останутся в укрытии. Как только костры догорят, мы покинем лагерь, скроемся в темноте и приведем воинов кайова. Апачи нападут на лагерь — а он пуст! Хи-хи-хи! Вот удивятся! Разведут огонь, чтобы найти нас, тут-то мы их и увидим и нападём на них! О, на Западе долгие годы будут помнить хитроумного Сэма Хокенса, чтоб мне лопнуть!

— Действительно, задумано хорошо, если только все произойдет именно так, а не по-другому.

— Уж я постараюсь, чтобы по-другому не произошло.

— А что дальше? Будем тайком освобождать апачей?

— По крайней мере, Инчу-Чуну и Виннету.

— А других?

— Скольких сможем, но не выдавая себя.

— Что ждет остальных?

— Ничего страшного, уверяю вас, сэр. Кайова прежде всего начнут преследовать беглецов, ну а если они окажутся слишком кровожадными, Сэм Хокенс что-нибудь придумает. И вообще найдите своей голове лучшее применение, не занимайте ее тем, что произойдет потом. Там видно будет, а сейчас мы должны выбрать место, пригодное для осуществления нашего плана, тут не всякое подойдет. Утром я займусь этим. Хватит болтовни, с завтрашнего дня надо действовать.

Он был прав. Дальнейшие разговоры и догадки не имели смысла. Оставалось только ждать развития событий.

Наступила ночь. Погода стала меняться. Поднялся ветер, который все усиливался, и только под утро немного стих. Тогда вдруг резко похолодало, что в этих местах случается исключительно редко — ведь мы находились на широте Дамаска. Проснувшись, Сэм Хокенс взглянул на небо и сказал:.

— Ого! Сегодня произойдет редкое для этих мест событие — пойдет дождь, чтоб мне лопнуть! А это очень кстати.

— Почему? — спросил я.

— Сами не можете догадаться? Видите, как смята трава? Разведчики апачей сразу поймут, что здесь было больше людей и лошадей, чем

оставалось. Если пойдет дождь, трава выпрямится и скроет следы кайова. Ну, пора.

— Вы хотите выбрать место для нападения?

— Да. Я мог бы пока оставить кайова здесь и только потом вернуться за ними, но чем скорее они уйдут отсюда, тем быстрее пропадут их следы. А вы пока спокойно работайте.

Сэм сообщил вождю о своих намерениях, и вскоре индейцы уехали вместе с ним и его двумя товарищами. Конечно, место, которое выберет Сэм, должно находиться на нашей трассе, чтобы не вызывать подозрений и чтобы апачи не рыскали по прерии в поисках лагеря.

Работа шла, и мы медленно продвигались вперед. К полудню предсказания Сэма сбылись, хлынул дождь, да какой! Подобное можно увидеть лишь в этих широтах. Небо словно разверзлось.

Из потоков ливня вдруг появился Сэм, а с ним Дик и Билл, да так неожиданно, что мы заметили их только на расстоянии десяти шагов. Они сообщили, что нашли подходящее место. Паркер и Стоун должны были показать нам его, а Сэм тем временем, прихватив немного провизии, собрался на разведку. Он пошел пешком, без мула, чтобы легче было спрятаться. Когда Сэм скрылся за густой завесой дождя, меня охватило чувство тревоги. Казалось, катастрофа надвигается быстро и неумолимо.

Ливень кончился внезапно. На небе засияло солнце, и сразу стало тепло, как и накануне. Мы возобновили прерванную работу.

Трасса шла по прерии, окруженной лесами и кое-где поросшей редким кустарником. Рельеф для съемки был легкий, и мы быстро продвигались вперед. Хотя незадолго до того здесь проехали две сотни воинов кайова, никаких следов не осталось, дождь все смыл. Сэм оказался прав, апачи не узнают о наших союзниках.

Стемнело, и работу пришлось прервать. Стоун сказал, что мы находимся вблизи предполагаемого места боя. Хотелось осмотреть все собственными глазами, но было уже слишком темно.

На следующее утро мы довели трассу до ручья, впадавшего в довольно большое озеро, сохранявшее воду даже и тогда, когда сам ручей пересыхал. Однако в тот день, после дождя, вода поднялась высоко, полностью заполнив русло. К озеру вела узкая долина, окаймленная деревьями и кустами.

Примечательной особенностью этого озера был полуостров, узкий у перешейка, расширяющийся по мере приближения к середине озера и почти круглый по форме. По другую сторону озера раскинулась пологая лесистая возвышенность.

— Вот это место выбрал Сэм, — сказал Стоун. — Оно как нельзя лучше подходит для нашего плана.

Я окинул окрестности внимательным взглядом.

— А где кайова, мистер Стоун?

— Они укрылись, хорошо укрылись. Можете сколько угодно смотреть, а следов не найдете, хотя они прошли здесь и сейчас наблюдают за нами.

— Так где же они?

— Не торопитесь, сэр! Сначала я должен объяснить, почему хитрый Сэм избрал именно это место. На участке прерии, по которому мы ехали, растет много одиночных кустов. Разведчики апачей, скрываясь за этими кустами, станут незаметно подкрадываться к нам. Вон на той поляне мы разведем костры, чтобы апачи заметили нас издали, подошли поближе и решили напасть на нас. Уверяю вас, лучшего места для нападения краснокожим не найти!

Длинное, худое, загорелое лицо Дика излучало восторг, который никак не разделял инженер.

— Станный вы человек, мистер Стоун! — проворчал он. — На нас нападут, а вы радуетесь. Меня это пугает, и я считаю, нужно поскорее убираться отсюда!

— Чтобы сразу попасть в лапы апачам? Неужто вы так ничего и не поняли? Я радуюсь, что удалось найти подходящее место. Правда, оно облегчит атаку апачам, но потом и нам поможет перехитрить их. Взгляните на другой берег. В лесу на возвышенности притаились кайова. Они наблюдают за нами с деревьев, они заметят и апачей, потому что оттуда все видно как на ладони.

— Как же они нам помогут, — заметил старший инженер, — если сидят по ту сторону озера?

— Они сидят там до поры до времени, их не заметят разведчики апачей. Как только те уйдут, кайова тут же примчатся на полуостров и укроются здесь.

— А если лазутчики апачей сразу попытаются проникнуть на полуостров?

— Только в том случае, если индейцы будут уверены, что пройдут незамеченными.

— Что же получается? Мы должны делать вид, будто не замечаем их, и вместе с тем быть готовы отразить нападение. Одно другому противоречит.

— Вовсе нет. Апачи, конечно, попытаются пройти на полуостров, но мы знаем, как помешать им. У берега, где ширина перешейка составляет всего шагов тридцать, мы поставим непроходимую преграду.

— Какую?

— Оставим там лошадей. Привяжем их к деревьям. Почувстввав чужаков, лошади захрапят и забеспокоятся. Индейцы знают об этом и не сунутся на полуостров. Как только разведчики уйдут, явятся кайова. Весь отряд апачей подойдет сюда только к ночи, чтобы атаковать нас, когда мы ляжем спать.

— А если они не захотят ждать? — спросил я. — Мы не успеем скрыться!

— Ничего страшного, — ответил Дик. — Тогда кайова сразу же придут нам на помощь.

— Но в таком случае не обойдется без кровопролития, а этого мы хотели избежать.

— Ну что ж, сэр. Здесь, на Западе, не принято считать каждую каплю крови. Но будьте покойны! Апачи сами не полезут на рожон. Подождут, пока мы уснем. Они ведь знают, что мы будем защищаться, и, хотя нас всего двадцать человек, многие из них погибнут в схватке. Они, как и мы, ценят свою кровь и жизнь. Поэтому будут ждать, пока мы не заснем. А мы тем временем быстро потушим костры и уйдем в глубь полуострова.

— А что нам делать сейчас? Мы можем работать?

— Да, но вы непременно должны вернуться к назначенному часу.

— Тогда не будем терять времени. Пойдемте, господа, мы еще успеем кое-что сделать!

Геодезисты пошли за мной, хотя особого рвения к работе не проявляли. Я не сомневался, что все они с удовольствием удрали бы отсюда, но по контракту оплачивалась только законченная работа. А деньги хотели получить все. Кроме того, они понимали, что, если сбегут, апачи без труда переловят всех. Наш лагерь сейчас стал наиболее безопасным местом.

Я же не мог сидеть сложа руки в ожидании событий. Мной овладело лихорадочное состояние, которое обычно бывает перед боем. Сегодня на карту ставилась человеческая жизнь. Нет, я боялся не за себя, как-нибудь защищусь, но что будет с Инчу-Чуной и Виннету? В последнее время я очень часто думал о молодом вожде, испытывая странное чувство родства наших душ. Мы почти не знали друг друга, но он становился мне все дороже. И удивительное дело, как потом мне рассказывал Виннету, именно в это время он переживал то же самое и тоже постоянно думал обо мне!

Еще до обеда Сэм Хокенс вернулся в лагерь. Маленький человечек явно устал, но хитрые глазенки весело блестели на лице, заросшем густой растительностью.

— Все в порядке? — спросил я. — Судя по вашему настроению,

дорогой Сэм, это так.

— Неужели? — засмеялся он. — Откуда вы это взяли? У меня на лице написано или воображение вам подсказывает?

— Да какое там воображение? Вас выдают глаза!

— Что вы говорите? Глаза? Не мешает запомнить это и в будущем быть поосторожнее. Но вы правы. Мне повезло, повезло больше, чем я ожидал.

— Вы видели их разведчиков?

— Разведчиков? Да я видел значительно больше! Не только разведчиков, но и весь отряд, и не только видел, но и слышал и многое подслушал.

— Вы их подслушали? Говорите же поскорее, что вы узнали!

— Не сейчас и не здесь. Собирайте вещи и отправляйтесь в лагерь! Я скоро приду туда, но сначала мне надо переговорить с кайова, рассказать о результатах вылазки и дать указания, как вести себя.

Он пошел вдоль берега, перепрыгнул через ручей и скрылся между деревьями на той стороне озера. Мы собрали свои вещи, вернулись в лагерь и стали его ждать. Сэм Хокенс появился так внезапно, что мы и не заметили, как он приблизился, а он не упустил случая поиздеваться над нами:

— А вот и я, господа! У вас что, нет ни глаз, ни ушей? Любой слон застал бы вас врасплох.

— Так вы же не слон, — ответил я.

— Вполне возможно. Но я хотел показать вам, как можно подкрасться незаметно. Вы сидели молча и все же не заметили меня. То же самое произошло вчера, когда я подслушивал апачей.

— Расскажите об этом, расскажите подробно!

— Хорошо! Дайте только сяду, очень уж устал. Мои ноги привыкли к верховой езде и отказываются бегать. Не случайно уважающие себя мужчины служат в кавалерии, а не в пехоте, чтоб мне лопнуть!

Он сел рядом со мной, посмотрел по очереди на каждого из нас и сказал, многозначительно покачивая головой:

— Итак, сегодня будет бал!

— Уже сегодня? — переспросил я. Известие ошеломило меня, и в то же время я испытал чувство облегчения оттого, что вскоре все решится. — Это хорошо, очень хорошо!

— Так вам не терпится попасть в руки апачей? Впрочем, я тоже считаю, что все будет хорошо. И я рад, что больше не надо ждать. Человек строит планы, готовится, а все пойдет не так, как он предполагает.

— Почему же не так? Вы сомневаетесь?

— Ни в коем случае. Именно сейчас я полностью уверен, что все кончится хорошо. Но опытный человек знает, что из самого милого ребенка может вырасти негодяй. Самые прекрасные планы может разрушить нелепый случай.

— Нам есть чего бояться?

— Нет. Судя по тому, что я услышал, все идет как по маслу.

— Что же вы услышали? Расскажите!

— Спокойно, не спешите, молодой человек! Всему свое время. Пока не могу сказать, что я услышал, потому что сначала вам необходимо узнать, что произошло до этого. Я ушел в дождь, не стал ждать, когда он кончится, ведь моей куртке не страшен никакой ливень, хи-хи-хи! Я уже почти дошел до места нашей старой стоянки, где нас посетили вожди апачей, когда заметил троих краснокожих и принялся незаметно следить за ними. «Это разведчики апачей, подумал я, — вряд ли они пойдут дальше, ведь им приказано добраться до этого места». И оказался прав. Краснокожие обследовали все вокруг, но моих следов не обнаружили; затем, в ожидании подхода основных сил, они, выбрав место посуше, расположились под деревьями. Я тоже лег под деревом и стал ждать. Надо же было узнать, что произойдет дальше. Вдруг появился отряд всадников в боевой раскраске. Я сразу узнал апачей и их вождей Инчу-Чуну и Виннету.

— Сколько было воинов?

— Около пятидесяти, как я и предполагал. Разведчики сообщили прибывшим о своих наблюдениях и опять двинулись вперед, а остальные медленно последовали за ними. Как вы догадываетесь, джентльмены, Сэм Хокенс не упускал их из виду ни на минуту. Дождь смыл все следы, но вбитые вами колышки остались на своих местах, словно вежи столбовой дороги. Вот бы мне всю жизнь ходить по таким прекрасным следам! Апачи соблюдали осторожность, ведь мы могли оказаться за любым поворотом в лесу, в кустарнике. Они продвигались очень медленно, действуя хитро и осмотрительно, так что одно удовольствие было наблюдать за ними. Апачи и в самом деле самые смысленные среди индейских племен. Молодец Инчу-Чуна. И Виннету тоже. Ни одного лишнего звука, объяснялись исключительно знаками. Отряд апачей прошел мили две, когда стало темнеть. Индейцы спешили, привязали лошадей к колышкам, вбитым в землю, и укрылись в лесу, где и остались до утра.

— Там вы их и подслушали? — поинтересовался я.

— Да. Они умны, костров не разожгли, ну да и Хокенс не глупее их. Его они не заметили. Я осторожно прополз между деревьями на

собственном животе, за неимением чужого, и подобрался к ним на такое расстояние, что мог слышать все, о чем они говорят.

— И все поняли?

— Что за дурацкий вопрос! Я что, глухой?

— Не обижайтесь, Сэм. Я удивился, неужели они и между собой говорят по-английски?

— Говорили, если я не ошибаюсь, на диалекте мескалоро, который я с горем пополам понимаю. Вожди время от времени обменивались короткими, но очень содержательными фразами. Я услышал все, что нам необходимо знать, и теперь мы можем действовать.

— Да скажите, наконец, что вы узнали? — не выдержал я, так как Сэм многозначительно умолк.

— Сэр, если вы готовы лопнуть от нетерпения, сделайте одолжение, отойдите в сторону, не то и нам достанется! Апачи не на шутку осерчали и горят желанием взять нас живыми.

— Значит, они не собираются убивать нас?

— Что вы, как можно! Естественно, собираются, но не сразу. Они постараются захватить всех белых, затем их отвезут в свое стойбище на реке Пекос, там привяжут к столбам пыток и зажарят живьем. Знаете, как поступают с рыбой? Поймав, пускают в садок и кормят, чтобы потом сварить с хорошей приправой. Интересно, каким окажется на вкус мясо Сэма Хокенса, зажаренного вместе с охотничьей курткой, хи-хи-хи!

Отсмеявшись, Сэм продолжал:

— Больше всего, конечно, достанется мистеру Рэттлеру, который сидит тут с нами и смотрит на меня с таким восторгом, будто все радости рая ожидают только его. Да, да, мистер Рэттлер, вы заварили кашу, вам ее и расхлебывать. Вас зажарят на вертеле, посадят на кол, отравят, заколют, застрелят, четвертуют и повесят, и все это в строгой очередности, не спеша и понемножку, чтоб вы сразу не испустили дух, а могли насладиться всеми видами мучений. Если же вы и после всего этого останетесь в живых, вас вместе с Клеки-Петрой положат в могилу и заруют живьем.

— Боже мой! Они так решили? — побледнев, спросил Рэттлер.

— Разумеется. Вы вполне это заслужили, и тут уж ничто не поможет. Хотелось бы только пожелать вам, чтобы, испытав все виды казни, вы никогда больше не поступали столь скверно. Надеюсь, вы воспользуетесь моим советом. Тело Клеки-Петры передано шаману вместе с приказом доставить его на главную стоянку апачей. Хочу заметить, что краснокожие умеют сохранять тела умерших. Я видел мумии индейских детей, которые спустя сто лет выглядели так, словно еще вчера были живы. Когда нас всех

схватят, мы будем иметь удовольствие наблюдать за превращением мистера Рэттлера в живую мумию.

— Я здесь ни минуты не останусь! — вскричал Рэттлер.

Сэм удержал его:

— Ни шагу отсюда, если хотите жить! Апачи заняли всю окрестность, и вы угодите в их силки.

— Вы так думаете, Сэм? — спросил я.

— Конечно, и вы знаете, что я прав. И в другом я тоже не ошибся. Апачи начали военные действия против кайова. У них там целая армия, к которой со своим отрядом присоединятся вожди, когда покончат с нами. Они встретили по пути отряд воинов, выступивших против кайова, отдали шаману тело убитого, выбрали пятьдесят всадников и вернулись сюда. Им не пришлось ехать в стойбище, вот почему они так быстро оказались здесь.

— А где же армия, которая выступила против кайова?

— Не знаю. Об этом не говорилось. Да для нас это и не имеет никакого значения.

Тут старый Сэм ошибался: для нас имело значение — и немаловажное, где находится самый многочисленный отряд апачей. Вскоре он сам убедился в этом.

Сэм продолжал:

— Я услышал все, что меня интересовало, и мог бы сразу вернуться в лагерь, но ночью трудно замести следы, и апачи обнаружили бы их, да кроме того, мне хотелось разглядеть их получше. Я оставался в лесном укрытии, пока индейцы не тронулись в путь, последовал за ними, а примерно в шести милях отсюда покинул их и кружной дорогой незаметно вернулся к вам. Вот и все, что я хотел вам рассказать.

— Значит, они вас не видели?

— Нет.

— И вы постарались, чтобы они не обнаружили ваши следы?

— Да.

— Но ведь вы говорили, что покажетесь им и...

— Знаю, знаю! Я собирался так сделать, но этого не потребовалось и... тс-с-с, вы слышали?

Троекратный крик орла прервал речь Сэма.

— Это воины кайова, — объявил Сэм. — Они сидят на деревьях. Я велел им подать такой знак, когда увидят апачей. Пойдемте, сэр, проверим, зоркие ли у вас глаза!

Последние слова относились ко мне. Взяв ружье, я двинулся за Сэмом.

— Стойте! — остановил меня Сэм. — Оставьте ружье. Хотя вестмен и

не должен с ним расставаться, но сегодня случай особый: мы идем собирать дрова для костра, не подозревая об опасности. Апачи подумают, что вечером мы разобьем здесь лагерь, а именно это нам и нужно.

Мы бродили между деревьями и кустами по открытой поляне, изображая беспечность и собирая сухие ветки, искоса поглядывая в сторону, где должны были прятаться апачи.

— Вы кого-нибудь видите? — спросил я.

— Нет, — ответил Сэм.

— И я не вижу.

Мы напрягли зрение, но не увидели ничего подозрительного. А как стало мне потом известно от самого Виннету, он лежал в это время в пятидесяти шагах за кустом и наблюдал за нами. Оказывается, недостаточно обладать хорошим зрением, надо еще иметь опыт, а этого мне тогда явно не доставало. Сегодня я непременно заметил бы Виннету, догадавшись о его присутствии по клубящейся над кустом мошкаре, привлеченной запахом человека.

Итак, не солоно хлебавши мы вернулись в лагерь, собирая по пути хворост. Набрали его даже больше, чем было нужно.

— Вот и хорошо, — сказал Сэм. — Сделаем запас для апачей, чтобы дрова у них были под рукой, пусть разожгут костер побольше, ведь это и в наших интересах.

Стало смеркаться. Сэм, самый опытный из нас, укрылся на краю поляны, чтобы первым обнаружить приближение разведчиков.

Мы в меру сил облегчили задачу разведчикам апачей предоставив им возможность хорошенько осмотреть наш лагерь: разложили костер так, чтобы он хорошо был виден из прерии и указывал прямой путь к нам. Пусть апачи примут нас за дураков.

Мы спокойно принялись за ужин, словно и не подозревали об угрозе нападения, оставив ружья в стороне, но так, чтобы даже в темноте можно было легко их отыскать. На узком перешейке полуострова, как и предлагал Сэм, мы поставили лошадей.

Спустя три часа тихо, как тень, появился Сэм и шепотом произнес:

— Приближаются два разведчика: с этой и с той стороны. Я слышал и видел их.

Значит, индейцы обходили поляну с двух сторон, скрываясь в тени зарослей. Сэм сел вместе с нами и принялся что-то рассказывать, а мы отвечали ему. Оживленная беседа должна была усыпить бдительность разведчиков. Мы их заметили, видели, как они наблюдают за нами, но не подали виду, что догадываемся об их присутствии.

Теперь крайне важно было не упустить момент, когда они уйдут, чтобы приготовиться к приему отряда апачей и позвать кайова. Дорога была каждая минута. Мы не могли ждать, пока апачи соизволят сами покинуть поляну, надо заставить их сделать это. Сэм Хокенс встал и, делая вид, что идет за хворостом, направился в сторону кустов. Я зашел с другой стороны поляны. Прочесав заросли, мы убедились, что индейцы повернули назад. Сэм приложил ладони к губам и квакнул три раза, как лягушка. Это был сигнал для кайова. Здесь, у воды, кваканье лягушки не могло вызвать подозрений. Потом Сэм вернулся на свой наблюдательный пункт, чтобы вовремя известить нас о приближении главного отряда апачей.

Минуты через две после сигнала кайова появились на поляне. Все двести человек, друг за другом, проползли мимо нас. Не прошло и трех минут, как последний из них пропал в глубине полуострова.

Мы ждали Сэма. Тот не заставил себя ждать, явился и шепотом доложил:

— Идут, причем с обеих сторон. Подбросьте дров. Надо сделать так, чтобы под пеплом остались тлеющие угли и краснокожие могли быстро раздуть огонь. Облегчим задачу индейцам, хи-хи-хи!

Мы разложили запасы дров вокруг костра таким образом, чтобы свет от тлеющих углей не выдал преждевременно нашего ухода. Сейчас все мы стали актерами, ибо от актерских способностей каждого зависела теперь наша жизнь: не дай Бог, догадаются по нашему виду, что мы знаем об их присутствии. Индейцы непременно нападут на лагерь, но они должны сделать это только после того, как мы уляжемся спать. А если раньше?

Хотя рядом с нами и находились двести краснокожих союзников, кровопролития было не избежать. Должен сказать, перед лицом смертельной опасности каждый из нас вел себя по-своему. Я был совершенно спокоен, как будто готовился сыграть рядовую партию в шахматы. Рэттлер лег на землю лицом вниз и притворился спящим, хотя его колотило от страха. Славные вестмены, приятели Рэттлера, бледные и перепуганные, почти не принимали участия в нашей беседе. Зато Билл Паркер и Дик Стоун вели себя настолько естественно и непринужденно, словно во всем мире не было ни одного апача. Сэм Хокенс рассказывал анекдот за анекдотом, а я громко смеялся.

Так прошло полчаса. Становилось ясно, что индейцы действительно атакуют нас лишь после того, как мы ляжем спать, в противном случае бой уже начался бы. Костер догорал, ждать больше не стоило, и с протяжным зевком я громко произнес:

— Я устал, пора ложиться. Сэм, как вы относитесь к моему

предложению?

— Я не против, — ответил он. — Огонь догорает, спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — сказали Стоун с Паркером, отошли от костра и растянулись на земле.

Пламя медленно затухало, и вскоре стало совсем темно. Только тлеющие под пеплом угольки красновато мерцали, но в их неверном свете ничего нельзя было разглядеть. Пора было уходить. Взяв ружье, я медленно пополз в сторону. Сэм держался рядом со мной, остальные двинулись за нами. Добравшись до лошадей, я, чтобы на всякий случай заглушить чей-нибудь неосторожный шорох, подергал за повод одну из них, заставив с шумом переступить с ноги на ногу.

И вот мы все добрались до места, где кайова, как кровожадные пантеры, притаились в засаде.

— Сэм, — тихонько сказал я другу, — если мы действительно собираемся уберечь от смерти обоих вождей, то должны сделать все, чтобы не допустить к ним кайова.

— Согласен с вами, сэр.

— Я беру на себя Виннету, а вы, Стоун и Паркер, позаботьтесь об Инчу-Чуне.

— Как это? Вы один идете на Виннету, а нам троим оставляете одного старика? Не очень справедливо, чтоб мне лопнуть!

— Справедливо. С Виннету я справляюсь, но вас должно быть трое, чтобы скрутить Инчу-Чуну, пока он не опомнится и не начнет сопротивляться, иначе вождь погибнет в бою или будет ранен.

— Да, вы правы! Надо выйти вперед, чтобы кайова не опередили нас. Идем!

Мы продвинулись на несколько шагов ближе к костру и замерли в темноте, с напряжением ожидая боевой клич апачей, ибо без сигнала индейцы никогда не атакуют. По индейскому обычаю подает его вождь, затем клич подхватывают остальные воины. Трудно описать его словами. Дьявольский вой рассчитан на то, чтобы противник оцепенел от страха. Краснокожие издают пронзительный крик «хиииииих» и быстро хлопают ладонью по губам, отчего получается ужасающая трель.

Воины кайова, как и мы, с нетерпением ждали боя. Каждый из них хотел быть в первых рядах, и они, отталкивая друг друга, пытаются пробраться вперед, тем самым заставляли нас продвигаться все ближе к огню. Такие маневры становились опасными. Скорей бы уж апачи начали атаку!

И вот началось! Дикий крик «хиииииих» прозвучал в ночной тишине

так резко и пронзительно, что мурашки побежали по спине, и вслед за тем поднялся такой адский вой, будто взвыли тысячи чертей. Вдруг все стихло, наступила мертвая тишина, в которой мы отчетливо слышали короткое «ко!». Его произнес Инчу-Чуна.

Слово это значит «огонь». Угольки под пеплом нашего костра еще тлели, а вокруг лежали сухие ветки. Апачи немедленно исполнили приказ, подбросив хвороста в затухающий костер. Через несколько секунд пламя взметнулось ввысь, осветив всю поляну.

Инчу-Чуна и Виннету стояли рядом. Как только апачи убедились, что нас нет в лагере, они плотным кольцом окружили вождей, выкрикивая в удивлении свое обычное «уфф, уфф, уфф».

Виннету, хоть и был самым молодым среди воинов, первым понял, что произошло. Как часто впоследствии восхищался я его умом и сообразительностью! Сейчас он моментально понял, что мы где-то поблизости, а освещенные костром апачи являют собой прекрасную мишень для наших ружей. Поэтому Виннету крикнул:

— Татиша, татиша!

Приказ означал «Скройтесь!». Сам Виннету уже был готов исчезнуть в темноте, но я опередил его. В три прыжка оказался я среди воинов, окружающих его, растолкал их и пробился внутрь кольца. Сэм, Стоун и Паркер следовали за мной по пятам. И в то мгновение, когда Виннету, громко крикнув «татиша!», собирался метнуться в спасительную тьму, он увидел меня. Несколько секунд мы смотрели в глаза друг другу. Потом Виннету молниеносно выхватил из-за пояса нож, но я ударил его кулаком в висок, и он, потеряв сознание, рухнул на землю. В тот же миг Сэм, Стоун и Паркер схватили Инчу-Чуну.

Апачи яростно взвыли, но жуткий боевой клич кайова, кинувшихся в бой, заглушил их рев.

Пробившись сквозь строй апачей, я оказался в самой гуще дико орущих, сплетенных в жестокой схватке людей. Двести кайова против пятидесяти апачей! Четверо на одного! Отважные воины Виннету защищались изо всех сил. Я вынужден был держать их на расстоянии и пустить в ход кулаки, не желая никого ранить, а тем более убить. Нокаутировав еще четверых или пятерых апачей, я расчистил пространство перед собой, но к этому времени сопротивление апачей было сломлено. Сражение продолжалось пять минут. Всего пять минут! Нет, в данном случае целых пять минут, и это слишком долго!

Связанный Инчу-Чуна лежал на земле без сознания, Виннету лежал рядом с ним. Никто из апачей не убежал, им и в голову не пришло бросить

схваченных нами вождей. И у них, и у кайова были раненые, а трое кайова и пятеро апачей погибли в бою. Мы не желали такого исхода сражения, но отчаянное сопротивление апачей вынудило кайова применить оружие.

Побежденных апачей связали без особого труда, так как расстановка сил была в нашу пользу: четверо кайова да один белый на каждого воина апачей. Трое кайова держали апача, а четвертый связывал пленника.

Тела погибших убрали в сторону, а так как ранеными кайова занялись их товарищи, мы решили перевязать раны апачей. Нас встретили угрюмые лица, кое-кто пытался сопротивляться, ибо гордость не позволяла им воспользоваться услугами врагов и они предпочитали истекать кровью. К счастью, их состояние не внушало опасений — большинство ран было легкими.

Перевязав раненых, мы спросили, как они проведут ночь. Хотелось облегчить их страдания, насколько это было возможно, но вождь кайова Тангуа крикнул:

— Эти собаки принадлежат нам, а не вам, и я буду определять их судьбу!

— И что ты решил? — спросил я.

— Сначала мы хотели отвести их в наши деревни, но теперь ничто не мешает нам напасть на стойбища апачей. Путь далек, не тащить же их с собой, поэтому все они умрут у столбов пыток.

— Все?

— Все.

— Ты ошибаешься.

— Я ошибаюсь?

— Да. Ты говоришь, что апачи принадлежат вам. Это не так.

— Мы имеем право распоряжаться их жизнью.

— Нет. Согласно законам Запада пленник принадлежит тому, кто его схватил. Возьмите апачей, которых поймали вы, я ничего не имею против. Однако пойманные нами принадлежат нам.

— Уфф, уфф! Очень мудро говоришь! Значит, вы хотите взять Инчу-Чуну и Виннету?

— Разумеется!

— А если я не отдам их вам?

— Несомненно, отдашь!

Тангуа говорил злобно, я же отвечал ему спокойно, но твердо. Вождь достал из-за пояса нож, с размаху вонзил его в землю и прорычал, грозно сверкая глазами:

— Только прикоснитесь к кому-нибудь из апачей, и в ваши тела

вонзится этот нож, Хуг! Я сказал!

Дело принимало опасный оборот, я уже собирался показать вождю кайова, что нисколько его не боюсь, но тут Сэм Хокенс бросил на меня предостерегающий взгляд. Ко мне вернулось благоразумие, и я умолк.

Связанные апачи лежали вокруг огня. Проще всего было оставить их там, главным образом потому, что это облегчало задачу стражникам. Но Тангуа хотел доказать мне, что все они его собственность и он поступит с ними так, как ему вздумается. Поэтому он велел привязать пленников к деревьям и оставить так, пока не решится их судьба.

Приказ был исполнен немедленно, и разумеется, с намеренной жестокостью. Кайова старались причинить боль пленникам, но ни один из апачей не издал ни звука, не подал виду, что страдает: воин обязан стойко переносить физические мучения. Особенно изощренно и грубо обращались кайова с вождями апачей, так туго затянув путы, что из вздувшихся конечностей едва не брызнула кровь.

Хотя ни у кого из пленников не было шансов освободиться без посторонней помощи и бежать, Тангуа выставил охрану.

Зажженный снова костер пылал посреди поляны. Мы расселись вокруг огня, твердо решив не допускать сюда «союзников», ведь они могли помешать нам освободить Виннету и его отца. К счастью, кайова к нам и не приближались. Они с самого начала не испытывали к нам дружеских чувств, а мой спор с вождем еще более обострил наши отношения. Злые, часто презрительные взгляды не предвещали ничего хорошего. В лучшем случае мы могли рассчитывать на то, что расстанемся с ними без стычки.

Кайова развели свои костры в стороне от нас и расположились вокруг них. Они разговаривали на языке своего племени, не пользуясь жаргоном, на котором индейцы говорят с белыми, явно не желая, чтобы мы понимали их разговор. Дурной знак! Всем своим видом кайова показывали, что они хозяева положения, и поведение их по отношению к нам очень напоминало поведение льва в зверинце, который только до поры до времени мирится с присутствием пса в своей клетке.

Наш план трудно было осуществить еще и потому, что в него были посвящены лишь четверо: Сэм Хокенс, Дик Стоун, Билл Паркер и я. От остальных мы его скрывали, зная, что на негодеев из компании Рэттлера положиться нельзя: они запросто выдали бы нас индейцам. Оставалось рассчитывать только на свои силы. Следовало подождать, когда все улягутся, чтобы никто не поднял тревогу. Сэм посоветовал и нам немного поспать, потом у нас не будет ни минуты отдыха. Мы последовали его совету, и я мгновенно уснул, несмотря на ждущие нас опасности.

Тогда я не умел еще определять время по звездам, но, вероятно, было около полуночи, когда Сэм разбудил меня. Весь лагерь спал. Кайова поддерживали огонь только в одном костре, остальные погасли. Мы могли говорить, но, разумеется, шепотом. Паркер и Стоун тоже проснулись. Сэм прошептал:

— Прежде всего надо решить, кто пойдет, все четверо не должны отсюда уходить. Хватит двоих.

— Конечно, я иду! — решительно сказал я.

— Ого, не спешите, сэр! Дело крайне опасное.

— Знаю.

— Мда. Вы молодец, чтоб мне лопнуть, но это очень опасно, смертельно опасно, сэр. А главное, успех будет зависеть от того, кто выполняет задачу.

— Разумеется.

— Я рад, что вы меня поняли, значит, благоразумно предоставите заняться делом более опытным вестменам.

— И не подумаю!

— Сэр, будьте благоразумны! Пойдем мы с Диком!

— Нет!

— Вы новичок в этом деле, а тут надо подкрасться бесшумно.

— Возможно. Однако я сегодня докажу вам, что человек может выполнить задачу, если очень захочет. Надо только приложить все силы.

— И ловкость, хотя бы минимум ловкости, сэр! А вот этого вам недостает. Здесь необходима и врожденная, и приходящая с опытом ловкость, а вот этого, думаю, у вас пока нет.

— Пусть все решит испытание.

— Какое?

— Как вы думаете, Тангуа сейчас спит или нет?

— Не знаю.

— А не мешало бы знать, не так ли?

— Да. Я проберусь к нему и узнаю.

— Нет, это сделаю я.

— Вы?

— Да, я, и это будет испытанием.

— Ах, вот оно что! А если попадетесь?

— Ничего не случится, что-нибудь придумаю. Скажу, хотел проверить охрану.

— Хорошо. Но кому нужно это испытание?

— Мне, чтобы заслужить ваше доверие. Если все сойдет

благополучно, вы возьмете меня к Виннету.

— Когда вернетесь, тогда и поговорим.

— А сейчас я могу идти к Тангуа?

— Да, но будьте внимательны! Если вас заметят, возникнут подозрения, если не сейчас, то потом, после побега Виннету. Подумают, что это вы его освободили.

— И не ошибутся.

— Прячьтесь за каждое дерево, каждый куст, избегайте освещенных мест. Все время старайтесь оставаться в темноте!

— Я точно выполню все ваши указания.

— Надеюсь. По крайней мере тридцать кайова, не считая охраны, все еще не спят, чтоб мне лопнуть! Если они вас не заметят, возможно, из вас и получится настоящий вестмен, а пока что, несмотря на мои героические усилия, вы все еще остаетесь гринхорном, да еще таким, каких редко встретишь даже в паноптикуме, хи-хи-хи!

Я сунул нож и револьвер поглубже за пояс, чтобы они случайно не выпали, и отполз от огня. Сегодня, вспоминая об этом, я особенно остро ощущаю всю ответственность, которую тогда с легкостью взял на себя, всю дерзость предпринятого дела: я вовсе не собирался проверять, спит ли Тангуа.

Я полюбил Виннету и намерен был доказать ему свою дружбу, даже если бы это стоило мне жизни. И вот удобный случай представился: можно было освободить его, и сделать это должен был именно я! Не доверяя мне, Сэм Хокенс только помешал бы осуществить задуманное. Даже выдержи я намеченное испытание и узнай, спит Тангуа или нет, Сэм не перестал бы сомневаться в моих способностях и для освобождения Виннету взял бы не меня, а Дика Стоуна. Поэтому я решил не упрашивать Сэма, не тратить понапрасну слов, а взяться за дело без посторонней помощи. И я отправился не к Тангуа, а к Виннету!

Я понимал, что подвергаю смертельной опасности не только собственную жизнь, но и жизнь моих товарищей: если бы я попался, они бы погибли вместе со мной. И все-таки с юношеской беспечностью пошел на рискованный шаг.

О том, как надо подкрадываться, я много читал в молодости, а с тех пор, как прибыл на Дикий Запад, много слышал. Сэм Хокенс любил не только рассказывать, но часто и показывал, как это делается. Я пытался подражать ему, хотя понимал, что мне далеко еще до совершенства. Что же, сегодня придется постараться.

Я медленно полз в густой траве. От лагеря до места, где, привязанные

к деревьям, стояли Инчу-Чуна и Виннету, было шагов пятьдесят. Ползти по всем правилам, касаясь земли лишь кончиками пальцев и носками сапог, я еще не умел. Такое движение требует большой физической силы и особого навыка, который приобретается только в результате длительных упражнений и которого у меня тогда, конечно, не было. Поэтому я полз, опираясь на колени и локти. Вытягивая вперед руку, я сначала тщательно ощупывал путь, проверяя, нет ли там сухой ветки, которая под тяжестью моего тела могла бы хрустнуть. Протискиваясь сквозь густой кустарник, я раздвигал ветки осторожно, чтобы не произвести лишнего шума. Понятно, полз я крайне медленно, но все-таки продвигался вперед.

Виннету и Инчу-Чуна привязали к деревьям, росшим на краю поляны, а в пяти шагах от них, лицом к пленным, сидел краснокожий стражник.

Часовой, конечно, мог помешать выполнению моего плана, но я знал, как отвлечь его внимание. Для этого нужны были камни. Увы, под рукой их не было. Надо же, какая обида! Ведь я преодолел уже почти полпути и потратил на это больше получаса. Двадцать пять шагов за полчаса! Вдруг я заметил рядом какое-то светлое пятно. К своей большой радости, обнаружил маленькую, диаметром в полметра, ямку с песком. Должно быть, песок сюда занесла вода во время паводка. Набрав песка в карман, я двинулся дальше.

Прошло еще полчаса, и я оказался в нескольких шагах от Виннету и его отца. К счастью, за деревьями, к которым они были привязаны, росли густые кусты, скрывавшие меня от часового. Сбоку, в нескольких шагах от кайова, рос колючий куст, который я давно заприметил.

Сначала я подполз к Виннету и несколько минут лежал без движения, наблюдая за поведением часового. Индеец, несомненно, устал, он то и дело закрывал глаза и с трудом заставлял себя время от времени поднимать веки. Это было мне на руку.

Сначала следовало определить, как именно связан Виннету. Я протянул руку к стволу дерева и ощупал его вместе с ногами пленного. Виннету не мог не почувствовать моей руки. Я боялся, что он пошевелится и выдаст меня, но Виннету обладал не только умом, но и великолепным самообладанием. Он не шелохнулся. Ноги апача, как я убедился, были стянуты в щиколотках и привязаны к дереву. Чтобы освободить ноги Виннету, требовалось перерезать два ремня.

Теперь руки. В неверном свете костра удалось разглядеть, что руки Виннету, заломленные назад по обе стороны ствола, были связаны в запястьях. Здесь достаточно разрезать один ремень.

Я уже приготовился разрезать путы, как до меня неожиданно дошло,

что, как только я освобожу Виннету, он сразу бросится бежать, и тогда я пропал. Как же я раньше об этом не подумал? Что делать? Голова лихорадочно работала, но ничего умного в нее не приходило. Я решил рискнуть, а если Виннету пустится в бегство, бежать за ним.

Как же я тогда ошибался и недооценивал Виннету! Как мало я еще знал его! Позже Виннету рассказал мне, что он тогда испытывал. Почувствовав, как его ощупывают чьи-то руки, он подумал, что это один из апачей. Правда, все воины, которых они с отцом привели, оказались в плену, но это мог быть разведчик, незаметно шедший за ними, или же воин, прибывший к вождям с донесением от главного отряда. Виннету понял, что сейчас его освободят, ждал этого, но не собирался менять своего положения у дерева, так как побегом он подвергал опасности своего спасителя. Да он и не собирался бежать без отца.

Сначала я разрезал оба ремня на ногах. К рукам я не мог дотянуться с земли, вернее, дотянулся бы, но мог поранить Виннету. Надо было встать на ноги, но стражник мог меня заметить. Чтобы отвлечь его внимание, я достал из кармана горсть песка и бросил его на колючий куст рядом с часовым. Индеец обернулся на шум, посмотрел на куст и успокоился. Шелест, вызванный новой порцией песка, произвел нужное впечатление, ведь в ветвях куста могла прятаться ядовитая змея.

Кайова встал, подошел к кусту и принялся рассматривать его, повернувшись к нам спиной. Я вскочил на ноги и перерезал верхний ремень. И тут на глаза мне попались великолепные волосы Виннету, завязанные на макушке узлом и гривой ниспадающие на спину. Ухватив левой рукой тонкую прядь этих волос, я отрезал ее и в следующее мгновение опять лежал на земле.

Зачем я это сделал? Да затем, чтобы иметь доказательство, что именно я освободил Виннету.

К моей великой радости, Виннету даже не дрогнул. Он продолжал стоять у дерева, не меняя положения. Я свернул на пальце волосы в колечко и спрятал их в карман. Затем подкрался к Инчу-Чуне и тоже ощупал ремни на его ногах и руках. Инчу-Чуна, которого связали точно так же, как Виннету, не шелохнулся, когда я дотронулся до него. Я разрезал путы сначала на ногах, потом на руках, отвлекая внимание стражника уже испытанным приемом.

Как и сын, Инчу-Чуна остался стоять неподвижно у дерева, давая возможность своему спасителю незаметно скрыться. Собрав ремни, снятые с пленников, чтобы они раньше времени не попались на глаза кайова, я осторожно двинулся в обратный путь.

Надо было торопиться, ведь, обнаружив исчезновение пленников, часовой поднимет тревогу и разбудит весь лагерь, и тогда мне ни в коем случае нельзя будет оказаться поблизости. Возвращаясь, мне пришлось избрать другой путь — через кусты, кружной дорогой. В зарослях я смог выпрямиться в полный рост. Подойдя к лагерю, я опять опустился на колени и прополз остаток пути.

Во время моего отсутствия друзья не сомкнули глаз. Чего только они не передумали! Когда я добрался до них и осторожно лег рядом, Сэм шепнул мне на ухо:

— Мы так беспокоились, сэр! Вы хоть знаете, сколько времени прошло?

— Сколько?

— Почти два часа.

— Точно: полчаса туда, полчаса обратно и час на месте.

— Что же вы делали целый час?

— Я наблюдал за вождем и убедился, что он спит.

— Ну и как же вы убеждались в этом?

— Очень просто — смотрел на него, а так как тот не двигался, я понял, что он спит.

— Прекрасно! Надо же такое придумать! Дик, Билл, вы слышали? Чтобы убедиться, спит ли вождь, он смотрел на него целый час, хи-хи-хи! Гринхорн! Не мог придумать ничего умнее! Не было там ни веток, ни коры?

— Были, конечно, — ответил я.

— Вы не додумались бросить в Тангуа кусок коры или комочек земли, чтобы узнать, спит он или нет? А он бросал... взгляд за взглядом... И так целый час, хи-хи-хи!

— Может, вы и правы, но испытание я выдержал!

Разговаривая, я все время посматривал на вождей апачей. Почему они все еще стоят у деревьев, будто привязанные к ним, ведь давно могли уйти? Позднее я узнал, в чем было дело. Виннету полагал, что, освободив его, неизвестный спаситель освободит отца и затем даст им сигнал к побегу. То же самое думал и Инчу-Чуна и... оба ждали. Спустя некоторое время Виннету, улучив момент, поднял руку, показывая отцу, что свободен. Старый вождь повторил жест сына. В тот же миг оба апача исчезли, словно провалились сквозь землю.

— Да, испытание вы выдержали, — согласился Сэм Хокенс. — Вы наблюдали за вождем битый час и... не попались!

— Значит, вы согласны взять меня к Виннету?

— Гм! Интересно, как вы думаете освободить апачей? Тоже взглядом?

— Ну зачем же! Мы разрежем ремни.

— И думаете, что это так же просто, как срезать ветку с дерева? Стражника видите?

— Конечно, вижу.

— Он делает то, что так нравится вам, — окидывает взглядом апачей. А вот освободить их значительно сложнее, и боюсь, до этого вы не доросли. К ним, знаете ли, не так просто подобраться, а если и удастся, то... тьфу, пропасть! Что это такое?

Сэм на полуслове оборвал свои разглагольствования и вытаращил глаза: вожди исчезли. Сделав вид, что ничего не заметил, я спросил:

— Что случилось? Почему вы умолкли?

— Почему? Потому... потому... Уж не обманывают ли меня глаза? Дик, Билл, посмотрите-ка туда: вы видите Виннету и Инчу-Чуну?

Не успели Дик и Билл прийти в себя от потрясения, как часовой, тоже заметив исчезновение своих подопечных, вытаращил глаза на пустые деревья и разразился пронзительным криком. В лагере поднялся неопиcуемый шум.

Кайова кинулись к часовому, белые тоже. За ними побежал и я, по дороге незаметно высыпав песок из карманов.

Какая жалость, что я освободил только Виннету и Инчу-Чуну! Если бы была хоть малейшая возможность, я бы с удовольствием помог всем апачам.

Вокруг деревьев, где только что стояли связанные вожди, столпилось человек двести. Их ярость не знала границ. Легко представить, что случилось бы со мной, узнай они, кто освободил вождей. Первым пришел в себя Тангуа и стал отдавать приказы. Спустя минуту половина воинов разбежалась по прерии, пытаясь в темноте настичь беглецов. Вождь кайова не помнил себя от злости. Он ударил незадачливого стражника кулаком по лицу и, сорвав с его шеи мешочек с «лекарствами», стал их топтать, тем самым лишая воина чести.

Тут следует объяснить, что слово «лекарство» для индейца означает понятие, глубоко отличное от нашего. Оно появилось в лексиконе индейцев вместе с белыми людьми, вторгшимися в их жизнь. Индейцы не знали лекарств, которыми пользовались белые, и действие препаратов воспринимали как результат колдовства, проявление непонятной, таинственной силы. Поэтому индейцы стали называть «лекарствами» все то, что странным, чудесным образом способно оградить человека от болезней, несчастий, принести удачу в бою.

Каждый взрослый воин, каждый вождь носит на шее мешочек со своими собственными «лекарствами». Юноша, которому предстоит пройти обряд посвящения в воины, уходит из деревни в поисках «лекарств», своего рода талисмана. В уединении он проходит испытания на физическую выносливость, без пищи и воды проводя время в сосредоточенных размышлениях о своих планах, надеждах, желаниях. Доведя себя постом и непрерывными раздумьями до состояния транса, он теряет ощущение действительности, впадает в полусонное забытие и ждет, когда Маниту даст ему знак — укажет во сне на какой-нибудь предмет, который на всю жизнь станет его талисманом — «лекарством». И даже если это будет летучая мышь, он не остановится, пока ее не поймает. Только тогда индеец возвращается в родную деревню, отдает талисман шаману, тот особым образом обрабатывает его и торжественно вручает юноше. Молодой воин прячет «лекарство» в мешочек, который с тех пор становится его бесценным сокровищем. Лишаясь мешочка с «лекарствами», индеец лишается чести. Несчастный может вернуть себе честь, только убив врага и добыв его «лекарства», которые становятся собственностью победителя...

Отсюда ясно, как жестоко наказал Тангуа своего воина, уничтожив его мешочек с «лекарствами». Не говоря ни слова в свою защиту, воин взял ружье и исчез между деревьями. С этого дня он считался умершим. Племя примет его лишь тогда, когда он раздобудет новые «лекарства».

Тангуа с яростью набросился на меня:

— Ты считал этих собак своей собственностью! Беги, лови их!

Я хотел промолчать, но Тангуа схватил меня за плечо и крикнул:

— Ты слышишь? Я приказываю!

Я оттолкнул его:

— Приказываешь? Кто дал тебе право приказывать мне?

— Я вождь этого лагеря, и все здесь должны подчиняться мне!

Достав из кармана банку из-под сардин, я поднял ее вверх и крикнул:

— Мне не нравятся твои слова! Хочешь взлететь на воздух вместе со всеми воинами? Еще слово, и я уничтожу всех вас при помощи моих «лекарств»!

Тангуа шарахнулся в сторону и уже с безопасного расстояния крикнул:

— Уфф, Уфф! Оставь свои «лекарства» для себя! Ты такая же собака, как все апачи!

Это было оскорбление, но в данной ситуации я оставил его без внимания.

Все белые вернулись в лагерь, где долго и безрезультатно пытались выяснить, что же произошло. Я сохранял полное молчание. Признаюсь,

сознание того, что я один знал тайну побега апачей, которую никто не мог разгадать, доставляло мне глубокое удовлетворение. Прядь волос Виннету я отныне носил с собой во всех моих путешествиях по Западу и сохранил ее до сегодняшнего дня.

Глава IV

В БОРЬБЕ ЗА ЖИЗНЬ

Хотя кайова и считались нашими союзниками, однако их поведение вызывало тревогу, и мы решили ночью по очереди стоять на часах. Это не укрылось от индейцев, они бросали на нас косые взгляды. Их дружеские чувства явно шли на убыль.

Рано утром часовой разбудил нас. Ночью кайова не удалось найти следы сбежавших вождей, а с рассветом они, продолжив поиски, обнаружили след, который довел их до места, где апачи спрятали своих лошадей. Инчу-Чуна и Виннету уехали вместе с воинами, охранявшими коней, но самих коней оставили. Узнав об этом, Сэм Хокенс спросил меня с хитрой улыбкой:

— Вы догадываетесь, сэр, почему вожди поступили именно так?

— Нетрудно догадаться.

— Ого! Гринхорну не мешает быть поскромней. Одной интуиции недостаточно, на мой вопрос ответит тот, кто обладает опытом.

— Я им и обладаю.

— Вы? Опытom? Интересно, откуда он у вас?

— Мой опыт берется из книг.

— Опять эти книги! Если вы и вычитали в них что-то полезное, не думайте, что стали умнее всех. Я сейчас докажу, что вы в этом ничего не смыслите. Итак, почему вожди оставили лошадей своих пленных воинов?

— Именно потому, что пленные остались здесь.

— Ну и что?

— Им понадобятся лошади.

— Зачем пленным лошади?

Слова Сэма не задевали моего самолюбия, я уже знал, что ехидство было у него в крови, и поэтому спокойно объяснил:

— Может случиться вот что: либо вожди вернутся с большой группой воинов, чтобы освободить пленных, — в таком случае незачем гонять лошадей туда и обратно, либо кайова, не дожидаясь апачей, покинут эти места и уведут с собой пленных. Тогда все смогут ехать верхом, так будет удобней и пленным, и самим кайова. Значит, можно надеяться, что кайова пленных не убьют, а доставят в свое стойбище.

— Недурно придумано! Но что мы будем делать, если они все-таки

решат убить апачей?

— Они этого не сделают!

— Нет? Вы осмеливаетесь спорить со мной?

— Осмеливаюсь, потому что Сэм Хокенс забывает о моем присутствии здесь.

— Ах, вот оно что! Забываю о вашем присутствии! Неужели вы серьезно думаете, что ваше присутствие что-либо значит?

— Пока я здесь, пленные будут жить.

— Неужели? Вот это великий герой, хи-хи-хи! У кайова две сотни людей, а вы, гринхорн, в одиночку хотите помешать им осуществить задуманное!

— Надеюсь, что все-таки не в одиночку.

— Нет? И кого же вы имеете в виду?

— Конечно, вас, а также Дика Стоуна и Билла Паркера! Я убежден, что вы тоже выступите против бойни.

— Глубоко признателен вам за доверие! Снискать уважение гринхорна вроде вас — это не шутка, чтоб мне лопнуть, хи-хи-хи!

— Я говорю серьезно, Сэм. Нельзя шутить, когда человеческая жизнь в опасности.

В маленьких глазках вестмена угадывалась насмешка.

— Черт побери! Вы действительно не шутите? В таком случае давайте поговорим серьезно. Как вы это себе представляете, сэр? Ни на кого больше рассчитывать мы не можем, нас будет четверо против двухсот кайова. Вы подумали, чем для нас это кончится?

— Чем бы ни кончилось, убийства я не допущу.

— Однако оно свершится, и, вполне возможно, вы тоже будете в числе жертв. А может, вы рассчитываете на силу своего кулака?

— Чепуха! Не я дал себе прозвище Шеттерхэнд и прекрасно понимаю, что мы сами не справимся с двумя сотнями индейцев. Надо действовать хитростью, а не силой.

— И каким же образом? Опять где-то вычитали?

— Да.

— И теперь считаете себя хитрее всех? А вот я уверен, что ваша хитрость гроша ломаного не стоит. Краснокожие сделают что захотят, и никто не сможет им помешать.

— Ну что ж! Видно, на вас я рассчитывать не могу. Придется действовать в одиночку.

— Ради Бога, не порите горячку, сэр! Ишь, какой обидчивый! Конечно же, мы не оставим вас одного. Я тоже готов защищать апачей, но я никогда

не пробивал стену головой. Это не в моих правилах. Запомните: стена тверже любой головы.

— Я и не собираюсь расшибать себе голову. Мы пока не знаем, как кайова решили поступить с пленными, поэтому нет причин для беспокойства. В крайнем случае что-нибудь придумаем.

— Нет, не согласен. Предусмотрительный человек должен все предвидеть. Я не хочу сидеть сложа руки и ждать, когда что-нибудь случится. Надо точно знать, что мы предпримем, если апачей решат убить.

— Мы этого не допустим.

— Опять пустые слова!

— Я заставлю вождя исполнить мое требование.

— Каким образом?

— Пригрожу ему ножом.

— И сможете его убить?

— Да, если он не согласится на мои условия.

— Черт побери! Вот это решительность! Не ожидал от вас!

— Учтите, я не шучу!

Сэм помолчал, переваривая услышанное, потом сказал:

— Неплохая мысль. Пригрозить вождю ножом и таким образом вынудить его выполнить наши требования. Да, это единственно верный способ! Иногда и гринхорны на что-нибудь годятся. Значит, так и будем действовать!

Сэму хотелось еще поговорить, но появился Бэнкрофт и велел мне браться за работу. Инженер был прав: надо спешить, чтобы закончить все до того, как Инчу-Чуна и Виннету вернуться со своими воинами.

Мы все усердно трудились, когда в полдень ко мне подошел Сэм Хокенс и сказал:

— Вынужден вас беспокоить, сэр. Сдается мне, кайова уж слишком подозрительно суетятся вокруг пленнх.

— Что значит — суетятся? Вы можете сказать яснее?

— Могу лишь догадываться, чтоб мне лопнуть! Кажется, они хотят поставить апачей к столбу пыток.

— Когда? Прямо сейчас?

— Разумеется, прямо сейчас, иначе я бы вас не стал беспокоить. Краснокожие все уже приготовили, похоже, сейчас примутся пытаться пленнх.

— Этого нельзя допустить! Где Тангуа?

— Он с воинами.

— Надо его выманить. Сможете?

— Но как?

Я незаметно осмотрелся. Позади нас, на месте вчерашней стоянки, кайова не было. Они медленно двигались за нами и сейчас располагались на опушке небольшого леса. Рэттлер со своими головорезами был с ними. Паркер и Стоун сидели рядом со мной на траве. Невысокий кустарник полностью скрывал нас от индейцев, что было весьма кстати.

— Скажите Тангуа, что я хочу ему что-то сообщить, но не могу бросить работу. Думаю, он придет.

— Я тоже так думаю. А если придет не один?

— Тангуа оставьте мне, остальными займетесь вы, Стоун и Паркер. Приготовьте ремни, чтобы их связать. Все должно произойти быстро и без шума.

— Пусть будет по-вашему. Не знаю, хорошо это или плохо, но у меня нет другого плана. Дело мы задумали опасное, но будем надеяться, все обойдется, отделаемся фонарем под глазом или в худшем случае мелкими царапинами. Хи-хи-хи!

Сэм ушел, как обычно, посмеиваясь. Мои уважаемые коллеги находились поблизости, но не могли нас слышать. Я не посвящал их в наши планы, иначе бы они только помешали, ведь собственную шкуру они ценили выше, чем жизнь каких-то апачей.

Я отдавал себе отчет, сколь сложна и опасна была наша задача. Подвергать опасности Дика Стоуна и Билла Паркера без их согласия я не имел права и поэтому прямо спросил, могу ли я рассчитывать на их помощь.

— Что это с вами, сэр? — возмутился Стоун. — Неужели мы похожи на негодяев, которые покидают друзей в опасности? Для настоящего вестмена одно удовольствие помогать вам, А ты как считаешь, Билл?

— Точно так же, — поддержал его Паркер. — Очень хочу знать, справимся ли мы вчетвером с двумя сотнями индейцев. Заранее радуюсь этому спектаклю. Представляю, с каким диким воем они бросятся на нас, но ничего сделать не смогут — руки короткие.

Я опять принялся за работу, делая вид, что меня больше ничто не интересует. Вскоре Стоун предупредил меня:

— Приготовьтесь, сэр, они приближаются!

Я обернулся. С Сэмом Хокенсом шел Тангуа, к сожалению, в сопровождении еще троих краснокожих.

— На каждого из нас — по индейцу, — сказал я. — Вождь будет мой. Когда я начну, схватите воинов, да так, чтобы никто и не пикнул.

Медленным шагом я пошел навстречу Тангуа, а Стоун и Паркер

двинулись за мной. Мы остановились в таком месте, где остальные кайова не могли нас видеть за кустами. Тангуа был угрюм и неохотно обратился ко мне:

— Бледнолицый, которого зовут Шеттерхэнд, велел меня позвать. Неужели ты забыл, что я вождь кайова?

— Ни в коем случае. Я знаю, кто ты.

— Если так, то тогда ты должен был прийти ко мне, а не я к тебе. Но знаю, ты лишь недавно прибыл в нашу страну и только учишься вежливости, поэтому прощаю тебе ошибку. Что ты хотел мне сказать? Говори кратко, ибо у меня нет времени!

— Что за срочные дела требуют твоего присутствия?

— Мы хотим, чтобы эти собаки апачи взвыли.

— Когда?

— Сейчас же.

— К чему такая спешка? Я думал, вы заберете их в свои вигвамы и только там отпразднуете победу, радуя своих жен и детей.

— Мы хотели так поступить, но они будут нам обузой в военном походе. Поэтому апачи должны умереть здесь и сегодня.

— Прошу тебя, откажись от этого намерения!

— Ты не смеешь ни о чем просить! — крикнул Тангуа.

— Почему же? Я только высказал просьбу, а ты уже гневаешься. Я же не приказываю, а только прошу.

— От вас я не потерплю ни просьб, ни приказов. Ни один бледнолицый не заставит меня изменить решение!

— А если заставит? Имеете ли вы право убивать пленных? Я знаю твой ответ и не собираюсь спорить с тобой. Однако убивать можно по-разному: быстро, без мучений и у столба пыток. Пока мы здесь, последнему не бывать!

Тангуа гордо выпрямился и отозвался с глубоким презрением:

— Не бывать? А кто ты такой, чтобы приказывать мне? Ты — жаба против медведя со Скалистых гор. Пленные — моя собственность, я волен поступать с ними как хочу.

— Они попали в ваши руки благодаря нашей помощи, и мы имеем на них такое же право, как и вы. А мы требуем сохранить им жизнь.

— Требуй чего угодно, белый пес, я смеюсь над твоими словами!

Тангуа плюнул мне под ноги и хотел уйти, но я ударил его кулаком, и вождь свалился на землю. Однако Тангуа оказался крепким орешком, мой удар не лишил его сознания, и вождь попытался встать. Пришлось ударить второй раз. В то же мгновение Сэм схватил за горло одного из индейцев,

повалил его на землю и придавил коленом, Дик и Билл кинулись ко второму, а третий, воспользовавшись замешательством, с воплем пустился бежать.

Я помог Сэму связать индейца, а тем временем Стоун и Паркер справились со своим.

— Жаль, — сказал я, — что одного мы упустили.

— Я кинулся на того же, которого выбрал Стоун, — оправдывался Паркер. — Потеряли всего две секунды, но индеец успел сбежать.

— Ну что приуныли? — подбодрил нас Сэм Хокенс. — Ведь ничего страшного не случилось, разве только пирушка начнется чуть раньше. Не трусьте прежде времени. Через две-три минуты индейцы будут здесь, так что давайте готовиться к встрече.

Без лишних раздумий мы связали Тангуа. Геодезисты с ужасом смотрели на нас. Прибежал старший инженер и закричал:

— В чем дело, господа? Чего вы набросились на кайова? Теперь мы все погибнем!

— Вы совершенно правы, сэр, так оно и будет, если вы все немедленно не присоединитесь к нам, — ответил Сэм. — Позовите сюда своих людей, и идемте с нами! Не волнуйтесь, мы вас защитим.

— Вы нас защитите? Да это же...

— Хватит болтать! — оборвал его Сэм. — Мы прекрасно знаем, что делаем. Если вы не с нами, я и ломаного гроша не дам за ваши головы. Скорее решайтесь или пеняйте на себя!

Мы подняли связанных индейцев, отнесли их на большую поляну и положили на траву. Бэнкрофт с тремя помощниками поспешили за нами. Мы заранее выбрали это место, так как в открытом поле чувствовали себя в большей безопасности: все вокруг было видно, как на ладони.

— Кто будет вести переговоры с краснокожими? Разрешите мне! — попросил я.

— Нет, сэр, — возразил Сэм. — Оставьте это мне. Вы еще недостаточно владеете индейским жаргоном. Однако ваша помощь понадобится — делайте вид, словно собираетесь прирезать вождя.

Не успел Сэм закончить, как до наших ушей донесся дикий вой индейцев, а спустя несколько секунд они сами выскочили из-за кустов. Краснокожие приближались к нам не плотной толпой, а растянутой цепью: одни бежали быстрее других. Это было нам на руку, ибо с толпой сражаться намного труднее.

Мужественный Сэм вышел вперед и спешно стал подавать знаки индейцам, чтобы те остановились. Он кричал им что-то, но из-за

расстояния я не мог разобрать слов. Попытки Сэма не сразу произвели нужное воздействие, лишь после нескольких призывов бежавшие первыми остановились, за ними и остальные. Сэм что-то толковал им, все время указывая на нас. По моему приказанию Стоун и Паркер приподняли бесчувственного Тангуа, а я достал нож и замахнулся на вождя. Краснокожие издали крик ужаса.

Сэм все это время что-то им объяснял. Наконец один из индейцев, вероятно второй вождь, вышел из толпы и последовал за Хокенсом к нам, гордо подняв голову. Когда они оба подошли, Сэм указал на наших пленников и сказал:

— Вот, можешь убедиться, что мои уста, говорят правду. Смотри, они в нашей власти!

Индеец, с трудом сдерживая гнев, внимательно посмотрел на трех кайова и ответил:

— Эти два краснокожих воина еще живы, но вождь, как мне кажется, мертв.

— Он жив. Удар Шеттерхэнда лишил Тангуа чувств, но в скором времени душа его вернется в тело. Подожди здесь, присядь пока. Когда вождь придет в себя и сможет снова говорить, мы вместе обсудим, как быть дальше. Но если кто-нибудь из вас поднимет на нас оружие, нож Шеттерхэнда выпьет кровь из сердца Тангуа. Хуг! Я тебе обещаю!

— Как вы посмели поднять руку на друзей?

— На друзей? Неужели ты веришь своим словам?

— Верю. Ведь мы выкурили трубку мира.

— Да, выкурили, но такому миру нельзя доверять.

— Почему?

— Разве обычаи кайова разрешают обижать друзей?

— Нет.

— Ваш вождь обидел Шеттерхэнда, и мы уже не считаем вас нашими друзьями. Смотри, вождь шевелится!

Тангуа, которого Стоун и Паркер положили на землю, действительно пошевелился. Спустя несколько мгновений он открыл глаза, посмотрел на каждого из нас, будто хотел вспомнить, что же случилось, наконец пришел в себя и крикнул:

— Уфф, уфф! Шеттерхэнд меня свалил. А кто связал?

— Я, — ответил я.

— Сними с меня ремни! Я приказываю!

— Ты не выполнил мою просьбу, и теперь я не исполню твой приказ. Ты не имеешь права приказывать мне!

Окинув меня злобным взглядом, Тангуа яростно прошипел:

— Молчи, щенок, не то я тебя уничтожу!

— Лучше ты помолчи. Тангуа обидел меня, поэтому мой кулак свалил его с ног. Шеттерхэнд не допустит, чтобы кто-нибудь безнаказанно обзывал его белым псом или жабой. Веди себя повежливее, иначе будет еще хуже!

— Я требую, чтобы меня освободили! Или вы все погибнете от рук моих воинов!

— Тогда ты умрешь первым. Подумай об этом. Вон там стоят твои люди. Если кто-нибудь из них двинется с места, я всажу нож в твое сердце. Хуг! Я сказал!

И я прикоснулся ножом к его груди. Кажется, до него наконец-то дошло, что он в моей власти и что я исполню угрозу. Нависла напряженная тишина. Бросив на меня ненавидящий взгляд, вождь, стараясь обуздать свой гнев, спросил:

— Чего же ты требуешь?

— Только того, о чем просил тебя раньше: не убивай сегодня апачей.

— Вы хотите сохранить им жизнь?

— Только до тех пор, пока мы здесь, вместе с вами. Потом поступайте с ними по своему усмотрению.

Опять нависла гнетущая тишина. Военная раскраска на лице вождя подчеркивала обуревавшие его чувства: гнев и ненависть. Я не надеялся, что он быстро сдастся, и был очень удивлен, когда вождь сказал:

— Пусть исполнится твое желание, а я сделаю больше, если ты согласишься исполнить мое.

— Говори!

— Во-первых, я заявляю, что ничуть не испугался твоего ножа. Ты не посмеешь убить меня, потому что мои воины разорвут вас на куски. Будь вы даже самые храбрые, столько воинов вам не победить. Я смеюсь над твоей угрозой; я мог не выполнить твою просьбу, а ты не посмел бы меня убить. И все-таки собаки апачи не умрут у столбов. Обещаю тебе: они останутся в живых, если ты победишь в поединке на ножах.

— С кем я буду сражаться?

— С одним из моих воинов. Если он убьет тебя, погибнут все апачи, если ты его, апачи будут жить.

— И ты отпустишь их на свободу?

— Да.

Наверняка этот негодяй задумал какую-то подлость. Считая меня самым опасным среди белых и желая от меня избавиться, он выбрал такой вид борьбы, в котором индейцам нет равных, и против меня он, конечно,

выставит настоящего мастера. Не раздумывая, я ответил:

— Согласен. Определим условия и выкурим трубку мира, а потом начнется поединок.

— Вы с ума сошли, сэр, — не выдержал Хокенс. — Я ни за что не позволю вам совершить эту глупость. Никакого поединка не будет!

— Это вовсе не глупость, дорогой Сэм!

— Глупость и вздор, каких свет не видывал. В справедливой и честной борьбе шансы должны быть равны, а здесь что происходит?

— Здесь все в порядке!

— А я думаю по-другому. Вы когда-нибудь дрались на ножах?

— Нет, никогда.

— Я так и знал! А ведь против вас выйдет мастер. Ладно, не о себе, так о других подумайте! Если вас убьют, погибнут и апачи.

— Но если я одержу победу, апачам сохранят жизнь и вернут свободу.

— Неужели вы в это верите?

— Да, потому что сейчас мы выкурим трубку мира, а это имеет силу клятвы.

— Даже черт не поверит клятве краснокожего, задумавшего подлость! Но даже если и допустить, что это будет честный договор, то как вы... как вы, гринхорн...

— Может, хватит, дорогой Сэм, называть меня гринхорном? — перебил я. Ведь вы уже не раз убеждались, что гринхорн тоже кое-что умеет!

Дик Стоун и Билл Паркер поддержали Сэма, но им не удалось меня переубедить. В конце концов Сэм с неохотой вынужден был сдаться:

— Ладно уж, ладно! Пробивайте своим твердым лбом хоть десять, хоть двадцать стен, если вам это нравится. Пусть будет по-вашему. Но я лично прослежу за тем, чтобы борьба была честной, и пусть пеняет на себя тот, кто нарушит правила! Моя Лидди отправит его прямиком на небо, так что он повиснет среди туч, разорванный на тысячу кусков, чтоб мне лопнуть!

Мы начали обсуждать условия поединка. Решено было начертить на песке восьмерку, то есть фигуру, состоящую из двух кругов, касающихся друг друга. Каждый из противников занимает свой круг и не смеет переступить его границ. И никакой жалости — бой должен вестись до непереносимой смерти одного из нас. В то же время товарищам убитого запрещается мстить за его смерть.

После того как мы оговорили все условия, я велел развязать Тангуа, и мы выкурили трубку мира. Потом мы освободили и двух пленных кайова, и

краснокожие отправились к своим, чтобы известить их об ожидаемом развлечении.

Старший инженер Бэнкрофт и геодезисты пытались отговорить меня от поединка, но я не обращал на них внимания. Дик и Билл хотя и тревожились за меня, но воздерживались от упреков. Хокенс ворчал, скрывая беспокойство:

— Надо было придумать что-нибудь другое, а не соглашаться на этот явный обман, сэр! Я всегда утверждал и сейчас повторяю, что вы человек легкомысленный, невероятно легкомысленный! Ну какая вам польза от того, что вас зарежут? Ответьте, если можете.

— Разумеется, никакой.

— Ох, вы только и знаете, что злить меня, и я начинаю жалеть, что не подружился с более солидным человеком.

— Вы на самом деле переживаете за меня, дорогой Сэм?

— Еще бы! Что за дурацкий вопрос! Вас ведь наверняка укокошат. А я что буду делать на старости лет? Что? Я вас спрашиваю! Мне совершенно необходим гринхорн, чтобы учить его уму-разуму! А с кем я буду препираться, если вас угробят?

— Ну, думаю, с каким-нибудь другим гринхорном.

— Вам легко говорить, а где найдешь другого такого безнадежного гринхорна! Но я вас предупреждаю, сэр, если с вами что-нибудь случится, попомнят меня эти краснокожие! Да я им... Да я их... Сэр, тут у меня одно сомнение возникло. Насколько я успел вас узнать, принципы у вас того... слишком гуманные, вам трудно решиться на убийство. Оглушить — другое дело. Так вот, не думаете ли вы пощадить своего противника?

— Я? Ну, как сказать... гм!

— Гм? Сейчас не время издавать какие-то странные хрюкающие звуки. Вы будете драться не на жизнь, а на смерть!

— А если я его раню?

— Вы уже слышали, рана не в счет, надо противника обязательно убить!

— Я думаю о такой ране, которая лишит его возможности продолжать бой.

— Какое это имеет значение? Вас все равно не признают победителем и выставят другого противника. В условиях поединка ясно сказано, что побежденный должен умереть, непременно умереть! Слушайте меня внимательно, юноша: если вы только раните противника, вам придется добить его, нанести последний удар просто из жалости. И никаких гуманных принципов! Кайова разбойники, и именно они виноваты во всем.

Началось с кражи лошадей у апачей, помните? Убивая одного из этих негодяев, вы спасаете жизнь многим апачам, а если вы его пощадите, апачи погибнут. И еще. Скажите мне одну вещь, только откровенно. Вы случайно не падаете в обморок при виде капли крови? Успокойте меня!

— Для вас так это важно, Сэм? Не волнуйтесь. Я не собираюсь быть снисходительным к противнику, потому что и он не пощадит меня. Я должен спасти жизнь многим людям. Это будет настоящий поединок.

— Прекрасно! Вот умные слова! Теперь я спокоен, а то было такое ощущение, словно я отдаю на заклание собственного сына. И все-таки, лучше бы мне самому взяться за нож. Может, позвольте, сэр?

— И речи быть не может, дорогой Сэм! Во-первых, я, откровенно говоря, думаю, что лучше уж погибнуть несуразному гринхорну, чем опытному вестмену, вроде вас, а во-вторых...

— Ну, будет! Кому нужен такой старый хрыч, как я, тогда как вы, молодой...

— Ну, ну, будет! — прервал я его точно так же, как он меня. Во-вторых, это вопрос чести, и я никому не позволю заменить меня в поединке. Да и вождь не пойдет на это. Он жаждет моей крови.

— Вот это никак не укладывается в моей голове! Он действительно ополчился на вас, именно на вас. И все-таки я надеюсь, наша возьмет. А сейчас — внимание! Идут!

Индейцы медленно приближались. Их было меньше двухсот человек, потому что многие остались сторожить пленных. Тангуа провел их мимо нас на заранее выбранное место. Индейцы встали в круг, заняв три его четверти и оставив нам, белым, одну. Когда мы встали на свое место, вождь подал знак. Из рядов краснокожих вышел воин атлетического сложения. Все оружие, кроме ножа, он положил на землю и обнажил тело до пояса. Увидев его великолепный торс, все подумали — плохо мое дело. Вождь вывел его на середину круга и, с трудом скрывая торжество, провозгласил:

— Вот это и есть Мэтан-Аква, Нож-Молния, самый сильный воин кайова. Его нож еще не знал поражения. От его удара враг валится, точно сраженный молнией. С ним будет драться бледнолицый, Шеттерхэнд.

— Черт бы его побрал! — прошептал Сэм. — Это ведь настоящий Голиаф! Дорогой сэр, вам конец!

— Неужели?

— Не стройте из себя героя! Есть только один способ победить этого громилу.

— Какой?

— Не затягивать поединок, кончать скорее, иначе индеец измотает вас,

и тогда вам крышка. А как там ваше сердцебиение?

Схватив меня за запястье, Сэм нащупал пульс.

— Слава тебе Господи, не более шестидесяти ударов в минуту, значит, нормально. Не волнуется? Не боитесь?

— Только этого не хватало! Нервничать и бояться сейчас, когда жизнь зависит от хладнокровия и выдержки. Имя этого великана так же красноречиво, как и его внешний вид. Тангуа выбрал нож, потому что есть у них такой мастер. Проверим, действительно ли он непобедим!

Разговаривая с Сэмом, я тоже разделся по пояс, хотя это и не было предусмотрено условиями поединка, но я не хотел, чтобы меня заподозрили в попытке хоть как-то защититься от ударов ножа. Карабин и револьверы я отдал Сэму. Сердце бедняги стучало так громко, что даже мне было слышно. Я же был спокоен и надеялся на успех.

Рукоятью томагавка индейцы начертили на песке восьмерку с диаметром каждого круга около метра, и Тангуа велел бойцам занять свои места. Нож-Молния презрительно взглянул на меня и сказал:

— Хилое тело бледнолицего дрожит от страха. Осмелится ли он войти в очерченный круг?

Не успел он закончить, как я уже оказался в круге.

— Смотрите, какой храбрец! — продолжал издеваться Мэтан-Аква. — Мой нож проглотит его. Великий Маниту отдает бледнолицего мне, отняв у него разум.

Обмен оскорблениями перед поединком — необходимая часть ритуала индейцев. Меня сочли бы за труса, если бы я смолчал, и я ответил:

— Ты воюешь языком, а я вынужден ждать тебя с ножом. Встань на свое место, если не боишься.

Одним прыжком Мэтан-Аква занял место во втором круге восьмерки и крикнул со злостью:

— Я боюсь? Мэтан-Аква боится бледнолицего? Вы слышали, воины кайова! Я отниму жизнь у белого пса одним ударом!

— Мой первый удар лишит жизни тебя. А теперь замолчи! Тебе бы называться не Мэтан-Аква, а Ават-Я, Хвастун!

— Ават-Я? Этот вонючий койот осмелился оскорбить меня! Пусть стервятники сожрут твои внутренности!

Эта угроза была ошибкой, которая явно указала на способ нанесения удара. Раз внутренности, значит, он не будет метить сверху, в сердце, а ударит снизу, чтобы вспороть мне живот.

Расстояние между нами было настолько мало, что мы без труда могли дотянуться друг до друга. Не отрывая от меня взгляда, индеец опустил руку

с ножом, направляя его лезвие вверх. Я уже не сомневался — он будет метить снизу в живот. Оставалось уловить момент удара, что мне должен был подсказать блеск его глаз. Опустив веки, я зорко следил из-под ресниц за противником.

— Ударь, белая собака! — рявкнул Мэтан-Аква.

— Сам ударь, красный щенок! — не остался я в долгу.

В ответ на оскорбление глаза индейцев вспыхнули яростью. Молниеносный взмах руки с ножом! И все было бы кончено, не ожидай я нападения именно в эту секунду.левой рукой я парировал выпад, правой ударил сам, и мой нож по рукоятку вонзился в его сердце. Великан пошатнулся и, даже не успев вскрикнуть, мертвым рухнул на землю.

Индейцы дико взвыли, лишь Тангуа стоял молча. Потом подошел к поверженному мной противнику, оцупал края раны, выпрямился и посмотрел на меня так, что я потом долго не мог забыть этот взгляд. В нем были и бешенство, и ужас, и восхищение, и страх, и уважение. Вождь отвернулся от меня и хотел так же молча удалиться, но я его остановил:

— Ты видишь, я все еще стою на месте, тогда как Мэтан-Аква лежит за чертой круга. Кто из нас победил?

— Ты! — в бешенстве крикнул Тангуа и прошипел: — Ты белый сын злого Черного Духа. Наш шаман снимет с тебя чары, и тогда мы отнимем у тебя жизнь!

— Прекрасно, но сначала сдержи свое слово!

— Какое еще слово?

— Апачи не погибнут.

— Мы их не убьем. Я это обещал и обещание выполню.

— И освободишь их?

— Они получают свободу. Вождь кайова всегда выполняет обещания.

— Тогда мы с друзьями снимем с них ремни.

— Я сам это сделаю, когда настанет время.

— Уже настало, ведь я победил.

— Замолчи! Разве мы уточняли время?

— Нет, но и без того ясно...

— Замолчи! — еще раз крикнул Тангуа. — Время назначу я. Мы не убьем этих собак апачей, но они могут умереть от голода и жажды. И разве моя в том вина, что это случится до того, как они получают свободу?

— Мерзавец! — бросил я ему в лицо.

— Скажи еще одно слово, собака, и я...

Он не закончил, наверно, его испугало выражение моего лица. За него закончил я:

— ... ударом кулака свалю тебя на землю, тебя, подлый лжец!

В ответ Тангуа выхватил нож и крикнул:

— Не подходи, убью!

— Мэтан-Аква тоже хвастался, что убьет меня, а сейчас лежит здесь мертвый. И с тобой будет то же самое. О судьбе апачей я поговорю с моими белыми братьями. И берегись, ты заплатишься жизнью, если с пленниками что-нибудь случится, ты знаешь, мы можем всех вас взорвать.

Только теперь я вышел из круга восьмерки и подошел к Сэму. Из-за воя краснокожих тот не слышал моего разговора с Тангуа. Сжав меня в объятиях, Хокенс воскликнул в полном восторге:

— Слава Богу, сэр, слава Богу! Поздравляю вас и приветствую! Ну точно с того света вернулся! Дорогой мой друг, бесценный гринхорн, ну что же вы за человек! Никогда не видел бизонов, а убивает самого сильного из стада! Никогда не видел серого медведя, а идет на него с ножом, будто хочет почистить яблоко! Никогда не видел мустанга, а поймал мою Мэри! Сражается с самым сильным и ловким индейцем, поражает его ножом прямо в сердце, а у самого хоть бы царапина! Дик! Билл! Идите сюда и полюбуйте на него! В кого мы его произведем?

— В подмастерья, — предложил Стоун.

— В подмастерья? Как прикажете это понимать?

— Так ведь он выдержал экзамен и доказал, что уже не ученик, не гринхорн. Мы произведем его в подмастерья, и вполне возможно, что со временем он станет мастером.

— Как это так: уже не гринхорн? Подмастерье? И ляпнет же такое! Самый настоящий гринхорн, каких свет не видывал! Разве опытный вестмен решится на поединок с таким громилой? Но новичкам всегда везет, точно так же как и дуракам. Вот, полюбуйте — перед вами самый глупый из новичков! И жив он только благодаря своей глупости, чтоб мне лопнуть! Ох, что я пережил во время их борьбы. Сердце остановилось, дыхание перехватило, а все мысли только о нем — пропадет ведь ни за грош. И вдруг — один взмах, один удар, и краснокожий валится на землю! Мы победили, мы получили то, что хотели, жизнь и свободу апачей!

— Если бы! — безжалостно прервал я поток излияний Сэма.

— Что значит «если бы»?

— Тангуа обещал нам освободить апачей, но про себя поклялся сделать обратное и сейчас сказал мне об этом.

— Я подозревал, что Тангуа нас обманет. Что же он задумал?

Я рассказал друзьям о разговоре с Тангуа, и это привело Сэма в такую ярость, что он бросился к вождю требовать объяснений, а я оделся и забрал

сложенное на земле оружие.

Кайова не сомневались, что Нож-Молния убьет меня, и неожиданный результат поединка привел их в бешенство. Напасть на нас они не могли — мы выкурили трубку мира, но стали искать повод разорвать договор с нами. Впрочем, торопиться им было некуда — они знали, что и нам бежать некуда. Пока же, кипя злостью, индейцы занялись убитыми. Тангуа руководил ими, поэтому нетрудно было догадаться, что Сэм Хокенс не нашел в нем благосклонного слушателя. Разочарованный Сэм вернулся к нам и объявил:

— Этот негодяй действительно не намерен выполнить обещание. Похоже, он решил заморить пленных голодом. И это называется «не убить»? Ну ничего, мы ему покажем!

— Нелегко защищать других, если сам нуждаешься в помощи, — сказал я.

— Вы боитесь краснокожих?

— Сэм, вы прекрасно знаете, что это не так!

— Может быть, и знаю, да уж больно по-разному мы с вами смотрим на вещи. Там, где мне немного страшновато, вы идете напролом, как бык на красную тряпку, а там, где нужна отвага, вы начинаете сомневаться. Хотя чему тут удивляться, уж такая привычка у гринхорнов. Впрочем, о чем с таким говорить?

И тут вдруг до нас донесся леденящий кровь, устрашающий боевой клич апачей: «Хииииииих!» Видимо, Инчу-Чуна и Виннету успели вернуться и напали на врагов. Те из индейцев кайова, что в этот момент находились с нами, с ужасом внимали крикам. Тангуа приказал:

— Скорее туда, на помощь нашим братьям!

Он сорвался с места, но Сэм Хокенс встал на его пути:

— Стойте! Вы не поможете своим, боюсь, мы уже окружены. Апачи не дураки, раз напали, значит, все подготовили и сейчас будут здесь!

Маленький вестмен говорил очень быстро, но так и не успел закончить: поблизости прозвучал тот же пронзительный боевой клич апачей. Мы, правда, стояли на открытом месте, но апачам хватило и невысоких кустов, чтобы незаметно подкрасться к лагерю. Они кинулись на нас со всех сторон. Кайова открыли стрельбу и даже сразили нескольких воинов апачей, но те уже окружили нас плотным кольцом.

— Не убивайте апачей! — только и успел я крикнуть Сэму, Дику и Биллу, когда разгорелся рукопашный бой.

Только наша четверка не принимала в нем участия. Старший инженер и геодезисты защищались, и их убили. Но боя избежать не удалось. Апачи

набросились на нас с ножами и томагавками и вынудили нас защищаться. Тщетно мы кричали, что мы их друзья. Защищая собственную жизнь, пришлось отбиваться прикладами ружей и уложить нескольких апачей, остальные отступили.

Воспользовавшись кратким замешательством, я осмотрелся: на каждого кайова приходилось по нескольку апачей. Хокенс тоже оценил ситуацию и крикнул:

— Скорее в кусты!

Указав на заросли, скрывавшие нас со стороны лагеря, он побежал к кустам. Дик Стоун и Билл Паркер устремились за ним. Я кинулся было на помощь коллегам геодезистам, но убедился, что им уже нельзя было помочь, и поспешил вслед за Сэмом. До кустов было еще довольно далеко, когда вдруг навстречу мне выскочил Инчу-Чуна.

Он с Виннету возглавлял небольшой отряд апачей, задачей которого было освобождение пленных. Когда все было кончено, вожди поспешили на помощь главному отряду, атаковавшему нас.

Инчу-Чуна первым увидел и кинулся на меня, замахнувшись прикладом своей «серебряной» винтовки.

Я парировал его удары, пытаюсь в то же время крикнуть, что я не враг ему, но он не слушал и яростно наступал. Защищаясь, я вынужден был, к сожалению, причинить ему боль. В то мгновение, когда он снова замахнулся винтовкой, я отбросил свой карабин, которым до сих пор отводил его удары, и, схватив вождя левой рукой за горло, правой ударил его в висок. Старый вождь выронил из рук ружье, захрипел и свалился на землю. В тот же миг сзади меня прозвучал торжествующий крик:

— Вот Инчу-Чуна, вождь собак апачей! Его скальп будет моим!

Оглянувшись, я увидел Тангуа, предводителя кайова, который неизвестно почему побежал вместе с нами к кустам. Положив винтовку на землю, он достал из-за пояса нож и наклонился над бесчувственным апачем, чтобы снять с него скальп. Схватив Тангуа за плечо, я крикнул:

— Прочь руки! Это мой трофей!

— Молчи, белый червяк! — рявкнул Тангуа. — Только я имею право на скальп вождя. Пусти меня или...

И вне себя от бешенства Тангуа ударил меня ножом. Удар пришелся по руке, потекла кровь. Не желая его убивать, я, не прибегая к оружию, сильно толкнул Тангуа. Маневр удался, и следующим рывком я схватил его за горло, стиснув так, что кайова потерял сознание. А что с апачем? Я склонился над ним, и капли крови с моей руки упали на лицо вождя. Услышав за спиной неожиданный шорох, я обернулся, и это резкое

движение спасло мне жизнь. Страшной силы удар прикладом, нацеленный в голову, непременно разнес бы ее, не придиись он по спине. Удар нанес Виннету.

В ходе боя от отстал от отца и только сейчас выскочил из-за кустов. Увидев меня, склоненного над окровавленным Инчу-Чуной, Виннету в ярости нанес мне удар, к счастью, не смертельный. Тогда, отбросив винтовку, он выхватил нож и кинулся на меня.

Я оказался на краю гибели. В такой обстановке объяснить что-либо было невозможно, а вступить в схватку я тоже не мог. От удара по спине у меня парализовало руку, и молодой вождь апачей непременно вонзил бы мне нож в сердце, если бы я не сделал единственное, на что был способен, — дернулся в сторону. Вместо сердца удар пришелся по левому нагрудному карману. Нож угодил в банку из-под сардин, скользнул по ней и, вонзившись в шею, пробил мне челюсть и поранил язык. Вырвав нож из раны, Виннету схватил меня за горло и занес нож для второго удара. Смертельная опасность удваивает силы. Двигать я мог только левой рукой. Схватив Виннету, который почти лежал на мне, я сдавил так сильно его правую руку, что противник выронил нож. В тот же миг я ухватил его за левый локоть и рванул к себе, грозя сломать ему предплечье. Виннету отпустил мое горло. Согнув ноги, я что было сил нанес удар коленями, стряхнул его с себя и прижал к земле.

Теперь во что бы то ни стало надо было удержать его в этом положении, иначе мне пришел бы конец. Правым коленом я придавил ему ноги, левым — одну руку, здоровой рукой схватил за шею. Свободной рукой Виннету пытался нащупать нож, но, к счастью, это ему не удалось. Это была смертельная схватка с Виннету, никем и никогда не побежденным, с Виннету, ловким, как кошка, и сильным, как бизон. Сейчас, навалившись на него, я мог бы сказать пару слов, но кровь ручьем лилась из моего рта, а изуродованный ударом ножа язык не повиновался мне, вместо внятных слов я издавал лишь нечленораздельные звуки. Огромным усилием противник попытался сбросить меня, но я только сильнее придавил его и еще крепче сжал его горло. Нет, я не собирался задушить Виннету, надо было лишь на время обезвредить его. На миг я ослабил хватку, и он приподнял голову, которая стала прекрасной целью для удара. Я ударил два раза — и он потерял сознание. Я победил непобедимого!

Переведя дух, я чуть было не захлебнулся кровью, заполнившей рот, и широко раскрыл его, чтобы кровь свободно стекала наружу.

Из раны на шее кровь тоже хлестнула струей. Собрав уходящие силы,

я попытался встать на ноги, но тут за моей спиной раздался яростный вопль индейца, и сильный удар прикладом обрушился на мою голову. Все вдруг исчезло, и я потерял сознание.

Был уже вечер, когда я наконец пришел в себя, но казалось, еще сплю. Мне мерещилось, будто я оказался между каменными жерновами, которые не вращались только потому, что им мешал я. Вода с шумом лилась надо мной и с такой силой давила на жернова, что они вот-вот должны были завертеться и раздавить меня в лепешку. Все тело было одной невыносимой болью, особенно голова и спина. Постепенно до меня стало доходить, что шум и звук льющейся воды рождаются в моей собственной голове от удара прикладом по ней, а боль в спине — от удара Виннету. Кровь все текла из раненого языка, и я задыхался. Жуткий хрип и скрежет зубов окончательно вернули меня к жизни. И хрип, и скрежет издавал я сам.

— Шевелится! Шевелится! Слава Богу, шевелится! — узнал я голос Сэма.

— Точно, я тоже заметил! — сказал Дик Стоун.

— Смотрите, открывает глаза! Он жив! Жив! — добавил Билл Паркер.

Я и в самом деле поднял веки, но лучше бы я не открывал глаз, ибо ничего хорошего не увидел. Мы все еще находились на поле боя. Вокруг пылали костры, а между ними торопливо сновали апачи. Многие из них были ранены. Тут же, сложенные в два ряда, лежали убитые, в одном — апачи, в другом кайова. Первые потеряли убитыми одиннадцать человек, вторые — тридцать. Тут же находились и крепко связанные пленные кайова, ни одному из которых не удалось бежать. Среди пленных был вождь Тангуа. Неподалеку от нас лежал Рэттлер. Чтобы заставить его помучиться, апачи связали беднягу так, что его тело выгнулось дугой. Рэттлер издавал душераздирающие стоны. Все наши геодезисты и вестмены погибли во время нападения апачей. Убийцу Клеки-Петры оставили в живых, чтобы подвергнуть медленной, мучительной смерти во время церемонии похорон их белого друга.

Мои ноги и руки были связаны, у Стоуна и Паркера тоже, они лежали слева от меня. Справа сидел Сэм Хокенс. Его ноги связывал ремень, к которому за спиной была привязана левая рука, правую же, как я потом узнал, оставили свободной, чтобы Сэм мог помочь мне.

— Слава Господу! Наконец-то вы пришли в себя, дорогой сэр! — сказал Сэм, нежно поглаживая меня по лицу свободной рукой. — Что же с вами произошло?

Я не мог ему ответить, так как рот был полон крови.

— Выплюньте, выплюньте эту гадость!

Я последовал его совету, но все равно ничего не смог сказать, так как рот тут же снова наполнился кровью, и я лишь прохрипел нечто неразборчивое. Ослабев из-за большой потери крови, я то и дело терял сознание. Придя в себя в очередной раз, я еле слышным голосом попытался рассказать Сэму, что со мной случилось.

— Боролся... Инчу-Чу... Виннету... своим ножом... прикладом... голове... кто... не знаю.

Остальные слова застряли в горле. Только теперь я вдруг с ужасом обнаружил, что лежу в луже собственной крови.

— Тысяча чертей! Идиотизм какой-то! Ведь мы с удовольствием бы сдались, но апачи не слушали наших объяснений. Поэтому мы забились в кусты, ожидая, когда они чуть-чуть остынут, чтоб мне лопнуть! Мы думали, что вы последуете за нами, а вас нет и нет. Пришлось вылезать из кустов и отправляться на поиски. Гляжу — лежат, будто мертвые, Инчу-Чуна с Виннету. И вы тут же. Апачи вскоре встали на ноги, а вы нет. Я так испугался, что побежал за Диком и Биллом, и мы вернулись к вам, чтобы проверить, живы ли вы еще или совсем мертвы. Ну и, конечно, нас тут же поймали. Я объяснил Инчу-Чуне, что мы друзья апачей, что вчера хотели освободить его и сына, но он высмеял нас, и только благодаря Виннету мне оставили одну руку свободной. Он лично перевязал вам рану на шее, иначе вся кровь вытекла бы из вас, чтоб мне лопнуть! Вы можете сказать, что у вас за рана?

— Пробит язык, — прохрипел я.

— Тысяча чертей! Это очень опасно. Начнется жар, редко кто его выдерживает. Лучше бы это случилось со мной! Старый хрыч, вроде меня, более вынослив, чем мальчишка, который видел кровь разве что в кровяной колбасе. А других ран у вас нет?

— Удар прикладом... спина... голова... — ответил я.

— Значит, вас оглушили! А я-то думал, только удар ножа. Представляю, как страшно сейчас шумит у вас в голове! Но это пройдет. Главное, чтобы осталась хоть капля ума, остальное — дело наживное. Мда, опаснее всего язык, его ведь никак не перевяжешь. Вот и сейчас...

Последние слова Сэма я уже не слышал, так как опять потерял сознание. Вновь придя в себя, я никак не мог сообразить, где нахожусь. Слышался стук лошадиных копыт, меня качало, словно в колыбели. Открыв глаза, я обнаружил, что и в самом деле раскачиваюсь, так как лежал на шкуре убитого мной медведя, натянутой между двух лошадей. В этом гамаке я лежал так глубоко, что видел лишь две лошадиные головы и небо между ними. Солнце палило меня нещадно, а по всему телу растекался

такой жар, словно мои вены заполнял расплавленный свинец. Губы ссохлись, а рот забила запекающаяся кровь. Я попытался вытолкнуть сгусток крови языком, но не смог им пошевелить. Мучила страшная жажда, но я не смог издать ни звука и опять потерял сознание.

Потом, в бреду, я сражался с индейцами, бизонами и медведями, убегал от погони, плыл по безбрежным морям. Долгие дни я метался в горячке, находясь между жизнью и смертью. Изредка память возвращалась ко мне, и я словно откуда-то издали слышал голос Сэма Хокенса, а иногда видел над собой бархатные глаза Виннету. И вот наконец я умер. Меня положили в гроб и закрыли. Я явственно слышал, как на крышку гроба падали комья земли. Целую вечность пролежал я в этом гробу не в состоянии шевельнуться.

Вдруг крышка гроба поднялась и исчезла. Надо мной появилась чистая голубизна неба, а стены могилы провалились куда-то вниз. Что со мной происходит? Я приподнял руку и коснулся лба... «Слава Богу! Слава Богу! Он просыпается!» — услышал я голос Сэма Хокенса и повернул голову.

— Вы видели? Вы видели? Он дотронулся до лба и даже повернул голову!

Сэм наклонился надо мной. Его лицо излучало такую радость, что ее не могла скрыть даже густая щетина. И еще я заметил слезы в его маленьких глазках.

— Вы меня видите, дорогой сэр? Узнаете? — спрашивал он. — Наконец-то вы открыли глаза и пошевелились! Значит, вы живы! Вы меня видите?

Я хотел ответить, но не смог. Страшная слабость сковала все члены, а язык был словно свинцовый. Я смог лишь едва заметно кивнуть.

— И слышите меня? — не унимался Сэм.

Я опять кивнул.

— Да вы посмотрите на него, посмотрите!

Лицо Сэма пропало, а вместо него появились лица Стоуна и Паркера. Слезы радости застилали глаза моим добрейшим друзьям. Они хотели спросить меня о чем-то, но Сэм уже оттолкнул их:

— Пропустите, я буду с ним говорить!

Он схватил мои руки, прижал их к той части бороды, где положено находиться губам, и спросил:

— Может, хотите есть или пить?

Я покачал головой, давая понять, что ничего мне не надо. Я был так слаб, что не смог бы выпить и капли воды.

— Нет? Не может быть! Вы хоть представляете, сколько времени были

без сознания?

Я опять покачал головой.

— Три недели, целых три недели! Вы можете это представить? Без памяти, в жуткой горячке! А потом жар спал, и вы лежали как мертвый, ну совсем бездыханный, вроде как в летаргию впали. Апачи хотели вас похоронить, но я не дал. Все верил, что вы живы, долго упрасивал, пока Виннету не заступился за вас перед своим отцом и не получил разрешение похоронить вас только тогда, когда начнется разложение тела. Мы всем обязаны Виннету. Пойду за ним и приведу сюда!

Я закрыл глаза и опять лежал, но уже не в могиле, а просто на земле, ощущая блаженную усталость и спокойствие. Я готов был лежать так целую вечность, но тут послышался звук шагов. Чья-то рука коснулась моей, и я услышал голос Виннету:

— Сэм Хокенс не ошибся? Сэки-Лата, Разящая Рука, действительно проснулся?

— Да, да, мы все трое это видели. Он даже кивнул нам!

— Значит, случилось чудо! Но лучше бы ему было умереть, потому что он вернулся к жизни только для того, чтобы с ней проститься. Он умрет вместе с вами.

— Но ведь он самый верный друг апачей!

— Поэтому два раза меня свалил с ног?

— Так надо было.

— Зачем?

— Первый раз, чтобы спасти тебе жизнь, иначе в схватке кайова убили бы тебя. Второй раз спасал свою жизнь, ведь ты бы убил его. Мы хотели сдаться, кричали апачам, но твои воины не слушали нас.

— Сэм Хокенс так говорит потому, что защищает себя.

— Нет. Все это правда!

— Твой язык лжет! Ты боишься мучительной смерти. Но нас не обманешь. Мы знаем — вы наши враги, вы хуже этих собак кайова. Ты подкрался и подслушал наш разговор. Друг предупредил бы, и тогда кайова не поймали бы нас и не привязали к деревьям.

— Но вы собирались мстить нам за смерть Клеки-Петры и, кроме того, ни за что бы не дали нам закончить работу.

— Это сейчас ты придумываешь отговорки и думаешь, им поверят. Неужели ты считаешь, что Инчу-Чуна и Виннету лишены разума и глупее маленьких детей?

— Я никогда так не думал! Жаль, Шеттерхэнд опять впал в забытье, иначе он подтвердил бы, что я говорю правду.

— Он соврет, как и ты. Все бледнолицые — лжецы и мошенники. Я знал только одного белого, в сердце которого жила правда. Это убитый вами Клеки-Петра. Мне казалось, я смогу полюбить Шеттерхэнда. Я восхищался его силой и отвагой. Его глаза смотрели открыто. Но я ошибся. Как и все белые, он отнимет у нас землю, знает о ловушке для нас и не предостерегает. Он два раза ударил меня кулаком по голове. Зачем, создав такого сильного и смелого человека, Великий Маниту дал ему столь лживое сердце?

Когда Виннету дотронулся до моей руки, мне хотелось взглянуть на него, но не было сил.

Мое тело не слушалось меня, казалось мне невероятно легким, парящим в воздухе. Однако услышав суровый и несправедливый приговор Виннету, сверхъестественным усилием я заставил веки подчиниться моей воле и открыл глаза. Виннету стоял рядом со мной. Он был без оружия, в легкой полотняной одежде, в руке держал книгу. Я заметил ее название — «Песнь о Гайавате» американского поэта Лонгфелло. Оказывается, Виннету, сын «дикого» народа, умел не только читать, но и был наделен тонким чувством поэтического восприятия, доступным далеко не каждому цивилизованному человеку! Я не мог себе даже представить, что в руках апача увижу известнейшую поэму!

— Он опять открыл глаза! — воскликнул Сэм, и Виннету повернулся, подошел ближе, окинул меня долгим, внимательным взглядом и спросил:

— Ты можешь говорить?

Я покачал головой.

— У тебя что-нибудь болит?

Я ответил точно так же.

— Скажи мне правду! Человек, просыпающийся после смерти, не может врать. Ответь мне: вы четверо действительно хотели нас спасти?

Я два раза утвердительно кивнул.

Пренебрежительно махнув рукой, Виннету возмущенно произнес:

— Ложь, ложь, ложь! Ложь даже на краю могилы! Значит, правды от тебя не дождешься, и не стоит просить отца о даровании тебе жизни. Поэтому ты умрешь. Хороший уход вернет тебе здоровье и силы, и тогда мы поставим тебя у столба пыток, чтобы ты сполна познал все мучения. Пытать тебя таким, как сейчас, слабым и больным, нельзя — слишком быстро ты умрешь.

У меня не хватило сил держать веки открытыми, и глаза опять закрылись. О, если бы я мог ему все сказать! Сэм, наш хитрый Сэм Хокенс, столь изобретательный при разных обстоятельствах, очень неудачно

пытался нас защитить. Я бы сделал это по-другому. Бедный Сэм старался в меру своих способностей:

— Ну неужели нужно доказывать то, что и без того ясно? Вашим воинам грозила мучительная смерть. Чтобы их спасти, Шеттерхэнд вышел на поединок с Ножом-Молнией и победил его. Парень рисковал жизнью, а в награду его ждут мучения у столба?!

— Все это ложь! Чем докажете?

— Спроси у Тангуа, вождя кайова, он ведь у тебя в плену!

— Я спрашивал.

— И что же он ответил?

— Что ты врешь. Шеттерхэнд не сражался с Мэтан-Аквой. Его убили наши воины, когда напали на вас.

— Подлая клевета! Тангуа врет! Он знает, что мы защищали апачей, и теперь мстит.

— Он поклялся именем Маниту, поэтому я верю ему, а не вам. Я повторяю: если бы вы откровенно признали свою вину, я заступился бы за вас. Клеки-Петра был моим наставником, духовным отцом, другом и учителем. Он посеял в моем сердце любовь к миру и снисхождение к слабым. Я не жажду крови, а отец всегда исполняет мои просьбы. До сих пор мы не убили ни одного кайова, которых держим в плену. За все несчастья они заплатят не жизнью, а лошадьми, оружием, шкурами для вигвамов и одеялами. Мы не определили еще выкупа, но вскоре договоримся. Рэттлер убил Клеки-Петру и поплатился за это головой. Вы его товарищи. Будь вы искренни, мы бы вас пощадили. Но вы продолжаете лгать и разделите его судьбу.

Столь долгая речь, не свойственная обычно молчаливому Виннету, была доказательством того, что наша судьба ему не безразлична.

— Ты сам добиваешься, чтобы мы солгали, мы не можем назвать вас врагами, ибо мы ваши друзья, — ответил Сэм.

— Замолчи! Ты так и умрешь с ложью на устах! До сих пор вам предоставляли свободу большую, чем остальным пленным, чтобы вы могли ухаживать за Шеттерхэндом. Но вы не стоите снисхождения. Больной не нуждается больше в вашей помощи. Идите за мной. Я покажу вам место, где вы теперь будете жить под стражей.

— Нет, нет, Виннету, умоляю! — крикнул перепуганный Сэм. — Я не могу оставить больного!

— Сможешь, здесь приказываю я!

— Но разреши нам хотя бы...

— Довольно! — оборвал его на полуслове индеец. — Никаких

возражений! Ступайте за мной, или я прикажу связать вас и увести силой!

— Мы в ваших руках и вынуждены подчиниться. Когда мы сможем увидеть Шеттерхэнда?

— В день его и вашей смерти.

— А раньше?

— Нет.

— Тогда разреши нам попрощаться с ним.

Сэм взял меня за руку, к моей щеке прикоснулась его щетина, и он поцеловал меня в лоб. Паркер и Стоун тоже поцеловали меня, после чего все трое ушли за Виннету. Я остался лежать один, но в скором времени появились апачи, подняли меня и понесли куда-то. Из-за слабости я не мог открыть глаза и опять впал в беспамятство.

Не знаю, как долго я спал, но это был исцеляющий сон, глубокий и продолжительный. Проснувшись, я без труда открыл глаза. Слабость явно уменьшилась. Язык повиновался мне, и я даже смог поднести руку ко рту, чтобы очистить его от сгустков крови и гноя.

К своему удивлению, я обнаружил, что нахожусь в какой-то квадратной комнате с каменными стенами. Свет падал через дверной проем. Мое ложе в дальнем углу комнаты составляли шкуры гризли, а укрыт я был индейским одеялом прекрасной работы. У входа сидели две индеанки — молодая и пожилая. Наверное, они ухаживали за мной и одновременно стерегли. Пожилая была безобразна, как почти все краснокожие скво, которые быстро теряют молодость и красоту, ибо их удел — тяжелый, изнурительный труд; мужчины-индейцы занимаются исключительно войной и охотой, проводя остальное время в праздности.

Вторая, молодая девушка, отличалась поразительной красотой. Будь на ней европейский наряд, она привлекла бы внимание в самом изысканном обществе. Длинное, перехваченное в талии ремешком из кожи гремучей змеи светло-голубое платье плотно облегалo ее грудь и шею. На ней не было никаких украшений — ни стеклянных бус, ни дешевых монет, которые так любят индеанки. Единственным ее украшением были великолепные волосы, двумя иссиня-черными косами ниспадавшие до колен. Они напоминали волосы Виннету, а черты девушки — его лицо. Таинственно мерцали из-под длинных ресниц такие же, как у него, бархатные глаза. Нетипичными для индеанки в ее облике были румяные щеки с двумя неожиданно кокетливыми ямочками. Тихо, чтобы не разбудить меня, девушка разговаривала со своей напарницей, и каждый раз, когда она приоткрывала в улыбке яркие, коралловые губы, из-за них сверкали удивительно белые зубы. Нежные крылья носа говорили скорее о

греческом, чем индейском происхождении девушки, об этом же говорил и цвет кожи — светлая бронза с чуть заметным серебристым оттенком. Ей могло быть лет восемнадцать. Я готов был держать пари, что девушка — сестра Виннету.

Женщины вышивали красными узорами кожаный пояс. Я приподнялся, чтобы лучше рассмотреть девушку. Да, я действительно привстал, причем почти без труда, и сам безмерно удивился этому, ведь недавно от слабости я не мог даже открыть глаза. Услышав шорох, старуха взглянула в мою сторону и воскликнула:

— Уфф! А-гуан инта-хинта!

Как вы уже знаете, возгласом «уфф» индейцы выражали удивление, а слова «инта-хинта» означали — «он не спит». Девушка оставила работу, поднялась и подошла ко мне.

— Ты проснулся? — спросила она на беглом английском, немало этим меня удивив. — Ты чего-нибудь хочешь?

Я уже открыл рот, чтобы ей ответить, но вспомнил, как недавно пытался сказать слово и ничего из этого не вышло, и быстро его закрыл. Но теперь у меня появились силы! Надо попытаться! И я с трудом прохрипел:

— Да...

Как приятно, оказывается, слышать звук собственного голоса! Правда, я сам его не узнал, а коротенькое «да» больно отозвалось в гортани, но это было первое слово после такого долгого и вынужденного молчания!

— Говори тише, а лучше — объясняйся знаками, — посоветовала девушка. Ншо-Чи видит, что разговор причиняет тебе боль.

— Тебя зовут Ншо-Чи? — спросил я.

— Да.

— Это имя очень подходит тебе, ибо ты — как прекрасный весенний день, полный света и аромата первых свежих цветов.

«Ншо-Чи» на языке апачей значит «Ясный День». Девушка чуть заметно смутилась и напомнила мне:

— Так чего ты хочешь?

— Скажи, ты из-за меня находишься здесь?

— Да, мне велено заботиться о больном.

— Кто велел?

— Мой брат, Виннету.

— Я так и подумал. Ты очень похожа на этого молодого и славного воина.

— А ты хотел его убить!

Вопрос или негодование прозвучали в словах девушки? Произнося

это, она пылливо смотрела мне в глаза, будто хотела заглянуть в душу.

— Нет! — ответил я.

— Виннету не верит тебе и считает своим врагом. Два раза ударом кулака ты свалил его на землю, а ведь до сих пор его никто не побеждал.

— Это правда, но в первый раз — чтобы спасти его, во второй — чтобы спасти себя. Он близок моему сердцу с первой нашей встречи.

Ее темные глаза внимательно смотрели мне в лицо.

— Он не верит вам, — сказала она наконец, — а я его сестра. У тебя болит во рту?

— Сейчас нет.

— Глотать сможешь?

— Попробую. Дай мне попить.

— Хорошо, попить и помыться. Сейчас принесу.

Девушка и старуха вышли из комнаты. Я не мог понять логику поведения Виннету. Он считал нас своими врагами, не верил нашим объяснениям, а уход за мной поручил собственной сестре. Ладно, решил я, время покажет, в чем тут дело.

Вскоре обе женщины вернулись. Девушка принесла чашку с холодной водой и поднесла ее к моим губам, полагая, что я еще слишком слаб и не смогу пить без посторонней помощи. Я глотал с огромным трудом, ужасная боль пронзала горло, но жажда была сильнее. Делая маленькие глотки и часто отдыхая, я выпил всю воду и почувствовал, как в меня влились новые силы. Должно быть, Ншо-Чи заметила это, потому что сказала:

— Вода взбодрила тебя. А теперь передохни немного, и я принесу тебе поесть. Наверное, ты очень голоден, но, может, сначала помоешься?

— А смогу?

— Попробуем.

Старуха принесла высушенную тыкву с водой. Ншо-Чи поставила этот сосуд рядом с моей постелью и подала мне полотенце из тонкой рогожки. Мои попытки помыться не увенчались успехом: я был слишком слаб. Тогда Ншо-Чи смочила водой край полотенца и своими руками обмыла мне лицо — мне, врагу своего отца и брата! Закончив, она улыбнулась и, с состраданием глядя на меня, спросила:

— Ты всегда был такой худой?

Худой? Почему худой? Ах да, ведь несколько недель я пролежал в забытии, в горячке, без пищи и воды! Болезнь не могла пройти бесследно. Я дотронулся до щек и ответил:

— Наоборот! Я никогда не был худой.

— Посмотри на себя!

Взглянув на свое отражение в воде, я в испуге отвел глаза: на меня глядело привидение.

— Странно, что я еще жив! — вырвалось у меня.

— Да, Виннету сказал то же самое. Ты перенес даже дорогу сюда, а она и для здорового нелегка. Великий Маниту наделил тебя очень сильным телом, другой не выдержал бы пятидневного, трудного пути.

— Пятидневного пути? Где же мы находимся?

— В нашем пуэбло на реке Пекос.

— И сюда же вернулись ваши воины, взявшие нас в плен?

— Да. Они живут рядом с пуэбло.

— И пойманные кайова тоже здесь?

— Да. Их надо было убить. Любое другое племя предало бы их мучительной смерти, но нашим учителем был добрый Клеки-Петра. Он открыл нам доброту и милосердие Великого Духа. Если кайова хорошо заплатят, их отпустят.

— А мои три товарища? Ты знаешь, где они?

— В такой же комнате, но темной. Они связаны.

— Как им живется?

— У них есть все необходимое, приговоренные к смерти у столба пыток должны быть сильными, чтобы не умереть прежде времени.

— Значит, они должны умереть, непременно — умереть?

— Да.

— И я тоже?

— И ты тоже!

В ее голосе не чувствовалось ни капли жалости. Неужели эта прекрасная девушка столь жестока сердцем, что может без содрогания смотреть на муки умирающих от пыток?

— Могу ли я поговорить с ними?

— Это запрещено.

— А увидеть их хотя бы издали?

— И это запрещено.

— Передать им весть о себе?

Она подумала и сказала:

— Я попрошу моего брата Виннету, чтобы он разрешил сказать им, как ты себя чувствуешь.

— Придет ли Виннету сюда ко мне?

— Нет.

— Мне надо с ним поговорить!

— Он этого не желает.

— Нам необходимо поговорить!

— Кому необходимо — ему или тебе?

— Мне и моим товарищам.

— Виннету не придет. Хочешь, я передам ему твои слова, если ты доверишь их мне?

— Нет. Спасибо. Тебе я доверю все, но если твой брат слишком горд, чтобы говорить со мной, то у меня тоже есть самолюбие, и я не буду говорить с ним через посредников.

— Ты увидишь его только в день своей смерти. А сейчас мы покинем тебя. Если что-нибудь понадобится, позови нас. Мы услышим и сразу придем.

Она достала из кармана маленький глиняный свисток, вручила его мне и вместе со старухой покинула комнату.

Оставшись один, я предался невеселым размышлениям. Итак, находящегося на грани смерти человека спасли лишь для того, чтобы затем предать мучительной смерти, и ухаживают за ним, чтобы у него хватило сил пройти через все пытки. Тот, кто жаждал моей гибели, приказал заботиться обо мне собственной сестре, прекрасной юной девушке, а не какой-нибудь старой скво.

Наверное, излишне говорить, что разговор наш с Ншо-Чи велся не так легко, как здесь написано. Мне было трудно говорить, каждое слово причиняло боль, я медленно выжимал из себя фразу за фразой и долго отдыхал после каждой реплики. Разговор измотал меня, и, когда Ншо-Чи ушла, я сразу уснул.

Спустя несколько часов я проснулся голодный как волк и вспомнил о свистке. Старуха, видно, сидела под дверью, так как тут же вошла и о чем-то спросила меня. Я понял только два слова: «есть» и «пить» и жестами показал, что голоден. Женщина скрылась, а в скором времени показалась Ншо-Чи с глиняной миской и ложкой. Такой посудой индейцы не пользуются, видимо, и в этом сказалось влияние Клеки-Петры. Девушка опустилась на колени рядом с моей постелью и начала кормить меня, как маленького ребенка, который не умеет есть без посторонней помощи.

В миске был крепкий бульон с кукурузной мукой. Индеанки обычно растирают кукурузные зерна между двух камней и получают муку. Специально для хозяйства Инчу-Чуны Клеки-Петра сделал жернова, которые потом показывали мне как достопримечательность.

Справиться с едой было значительно труднее, чем с водой. Я с трудом удерживался от крика, глотая очередную ложку похлебки, но организм требовал пищи, и я ел, чтобы не умереть с голоду. И хотя я не издал ни

стона, скрыть слезы, текущие из глаз, мне не удалось. Ншо-Чи все поняла. Когда я проглотил последнюю ложку, она сказала:

— Болезнь ослабила тебя, но ты очень сильный и мужественный человек. О, если бы ты родился апачем, а не лживым бледнолицым!

— Я не лгу, я никогда не лгу, и ты сама убедишься в этом!

— Хотелось бы верить тебе, но из бледнолицых только один говорил правду — Клеки-Петра. Мы все любили Клеки-Петру. Язык его не знал лжи, а сердце — страха. Вы убили его, хотя он и не сделал вам ничего плохого. Поэтому вы погибнете и вас похоронят вместе с ним.

— О чем ты говоришь? Разве он еще не похоронен?

— Нет.

— Но тело не может сохраняться столько времени!

— Мы положили его в плотно закрытый гроб, куда не проникает воздух. Впрочем, перед смертью ты сам его увидишь. — И с этими многообещающими словами девушка вышла из комнаты, прихватив с собой пустую миску.

Похоже, индейцы считали, что обреченный на смерть легче переносит муки, если у него перед глазами лежит труп жертвы. Они верили, что это зрелище придает ему сил и мужества.

Если же говорить серьезно, я надеялся, что не умру: у меня имелось вещественное доказательство того, что я говорил правду, — прядь волос Виннету.

А вдруг ее уже нет? Меня опять бросило в жар при одной мысли об этом. У индейцев существует обычай присваивать себе все вещи убитых и плененных врагов, а я так долго был без сознания. Проверить, немедленно проверить карманы! И я принялся лихорадочно ощупывать себя.

Одежду с меня не сняли, я лежал в той самой, в которой свалился замертво. И пролежал в ней все три недели, пока метался в горячке. Можно себе представить, как она выглядела, но как именно, я, пожалуй, не буду здесь описывать.

Тут я позволю себе краткое отступление. Читатель обычно завидует человеку, имеющему возможность много путешествовать, видеть разные страны, пережить интересные приключения. Как бы ему, читателю, хотелось оказаться на месте этого путешественника! В жизни, однако, все намного сложнее, чем в книге. Путешествия сопряжены обычно с такими трудностями, о которых в книгах не пишут, но которые, узнай о них читатель, наверняка излечили бы его от тоски по приключениям. В бесчисленных письмах, которыми засыпают меня читатели, обычно содержится одно и то же: они жаждут принять участие в путешествии, они

хотят знать, сколько для этого надо денег и что необходимо взять с собой. Но никто не поинтересовался, какими качествами и знаниями должен обладать такой путешественник; никто не задумался: выдержит ли он тяготы пути. И вот когда я во всех подробностях информирую такого энтузиаста о тяготах, он, как правило, полностью излечивается от жажды приключений.

Итак, я обследовал свои карманы и к большой радости обнаружил, что все в них на месте. При мне не было лишь оружия. Я достал банку из-под сардин, в которой хранились мои записи, и прядь волос Виннету. Положив жестянку обратно в карман, я успокоился и заснул.

Вечером, как только я проснулся, появилась Ншо-Чи и принесла еду и свежую воду. На этот раз я ел без посторонней помощи и забросал ее вопросами. Девушке, видимо, объяснили, что я могу знать, а что нет, — и многие мои вопросы остались без ответа. Но на вопрос, почему мне оставили все мои вещи, она ответила:

— Мой брат Виннету так распорядился.

— Почему?

— Не знаю. У меня для тебя есть хорошая новость.

— Какая?

— Я навестила бледнолицых, пойманных вместе с тобой.

— Правда? — обрадовался я.

— Да. Я сказала им, что ты чувствуешь себя лучше и скоро выздоровеешь. Тогда тот, которого зовут Сэм Хокенс, попросил передать от него подарок. Он мастерил его целых три недели, пока ты лежал в бреду.

— Что это такое?

— Я спросила разрешения у Виннету, и он позволил передать подарок. Вот он! Наверное, ты очень сильный и отважный человек, если пошел с ножом на медведя! Сэм Хокенс сказал мне об этом.

И Ншо-Чи вынула ожерелье, сделанное из когтей и зубов медведя. Особое изящество ему придавали два медвежьих уха, украшавшие оба конца.

С восхищением разглядывая подарок, я не удержался и спросил:

— Как же он его смастерил? Невозможно это сделать голыми руками. Разве ему оставили нож и не отобрали медвежьи когти и зубы?

— Нет, вещи оставили только тебе. Но Сэм Хокенс сказал моему брату, что хочет сделать для тебя ожерелье, и попросил вернуть ему когти и медвежьи зубы. Виннету разрешил и дал нужные инструменты. Сегодня же надень ожерелье, тебе недолго ему радоваться.

— Это потому, что я скоро умру?

— Да.

Взяв у меня из рук ожерелье, она сама повесила его мне на шею. С того дня, находясь на Диком Западе, я не снимал его.

— Напрасно ты так торопилась принести мне подарок, — сказал я прекрасной индеанке. — Я еще успел бы им натешиться, у меня впереди много лет жизни.

— Недолго тебе его носить.

— Увидишь, воины апачей не убьют меня!

— Непременно убьют! Так решено на совете старейшин.

— Ничего, узнают правду и даруют мне жизнь.

— Они не поверят тебе!

— Поверят, у меня есть доказательства!

— Тогда докажи! Я буду рада, что ты не лжец и не предатель! Скажи мне, какие у тебя доказательства, и я сообщу все брату!

— Пусть он придет ко мне.

— Этому не бывать.

— Тогда он ни о чем не узнает. Я не привык выпрашивать дружбу и говорить через посредников с тем, кто не хочет встретиться со мной.

— Какие же вы, мужчины, упрямые! Я с радостью передала бы тебе прощение Виннету...

— Я не нуждаюсь в прощении, потому что ни в чем не виноват. Я прошу тебя об одном одолжении.

— О каком?

— Если еще раз увидишь Сэма Хокенса, скажи ему: нас освободят, как только я выздоровею.

— Твои надежды не сбудутся!

— Это не надежды, а твердая уверенность, увидишь!

Я говорил с такой убежденностью, что Ншо-Чи прекратила спор и ушла.

Я знал, что моя тюрьма находилась поблизости от реки Пекос. Поскольку через дверной проем комнаты виднелась довольно близко отвесная скала, я сделал вывод, что пуэбло построено в одной из долин над притоком Пекос, ибо долина самой Пекос была наверняка намного шире. Очень хотелось посмотреть и на долину, и на пуэбло, о которых до сих пор я только читал, но об этом пока нечего было и думать. Во-первых, я был еще очень слаб и не мог ходить, а во-вторых, даже если бы я поднялся с постели, все равно мне не разрешили бы выйти из комнаты.

Стало темнеть. В помещение вошла старуха, неся лампу из высушенной тыквы, и уселась в углу. В ее обязанности входил уход за мной

и прочие работы, тогда как Ншо-Чи играла роль хозяйки дома.

Свет лампы не помешал мне заснуть глубоким, здоровым сном. Наутро я почувствовал себя значительно лучше. Днем я, как обычно, получил шестиразовое питание — знакомый уже крепкий бульон с кукурузной мукой, пищу легкую и питательную. Похлебкой меня кормили до тех пор, пока я не обрел способность жевать и глотать твердую пищу, главным образом мясо.

Здоровье мое улучшалось с каждым днем. Тело набирало силу. Опухоль во рту постепенно спадала. Ншо-Чи вела себя неизменно дружелюбно и внимательно, хотя я видел, что ее тревожила мысль о неизбежности моей казни. Порой я ловил на себе ее взгляд, полный сочувствия и немого вопроса. Нет, она определенно жалела меня, напрасно я думал, что она бессердечна. Как-то я спросил, можно ли мне выйти из моей тюрьмы, вход в которую всегда открыт. Нет, ответила она, нельзя, и пояснила, что днем и ночью у входа сидят два воина, которые и впредь будут стеречь меня, и что исключительно из-за слабости меня до сих пор не связали. В скором времени меня лишат и этой маленькой толики свободы.

Разговор заставил меня задуматься о собственном будущем. Правда, я рассчитывал на впечатление, которое произведет прядь волос Виннету, но ведь всякое могло случиться, и тогда мне оставалось надеяться исключительно на свою силу. Значит, надо потихоньку, незаметно упражняться. Но как?

Теперь, когда здоровье мое окрепло, я почти все время проводил, расхаживая по комнате или сидя на медвежьей шкуре. И вот в один прекрасный день я пожаловался своей милой тюремщице на то, что сидеть на медвежьей шкуре неудобно — очень низко, я, мол, привык сидеть на стульях. Нельзя ли мне принести хоть какой-нибудь камень побольше, который заменит стул? Мою просьбу она передала Виннету, и я получил в свое распоряжение несколько камней разной величины, причем самый большой из них весил не меньше центнера. Теперь всякий раз, оставаясь один, я упражнялся с этими камнями и вскоре мог уже несколько раз подряд выжимать большой камень. Я чувствовал, как с каждым днем в меня вливаются новые силы, и недели через три стал таким же крепким, как и до болезни. В присутствии женщин, однако, я притворялся по-прежнему слабым и не совсем здоровым.

В своей каменной темнице я жил уже шесть недель и не знал, что происходит на воле. Во всяком случае, Ншо-Чи ничего не говорила о пленных кайова, из чего я сделал вывод, что они до сих пор находились в плену, что выглядело странным, ибо прокормить двести человек апачам

было не так-то легко, да и сами кайова горели желанием скорее очутиться на свободе. Видимо, индейцы никак не могли договориться об условиях выкупа, а значит, побежденным придется платить за каждый лишний день, проведенный в плену.

В одно прекрасное солнечное осеннее утро в комнату вошла Ншо-Чи с завтраком для меня и села рядом с моей постелью. Обычно она оставляла еду и уходила. В то утро ее глаза смотрели на меня с жалостью, как-то подозрительно блестя. Девушка крепилась, но предательская слеза скатилась по румяной щеке.

— Ты плачешь? — спросил я.

— Сегодня грустный день.

— Что случилось?

— Кайова выходят на свободу. Ночью прибыли их гонцы с выкупом.

— И из-за этого ты плачешь? Радоваться надо!

— Ты не знаешь, что говоришь. В честь ухода кайова ты со своими белыми братьями умрешь у столба.

Я давно ожидал этого известия и все-таки весь похолодел. Значит, сегодня решающий день, может быть, последний в моей жизни! Что меня ждет? Ншо-Чи не сводила с меня глаз. Я сохранял безразличный вид и невозмутимо завтракал, а когда закончил, спокойно вручил ей посуду. Ншо-Чи, взяв пустую миску, поднялась и медленно пошла к выходу. На пороге девушка остановилась, обернулась и, протянув мне руку, произнесла сквозь слезы:

— Говорю с тобой последний раз. Прощай! Ты храбрый и сильный, тебя недаром зовут Разящая Рука. Ншо-Чи скорбит о твоей смерти, но душа ее обрадуется, если муки не заставят тебя стонать. Доставь мне радость и умри достойно!

Сказав это, девушка выбежала из комнаты. Я встал у входа, чтобы поглядеть ей вслед, но на меня сразу же нацелились два ружья — воины охраны были бдительны. Еще шаг — и я погиб бы от пули или, в лучшем случае, был бы ранен. Впрочем, я давно понял, что о побеге и речи быть не могло. К тому же я совершенно не знал район реки Пекос.

Итак, все произойдет сегодня. Что делать? Скорее всего, спокойно ждать развития событий и уповать на спасительную прядь волос. Взгляд, брошенный за дверь, окончательно убедил меня, что побег совершенно невозможен. Я уже говорил, что мне приходилось читать об индейских пуэбло, но ни одного из них я никогда не видел. Пуэбло — это своего рода крепость из камня. Обычно их строят в глубоких горных расщелинах, вознося несколько этажей, причем каждый из последующих сдвинут назад

и образует террасу, основанием которой служит крыша предыдущего этажа. В целом постройка представляет собой ступенчатую пирамиду, ступени которой все глубже врезаются в горную расщелину. Первый этаж более других выступает вперед, он самый широкий и служит опорой для остальных, сужающихся кверху этажей. Этажи не соединяются внутренними лестницами, как в европейских домах, на них взбираются по лестницам, приставленным снаружи. Если появляется враг, лестницы убирают, и пуэбло становится неприступной крепостью. Неприятель вынужден брать приступом каждый этаж.

В таком вот пуэбло я и находился, вероятнее всего, на седьмом или восьмом этаже. Как убежишь из такой крепости, учитывая, что на каждом этаже находятся индейцы! Делать было нечего, оставалось положиться на судьбу! Бросившись в постель, я стал ждать.

Это были мучительные часы. Время тянулось невероятно медленно! Было уже за полдень, а ничего не происходило. Наконец я услышал звук шагов. Вошел Виннету в окружении нескольких индейцев. Я лежал, притворяясь, будто ни о чем не знаю. Виннету окинул меня долгим, внимательным взглядом и сказал:

— Пусть Разящая Рука скажет, здоров ли он.

— Не совсем, — ответил я.

— Но говорить, вижу, может?

— Да.

— А ходить?

— Думаю, да.

— Тебя учили плавать?

— Немного.

— Это хорошо, потому что тебе придется плавать. Помнишь, в какой день ты должен был увидеть меня?

— В день моей смерти.

— Ты хорошо запомнил. Сегодня этот день настал. Встань, тебя свяжут.

Я не мог послушаться. В комнате находились шестеро краснокожих, которые мигом поставили бы меня на ноги. Правда, я мог свалить на землю нескольких, но что это даст? Я медленно встал с постели и протянул руки, которые индейцы связали. На ноги мне наложили ременные путы — но так, что я мог идти, даже спускаться по лестнице, но бежать ни в коем случае не смог бы. Завершив эту не самую приятную для меня процедуру, индейцы вывели меня на террасу.

Оттуда вниз вела лестница. Впрочем, лестницей ее можно было

назвать с большой натяжкой: это был толстый деревянный столб с засечками вместо ступенек. Первыми стали спускаться трое краснокожих, потом я, затем остальные. На каждой террасе стояли женщины и дети, молча наблюдавшие за нами. Потом и они сошли вниз. На нижних этажах уже собралась большая толпа жаждущих увидеть нашу смерть.

Как я и предполагал, пуэбло находился в узком каньоне, ответвлении широкой долины реки Пекос. В эту широкую долину и повели меня индейцы.

Пекос — не очень полноводная река, летом и осенью воды в ней и вовсе мало. Но на реке попадались и глубокие места, в которых в самое жаркое время года вода не убывала. Благодаря этому окрестности были покрыты буйной растительностью, а местные луга представляли собой великолепные пастбища для лошадей. Места, которые открылись моему взору, охотно выбираются индейцами для стоянок. Ширину долины я оценил в час езды: слева и справа от нас тянулись заросли кустарников и леса, за ними виднелись зеленые луга. Впереди лес расступался по обоим берегам реки.

В тот момент у меня не было времени подумать, почему мы направлялись именно туда. В том месте, где каньон выходил к главной долине, вдоль берега тянулась песчаная коса. Точно такая же виднелась по ту сторону реки. Песок, как светлый шрам, разрезал зеленую долину Пекос — ни травы, ни зарослей, ни деревьев, лишь огромный кедр возносился за рекой в центре этой безжизненной полосы. Исполин устоял в наводнение, которое некогда разрушило часть долины, покрыв ее песком. По замыслу Инчу-Чуны, это дерево должно было сыграть главную роль в событиях того дня, поэтому я так подробно его описываю.

На берегу царило оживление. Я заметил здесь наш фургон с волами, захваченный апачами. На лугу, неподалеку от безжизненных песков, паслись лошади, которых привели кайова для выкупа своих пленных. На берегу стояли вигвамы, в них было сложено оружие, также предназначенное для выкупа. Инчу-Чуна прохаживался между вигвамами в окружении оценщиков. Вместе с ним был и Тангуа, которого, как и его соплеменников, отпустили уже на свободу. В пестрой, фантастически разодетой толпе краснокожих, собравшихся в долине, было, как определил я на глаз, не менее шестисот апачей.

Толпа индейцев расступилась, пропуская нас, и тут же сомкнулась, образовав широкий полукруг, внутри которого стоял наш фургон. К апачам присоединились и получившие свободу кайова.

Рядом с фургоном я увидел Хокенса, Стоуна и Паркера, привязанных к

вбитых в землю столбам. Четвертый, пока свободный, столб предназначался для меня. Это и были знаменитые столбы пыток, у которых нам было суждено умирать мучительно и долго! Столбы торчали из земли на небольшом расстоянии друг от друга, и мы могли свободно разговаривать. Рядом со мной был Сэм, дальше Стоун и Паркер. У столбов лежали вязанки хвороста, должно быть, чтобы сжечь наши трупы после того, как мы, наконец, умрем. Судя по внешнему виду, моим товарищам неплохо жилось в неволе. Правда, в данный момент настроение у всех было неважное, что, безусловно, отражалось и на физиономиях.

— Ах, сэр, и вы здесь! — приветствовал меня Сэм. — Неприятная процедура нам предстоит, скажу больше — весьма неприятная. Не знаю, выдержим ли. Смерть настолько вредна для организма, что ему не всегда удается выжить. К тому же, похоже, нас собираются еще и поджарить, чтоб мне лопнуть!

— Сэм, вы ничего не придумали? — спросил я.

— Ничего. Три недели я напрягал мозги, прикидывал и так, и эдак, но ничего путного в голову не приходило. Нас держали в темной норе, в пещере, к тому же связанными, как баранов. И стража вокруг. Ну как тут убежишь? А вам как жилось?

— Превосходно!

— Охотно верю, заметно по вашей физиономии. Откормили, как гуся на рождество. А как ваша рана?

— Терпимо. Могу говорить, как слышите, а опухоль во рту тоже скоро пройдет.

— Конечно, пройдет, от нее и следа не останется, как, впрочем, и от нас, ну разве что горсточка пепла. Да, надеяться нам не на что, но знаете, сэр, я не унываю. Хотите — верьте, хотите — нет, но у меня такое чувство, что краснокожие нам не опасны и помощь обязательно придет.

— Что ж, вполне возможно! А вот я не потерял надежду и даже готов держать пари, что сегодня вечером мы будем свободны и счастливы!

— Вот тебе на! Только гринхорн может нести такую чушь! Свободны и счастливы! Ляпнет же такое! Я буду благодарить Бога, если вообще доживу до вечера!

— Дорогой Сэм! Неужели вы до сих пор не убедились, что я не такой уж гринхорн?

— Вы говорите таким тоном... Неужели что-то придумали?

— Конечно.

— Что? Когда?

— Вечером того дня, когда бежали Виннету и его отец.

— Это тогда вы придумали? Ну, значит, сейчас вашей выдумке грош цена, не могли же вы тогда предвидеть столь прекрасную гостиницу и столь приятное обслуживание. Ну а как выглядит ваша придумка?

— Это прядь волос.

— Прядь волос? — удивленно повторил Сэм. — С вами все в порядке? Головка не болит? А может, какой винтик из нее потерялся?

— Да нет. Все в норме.

— При чем тогда прядь волос? Драгоценная прядь волос вашей возлюбленной, которую сейчас, когда нам грозит смерть, вы пожертвуете апачам?

— Это волосы мужчины.

Бросив на меня взгляд, полный сострадания, Сэм покачал головой и сказал:

— Дорогой сэр, сдается мне, у вас не все дома. Не иначе осложнение после болезни. Значит, прядь, чтоб мне лопнуть, находится на вашей голове, а не в кармане, и я все равно не понимаю, как она спасет нас.

— Зато я понимаю, этого достаточно. Слушайте внимательно, еще до начала пыток меня отвяжут от проклятого столба.

— Гринхорн — неисправимый оптимист. Почему это, интересно, вас отвяжут?

— Мне придется плавать.

— Плавать? — Сэм смотрел на меня, как психиатр на пациента.

— Да, именно плавать, а как, скажите на милость, плавать у столба?

Придется меня развязать.

— Гром и молния! Кто вам это сказал?

— Виннету.

— И когда вы совершите свой заплыв?

— Да вот сейчас.

— Это замечательно! Раз Виннету сказал, значит, вам дадут возможность бороться за жизнь. Проблеск надежды и для нас.

— Я тоже так думаю.

— Не могут же они поступить с нами иначе, чем с вами. Может, еще не все потеряно?

— Конечно! Будем бороться и спасем наши жизни.

— Я не столь самоуверен, к тому же, в отличие от вас, мне кое-что довелось слышать об изощренных испытаниях, какие придумывают индейцы. Но мне известны случаи, когда белые добивались свободы. Вы учились плавать, сэр?

— Да.

— И научились?
— Думаю, не уступлю индейцу.
— Опять самомнение. Они плавают как рыбы.
— А я как выдра, которая охотится на рыб.
— Да уж, наш пострел везде поспел... и преуспел.
— Да нет же, просто я всегда любил плавать. А вы? Знаете ли, например, что плавают стоя?
— Да, приходилось слышать.
— А вы умеете так плавать?
— Да нет, даже и не видел.
— Возможно, увидите сегодня. Если испытание будет заключаться в плавании — я выиграю!
— Желаю удачи, сэр! Надеюсь, и нам предоставят такую возможность. Это все же значительно приятнее, чем висеть на столбе. Лучше погибнуть в бою, чем под пытками.

Никто не вмешивался в наш разговор. Виннету, не обращая внимания на нас, беседовал о чем-то с отцом и Тангуа. Стража, доставившая меня, занялась наведением порядка среди зрителей, обступивших нас полукругом.

В первом ряду усадили детей, за ними стояли девушки и женщины, среди которых я заметил Ншо-Чи. Она пристально смотрела на меня. Дальше занимали места юноши, а за ними взрослые воины. Приготовления закончились, когда Сэм произнес последние слова.

Инчу-Чуна, который до сих пор разговаривал с Виннету и Тангуа, вышел на середину и громким голосом, чтобы всем было слышно, сказал:

— Выслушайте меня, мои краснокожие братья, сестры и дети, и вы, воины кайова!

Инчу-Чуна сделал паузу, дождался полной тишины и продолжал:

— Бледнолицые — враги краснокожих мужей. Редко среди них встретишь человека, который питает к индейцам дружеские чувства. Благороднейший из таких белых прибыл к апачам и стал их другом и отцом. Мы звали его Клеки-Петра, Белый Отец. Все мои братья и сестры знали и любили его!

— Хуг! — прозвучал громopodobный клич согласия.

Вождь продолжал:

— Клеки-Петра учил нас многому, о чем мы раньше не ведали и что пригодилось нам потом. Он говорил нам о Великом Духе, который завещал людям с красной кожей и белой кожей быть братьями и жить в мире и согласии. Но разве белые исполнили его волю? Подарили нам мир? Нет.

Пусть скажут мои братья и сестры!

Громким «хуг!» собравшиеся подтвердили его слова.

— Они пришли украсть нашу землю, а нас — истребить. И они делают это, потому что сильнее нас. На просторах прерий, где носились стада бизонов и мустангов, они построили большие города, источник всяческого зла. Через леса и прерии, где раньше охотились индейцы, сегодня несется огненный конь и везет новые полчища наших врагов. Краснокожий бежит от него в глушь, мечтая об одном — спокойно умереть от голода. Но и туда добрались бледнолицые, и там, на землях индейских мужей, они строят новые дороги для огненного коня. Мы встретились с этими белыми и в мирном разговоре объяснили им, что здесь наша страна, значит, они не имеют на нее прав. Возразить было нечего, они вынуждены были согласиться с нашими доводами. Однако призыва уйти с нашей земли послушать не захотели и застрелили Клеки-Петру, которого мы почитали и любили. Пусть скажут мои братья и сестры!

И снова апачи громким криком подтвердили правоту своего вождя.

— Мы принесли сюда его тело, — продолжал Инчу-Чуна, — и ждали дня мести. Этот день настал. Клеки-Петра будет сегодня похоронен, а вместе с ним и его убийца с сообщниками. Они его друзья и товарищи, они предали нас, но отрицают это. Того, что я здесь сказал, вполне достаточно, чтобы вынести смертный приговор. Однако мы, ученики мудрого Клеки-Петры, будем справедливыми судьями и выслушаем их, ибо они не признают свою вину. А потом вынесем приговор. Вы согласны со мной, люди?

— Пусть будет так! Хуг! — раздалось вокруг.

— Слышите, сэр! — окликнул меня Сэм. — Кажется, нам везет! Раз они хотят выслушать нас, значит, появляется надежда, ведь мы сможем доказать нашу невиновность. Я им сейчас все растолкую, и они обязательно отпустят нас на свободу.

— Сэм, вы ничего не сможете доказать! — ответил я.

— Нет? Почему? Разве я не умею говорить?

— Ну что вы! Говорить учили вас с детства, но уже шесть недель мы находимся здесь, и за это длительное время вам не удалось ничего растолковать.

— И вам тоже не удалось, сэр!

— Вы правы, дорогой Сэм, но вначале я не мог говорить, а когда такая возможность появилась, говорить было не с кем, потому что ни один краснокожий не навестил меня. Я не мог использовать своего шанса на защиту!

— И сейчас не сможете!

— Почему же?

— У вас ничего не получится. Вы совершенно неопытный гринхорн и вместо помощи только навредите нам. Вы очень сильны физически, но на этот раз нужна не сила. Сейчас потребуется жизненный опыт, способность убеждать, хитрость, а этого вам недостает. Не ваша вина, что от рождения вы лишены этих достоинств, поэтому уступите и поручите мне нашу защиту.

— Согласен, дорогой Сэм, и от всей души желаю удачи!

— Не сомневайтесь!

Никто не мешал нашему разговору, так как допрос еще не начался. Инчу-Чуна и Виннету разговаривали с Тангуа, посматривая в мою сторону. Значит, говорили о нас. По виду Тангуа было понятно, что он старается изо всех сил опорочить нас, наверняка врал направо и налево. Спустя некоторое время все трое подошли к нам. Апачи встали справа, а Тангуа — слева от меня. На этот раз Инчу-Чуна обратился к нам, да так громко, чтобы все могли услышать:

— Вы слышали, что я сейчас говорил. Вы должны сказать правду, и вы можете защищаться. Отвечайте на вопросы! Вы из той группы белых, которые строили дорогу для огненного коня?

— Да. Но мы трое не прокладывали дорогу, а были наняты для охраны, ответил Сэм. — Этот же молодой человек, которого зовут Шеттерхэнд...

— Замолчи! — вождь оборвал Сэма на полуслове. — Отвечать можешь только на вопросы. Ежели будешь говорить больше, я прикажу тебя высечь! Итак, вы принадлежите к той группе бледнолицых? Отвечай: да или нет?

— Да, — ответил Сэм, напуганный угрозой порки.

— Шеттерхэнд измерял землю?

— Да.

— А вы трое защищали этих людей?

— Да.

— Значит, вы хуже их, потому что защитники воров и негодяев заслуживают двойного наказания. Рэттлер, убийца Клеки-Петры, был вашим товарищем?

— Да, но уверяю вас...

— Молчи, собака! — закричал Инчу-Чуна. — Ты должен говорить только то, что я хочу знать, и больше ничего. Ты знаешь законы Запада?

— Да.

— Как закон велит наказать конокрада?
— Смертью.
— Что стоит дороже: лошадь или огромная страна апачей?
Сэм счел за лучшее промолчать.
— Говори, не то прикажу высечь тебя до крови!
Сэм буркнул:
— Высеки! Сэма Хокенса никто не заставит говорить!
Я не выдержал:
— Говорите, Сэм, так будет лучше!
— Ладно уж, сэр, сделаю как вы хотите. Но я все равно другого мнения.
— Итак, что стоит дороже: лошадь или страна?
— Страна.
— Значит, тот, кто отбирает землю, заслуживает смерти. К тому же вы товарищи человека, который убил Клеки-Петру. Это усугубляет вину. Воров бы мы просто застрелили, но вы еще и убийцы, поэтому перед смертью вас будут пытаться у столба. Но это не полный перечень ваших злодеяний. Вы предали нас кайова?
— Нет.
— Это ложь!
— Я не лгу!
— Вы же ехали за нами, когда мы оставили ваш лагерь?
— Да.
— Значит, вы поступили как враги апачей.
— Нет. Вы нам угрожали, поэтому мы вынуждены были, согласно законам Запада, проверить, ушли ли вы действительно или нет. Вы же могли укрыться и перестрелять нас всех до единого. Поэтому мы поехали за вами.
— Почему ты не поехал один? Почему взял Шеттерхэнда?
— Чтобы научить его читать следы, ведь он новичок в этом деле.
— Если вы были мирно настроены и исключительно из-за предосторожности поехали за нами, почему вы позвали на помощь кайова?
— Ваши следы сказали нам, что ты поехал вперед. Мы поняли, ты приведешь воинов, чтобы напасть на нас.
— Вы действительно вынуждены были обратиться за помощью к кайова?
— Да.
— Вы не могли поступить иначе?
— Нет.

— Опять ложь! Чтобы уцелеть, надо было сделать то, о чем я говорил, уйти из нашей страны. Почему вы этого не сделали?

— Мы не могли уйти, не сделав работы.

— Значит, вы решили закончить грабеж и для этого заключили союз с кайова? Тот, кто натравливает на нас врагов, погибнет. Вот и еще одна причина лишить вас жизни. Кроме того, когда мы напали на кайова, вы помогали им. Разве этого не было?

— Мы поступили так, чтобы избежать кровопролития.

— Ты хочешь рассмешить нас? Разве ты не следил за нами, когда мы подходили?

— Следил.

— Разве ты не подслушивал, о чем говорили?

— Подслушивал.

— И всю ночь просидел вблизи нас? Да или нет?

— Да, это правда.

— Разве не ты провел бледнолицых на берег воды, чтобы заманить нас в ловушку, и не ты приказал кайова укрыться в лесу, чтобы потом напасть на нас?

— И то правда, но...

— Молчи! Я требую краткого ответа, а не долгой речи. Нас заманили в ловушку. Кто все это придумал?

— Я.

— На сей раз ты сказал правду. Это из-за тебя многие из наших воинов были убиты, ранены и попали в плен. Во всем виноват ты и твои товарищи. Вы заслужили смертный приговор!

— Я хотел...

— Молчи! Я не спрашиваю тебя! Великий Добрый Дух послал нам неизвестного спасителя, который помог мне и Виннету уйти на свободу. Мы прокрались к нашим лошадям, взяли тех, что были нам нужны, а остальных оставили пленным. Мы уехали, чтобы привести наших воинов и напасть на кайова. Наши воины уже торопились навстречу, они увидели следы кайова и шли за ними. Поэтому уже на следующий день я встретил их и привел с собой. И опять пролилась кровь. У нас погибли шестнадцать человек, многие воины ранены... И это еще одна причина для смертного приговора. Не рассчитывайте на помилование или пощаду и...

— Не надо нам ни пощады, ни снисходительности, мы требуем справедливости! — оборвал вождя Сэм. — Я...

— Молчи, собака! — крикнул разгневанный Инчу-Чуна. — Ты можешь говорить только тогда, когда я тебя спрошу. А я больше

спрашивать не буду. Но раз ты напомнил о справедливости, тебе будет справедливость. Мы спросим и свидетеля. Вождь кайова Тангуа скажет слово. Эти бледнолицые наши друзья?

— Нет, — поспешил заверить Тангуа, на лице которого явно отражалась радость — и оттого, что нам грозила смерть, и оттого, что он имел возможность сделать нам пакость.

— Они хотели нас спасти?

— Как бы не так! Они натравили меня на вас и подговаривали убить всех апачей, всех до единого!

Такого я не мог вынести! И хотя решил молчать, не выдержал:

— Наглая ложь! Жаль, у меня связаны руки, иначе ты бы уже валялся на земле.

— Вонючая собака! — завизжал от ярости Тангуа. — Убью тебя! — Он подскочил ко мне и замахнулся.

— Бей, ведь подлец любит нападать на беззащитных! — И, с презрением отвернувшись от него, я сказал Инчу-Чуне: — Вы говорите о допросе и справедливости? Но что это за допрос и справедливость, если нам не дают говорить! Как нам защищаться, если грозят висель за каждое слово, кроме угодных вам? Инчу-Чуна ведет себя как несправедливый судья, ибо так ставит вопрос, что ответ на него несет нам смерть. А когда мы хотим сказать правду, сказать то, что может нас спасти, нам затыкают рот. Нам не нужна такая справедливость. Начинайте пытки, ведь вы заранее все решили! Мы не порадуем вас стонами и криками.

— Уфф, уфф! — донесся до меня чей-то женский голос. Я узнал сестру Виннету.

— Уфф, уфф, уфф! — повторили многие апачи.

Отвагу уважают и признают все апачи даже у своих лютых врагов. Моя речь вызвала одобрение и восхищение индейцев.

— Когда я впервые встретил Инчу-Чуну и Виннету, — продолжал я, — в моем сердце проснулись любовь и уважение, ибо глаза мои увидели мужей отважных и справедливых. Но я ошибся. Они не лучше других, ибо внемлют словам лжеца и не слушают правду. Вы смогли запугать Сэма Хокенса, но я не поддамся угрозам. Я презираю тех, кто издевается над пленными, которые лишены возможности защищаться. Будь я на свободе, я бы по-другому говорил с вами.

— Собака, ты меня называешь лжецом? — рявкнул Тангуа. — Я разможжу тебе череп!

Тангуа схватил ружье и уже замахнулся на меня прикладом, но рядом с ним оказался Виннету и остановил его.

— Пусть Тангуа успокоится! Слова Шеттерхэнда звучат дерзко, но я с ним согласен. Прошу верховного вождя апачей, моего отца Инчу-Чуну, пусть пленный скажет, что хочет.

Инчу-Чуна согласился исполнить желание сына. Он подошел ко мне и сказал:

— Шеттерхэнд похож на хищную птицу, которая не сдается даже в неволе. Ты говоришь, что прав. Но не ты ли сражался с Виннету? И не твой ли кулак повалил меня на землю?

— Я сделал это не по своей воле! Ты меня заставил!

— Как это так? — спросил удивленный Инчу-Чуна.

— Мы были готовы сдаться вам без боя, мы не хотели драться с апачами, но ваши воины не слушали наших слов. Они напали на нас и убили бы, и мы вынуждены были обороняться. Но ты спроси у них, ранили ли мы кого-нибудь, и не странно ли это, если бы нашим желанием было убить вас? Мы старались быть в стороне, чтобы никому не причинить зла. Но тут появился ты и набросился на меня и тоже не слушал моих слов. Мне пришлось защищаться, и хотя я мог убить, всего лишь оглушил, потому что я твой друг и не хотел лишать тебя жизни. Тут подбежал вождь кайова, Тангуа, чтобы снять с тебя скальп. Я не дал, он накинулся на меня, и в схватке я победил. Инчу-Чуна, я сохранил тебе не только жизнь, но и скальп. Потом...

— Этот паршивый койот врет, будто у него сто языков! — в бешенстве крикнул Тангуа.

— Это действительно ложь? — спросил Виннету у Тангуа.

— Да. А мой красный брат Виннету сомневается?

— Когда я прибежал, ты лежал неподвижно, и отец мой тоже. Это правда. Пусть Сэки-Лата продолжает.

— Я свалил Тангуа, чтобы защитить Инчу-Чуну, и тут подоспел Виннету. Я не заметил его и получил удар прикладом, к счастью, не по голове. Мы с Виннету боролись, он поранил мне рот и язык, тем самым лишив меня возможности сказать, что я его брат и друг. Я был ранен в лицо, спину, правая рука у меня не двигалась, а все-таки я победил его. Он и Инчу-Чуна лежали без сознания — я мог их убить, но не сделал этого.

— Ты, несомненно, сделал бы это, но воин апачей ударил тебя прикладом и помешал тебе, — сказал Инчу-Чуна.

— Нет, я не собирался делать этого. Разве трое бледнолицых, которые, связанные, стоят рядом со мной, не сдались вам добровольно? Разве они поступили бы так, будь они вашими врагами?

— Они поступили так, зная, что им от нас не уйти. А тебе я бы

поверил, но ты говоришь неправду, будто вынужден был оглушить Виннету в первой схватке!

— Я был вынужден!

— Почему?

— Вы оба смелые воины и сражались бы не на жизнь, а на смерть. Вас могли ранить или убить. Мы хотели сохранить вам жизнь, поэтому я оглушил Виннету, а тебя победили мои белые друзья. Я надеюсь, ты мне веришь!

— Это ложь, наглая ложь! — крикнул Тангуа. — Я подошел тогда, когда он оглушил тебя. Не я, а он собирался снять скальп с тебя. Я попытался помешать, и тогда он ударил меня кулаком, в который вселился Злой Дух. Перед ним никто не устоит.

Я повернулся к нему и грозно сказал:

— Ты прав, никто не устоит. Я кулаком бью потому, что хочу избежать кровопролития. Но недалек тот час, когда я буду сражаться с тобой, и на этот раз — с оружием в руках. Тот бой будет кровавым. Запомни, что я сказал!

— Ты собираешься сражаться со мной? — издевательски рассмеялся Тангуа. — Тебя сожгут, а пепел развеют по ветру!

— Ошибаешься! Я буду свободен и отомщу за оскорбление.

— Ты сказал! Пусть сбудутся твои слова! С радостью сражусь с тобой и убью, как бешеного койота!

Эту словесную перепалку прервал Инчу-Чуна, обратившись ко мне:

— Сэки-Лата очень самоуверенный человек. Он получит свободу? Столько обвинений против него, и если одно из них можно опровергнуть, это не повлияет на его судьбу. Твоим словам мы не верим, надо доказать их.

— Разве не я оглушил Рэттлера, когда он стрелял в Виннету, а попал в Клеки-Петру? Это не доказательство?

— Нет. Ты мог поступить так из других побуждений. Хочешь еще сказать что-нибудь?

— Сейчас нет, может быть, потом.

— Говори сейчас, потом будет поздно.

— Нет, сейчас нет. Но если потом я захочу говорить, вы выслушаете меня, потому что Шеттерхэнд не тот человек, которого можно не слушать. Сейчас я буду молчать. Мне интересно узнать ваш приговор.

Инчу-Чуна отвернулся от меня и подал знак рукой. Из полукруга выступили несколько воинов и уселись вместе с тремя вождями. Начался совет. Тангуа прикладывал все усилия, чтобы ухудшить наше положение. Мы тем временем получили возможность перекинуться парой слов.

Начал Дик Стоун:

— Интересно, что они придумают. Ничего хорошего я от них не ожидаю.

— Да уж, — заметил Билл Паркер, — головы нам не сносить.

— Как пить дать! — согласился с ними Сэм Хокенс. — Эти типы ничему не верят, хоть из кожи лезь, а невиновность не докажешь. Вообще вы неплохо выступили, сэр! Меня удивил Инчу-Чуна.

— Почему? — спросил я.

— Разрешил вам столько болтать, а мне сразу затыкал рот, как только я его открывал.

— Болтать? Вы это серьезно, Сэм?

— Разумеется.

— Вы очень любезны!

— Болтовней я называю всякую пустую говорильню, что толку от нее? А результат у вас и у меня — нулевой.

— Я другого мнения.!

— На что вы надеетесь?

— Виннету намекнул на плавание. Значит, они заранее пришли к какому-то решению, и, думаю, их суровое обращение с нами во время допроса имело целью нас запугать. Приговор будет значительно мягче.

— Сэр, не тешьте себя надеждами! Неужто вы верите, что они позволят нам спастись, устраивая соревнования по плаванию?

— Именно так.

— Какая чушь! Если даже это и условленно заранее, знаете ли вы, куда нам придется плыть?

— Куда же?

— Прямо в руки смерти. Когда помрете, вспомните, что я был прав. Хи-хи-хи!

Этот странный человечек никогда, даже в самую тяжелую минуту, не терял чувства юмора и мог от души смеяться собственным, впрочем весьма сомнительным, шуточкам. Однако веселье длилось недолго. Кончился совет, и воины, участвовавшие в нем, заняли свои места в полукруге, среди наблюдателей, а Инчу-Чуна громогласно объявил:

— Слушайте, воины апачей и кайова, наше решение. На совете старейшины заранее решили, каким будет испытание для четырех бледнолицых — сначала преследование по воде, потом сражение с нами. Они должны были умереть. Но Шеттерхэнд, самый младший из них, сказал слово, достойное зрелого воина. Все они заслужили смерть, однако, как нам кажется, их вина не так велика, как мы думали раньше. Поэтому

Великий Маниту решит их судьбу!

Инчу-Чуна сделал паузу для того, чтобы заострить внимание слушателей, а Сэм шепнул мне:

— Черт возьми! Вот это интересно, очень интересно! Вы хоть понимаете, сэр, к чему он клонит?

— Догадываюсь, — ответил я.

— Так к чему же?

— Они устроят нам так называемый Божий суд. Кто-то из нас будет вызван на поединок.

— Да, похоже, но кто? Мне ужасно интересно.

Вождь продолжал:

— Бледнолицый, которого зовут Разящая Рука, самый достойный, как нам кажется, среди них, пусть сражается за жизнь остальных. Их судьба будет также зависеть от его противника, а им должен стать тот, кто среди апачей носит высшее звание. Им буду я, Инчу-Чуна, верховный вождь апачей.

— Гром и молния! Вы и он! — воскликнул вне себя от возбуждения Сэм.

— Уфф, уфф, уфф! — раздалось в рядах краснокожих.

Они и в самом деле были удивлены решением вождя сражаться со мной. Ведь он мог избежать опасности, о которой не мог не знать, и приказать любому из апачей вступить со мной в поединок. Вождь так объяснил свое решение:

— Слава Инчу-Чуны и Виннету пострадала от одного удара кулаком белою мужа. Один из них должен сражаться, чтобы смыть позор с обоих. Виннету уступит эту честь старшему, к тому же верховному вождю апачей. Мой сын согласился.

Он снова умолк.

— Радуйтесь, сэр! — сказал Сэм. — Вы, по крайней мере, умрете раньше нас. Вы его пощадили, а он вас ужокошит без зазрения совести.

— Сэм, не торопитесь!

— А чего тут ждать! И так все ясно. Вы что, надеетесь, что это будет поединок на равных условиях?

— Даже и не мечтаю.

— Ну и слава Богу! В подобных случаях пленник заранее обречен. Вождь еще что-то говорит. Давайте послушаем.

Инчу-Чуна продолжал:

— Мы освободим Шеттерхэнда и велим ему переплыть реку. Он оружия не получит, у меня будет только томагавк. Если Шеттерхэнд сумеет

переплыть реку и дойти до кедра по ту сторону реки, он будет спасен, а его товарищи — свободны. Если же я убью его, они погибнут тоже, но не от пыток и огня, а от наших пуль. Пусть все воины скажут, что слышали мои слова, поняли их и исполнят мою волю!

— Ты сказал! Хуг! — единогласно подтвердили воины.

Я думаю, понятно волнение, с каким мы выслушали приговор. Реакция Сэма была однозначной:

— Хитро задумано! Для поединка выбран самый достойный! Они и вправду считают вас новичком! В этом весь гвоздь! Меня побоялись пустить в воду! Уж Сэм Хокенс показал бы, что плавает как рыба. Но увы! Вы! Подумать только! Наша жизнь целиком зависит от вас, сэр!

— Дорогой Сэм, не волнуйтесь! — я пытался успокоить друга. Краснокожие сделали правильный выбор. Уж я постараюсь. И знайте, что все кончится хорошо.

— Дай-то Бог. Значит, не на жизнь, а на смерть? Но помните: Инчу-Чуна нельзя щадить! Даже не подумайте!

— Посмотрим!

— Тут нечего смотреть! Если пощадите его, сами погибнете и мы тоже. Надеетесь на свой кулак?

— Конечно.

— Не надейтесь. Рукопашного боя не будет.

— А как же он убьет меня?

— Томагавком. Вам ведь известно, что им пользуются не только в рукопашном бою. Томагавк — страшное оружие в борьбе на расстоянии. Индейцы так искусно метают топор, что с расстояния в сто шагов могут срезать кончик пальца. Инчу-Чуна не бросится на вас с томагавком, только кинет вам вдогонку, когда побежите к кедру, тут все и кончится. А может быть, и раньше, еще в воде. Поверьте, будь вы даже превосходным пловцом, вам не удастся доплыть до того берега. Инчу-Чуна ударит вас томагавком по голове, а вернее, по затылку, и закончит этот спектакль. Ни ваша сила, ни искусство на сей раз не пригодятся.

— Все это правда, дорогой Сэм. Но иногда можно большего добиться хитростью, чем силой.

— Хитростью? Скажете тоже! Для этого надо быть хитрым. Сэм Хокенс славится хитростью и то не понимает, каким это образом вы собираетесь перехитрить вождя. И вообще, устоит ли хитрость всех хитрецов в мире против метко брошенного томагавка?

— Устоит, Сэм, обязательно устоит!

— Как?

— Увидите, а скорее — не увидите. Пока. И верьте мне — все кончится хорошо.

— Вы так говорите, чтобы успокоить нас.

— Ничего подобного! У меня великолепный план.

— Вы придумали план? Только этого не хватало! План может быть один плыть на ту сторону. Все равно Инчу-Чуна достанет вас томагавком.

— Не достанет! Следите за мной внимательно — если я утону, мы будем спасены.

— Он утонет... а мы будем спасены! Сэр, у вас предсмертный бред!

— Я знаю, что делать. Запомните: я тону, и все кончается хорошо.

Последние слова я произнес скороговоркой, потому что к нам приближались вожди. Инчу-Чуна сказал:

— Сейчас мы снимем путы с Шеттерхэнда, но пусть он не вздумает бежать. Все равно его схватят мои воины.

— И не подумаю! — ответил я. — Друзей не бросают в трудную минуту.

Индейцы развязали мне руки, я расправил плечи, проверяя упругость мышц, и сказал:

— Для меня большая честь соревноваться в плавании не на жизнь, а на смерть со знаменитым вождем апачей, но ему это не делает чести.

— Почему?

— Я не достоин быть его противником. Иногда я купался в реке и даже держался на воде, но сомневаюсь, что смогу переплыть столь широкую и глубокую реку.

— Это нехорошо! Я и Виннету — лучшие пловцы племени. Чего стоит победа над плохим пловцом?

— К тому же ты вооружен, а я нет. Итак, я приговорен к смерти, и товарищи мои тоже. Но все-таки скажи, как будет проходить наш поединок. Кто первым войдет в воду?

— Ты.

— А ты за мной?

— Да.

— А когда ты нападешь на меня?

— Когда захочу! — ответил Инчу-Чуна с гордой и презрительной улыбкой мастера, которого заставляют иметь дело с невеждой.

— Значит, это может произойти в воде?

— Да.

Я притворялся все более испуганным и спрашивал дальше:

— Значит, ты можешь убить меня, а я тебя нет?

На лице Инчу-Чуны проступило такое презрение, что я легко отгадал ответ на мой вопрос: «Жалкий червяк, об этом и не мечтай! Лишь страх продиктовал тебе такой вопрос». Вслух он сказал:

— Нам предстоит честный поединок. Ты можешь убить меня, только тогда ты сможешь добраться до цели.

— А что мне угрожает в случае твоей смерти?

— Ничего. Если я убью тебя, ты не доберешься до кедра и твои товарищи погибнут, а если ты убьешь меня — дойдешь до кедра и вы все станете свободными. Пойдем!

Вождь отвернулся, а я стал снимать куртку и обувь, вынул все из карманов и сложил рядом с Сэмом. Все это время Сэм причитал:

— Что же это делается? На что они обрекают вас! Если бы вы могли видеть свое лицо, сэр! И слышать свой жалкий, дрожащий голос! Я страшно за вас волнуюсь! И за нас тоже!

Апачи стояли рядом, и я не мог объяснить другу, почему у меня такое лицо и жалкий голос. Но сам-то я прекрасно знал, откуда в моем голосе плачущие нотки. И если Сэм попался на мою удочку, я надеялся поймать на нее и Инчу-Чуну.

— Еще один вопрос, — обратился я к нему. — Если я выиграю, вы вернете все мои вещи?

Он разразился коротким раздраженным смехом, ибо считал мой вопрос бессмысленным, и ответил:

— Да.

— Все?

— Все.

— И лошадей, и ружья?

На этот раз Инчу-Чуна прикрикнул на меня:

— Все — я сказал! У тебя нет ушей? Когда-то жаба хотела соревноваться с орлом и спрашивала, что он ей даст в случае ее победы. Если ты плаваешь так же плохо, как говоришь и думаешь о нас, мне стыдно, что я не дал тебе в противники старую скво!

Мы шли в сторону берега, а за нами ровным полукругом двигались индейцы. Проходя мимо Ншо-Чи, я поймал ее взгляд — она навсегда просталась со мной. Индейцы расселись на берегу, чтобы со всеми удобствами наслаждаться зрелищем.

Испытание предстояло серьезное. Поплыву ли я по прямой или зигзагом, томагавк вождя настигнет меня. Оставался единственно возможный путь спасения: нырять, а в этом виде спорта я отнюдь не был новичком. Если Инчу-Чуна в самом деле поверил, что пловец я

никудашний...

Идя к реке, я лихорадочно обдумывал тактику своего поведения. Просто нырнуть — не спасение, надо же время от времени появляться на поверхности воды, чтобы вдохнуть воздух. Если же я вынырну, индейцы увидят меня. Как заставить их поверить, что я утонул? И тут, подойдя вплотную к реке и окинув ее внимательным взглядом, я понял, что сама природа пришла ко мне на помощь.

Как я уже говорил, у самой реки тянулась пустынная песчаная отмель. Шагов через сто вверх по течению она подходила к лесу, еще дальше река образовывала излучину и терялась из виду. Вниз же песчаная отмель тянулась шагов на четыреста.

Итак, я бросаюсь в воду, плыву, ныряю и тону. Естественно, мое тело всплывает где-то ниже по течению реки. Туда и кинутся его искать. Значит, чтобы спастись, мне надо плыть вверх по течению. Незаметно взглянув туда, я увидел, что в одном месте река подмыла берег, так что он нависал над водой. Там можно будет спрятаться. Рядом я заметил еще одно место, где можно будет передохнуть — река нанесла туда множество стволов и веток, которые образовали здесь сплошной завал. Но сейчас я должен был разыграть комедию.

Инчу-Чуна разделся, оставаясь в легких индейских штанах, за пояс засунул томагавк и сказал:

— Можно начинать. Прыгай в воду!

— Можно я сначала проверю глубину? — робко спросил я.

Лицо индейца выражало безграничное презрение. Он приказал дать мне копье. Я сунул древко в воду и, к своему счастью, убедился, что здесь достаточно глубоко. Все еще изображая испуг, я присел на корточки, набрал пригоршню воды и стал обмывать лицо и грудь, словно боялся апоплексического удара в холодной воде. Оскорбительные выкрики и гул презрения свидетельствовали о том, что моя цель достигнута. Сэм Хокенс кричал мне:

— Господи, да идите же сюда, сэр! Я не могу этого видеть! Пусть нас мучают! Лучше умереть, чем видеть такое!

Вдруг я вспомнил о Ншо-Чи. Что она подумает обо мне? Я обернулся и посмотрел назад. Тангуа был само злорадство. У Виннету верхняя губа приподнялась вверх, обнажив зубы: он был вне себя от того, что проявил ко мне сочувствие. Сестра его опустила глаза и вообще не смотрела на меня.

— Я готов! — крикнул Инчу-Чуна. — Почему медлишь? В воду!

— А это обязательно? — играл я свою роль. — Разве нельзя ничего изменить?

Вокруг раздался дружный хохот, в котором громче других звучал голос Тангуа.

— Отпустите вы эту жабу, даруйте ему жизнь! Не пристало воину бороться с таким трусом.

Инчу-Чуна в ярости рявкнул:

— В воду, не то я ударю тебя томагавком здесь же!

Жалкий и растерянный, я сел на берег, со страхом спустил ноги, пальцами попробовал воду, нерешительно опустил в нее ступни и, сидя, стал медленно сползать в воду, помогая себе руками.

Инчу-Чуна не выдержал.

— В воду! — еще раз рявкнул он и ногой пнул меня в спину.

Именно этого я ожидал. Беспомощно выбросив вверх обе руки, я издал пронзительный вопль и бултыхнулся в воду. Притворство кончилось. Почувствовав дно, я оттолкнулся и поплыл под водой у самого берега вверх по реке.

Инчу-Чуна прыгнул вслед за мной. Позднее я узнал, что он хотел отпустить меня на некоторое расстояние, дать возможность выйти на тот берег и только там метнуть в меня томагавк. Однако мое поведение заставило его изменить план, и он сразу прыгнул за мной, чтобы немедленно покончить с бесславным трусом, как только тот вынырнет на поверхность.

Напрягая все силы, я доплыл до намеченного места, где берег нависал над водой, и высунул голову из воды, чтобы вдохнуть воздух. Кроме вождя, никто не мог меня увидеть. Только он находился в воде, но, к счастью, смотрел в другую сторону. Сделав глубокий вдох, я опять нырнул и поплыл дальше. Вскоре я подплыл к завалу из веток и деревьев, нанесенных водой. Снова выставив из воды лишь рот и набрав воздуха, я поплыл за завал. Он оказался столь надежным укрытием, что теперь я мог подольше побыть на поверхности.

Инчу-Чуна, озираясь по сторонам, высматривал меня.

Следующий отрезок моего подводного пути был самым долгим: надо было добраться до того места, где начинался лес и ветви деревьев свисали над водой. Мне удалось доплыть туда и под прикрытием зарослей выбраться на берег.

Перебраться на другой берег я мог только за излучиной реки, там, где она не видна индейцам. Я проделал это в несколько прыжков. Однако я не мог удержаться, чтобы не взглянуть на тех, кого мне удалось обмануть. Все они стояли на берегу, кричали, жестикулировали, а вождь все плавал туда и обратно, не теряя надежды, что я все-таки выплыву, хотя всем было ясно

столько времени я не мог пробыть под водой. Интересно, вспомнил ли сейчас Сэм о том, что я ему говорил: «Если я утону, мы будем спасены»?

Лесом я пробежал излучину реки, потом опять вошел в воду и беспрепятственно переплыл на другой берег. Так мне удалось осуществить свой замысел благодаря тому, что апачи поверили, что я трус и скверный пловец.

Пройдя по противоположному берегу вниз по реке до конца леса и скрывшись в кустах, я с нескрываемым удовольствием наблюдал, как несколько индейцев прыгнули в воду и копьями тыкали в дно в поисках пленника. Сейчас никто не мешал мне добежать до кедра и выиграть поединок, но я не сделал этого. Мне хотелось не только победить, но и проучить Инчу-Чуну. И еще заставить оценить мое благородство.

Вождь все плавал туда и сюда, ему даже не приходило в голову взглянуть на другой берег. Я опять погрузился в воду, лег на спину, высунув только нос и рот, медленно плыл по течению. Никто меня не заметил. Таким образом я доплыл до песчаной отмели, нырнул, проплыл немножко еще, вынырнул и, выпрямившись в воде, громко крикнул:

— Сэм, вы выиграли, выиграли!

Что тут началось! Услышав мой крик, все повернулись ко мне. Такого воя мне еще не приходилось слышать! Казалось, воют и улюлюкают тысячи чертей, разом выпущенных из ада. Тот, кто хоть раз в жизни слышал нечто подобное, никогда этого не забудет. Инчу-Чуна, увидев меня, бросился вперед, рассекая воду длинными, сильными взмахами рук. Он словно летел ко мне. Нельзя было подпускать его слишком близко. Я тоже поспешил на берег, вышел из воды и встал.

— Бегите, бегите, сэр! — орал Сэм Хокенс. — Бегите к кедру!

Никто не мешал мне так и поступить, но я решил проучить Инчу-Чуну и не двинулся с места, пока вождь не приблизился на сорок шагов. Только тогда я повернулся и побежал к дереву. Томагавка я не боялся: чтоб метко бросить его, Инчу-Чуна должен был выйти из воды.

Дерево росло шагах в трехстах от берега. Я пробежал половину пути, остановился, обернулся. Вождь выбирался на берег и шел в подготовленную западню.

Он выхватил томагавк из-за пояса и бегом бросился ко мне. Я выждал и, только когда он приблизился на опасное расстояние, сделал вид, что убегаю. Инчу-Чуна, думал я, не решится бросить томагавк, пока я стою, так как я легко уклонюсь от удара, отпрыгнув в сторону. Значит, он пустит в ход свое оружие, когда я повернусь к нему спиной и побегу к кедру. И я сделал вид, что убегаю, но внезапно остановился и повернулся лицом к

вождю.

Я рассчитал верно. Именно в этот момент Инчу-Чуна замахнулся томагавком и метнул его, не сомневаясь в точности своего броска. Я отскочил в сторону, топор пролетел мимо и, упав на землю, зарылся глубоко в песок. Именно этого я и ждал: подбежав и подняв томагавк, я медленно пошел навстречу вождю. С яростным криком тот бросился ко мне.

Я замахнулся томагавком и грозно прикрикнул:

— Остановись, Инчу-Чуна! Хочешь получить по голове собственным топором?

Вождь остановился и крикнул:

— Собака, как ты ушел от меня в воде? Злой Дух опять помог тебе!

— Если и помогал какой-то дух, так только добрый Маниту!

Глаза Инчу-Чуны хищно сузились, в них блеснула злоба. Я предостерегающе сказал:

— Стой! По твоим глазам вижу, что ты сейчас бросишься на меня! Я буду защищаться и убью тебя. Ты знаешь, я и без оружия могу убить человека, а сейчас у меня в руках томагавк. Я не собираюсь нападать на тебя, я и в самом деле люблю тебя и Виннету. Будь благоразумен и...

Инчу-Чуна не дал мне договорить. То, что я провел его, как мальчишку, лишило вождя обычного хладнокровия. Не помня себя от бешенства, он кинулся на меня, пытаюсь схватить, но я быстро уклонился, и Инчу-Чуна, потеряв равновесие, упал.

Одним прыжком я оказался рядом с ним и придавил его коленями, левой рукой сдавил шею, а правой занес томагавк:

— Инчу-Чуна просит пощады?

— Нет.

— Я размозжу тебе голову!

— Убей меня, белый пес! — простонал вождь, тщетно пытаюсь освободиться.

— Нет, ты отец Виннету и будешь жить, а сейчас — извини.

И я ударил его по голове плашмя томагавком. Инчу-Чуна захрипел, вздрогнул и замер. Издали могло показаться, что я его убил. До моих ушей донесся вой страшнее предыдущего. Связав Инчу-Чуне руки, я отнес его под кедр и там уложил на землю — надо было выполнить условие договора, хотя мне это и казалось ненужной тратой времени.

Оставив потерявшего сознание Инчу-Чуну лежать под кедром, я бегом направился к реке. Толпа индейцев во главе с Виннету бросились в воду, чтобы переплыть на мой берег. Боясь, что краснокожие расправятся с

моими друзьями, я громко крикнул:

— Остановитесь! Вождь жив, я не причинил ему зла, но убью его, если вы приплывете сюда. Я хочу говорить только с Виннету!

Никто не обращал внимания на мои предостережения, но Виннету подал знак и выкрикнул несколько слов, которых я не понял. Апачи выполнили его приказ — все повернули назад. Виннету один плыл ко мне. Я ожидал его на берегу и сразу же сказал:

— Я благодарен тебе, что ты отослал воинов назад и предотвратил несчастье.

— Ты убил моего отца?

— Нет. Я был вынужден оглушить его, он не хотел сдаваться.

— Ты мог его убить!

— Мог, но я всегда стараюсь щадить врага, а тут был отец моего брата Виннету. Возьми его оружие! Ты решишь, победил я или нет, от тебя зависит, будут ли выполнены условия нашего договора.

Виннету взял томагавк и долго, долго смотрел мне в глаза. Его лицо смягчилось, тревога и жестокость в его глазах сменились радостью.

— Сэки-Лата странный человек! — наконец сказал он. — Кто сможет его понять?

— Ты научишься понимать меня.

— Ты вернул мне томагавк, хотя еще не знал, выполним ли мы уговор! Ты мог бы им защищаться. Сейчас твоя жизнь в моих руках!

— Я не боюсь! У меня есть руки и кулаки, а Виннету не лжец, он благородный воин, который держит слово.

Виннету протянул мне руку и ответил:

— Ты прав. Возвращаю свободу тебе и твоим друзьям за исключением Рэттлера. Я верю тебе.

— Пойдем к Инчу-Чуне, — сказал я.

— Да, пойдем. Хочу своими глазами убедиться, что он жив.

Мы подошли к кедру и развязали вождя. Виннету осмотрел отца и заметил:

— Он жив, но долго еще не проснется, а потом у него будет болеть голова. Я не могу оставаться здесь, пришлю сюда несколько человек. Пусть мой брат идет со мной!

Так он впервые назвал меня братом. Сколько раз потом он обращался так же ко мне, с любовью и глубоким уважением произнося эти дорогие для меня слова!

Мы подошли к реке и вместе переплыли на другой берег. Краснокожие с нетерпением ждали нас.

Выйдя из воды, Виннету взял меня за руку и громко объявил:

— Сэки-Лата победил! Он и его три товарища — свободны!

— Уфф, уфф, уфф! — раздались крики апачей.

Тангуа стоял в стороне и угрюмо смотрел вдаль. Мне еще предстояло свести с ним счеты, наказать его, и не только за то, что он оклеветал нас: нельзя было допускать, чтобы такой мерзавец мог и в будущем убивать и грабить ни в чем не повинных людей.

Виннету прошел мимо него, не удостоив взглядом, и подвел меня к столбам, к которым все еще были привязаны мои друзья.

— Мы спасены, — воскликнул Сэм. — Нас не угробят! Дорогой сэр, друг, воин и гринхорн, как вам это удалось?

Виннету протянул мне свой нож и предложил:

— Освободи их! Ты это заслужил.

Я разрезал путы. Мои товарищи, как только почувствовали свободу, схватили меня в объятия сразу все вместе, тискали и давили так, что я испугался за свои ребра. Сэм даже поцеловал мне руку, а из его маленьких глазок в густую бороду текли слезы.

— Сэр, — говорил он, — пусть меня слопают первый встречный медведь, если я забуду, чем вам обязан. Как же вам это удалось? Вы просто исчезли. Вы так боялись воды, и все подумали, что вы утонули.

— Разве я не сказал: если утону, мы будем спасены?

— Сэки-Лата так сказал? — спросил Виннету. — Значит, ты притворялся?

— Да, — признался я.

— Мой брат знал, что делал. Я думаю, ты поплыл под водой против течения, а потом вниз по реке. Мой брат не только силен как медведь, но и хитер как лисица. Враги должны бояться его!

— Виннету был моим врагом...

— Да, но не сейчас.

— Ты не веришь больше этому лжецу Тангуа?

Тот же долгий, испытующий взгляд, как и на том берегу, потом крепкое пожатие руки.

— В твоих глазах я вижу доброту, а твоему сердцу чужда несправедливость. Я верю тебе.

Я оделся, достал из кармана блузы жестянку из-под сардин и сказал:

— Мой брат Виннету хорошо меня понял. А сейчас я еще раз докажу, что сердце мое не знает измены. Ты увидишь предмет, который должен узнать.

Я открыл банку, достал из нее прядь волос и подал Виннету. Он уже

протянул руку, чтобы взять «предмет», но, увидев его, пораженный, воскликнул:

— Это мои волосы! Кто их тебе дал?

— Инчу-Чуна в своей торжественной речи упомянул, что, когда вы стояли, привязанные к деревьям, добрый Маниту послал вам незримого спасителя. Да, его не было видно, тогда он не мог показаться на глаза кайова, но сейчас у него нет причины скрываться от них. Мне кажется, ты должен поверить, что я всегда был твоим Другом.

— Значит, это ты... ты... ты нас освободил? Тебе мы обязаны и свободой, и жизнью! — донельзя взволнованный, вскричал Виннету.

Куда подевались его обычная невозмутимость! Он взял меня за руку и повел к сестре, которая стояла в стороне, не сводя с нас глаз. Он остановился перед ней и сказал:

— Ншо-Чи видит смелого воина, который освободил меня и отца, когда кайова привязали нас к деревьям. Пусть Ншо-Чи поблагодарит его!

Виннету прижал меня к груди и поцеловал в обе щеки, а Ншо-Чи подала мне руку и произнесла только одно слово:

— Прости!

Вместо благодарности девушка просила прощения! За что? Я все понял. За то, что в душе она усомнилась во мне. Она знала меня лучше других, но поверила в мою мнимую трусость. Усомнилась в моей честности и отваге; для нее важнее благодарности, которой требовал от нее Виннету, было получить мое прощение. Я пожал ей руку и ответил:

— Ншо-Чи вспомнила, о чем я ей говорил? Мои слова сбылись. Теперь моя сестра верит мне?

— Я верю моему белому брату!

Тангуа стоял поблизости, злой и угрюмый. Я подошел к нему и, глядя прямо в глаза, спросил:

— Вождь кайова Тангуа лжец или он предпочитает правду?

— Ты хочешь меня обидеть?

— Нет, но я хочу знать, что думать о тебе. Отвечай!

— Шеттерхэнд знает, что я люблю правду.

— Проверим! Ты всегда выполняешь условия договора?

— Да.

— Тогда так должно быть всегда, ибо тот, кто не соблюдает обещание, достоин презрения. Помнишь, что ты мне обещал?

— Когда?

— Когда я стоял у столба.

— Тогда я о многом говорил.

— Это правда, но ведь ты догадываешься, о чем я веду речь?

— Нет.

— Тогда я вынужден напомнить тебе — ты желал разделаться со мной. Он весь съежился.

— В самом деле?

— Да. Тебе хотелось размозжить мне череп.

Тангуа явно испугался.

— Не... помню... — запинаясь, прошептал он. — Шеттерхэнд неправильно меня понял.

— Виннету все слышал и может подтвердить.

— Да, — с готовностью подтвердил Виннету. — Тангуа хотел рассчитаться с Шеттерхэндом и хвастался, что размозжит ему череп.

— Слышишь? Это твои слова! Что ж, выполняй обещание!

— Ты этого требуешь?

— Да. Ты назвал меня трусливой жабой. Ты оклеветал меня и сделал все, чтобы погубить нас. Тогда ты был храбрым. Хватит ли тебе теперь храбрости, чтобы сражаться со мной?

— Я сражаюсь только с вождями!

— Я и есть вождь!

— Как это ты докажешь?

— Просто: повешу тебя на первом попавшемся дереве, если ты откажешься от боя со мной.

Для индейца угроза быть повешенным является смертельной обидой. Выхватив из-за пояса нож, Тангуа разразился угрозами и бранью:

— Собака, я заколю тебя!

— Хорошо, но только в честном поединке!

— И не подумаю! Я не хочу иметь дела с Шеттерхэндом!

— А когда я был связан и беззащитен, ты хотел иметь со мной дело, подлый трус!

Тангуа был готов кинуться на меня, но между нами встал Виннету.

— Мой брат Сэки-Лата прав. Тангуа пытался очернить и погубить тебя. Если теперь Тангуа не сдержит слово, значит, он трус и должен быть изгнан из своего племени. Решай немедленно, мы не хотим, чтобы говорили, будто апачи принимают у себя трусов. Что собирается сделать вождь кайова?

Тангуа обвел взглядом плотные ряды индейцев. Апачей было в четыре раза больше, чем кайова, к тому же последние находились на чужой территории. Нельзя было допустить ссоры между двумя племенами, особенно сейчас, когда кайова доставили богатый выкуп, а их вождь все

еще был пленником апачей.

— Я подумаю, — ответил уклончиво Тангуа.

— Мужественный воин долго не думает. Либо будешь бороться, либо тебя всю жизнь будут называть трусом.

— Тангуа трус? Тому, кто осмелится так сказать, я вонжу нож в сердце!

— Я так скажу, — гордо и спокойно произнес Виннету, — если ты не сдержишь слово, данное Шеттерхэнду.

— Сдержу!

— Значит, ты готов сразиться с ним?

— Да.

— Немедленно?

— Немедленно! Я жажду его крови!

— Теперь надо решить, каким видом оружия вы будете сражаться.

— Кто должен решить?

— Сэки-Лата.

— Почему?

— Потому что ты его обидел.

— Нет, это я должен выбирать оружие.

— Ты?

— Да, я, потому что это он обидел меня. Я вождь, а он просто бледнолицый. Значит, я важнее его.

Я решил спор:

— Пусть Тангуа выбирает, мне все равно, каким оружием победить его.

— Ты не победишь меня! — крикнул Тангуа. — Неужели ты думаешь, я соглашусь сражаться на кулаках, зная, что ты всегда побеждаешь в таком поединке, или на ножах, чтобы ты убил меня, как Мэтан-Акву, или на томагавках, что даже для Инчу-Чуны оказалось не под силу?

— Что же ты выбираешь?

— Мы будем стреляться, и моя пуля пронзит твое сердце!

— Согласен. А мой брат Виннету заметил, в чем признался Тангуа?

— Нет.

— Тангуа подтвердил, что я сражался с Ножом-Молнией, чтобы освободить апачей; до сих пор Тангуа отрицал это. Видишь, я имею право называть его лжецом!

— Лжецом? — крикнул Тангуа. — Ты заплатишься жизнью. Поскорее дайте ему ружье! Пусть поединок начнется немедленно, я заткну глотку этой собаке!

Свое ружье Тангуа держал в руке. Виннету послал воина в пуэбло за моим карабином и патронами, которые я всегда носил с собой, пока был на свободе. Все сохранялось в полном порядке. Виннету хоть и считал меня врагом, заботился о моих вещах.

— Пусть мой брат скажет, сколько раз и с какого расстояния вы будете стрелять, — обратился ко мне Виннету.

— Мне совершенно все равно, — ответил я. — Кто выбирает оружие, тот пусть и ставит условия.

— Да, я решу, — сказал Тангуа. — Стреляться с двухсот шагов до тех пор, пока один из нас не упадет и не сможет подняться.

— Хорошо, — согласился Виннету. — Я буду следить за соблюдением правил. Стреляете по очереди. Я встану рядом и пристрелю того, кто осмелится нарушить условия. Кто стреляет первым?

— Я, конечно, — выкрикнул Тангуа.

Виннету холодно произнес:

— Тангуа пытается получить все преимущества. Первым будет стрелять Шеттерхэнд.

— Нет! — ответил я. — Пусть будет, как ему хочется. Он выстрелит один раз, потом я, и все будет кончено.

— Нет! — возразил Тангуа. — Мы будем стрелять до тех пор, пока один из нас не упадет!

— Конечно, именно это я и хотел сказать, потому что мой первый выстрел свалит тебя.

— Хвастун!

— Посмотрим! И знай: хотя я должен убить тебя за твою подлость, я не сделаю этого. Я накажу тебя тем, что прострелю твое правое колено.

— Вы слышали? — расхохотался Тангуа. — Этот бледнолицый, которого его друзья называют гринхорном, предупреждает, что с двухсот шагов разmozжит мне колено! Смейтесь, воины, смейтесь!

Он посмотрел вокруг, но никто не рассмеялся, и Тангуа сказал:

— Вы боитесь его, а я с ним разделаюсь! Пойдемте, отмерим двести шагов!

Принесли мой флинт. Я осмотрел его и убедился, что все в полном порядке, а стволы заряжены. На всякий случай я выстрелил из обоих стволов и зарядил ружье повторно. Тут подошел ко мне Сэм и сказал:

— Мне бы хотелось задать вам сто вопросов, но у меня нет ни времени, ни возможности. Поэтому спрошу только об одном: вы действительно собираетесь прострелить ему колено?

— Да.

— Только колено?

— Такого наказания вполне хватит.

— Нет! Таковую мразь надо уничтожить без пощады, чтоб мне лопнуть! Вы только вспомните, сколько несчастий произошло с тех пор, как он решил украсть лошадей апачей!

— Его подговорили какие-то белые.

— А он поддался на уговоры! Я просто всадил бы ему пулю в лоб. Уж он-то будет целиться вам в голову!

— Или в грудь. Я в этом уверен.

— Он не попадет. Хлопушка этого негодяя ни на что не годится.

Тем временем индейцы отмерили двести шагов, и мы заняли свои места. Я стоял молча, зато Тангуа безостановочно извергал потоки брани, которую и повторить невозможно. Виннету не выдержал:

— Вождь кайова должен замолчать. Начинаем! Я считаю до трех, и только тогда стреляйте. Кто выстрелит раньше, получит пулю в лоб.

Легко представить, сколь напряженно ожидали дальнейших событий все присутствующие. Они встали в два ряда, образуя широкий коридор, в конце которого стояли мы. Воцарилась тишина.

— Вождь кайова начинает, — сказал Виннету. — Один... Два... Три!

Я стоял неподвижно, лицом к своему противнику. Тот прицелился и выстрелил. Пуля пролетела рядом со мной. Никто не издал ни звука.

— Теперь очередь Шеттерхэнда, — произнес Виннету. — Один... Два...

— Минуточку, — остановил я его. — Вождь кайова повернулся ко мне боком, хотя я стоял прямо.

— Как хочу, так и стою! — ответил Тангуа. — Никто не может мне запретить. В условиях этого не было!

— Конечно, и Тангуа может встать как захочет. Он повернулся боком и думает, что я не попаду в него. Он ошибается, я обязательно попаду и могу выстрелить, ничего не сказав, но хочу поступить честно. Я обещал прострелить ему правое колено, но если он встал боком, пуля раздробит оба колена. Пусть теперь поступает как хочет: я его предупредил. Хуг!

— Стреляй пулями, не словами! — орал Тангуа, и не подумав встать прямо.

— Шеттерхэнд стреляет, — повторил Виннету. — Один... Два... Три!

Раздался выстрел, Тангуа издал громкий крик, уронил ружье, раскинул руки и рухнул на землю.

— Уфф, уфф, уфф! — раздались крики со всех сторон, и индейцы, столпившись, стали рассматривать, куда попала моя пуля.

Я тоже подошел, и краснокожие с уважением пропустили меня к Тангуа.

— В оба колена, в оба колена, — слышалось справа и слева.

Наклонившись, Виннету осматривал рану стонущего Тангуа и, увидев меня, сказал:

— Пуля прошла именно так, как предсказал мой брат: колени раздроблены. Тангуа никогда не поедет верхом, чтобы пересчитать чужие стада.

При виде меня раненый разразился ужасной бранью. Я прикрикнул на него, и он умолк.

— Я предостерегал тебя, но ты не послушался.

Тангуа старался не стонать, потому что индеец должен стойко переносить боль. Он прикусил губу и угрюмо смотрел вдаль. Потом, собравшись с силой, сказал:

— Я ранен и не смогу вернуться домой, придется пока остаться у наших братьев апачей.

Виннету отрицательно покачал головой и решительно возразил:

— Ты покинешь наше пуэбло, мы не станем держать у себя конокрадов и убийц. Хватит того, что мы взяли с вас выкуп вместо крови.

— Но я не смогу сесть на лошадь!

— Рана Сэки-Латы была тяжелее, и он тоже не мог ехать верхом, однако прибыл сюда. Думай о нем почаще! Тебе это будет полезно. Кайова собирались сегодня уехать от нас, и пусть будет так. Если завтра мы встретим на наших пастбищах кого-нибудь из вас, то поступим с ним так, как вы собирались поступить с Сэки-Латой. Я сказал! Хуг!

Виннету взял меня за руку и увел. Толпа расступилась перед нами. Подойдя к реке, мы увидели Инчу-Чуну в лодке, которой управляли два посланных к нему апача. Виннету поспешил к реке, а я подошел к друзьям поговорить.

— Наконец-то, наконец-то мы можем с вами поговорить! — воскликнул Сэм. — Скажите нам, что это за волосы вы показали Виннету?

— Те самые, что я отрезал у него.

— Когда?

— Когда освободил его и Инчу-Чуну.

— Разве вы... ко всем чертям... вы... гринхорн... вы их освободили?!

— Самой собой...

— И не сказали нам ни слова?

— А зачем?

— Как вы это сделали?

— Как любой гринхорн.

— Да говорите же толком, сэр! Это же было невероятно трудно.

— Да, вы даже сомневались, сможете ли вы сделать это.

— А вы сделали! Либо у меня совсем нет мозгов, либо они малость подпортились.

— Первое, Сэм, первое!

— Что за дурацкие шутки! Нет, посмотрите на него! Освобождает индейцев, носит при себе чудодейственную прядь волос и никому об этом ни слова! А на вид такой порядочный! О, как обманчива бывает внешность! А что же произошло сегодня? Я так и не понял. Вы утонули и вдруг опять выплыли!

Я ему все рассказал, а когда закончил, Сэм воскликнул:

— Дорогой мой человек! Что за тяга к проделкам, чтоб мне лопнуть! Простите, я вынужден еще раз спросить: вы действительно впервые на Западе?

— Да.

— А в Соединенных Штатах?

— Тоже.

— Ну тогда мне этого просто не понять. Во всем новичок — и одновременно мастер. Никогда такого не встречал! Я вынужден похвалить вас, именно похвалить. Вы очень хитро вели себя, хи-хи-хи! Только не вздумайте возомнить о себе Бог знает что. Вы еще успеете натворить глупостей, и вам очень далеко до настоящего вестмена!

Сэм отнюдь не собирался закончить на этом свою речь, но подошли Виннету и Инчу-Чуна. Старый вождь долго и испытующе смотрел мне в глаза, как до этого смотрел его сын, и наконец сказал:

— Виннету рассказал мне обо всем. Вы свободны. Простите нас. Сэки-Лата храбрый и хитрый воин, он победил многих врагов. Выкурим трубку мира?

— Да, я хочу быть вашим другом и братом!

— Сейчас мы пойдем в пуэбло, где мой победитель получит удобное жилье. Виннету останется здесь, чтобы навести порядок.

И мы — уже свободные — вошли в крепость, которую покидали пленниками, приговоренными к мучительной смерти.

Глава V

ЯСНЫЙ ДЕНЬ

Я вернулся в пуэбло и только теперь разглядел, какое это было огромное и величественное сооружение. Почему-то принято считать, что народам Америки далеко до вершин цивилизации. Однако трудно согласиться с тем, что люди, которые сумели сдвинуть подобные каменные глыбы и построить из них крепость, неприступную даже для современного оружия, стоят на более низкой ступени развития. Споры о принадлежности современных индейцев к потомкам древних цивилизованных племен Америки не утихают до сих пор, и не следует делать поспешные выводы, будто путь к дальнейшему развитию им заказан. Разумеется, при условии, что их не сгонят с родных земель, иначе они просто-напросто погибнут.

По лестницам мы поднялись на третий этаж, где располагались лучшие комнаты пуэбло. Здесь жил с детьми Инчу-Чуна, и тут же выделили помещения для всех нас.

Моя комната оказалась просторной, правда, без окон, однако света, который падал через высокие и широкие дверные проемы, вполне хватало. В комнате было пусто. Ншо-Чи вскоре украсила ее шкурами, покрывалами и всякой всячиной, так что неожиданно для меня стало очень уютно.

Хокенс, Стоун и Паркер получили точно такой же «номер».

Когда мое жилище было прибрано и я наконец-то мог расположиться в нем, Ншо-Чи принесла красивую резную трубку мира, табак, сама набила ее и зажгла. Я затянулся раз-другой, а девушка сказала:

— Эту трубку посылает тебе мой отец, Инчу-Чуна. Он сам привез священную глину, а я вылепила мундштук. Еще ничьи губы не прикасались к нему. Прими наш подарок и всякий раз, вдыхая табачный аромат, вспоминай о нас.

— Ваша доброта безгранична, и мне стыдно, что я ничем не могу вас отблагодарить.

— Ты так много сделал для нас, это мы должны быть благодарны тебе. Сколько раз ты спасал Инчу-Чуну и Виннету от смерти! Они были в твоих руках, и ты пощадил их. Сегодня ты снова мог безнаказанно лишить Инчу-Чуну жизни, но не сделал этого. Поэтому наши сердца принадлежат тебе. Позволь воинам называть тебя своим братом.

— Это мое самое заветное желание. Инчу-Чуна славный воин и

великий вождь, а Виннету я полюбил с нашей первой встречи. Вы оказали мне высокую честь, и я безмерно счастлив, что такие мужи будут называть меня своим братом. Хорошо будет, если и мои товарищи удостоятся подобной чести.

— Если они пожелают, мы назовем их братьями апачей.

— Благодарим вас. Значит, ты сама вылепила трубку из священной глины? У тебя золотые руки!

Девушка покраснела, услышав похвалу.

— Ты слишком добр! — сказала она. — Я знаю, жены и дочери бледнолицых намного искуснее нас. Подожди, я еще кое-что принесу тебе.

Она вышла и вернулась с моими револьверами, ножом и патронташем, словом, принесла все то, что у меня отобрали, когда я попал в плен, оставив лишь содержимое карманов. И вот теперь я получил все в целости и сохранности.

— А моим товарищам тоже вернут вещи?

— Обязательно. Да они, наверное, их уже получили, к ним пошел Инчу-Чуна, а меня послали к тебе.

— А что с нашими лошадьми?

— Все в порядке. Ты будешь ездить на своей, а Сэм Хокенс — на Мэри.

— Ого! Ты знаешь, как зовут мула?

— Да, и название старого охотничьего ружья Сэма Хокенса тоже знаю. Мы много с ним разговаривали. Он ужасный шутник, но и отважный воин.

— Да, и главное — он настоящий и верный друг, и я очень люблю его. Но позволь мне еще кое о чем расспросить тебя. Ты скажешь мне правду?

— Ншо-Чи никогда не лжет! — гордо прозвучало в ответ. — А тебе я тем более не смогла бы сказать неправду.

— Ваши воины все отобрали у кайова?

— Да.

— И у моих товарищей тоже?

— Да.

— А почему оставили мне то, что было в карманах?

— Так приказал мой брат Виннету.

— А ты знаешь, почему он так сделал?

— Ты расположил его к себе.

— Хотя он и считал меня своим врагом?

— Да. Ты только что сказал, что полюбил его с первой минуты, и он почувствовал к тебе то же самое. Виннету очень жалел, что ты ему враг, и не только...

Она запнулась, опасаясь обидеть меня неосторожным словом.

— Говори!

— Не могу.

— Тогда скажу я. Он был сильно огорчен, думая, что я негодяй и обманщик, а вовсе не из-за того, что я враг, потому что даже враг может вызывать уважение. Верно?

— Ты правильно догадался.

— Еще один вопрос: что с Рэттлером, убийцей Клеки-Петры?

— Сейчас его привязали к столбу пыток.

— Что? Сейчас? Именно сейчас?

— Да.

— И я ничего не знаю об этом? Почему скрыли от меня?

— Так хотел Виннету.

— Но почему?

— Он подумал, что твои глаза и уши не смогут этого выдержать.

— Виннету не ошибся, но все-таки я смогу и смотреть, и слышать, хотя и с одним условием.

— Каким?

— Скачала скажи, где будет происходить казнь?

— Внизу, у реки, там, где был ты. Инчу-Чуна увел вас нарочно.

— А я хочу при этом присутствовать! Какие пытки ждут его?

— Все, какие применяются к пленникам. Рэттлер — самый коварный из всех бледнолицых, попадавших когда-либо в руки апачей. Он просто так убил учителя Виннету, которого мы все почитали и любили, поэтому его по очереди подвергнут всем пыткам.

— Но это бесчеловечно!

— Зато справедливо!

— И ты сможешь смотреть на это?

— Да.

— Ты?! Девушка?!

Опустив длинные ресницы, Ншо-Чи потупилась, затем подняла голову и, глядя мне прямо в глаза, с укором спросила:

— Ты удивлен?

— Да. Женщинам нельзя смотреть на подобное зрелище.

— Так принято у вас?

— Да.

— Это неправда. Ты не лжец, ты просто ошибаешься.

— А ты считаешь, что можно?

— Конечно.

— Выходит, ты лучше меня знаешь наших женщин и девушек!

— Просто ты их не знаешь! Когда ваши преступники предстают перед судом, то это можно слушать всем, да?

— Да, верно.

— Мне рассказывали, что в суде собирается больше слушательниц, чем слушателей. Разве это место для белых скво? И хорошо ли, что их тянет туда любопытство?

— Нет.

— А когда у вас казнят убийц, вешают или отрубают голову, разве при этом нет скво?

— Так было раньше.

— А теперь им запрещено?

— Да.

— И мужчинам тоже?

— Да.

— Значит, нельзя никому? А если бы разрешили, женщины обязательно бы пришли. Ты напрасно думаешь, что женщины бледнолицых нежные создания. Они прекрасно переносят боль, но не свою, а других людей и животных. Я не бывала у вас, но мне рассказывал об этом Клеки-Петра. Виннету тоже бывал в больших городах, а вернувшись, рассказал мне о том, что видел и слышал. Ты знаешь, что ваши скво вытворяют с животными во время приготовления пищи?

— Что же они вытворяют?

— Сдирают живьем кожу, вырывают еще из живых внутренности и живыми бросают в кипяток. А известно ли тебе, что делают шаманы бледнолицых?

— Что?

— Они бросают в кипяток живых собак, чтобы узнать, сколько те вытерпят, выкалывают им глаза и вырывают языки, режут и мучают, чтобы потом написать книжки.

— Но это вивисекция, ^[8] и она нужна для науки.

— Науки? От Клеки-Петры я многое узнала, поэтому понимаю, что ты имеешь в виду. Как ваш Великий Дух терпит такую науку, которая не может обойтись без издевательств над животными? И все это ваши шаманы вытворяют у себя дома, а ведь там живут и их жены. Может быть, они не слышат криков несчастных животных? Разве ваши скво не держат в клетках птиц и не знают, как те страдают? Разве тысячи ваших женщин не радуются, когда на скачках наездники насмерть загоняют лошадей? А там, где дерутся ваши боксеры, разве нет ваших скво? Я еще молода и

неопытна, вы называете меня дикаркой, но ваши хрупкие женщины способны на такие поступки, от которых я прихожу в ужас. Нежные и прекрасные белые скво с улыбкой на устах смотрят, как наказывают их рабов и забивают до смерти черных служанок, а ты негодуешь, что я, девушка, могу без содрогания смотреть на казнь подлого убийцы. Да, могу, ведь он умрет той смертью, какую заслужил. И я хочу это видеть. Ты осуждаешь меня за это? А если и так, то кто виноват, что глазам краснокожих стали привычны такие картины? И не сами ли белые вынуждают нас отвечать жестокостью на жестокость?

— Сомневаюсь, чтобы белый судья приговорил индейца к пыткам у столба.

— Судья? Не обижайся, но сейчас я повторю то, что так часто тебе приходилось слышать от Хокенса: ты еще слишком молод и неопытен! Какие могут быть судьи на Диком Западе? Здесь сильный судит слабого. Скажи, а что делается в лагерях у костров бледнолицых? Сколько наших воинов, павших в борьбе с завоевателями, погибло не от пули или ножа в бою, а от пыток в плену! А ведь они виноваты лишь в том, что защищали свою землю! Убийца будет наказан по заслугам, так решили апачи. И я, дочь своего племени, пойду туда, чтобы увидеть, как убийца Клеки-Петры примет заслуженное наказание.

Я знал эту прекрасную юную индеанку тихой и нежной, но теперь передо мной стояла негодующая, с горящим взглядом богиня возмездия, не ведающая жалости. Как она была прекрасна! Осуждать ее я не смел — девушка была во всем права.

— Хорошо, иди, но я тоже пойду с тобой, — сказал я.

— Лучше останься! — попросила она совершенно иным тоном. — Инчу-Чуна и Виннету будут недовольны.

— Они рассердятся?

— Нет, просто не хотят, чтобы ты смотрел на казнь, но и не запретят, ведь ты наш брат.

— Поэтому я пойду, и они простят меня.

На террасе перед входом я застал Сэма Хокенса, который с наслаждением курил короткую охотничью трубку — он тоже получил табак.

— Сэр, вот это другое дело! — в полном восторге воскликнул он. Сначала вы пленник, а потом — важная персона, это большая разница, чтоб мне лопнуть! Как вы себя чувствуете в новой обстановке?

— Спасибо, хорошо.

— И я неплохо. Сам вождь занимался нами, это так приятно. А где

сейчас Инчу-Чуна?

— Снова спустился к реке. Знаете, что там сейчас происходит?

— Догадываюсь.

— Что же именно?

— Трогательное прощание с милыми кайова.

— Не только.

— А что ж еще?

— Рэттлера пытаются!

— Пытают Рэттлера? А нас оставили здесь? Я тоже должен быть там!

Пойдемте, сэр, надо спешить!

— Постойте! Вы сможете без содрогания смотреть на все эти пытки?

— Смотреть? Без содрогания? Как же вы, однако, все еще молоды и неопытны, дорогой мой! Вот поживете на Диком Западе подольше и позабудете о дрожи в коленках. Этого негодяя давно ждет виселица, вот он и дождался, только на индейский манер.

— Но ведь это жестоко!

— Что за слова! Он должен умереть! Неужели вы против?

— Да нет, но пусть это будет без пыток, он же, в конце концов, человек!

— Человека, который без причины убивает другого, нельзя называть человеком. Он был пьян, как скотина.

— Вот именно, не ведал, что творил.

— Опять бредни гринхорна! Это там у вас, в Старом Свете, сэр, некоторые господа адвокаты пытаются представить алкоголь смягчающим обстоятельством для каждого любителя совершить убийство по пьянке. А это преступно, слышите, сэр, преступно! Вдвойне следует наказывать всякого, кто напивается до безрассудства и, словно бешеный зверь, бросается на ближнего. Этого Рэттлера мне ничуть не жаль. Да вспомните, как он обращался с вами!

— Я не забыл, но все-таки попытаюсь уговорить апачей смягчить пытки.

— Оставьте, сэр! Во-первых, он это заслужил, а во-вторых, все ваши доводы будут напрасны. Клеки-Петра был наставником и духовным отцом всего племени, и для апачей его смерть — невосполнимая утрата. Его убили без всяких причин, и уговорить краснокожих едва ли удастся.

— Но я все-таки попробую.

— Напрасно.

— Тогда пущу пулю Рэттлеру в сердце.

— Чтобы избавить его от пыток? Ради Бога, не делайте этого, иначе

всех восстанавите против себя. Наказание выбирает само племя, им нельзя мешать, иначе можете распрощаться с новыми друзьями. Стойте, сэр, вы куда? Все-таки идете?

— Да.

— О Господи, ну что делать с этим гринхорном! Погодите, я позову Дика и Билла.

Он исчез и через минуту появился с двумя товарищами. Мы все спустились вниз, Ншо-Чи ушла далеко вперед. Кайова уже покинули долину Пекос, забрав с собой раненого Тангуа. Опасаясь, как бы те потихоньку не вернулись отомстить, Инчу-Чуна предусмотрительно выслал за ними разведчиков.

Я уже говорил, что на площади стоял наш фургон, и теперь вокруг него собралась толпа апачей. Инчу-Чуна и Виннету были в центре, рядом с ними я увидел Ншо-Чи. Хотя она и была дочерью вождя, тем не менее не имела права вмешиваться в дела мужчин. То, что девушка стояла среди них, а не с остальными женщинами, означало, что она сообщала им что-то очень важное. Заметив нас, она кивнула в нашу сторону и отошла к женщинам. Виннету пробрался сквозь толпу воинов и пошел нам навстречу:

— Почему мои белые братья не остались наверху в пуэбло? Вам не понравились наши жилища?

— Очень понравились, и мы благодарим нашего краснокожего брата за заботу. Мы пришли, потому что прослышали о готовящейся казни Рэттлера. Это правда? — спросил я.

— Да.

— Но я не вижу его.

— Он лежит в повозке рядом с телом Клеки-Петры.

— Какая смерть ждет его?

— Он умрет под пыткой.

— Это окончательное решение?

— Да.

— Мои глаза не вынесут такой смерти.

— Поэтому мой отец, Инчу-Чуна, отвел вас в пуэбло. Зачем вы снова пришли сюда, если ваши глаза не выдержат этого зрелища?

— Моя религия велит мне вступить за Рэттлера.

— Твоя религия? А что, разве это и не его религия?

— Да. И его тоже.

— И он поступил, следуя ее заветам?

— К сожалению, нет.

— Тогда теперь ты тоже не должен следовать им. Твоя и его религия

запрещает убивать, а он убил, поэтому сейчас забудем о ней.

— Я не могу поступать как он и должен выполнить свой долг, как велит моя совесть. Еще раз прошу, смягчите наказание. Пусть этот человек умрет легкой смертью.

— Будет так, как мы решили.

— Окончательно?

— Да.

— И нельзя исполнить мою просьбу?

Виннету замолк, но его искренняя, открытая натура заставила дать прямой ответ:

— Есть только один способ.

— Какой?

— Прежде чем ответить моему белому брату, я хочу попросить не прибегать к этому способу, иначе он потеряет свое доброе имя в глазах моих воинов.

— Значит, этот способ нечестен и заслуживает порицания?

— По понятиям краснокожего — да.

— Так что это за способ?

— Попросить нас отблагодарить тебя.

— Ага! И ни один честный человек не станет просить об этом!

— Конечно! Но мы обязаны тебе жизнью, и ты можешь заставить меня и моего отца выполнить твою просьбу.

— Как вы сделаете это?

— Соберем совет, скажем о твоей просьбе, и воины вынуждены будут выполнить ее в знак благодарности. Но в тот же час ты утратишь все то, чего с таким трудом добился. Стоит ли ради Рэттлера идти на такие жертвы?

— Конечно же, нет!

— Мой брат видит, я откровенен с ним. Я знаю, какие мысли и чувства терзают его сердце, но моим воинам этого не понять. Они презирают каждого, кто требует награду за доброе дело. Отныне Шеттерхэнд, который мог стать самым уважаемым и достойным воином апачей, подвергнется их презрению и должен будет покинуть нас.

Трудно было возразить Виннету. Сердце приказывало: настаивай на своем, а разум или, вернее, честолюбие говорило: откажись! Поняв, что творилось в моем сердце, благородный Виннету пошел мне навстречу:

— Подожди, брат мой, я поговорю с отцом, — и отошел.

— Сэр, не делайте глупостей! — убеждал меня Сэм. — Неужели вы не понимаете, что это заступничество может стоить вам жизни?

— С чего вы это взяли?

— А вот с того! Краснокожий действительно презирает каждого, кто требует от него награду за услугу, просьбу выполнит, но перестанет знаться с этим человеком. По правде, нам бы лучше всего сейчас уйти из лагеря апачей, но вокруг кайова, и не вам объяснять, что это для нас означает.

Инчу-Чуна и Виннету тем временем вели очень серьезный разговор. Закончив, вождь подошел к нам.

— Если бы Клеки-Петра не рассказал нам многое про вас, белых, я бы назвал тебя самым последним подлецом. Благодаря ему я тебя понимаю, но моим воинам объяснить это трудно, и они все равно станут тебя презирать.

— Дело не только во мне, но и в Клеки-Петре.

— Как это?

— Он исповедовал ту же веру, что и я, она призывает меня обратиться к тебе с этой просьбой. Поверь, останься жив Клеки-Петра, он никогда бы не позволил умереть его убийце в муках.

— Ты так думаешь?

— Я уверен.

Инчу-Чуна медленно покачал головой, сын и отец понимающе посмотрели друг другу в глаза. Инчу-Чуна снова повернулся ко мне:

— Этот убийца был и твоим врагом?

— Да.

— Тогда слушай мои слова! Мы поглядим, осталась ли в нем хоть капля порядочности. Если да, то я попытаюсь выполнить просьбу, не задевая твоей чести. Садитесь и смотрите, что сейчас произойдет. Как только подам знак, ты подойдешь к Рэттлеру и потребуешь у него извинения. Сделает так — умрет легкой смертью.

— Я могу сказать ему об этом?

— Да.

В сопровождении Виннету Инчу-Чуна возвратился к толпе воинов, а мы уселись там, где стояли.

— Вот не ожидал, что вождь согласится пойти вам навстречу. Вы, наверное, пользуетесь его особым расположением, — заметил Сэм.

— Причина не в этом.

— А в чем?

— Это все Клеки-Петра, он живет даже после смерти. Интересно, что теперь будет?

— Сейчас увидим. Смотрите!

С фургона сняли полог, спустили какой-то длинный, похожий на сундук предмет, к которому был привязан человек.

— Это гроб, его делают из обожженных бревен, обтягивают мокрыми шкурами, те высыхают, и таким образом гроб становится полностью герметичным, — объяснил Хокенс.

Там, где от главной долины отходило боковое ущелье, возвышалась скала, на которой из больших камней соорудили шестигранную постройку, с отверстием впереди; рядом валялись груды камней. Сюда принесли гроб с привязанным к нему человеком. Это был Рэттлер.

— Знаете, зачем туда принесли столько камней? — спросил Сэм.

— Догадываюсь.

— Ну и зачем?

— Чтобы построить склеп.

— Верно. Двойной склеп.

— И для Рэттлера?

— Да. Убийцу похоронят вместе с жертвой, и я считаю, так следует всегда поступать с убийцами.

— Ужасно! Быть живьем привязанным к гробу и знать, что это твое последнее пристанище!

— Вы что, действительно жалеете этого негодяя? Я понимаю вас, когда вы просите для него легкой смерти, но чтобы жалеть его — это выше моего понимания.

Гроб поставили таким образом, что Рэттлер оказался на ногах; затем и гроб, и пленника привязали к одной из стен. Индейцы — мужчины, женщины, дети — подступили ближе и замерли в ожидании. Виннету и Инчу-Чуна встали по обе стороны гроба. Старый вождь громко произнес:

— Воины апачей собрались здесь, чтобы свершить суд. Народ апачей понес великую и невозполнимую утрату, и виновник должен умереть.

Инчу-Чуна продолжал красочно, как это умеют индейцы, описывать жизнь и деяния Клеки-Петры, его смерть и поимку Рэттлера. Наконец объявил, что после пыток убийца будет погребен вместе с их учителем. С этими словами вождь взглянул на меня и подал долгожданный знак.

Мы поднялись и подошли к индейцам.

Стоявший вертикально гроб был шириной в человеческое тело, длиной поболее четырех локтей и напоминал обрубок толстого бревна, обтянутого кожей. Рэттлера, с кляпом во рту, крепко-накрепко, так что он не мог шевельнуть ни головой, ни пальцем, привязали спиной к кожаной поверхности. По его виду нельзя было сказать, чтобы его морили голодом или мучили жаждой. Я подошел ближе. Вытащив у Рэттлера изо рта кляп, Инчу-Чуна обратился ко мне:

— Мой белый брат хотел поговорить с убийцей, пусть будет так!

Рэттлер, увидев меня на свободе, должен был понять, что индейцы — мои друзья, и я ждал от него просьбы замолвить о нем слово. Но, как только вытащили кляп, он в ярости прохрипел:

— Что тебе от меня нужно?! Убирайся! Чихал я на вас!

— Мистер Рэттлер, вы слышали, что вас приговорили к смерти, — спокойно начал я. — Приговор окончательный, и вы умрете. Но я полагаю, что вам...

— Убирайся, собака, убирайся! — И он плюнул в меня.

— Вы умрете, — продолжал я как ни в чем не бывало, — но как — зависит от вас. Апачи собираются вас пытаться. Это будет очень страшно, и я хочу избавить вас от мучений. Инчу-Чуна, по моей просьбе, готов смягчить наказание, если вы выполните одно условие.

Я замолчал, ожидая от него вопроса, но в ответ услышал такие страшные проклятия, которые я не в силах повторить. Тем не менее я попытался вставить слово:

— Инчу-Чуна хочет, чтобы вы попросили у меня прощения...

— Прощения? У тебя просить прощения? — заорал Рэттлер. — Да я скорее откушу себе язык и выдержу все пытки, какие только ни придумают эти краснокожие мерзавцы!

— Мистер Рэттлер, это не мое условие, я в ваших извинениях не нуждаюсь. Подумайте о своем положении! Вас ждет страшная смерть, ужасные мучения, от которых может спасти одно лишь слово извинения!

— Ни за что этого не сделаю, ни за что. Пошел прочь! Мне противно смотреть на твою мерзкую рожу!

— Если я уйду, то больше не вернусь. Не будьте же безумцем и скажите это слово!

— Нет, нет и нет! — заорал он.

— Умоляю вас.

— Пошел к дьяволу! О небеса! Почему я связан? Будь у меня свободны руки, я бы тебе показал!

— Хорошо, я ухожу, но еще один вопрос: если у вас есть последнее желание, я исполню его. Может быть, передать кому-нибудь от вас привет? У вас есть близкие?

— Убирайся к дьяволу в преисподнюю, там самое место такому подонку. Ты заодно с краснокожими собаками, я знаю — это ты отдал меня в их лапы. Пусть за это...

— Вы заблуждаетесь! — прервал я поток ругательств. — Так, значит, у вас нет последнего желания?

— Только одно — чтобы все вы как можно скорее попали в ад! Только

это! — И он вновь разразился проклятиями.

— Довольно. Мне нечего здесь больше делать.

Инчу-Чуна взял меня за руку и отвел в сторону:

— Мой белый брат видит, этот убийца не достоин твоего заступничества. Подумать только, и это христианин! Вы называете нас язычниками, но разве краснокожий воин позволил бы себе произносить подобные слова?

Я молчал, возразить было нечего. Признаться, поведение Рэттлера меня озадачило. Раньше, когда разговор заходил об индейских пытках, он вел себя как трус, дрожал от страха, а сегодня, казалось, все на свете мучения ему были нипочем.

— Да нет, в нем говорит не храбрость, а злость, вот и все, — объяснил Сэм.

— Но почему?

— Он злится на вас, сэр. Рэттлер считает, что именно из-за вас попал в руки к индейцам. С того дня как его поймали, он ничего не знал про нас, а сегодня, увидев на свободе, понял, что мы в хороших отношениях с индейцами, а он один должен умереть. Вот и думает, что тогда, замышляя нападение на апачей, мы водили его за нос. Погодите, начнут пытаться, запоет по-другому. Запомните мои слова, чтоб мне лопнуть!

Апачи не заставили долго ждать. Зрители уселись на землю. Несколько молодых воинов с ножами в руках выстроились на расстоянии пятнадцати шагов от Рэттлера и, стараясь не задеть его, начали бросать ножи. Лезвия вонзались в кожаный гроб и постепенно очертили обе ноги убийцы.

Рэттлер пока держался, но вот ножи засвистели выше, «обрисовывая» тело со всех сторон. Ужас охватил Рэттлера. Каждый новый летящий нож сопровождался криком ужаса, а по мере того как ножи поднимались выше, вопли становились все громче и истошнее.

Вот уже все тело несчастного было окружено ножами. Наступил черед головы. Первый нож воткнулся справа от шеи, второй — слева, и вскоре уже вокруг головы торчали ножи. Теперь Рэттлер не вскрикивал, а просто не переставая выл.

Среди зрителей поднялся ропот, а потом и шум. Они не скрывали своего явного презрения — индеец у столба пыток ведет себя совершенно иначе: до самого последнего момента он поет предсмертную песнь, восхваляет свои подвиги и насмехается над мучителями. Чем сильнее боль, тем язвительнее насмешки, но вы никогда не услышите из его уст ни единого жалобного стона. Когда наступает смерть, мучители возносят хвалу тому, кого только что убили, хоронят, как подобает по индейским

обычаем, со всеми почестями. А для себя считают большой честью быть свидетелями столь достойной смерти.

Совершенно другое отношение к трусу, который визжит от каждой царапины и молит о пощаде. Пытать его — позор, ни один воин не захочет марать о него руки. Такого обычно забивают до смерти камнями или лишают жизни еще более бесславленным способом.

Рэттлер оказался именно таким трусом. Инчу-Чуна прикрикнул на него:

— Перестань выть, собака! Ты — вонючий койот, и воину стыдно марать свое оружие, прикасаясь к тебе.

И он обратился к своим воинам:

— Кто из сыновей доблестных апачей займется этим трусом?

Ответа не последовало.

— Значит, никто?

Опять молчание.

— Уфф! Этот убийца недостоин, чтобы мы его убили. И с Клеки-Петрой мы его не похороним. Не может жаба попасть в страну мертвых вместе с лебедем! Отвяжите его!

Двое юношей быстро подскочили к Рэттлеру и отвязали его от гроба.

Рэттлер издал радостный вопль и позволил увести себя к реке. Его спихнули в воду, он погрузился с головой, моментально вынырнул и лег на спину; руки у него были связаны, зато ноги свободны, и он быстро поплыл вперед.

Юноши стояли на берегу и наблюдали за ним. Инчу-Чуна приказал:

— Возьмите ружья и цельтесь в голову!

Индейцы подбежали и взяли ружья, встали на колени и начали целиться Рэттлеру в голову.

— Не стреляйте, ради Бога, не стреляйте! — страшно закричал Рэттлер.

Через мгновение с простреленной головой он скрылся под водой.

На сей раз прозвучал клич победы, как это было принято при смерти противника. Презренный трус был его достоин. Индейцы вверили реке судьбу Рэттлера, так велико было их отвращение к нему. Возможно, он был ранен или просто нырнул поглубже, как в свое время сделал я, чтобы затем выскочить в каком-нибудь тихом местечке, но индейцы посчитали недостойным себя долее заниматься презренным трусом.

Инчу-Чуна подошел ко мне.

— Мой белый брат доволен мной?

— Да, спасибо тебе!

— Не надо благодарности, я и без твоей просьбы поступил бы точно так же. Сегодня ты видел, чем отличаемся мы, язычники, от вас, христиан, храбрые краснокожие воины — от белых трусов. Бледнолицые способны на любое преступление, но, когда приходит час проявить мужество, скулят от страха, как собаки при виде палки.

— Вождь апачей должен знать, что храбрые и трусы, хорошие и злые люди встречаются повсюду.

— Мой брат прав, я не хотел его обидеть, однако ни один народ не может считать себя лучше другого только из-за различия в цвете кожи.

Не желая продолжать эту щекотливую тему, я заговорил о другом:

— Что теперь намерены делать воины апачей? Начнутся похороны Клеки-Петры? Можем ли мы присутствовать при этом?

— Да. Я сам хотел просить тебя принять участие в погребении. Ты разговаривал с Клеки-Петрой в тот момент, когда мы отправились за лошадьми. О чем вы говорили?

— Об очень серьезных вещах. Для меня это был чрезвычайно важный разговор. Ты хочешь знать, о чем мы говорили?

— Да!

Тут к нам подошел Виннету, и я продолжил рассказ, обращаясь к ним обоим:

— Когда вы ушли и мы с Клеки-Петрой остались вдвоем, он сказал мне, что очень любит вас и ради Виннету готов отдать свою жизнь. Великий Дух вскоре исполнил его желание.

— Почему он хотел отдать за меня свою жизнь? — удивился юный вождь.

— Потому что любил тебя.

— Когда он умирал на моей груди и сказал тебе что-то на незнакомом языке, то говорил обо мне?

— Да.

— Что он сказал?

— Он просил, чтобы я остался верен тебе.

— Чтобы... ты... остался... мне верен? Но ты же меня еще совсем не знал!

— Нет, знал. Я видел тебя, а кто хоть раз встретит Виннету, тот сразу поймет, что за человек стоит перед ним. Кроме того, Клеки-Петра рассказал мне о тебе.

— А что ты ему ответил?

— Я пообещал исполнить его волю.

— Его последняя воля... И ты выполнил ее. Ты поклялся ему быть

верным мне, ты оберегал меня, охранял, а я все это время преследовал тебя, как врага. Тот удар ножа мог быть смертельным. Я в огромном долгу перед тобой. Будь моим другом!

— Я уже давно твой друг.

— Моим братом!

— От всего сердца!

— Мы над гробом того, кто вверил тебе мое сердце, заключим союз! Нас покинул благородный бледнолицый, но, уходя, привел к нам другого, такого же благородного. Пусть моя кровь станет твоей, а твоя — моей! Я выпью твоей крови, а ты — моей! Мой отец Инчу-Чуна, великий вождь апачей, даст позволение!

Инчу-Чуна с радостью протянул нам руки:

— Позволяю! Вы станете братьями, будете как один воин, как один муж в двух телах! Я сказал! Хуг!

Мы направились к месту, где возводили склеп. Я спросил, каких он будет размеров, и попросил дать мне несколько томагавков. Затем вместе с Сэмом, Диком и Биллом отправился в верховье реки, отыскал в лесу нужное дерево и сделал крест. Когда мы вернулись в лагерь, обряд погребения уже начался. Индейцы разместились вокруг строящегося склепа и затаили монотонную траурную песню. Однообразная мелодия прерывалась время от времени жалобными вскриками.

Дюжина индейцев под руководством вождя возводила склеп, а между ними и плачущей толпой крутилась и приплясывала странно одетая и разукрашенная фигура.

— Это кто? Шаман? — спросил я.

— Да, — ответил Сэм.

— Христианина хоронят по индейским обычаям! Что вы на это скажете, любезный Сэм?

— А вам не нравится?

— Да как-то не очень.

— Смирись с этим, сэр! И ни слова вслух, не то смертельно обидите апачей.

— Весь этот маскарад противен мне гораздо больше, чем вы думаете.

— Они поступают так из самых чистых побуждений! Для вас это богохульство?

— Безусловно.

— Вы пока не понимаете их простые, бесхитростные души. Они верят в Великого Духа, к которому отправился их друг и учитель, и должны совершить обряд расставания, как завещали их предки. Все, что тут

выплясывает шаман, носит чисто символический характер. Позволим же им делать так, как велит их обычай, а мы поставим на могиле крест.

Мы положили крест рядом со склепом. Виннету спросил:

— Этот знак христиан будет стоять на камнях?

— Да.

— Хорошо. Я сам собирался просить моего брата, Сэки-Лату, сделать крест, потому что в комнате Клеки-Петры висел такой же, и он перед ним молился. Мне хотелось, чтобы его могилу охранял символ его веры. Где должен стоять крест?

— Наверху.

— Как на высоких домах, в которых христиане поклоняются своему Великому Духу? Я прикажу поместить его там, где ты скажешь. Садитесь и смотрите, так ли мы делаем?

Склеп был построен, наверху установлен крест. Незаделанным оставалось пока лишь отверстие для гроба.

В это время Ншо-Чи принесла две наполненные водой чаши из обожженной глины и поставила их на крышку гроба. Их назначение стало мне понятно позже.

Все было готово к погребению. Инчу-Чуна подал знак, и траурные песнопения прекратились.

Шаман присел на корточки. Вождь приблизился к гробу и медленно начал торжественную речь:

— Рано утром солнце всходит на востоке, а вечером заходит на западе. С приходом весны начинается год, а зимой все засыпает. То же происходит с людьми. Не так ли?

— Хуг! Ты сказал! — раздался скорбный возглас.

— Человек, как солнце, всходит, поднимается на гребень жизни и нисходит в могилу. Подобно весне, появляется на земле и отходит ко сну, словно зима. Но солнце после заката вновь встает на следующее утро, а зима опять сменяется весной. Не так ли?

— Хуг!

— Так учил нас Клеки-Петра. Человек сходит в могилу, а по другую сторону смерти воскресает, словно новый день, словно новая весна, и поселяется в стране Великого Духа навечно! Так объяснял нам Клеки-Петра. И теперь ему суждено проверить самому, правда ли это, ибо он исчез, как день и год, а его душа отправилась в жилище мертвых, куда всегда стремилась. Не так ли?

— Хуг!

— Он верил в одно, мы верим — в другое. Мы любим друзей и

ненавидим врагов, а он учил, чтобы мы возлюбили и врагов наших, ибо и они наши братья. Мы говорим, что наши души попадут в Страну Вечной Охоты, а он твердил, что его душа будет пребывать в Стране Вечного Блаженства. Но порой мне кажется, что наша Страна Вечной Охоты и есть та самая Страна Вечного Блаженства. Не так ли?

— Хуг!

— Клеки-Петра часто говорил нам о Спасителе, который пришел в мир, чтобы дать счастье всем людям. Мы верили в истинность этих слов, ибо его уст никогда не оскверняла ложь. Спаситель пришел ко всем людям. Ко всем? Значит, и к краснокожим? Если бы Он появился у нас, мы бы встретили Его с радостью, мы ждем Его, потому что белые люди обижают и убивают нас. Не так ли:

— Хуг!

— Так учил Клеки-Петра. А теперь я поведаю о его смерти. Она настигла его, как хищник настигает свою добычу. Наш друг отправился вместе с нами; когда мы тронулись в обратный путь и уже садились на коней, пуля убийцы прервала его жизнь. Братья мои и сестры! Нам остается горестно оплакивать его!

Долгий и печальный стон прокатился по поляне. Вождь продолжал:

— Мы отомстили за его смерть, но душа убийцы улетела. Она не будет служить убийце по ту сторону могилы, она испугалась и не пошла за ним. Мы убили паршивого пса, которому она принадлежала, и труп его плышет по реке. Не так ли?

— Хуг!

— Нет теперь с нами Клеки-Петры, но осталось его тело, которому мы воздвигли памятник, чтобы всегда помнить о нашем добром отце и любимом учителе. Не наша земля породила его, он прибыл сюда из далекой страны, с другого берега Большой Воды, где растут высокие дубы. В знак любви и уважения мы собрали желуди и посадили их вокруг могилы. Они прорастут, и поднимутся дубы. Точно так же слова его прорастут в наших сердцах. А под деревьями мы найдем тень. Клеки-Петра неустанно думал и заботился о нас, и даже в свой смертный час, навеки покидая этот мир, он завещал свое дело бледнолицему, чтобы тот стал нашим учителем и братом. Перед вами Сэки-Лата, белый человек, пришедший из той же страны, что и Клеки-Петра. Он знает и умеет все, что знал и умел Клеки-Петра, и даже больше: заколол ножом большого серого медведя, ударом кулака сбивает с ног любого врага, в плавании нет ему равных, Инчу-Чуна и Виннету испытали на себе его силу; но он не убил нас, а даровал жизнь, потому что он друг краснокожих воинов. Не так ли?

— Хуг!

— Последним желанием Клеки-Петры было, чтобы Сэки-Лата остался у апачей и продолжил начатое им дело, и Сэки-Лата поклялся исполнить волю умирающего. Мы принимаем его в наше племя, и пусть он станет нашим вождем, словно эта земля родила его краснокожим. По нашим обычаям он должен выкурить трубку мира с каждым воином апачей, но вместо этого пусть выпьет крови Виннету, а Виннету — его крови. Так в нем потечет наша кровь, и тело его станет телом апача. Воины апачей, согласны ли вы?

— Хуг! Хуг! Хуг! — трижды провозгласили собравшиеся.

— А теперь, Сэки-Лата и Виннету, подойдите к гробу, и пусть капли вашей крови окрасят воду в чашах братания.

Вот оно, настоящее братство, братство по крови, о котором я столько читал! Оно существует у многих диких и полудиких народов, и суть его в том, что будущие братья смешивают и выпивают крови друг друга или каждый из них выпивает крови другого. Тем самым они связывают себя гораздо более крепкими и бескорыстными узами, чем родные братья.

По обычаю апачей я должен был выпить крови Виннету, а он — моей. Мы встали около гроба друг против друга. Инчу-Чуна обнажил руку Виннету и слегка надрезал ее. Из маленькой ранки в чашу, которую держал вождь, упало несколько капель крови. Затем он проделал то же самое со мной, и капли моей крови окрасили воду другой чаши. Мы обменялись чашами. Инчу-Чуна провозгласил:

— Душа обитает в крови. Души двух молодых воинов сольются в одну. Что задумает Сэки-Лата, станет мыслью Виннету, а что захочет Виннету, станет желанием Сэки-Латы! Пейте!

Я выпил чашу Виннету, он — мою. Вождь пожал мне руку:

— Отныне ты, так же как Виннету, плоть от моей плоти и сын нашего племени. Быстро разнесется слава о твоих подвигах, и не будет тебе равных. Апачи принимают тебя в свой род как вождя, и все племена будут называть тебя вождем!

Как круто изменилась моя судьба! Еще совсем недавно домашний учитель в Сент-Луисе, потом геодезист, а теперь вождь «дикарей». Однако должен признаться, эти «дикари» были намного симпатичнее, чем белые, с которыми мне довелось встречаться.

Позже слова Инчу-Чуны о том, что теперь у нас с Виннету одна душа, обитающая в двух телах, неоднократно сбывались. Мы понимали друг друга с полуслова. Стоило нам лишь взглянуть друг на друга, как мы уже прекрасно знали, что делать. Но самое удивительное: даже находясь далеко

друг от друга, мы поступали одинаково. И дело было, разумеется, не в выпитой нами крови, главное — мы с полным доверием, искренне любили и понимали друг друга.

С последними словами Инчу-Чуны апачи, включая детей, встали и издали победный клич. Вождь добавил:

— Отныне мы приняли в нашу семью нового живого Клеки-Петру, а того, который умер, мы положили в склеп. Пусть мои братья сделают это!

Снова полились скорбные песнопения, затихшие лишь тогда, когда был уложен последний камень. Церемония окончилась. Все отправились готовиться к трапезе. Меня пригласил к себе Инчу-Чуна.

Его жилище поражало не только размерами, но и скромным убранством. Мое внимание привлекла висевшая на стене богатая коллекция оружия индейцев. Прислуживала нам Ншо-Чи — Ясный День. Девушка оказалась непревзойденной мастерицей в приготовлении индейских кушаний. Мы говорили очень мало. Краснокожие вообще молчаливы, к тому же сегодня уже столько было сказано. Стемнело. Виннету обратился ко мне:

— Мой белый брат хочет отдохнуть или пойдет со мной?

— Пойду с тобой, — ответил я без лишних расспросов.

Как я и ожидал, мы спустились к реке. Виннету тянуло к могиле учителя. Мы сели около склепа, Виннету взял меня за руку и долго сидел в полном молчании.

Здесь я хочу сделать небольшое отступление и рассказать о жизни апачей. В пуэбло жили не все воины — оно не могло вместить всех. Там жил Инчу-Чуна и самые достойные воины, там проходили наиболее важные встречи представителей племени мескалеро, кочевавшего и охотившегося в окрестностях. Здесь была резиденция вождя апачей, отсюда посылали гонцов к льянеро, хикарилья, тараконам, чирикауа, пиналям, гиласам, мимрентам, липанам, которые подчинялись власти верховного вождя апачей. Даже навахи, если и не выполняли его приказов, то к советам прислушивались.

После похорон мескалеро, не жившие в пуэбло, вернулись в свои вигвамы, остались лишь те, кто приглядывал за добытыми у кайова лошадьми.

Итак, мы сидели с Виннету у могилы в уединении, никем не замеченные. Виннету заговорил первым:

— Мой брат забудет о нашей прежней вражде?

— Я уже забыл.

— Но одного ты не сможешь простить нам.

- Чего?
 - Оскорбления от моего отца.
 - Когда это было?
 - Во время нашей первой встречи.
 - Когда он плюнул мне в лицо?
 - Да.
 - А почему я не смогу простить?
 - Потому что такое оскорбление смывается только кровью.
 - Виннету, прошу тебя, не беспокойся. Я уже забыл об этом.
 - Я отказываюсь понимать моего брата.
 - Поверь мне. Я давным-давно доказал, что забыл это.
 - Чем доказал?
 - Своим добрым отношением к Инчу-Чуне. Или ты полагаешь, что Шеттерхэнд позволит себе плюнуть в лицо и не ответит, если сочтет это за оскорбление?
 - Вот потому-то мы были так удивлены, что ты не ответил.
 - Отец моего брата не может оскорбить меня. Я простил ему и забыл.
- И давай больше не вспоминать об этом.
- И все-таки я хочу выяснить все, как брат с братом.
 - Зачем?
 - Ты должен знать обычаи нашего народа. Ни один воин, а тем более вождь, не признается в том, что поступил неверно. Инчу-Чуна знает, что был не прав, но он не может у тебя просить прощения. Поэтому поручил мне поговорить с тобой. Виннету просит тебя от имени отца.
 - Совершенно напрасно, мы — в расчете, я тоже обидел вас.
 - Нет.
 - А вот да! Разве удар кулаком — не оскорбление? А я вас ударил.
 - Но это было в бою. Мой брат благороден и великодушен, и мы никогда не забудем об этом.
 - Давай поговорим о другом. Я стал сегодня вашим сородичем. А как с моими товарищами?
 - Мы не можем принять их в наш род, но будем считать их нашими братьями.
 - А что для этого надо сделать?
 - Завтра мы выкурим с ними трубку мира. В стране моего брата такого обычая нет?
 - Нет. Христиане все братья друг другу без всяких обрядов.
 - Все братья? А разве они не воюют друг с другом?
 - Иногда случается.

— Тогда они ничем не отличаются от нас. Учат любви к ближним, а сами забывают про нее. Почему мой брат покинул отчизну?

Странно было услышать подобный вопрос из уст индейца. Но Виннету имел на него право, потому что назывался моим братом и хотел поближе узнать меня. Вопрос был задан неспроста.

— Чтобы найти здесь счастье, — отвечал я.

— Счастье? Что такое счастье?

— Богатство!

Услышав это, он отпустил мою руку и замер. Я понял, что мои слова поразили его.

— Богатство! — прошептал он.

— Да, богатство, — повторил я.

— Так вот... почему... почему...

— Что почему?

— Почему мы видели тебя с...

Он с трудом пытался вымолвить слово, я поспешил ему на выручку:

— С захватчиками вашей земли?

— Ты сам признался. Значит, ты делал это, чтобы стать богатым. И действительно думаешь, что счастье — в богатстве?

— Да.

— Ошибаешься! Золото принесло индейцам несчастье. Из-за золота бледнолицые прогоняют нас с наших земель, заставляя постоянно кочевать с места на место, пока мы не умрем. Золото — это наша смерть. Брат мой, не ищи его!

— Но мне нужно вовсе не золото!

— Не золото? Но ты сам признался, что ищешь счастье в богатстве.

— Я так сказал, но богатство — не только золото. Это и мудрость, и опыт, и здоровье. Человека делают богатым милость Божья и уважение людей.

— Уфф! Уфф! Так вот ты о чем! А какое богатство выбрал ты?

— Последнее.

— Милость Божья и уважение людей? Тогда ты очень добрый человек и праведный христианин.

— Я не уверен; Богу виднее, я просто стремлюсь стать таким.

— А нас считаешь язычниками?

— Нет. Вы почитаете Великого Духа и не преклоняетесь перед идолами.

— Ты можешь исполнить мою просьбу?

— С удовольствием, я тебя слушаю.

— Не говори со мной о своей вере и не пытайся меня в нее обратить. Я очень люблю тебя, и мне будет жаль потерять тебя. Все происходит так, как говорил Клеки-Петра. Возможно, твоя вера самая истинная, но индейцам ее не понять. Если бы христиане не убивали и не преследовали нас, может быть, мы смогли бы со временем понять ее, вникнуть в то, о чем говорит ваша священная книга и ваши священники. Обреченные на смерть не в состоянии поверить, что религия убийц есть религия любви.

— По поступкам людей, нарушающих заветы, нельзя судить о всей религии.

— Все бледнолицые говорят так. Называют себя христианами, а поступают не по-христиански. У нас есть бог Маниту, его единственное желание, чтобы все люди были добрыми. Я стараюсь быть добрым — значит, я христианин и, несомненно, лучше тех белых, кто думает не о ближних, а о собственной выгоде. Никогда не говори со мной о вере и не старайся сделать из меня так называемого христианина! Вот о чем я хотел просить тебя!

Я молча пожал ему руку в знак согласия.

— А как мой брат оказался вместе с захватчиками земли? — спросил Виннету. — Разве ты не знал, что по нашим законам это преступление?

— Мне не приходило это в голову. Я был рад получить место геодезиста, потому что мне обещали хорошо заплатить.

— Заплатить? Кажется, вы не успели закончить работу? Вам платят до окончания работ?

— Я получил лишь немного денег и снаряжение. Остальное должны были выплатить после завершения всех работ.

— А теперь ты потерял эти деньги?

— Да.

— Много?

— Для меня — много.

Виннету помолчал, потом сказал:

— Мне жаль, что из-за нас мой брат потерял так много. Ты бедный?

— Как сказать — ни да, ни нет, а впрочем, что касается денег, то я, в сущности, последний бедняк.

— Много еще оставалось доделать?

— Немного, работы на пару дней.

— Уфф! Если бы я тогда знал тебя, как сейчас, мы бы напали на кайова чуть позже.

— Чтобы я успел все сделать до конца? — спросил я, пораженный его великодушием.

— Да.

— Ты хочешь сказать, что был бы готов согласиться, чтобы мы украли вашу землю?

— Не украли, а закончили ее измерять. Линии, что вы чертите на бумаге, ничего не значат, земля от этого никуда не исчезнет. Преступление совершается, когда рабочие бледнолицых начинают прокладывать дорогу для огненного коня. Я бы тебе...

Он запнулся на полуслове, серьезно обдумывая пришедшую в голову мысль, затем произнес:

— Для того чтобы получить деньги, тебе нужны те самые бумаги?

— Да.

— Тогда ты ничего не получишь, потому что все ваши бумаги мы уничтожили...

— А что стало с нашим снаряжением и приборами?

— Воины хотели было все сломать, но я запретил. Хотя я не ходил в школу бледнолицых, но все-таки понимаю, что это очень дорогие предметы. Я приказал сохранить их и перевезти сюда. Я хочу вернуть их моему брату.

— Благодарю тебя и принимаю твой дар. Впрочем, пользы теперь от них мало, но, по крайней мере, я смогу их вернуть.

— Так, значит, они не нужны тебе?

— Нужны как раз для завершения измерений.

— Но у тебя ведь нет бумаги!

— Я все предусмотрел и сделал копию.

— И она у тебя есть?

— Да, вот здесь, в кармане. Хорошо, что твои воины не очистили его.

— Уфф! Уфф! — обрадовался Виннету и замолчал, что-то обдумывая.

Позже, узнав о его решении, я был поражен — вряд ли такое могло прийти в голову моим бледнолицым собратьям.

Встав, Виннету сказал:

— Мы нанесли ущерб моему белому брату, и Виннету сделает все, чтобы он был возмещен. Но сначала тебе надо хорошенько поправиться.

Мы вернулись в пуэбло. Впервые за последние дни четверо белых провели спокойную ночь. На следующий день Хокенс, Стоун и Паркер торжественно выкурили с апачами трубку мира. Речи при этом лились рекой, особенно усердствовал Сэм. Он то и дело вставлял в свою речь смешные словечки, и серьезные индейцы тщетно пытались сдерживать приступы смеха. Затем мы удалились, чтобы с мельчайшими подробностями обсудить события прошедших дней. Когда разговор

коснулся освобождения Инчу-Чуны и Виннету, Хокенс ни с того ни с чего прочитал мне целую нотацию:

— Сэр, вы ужасно коварный человек! От друзей нельзя ничего скрывать, особенно если они столько для вас сделали. Вспомните, кем вы были, когда мы впервые встретились в Сент-Луисе? Учителем, который вдалбливал детям азбуку и таблицу умножения! Не отнесись мы к вам серьезно и с должным пониманием, сидеть вам на прежнем месте. Мы освободили вас от таблицы умножения и доставили на Дикий Запад. Тут с невероятным и уму непостижимым терпением волокли гринхорна по прерии, тряслись над ним, как мать над младенцем, как курица с яйцом. Вы понабрались от нас ума-разума, в вечной тьме ваших мозгов забрезжил наконец какой-то луч света. Короче: мы заменили вам отца с матерью, дядю и тетю, носили на руках, кормили лучшими кусками мяса, чтобы вы окрепли телом, отдавали весь свой опыт и мудрость, чтобы вы возмужали духовно. Взамен мы вправе были ждать уважения и почитания, а что получили? Какую благодарность? Ну в точности утенок, которого воспитала курица. Нет, мы слишком много вам позволяли. И я глубоко скорблю, видя, какой черной неблагодарностью вы платите нам за все наши жертвы и любовь. Я не в состоянии перечислить все ваши выходки, но самым ужасным было то, как вы, тайком от нас, освободили двух вождей. Этого я никогда вам не прощу и запомню на всю оставшуюся охотничью жизнь. Результаты этого преступного молчания не замедлили сказаться. Вместо того чтобы зажарить нас на костре, нас признали недостойными этой чести, и теперь мы, живые и здоровые, вынуждены обретаться не в райских куцах, а в этом Богом забытом пуэбло, где нас пичкают всякой дрянью, в то время как с гринхорном вроде вас носятся как с полубогом. Всеми этими несчастьями мы обязаны именно вам. И главным образом из-за того, что вы никудышный пловец. Но... любовь непонятна, как женщина: чем хуже с ней обходишься, тем сильнее она любит; поэтому мы сохраняем вас в наших рядах и наших сердцах и на сей раз, но при условии, что вы одумаетесь и впредь станете умнее. Вот вам моя рука. Вы обещаете исправиться, сэр?

— Обязательно, — ответил я, пожимая его руку. — Буду брать пример с вас и скоро стану таким, как Сэм Хокенс.

— Нет, вы только послушайте! Молодой человек надумал сравниться с самим Сэмом Хокенсом! Это равно желанию жабы спеть оперную арию! Я бы посоветовал вам, уважаемый...

Но тут с хохотом вмешался Дик Стоун:

— Стоп! Помолчи, старый болтун! Да вы только послушайте, что он

тут наговорил! Ты все перепутал, и все у тебя не так! Будь я Шеттерхэнд, не потерпел бы, чтобы меня то и дело обзывали гринхорном!

— Не потерпел бы? Но он и в самом деле гринхорн!

— Глупости! Кому мы обязаны жизнью? Сто лучших вестменов, вместе со мной и с тобой, не смогли бы сделать того, что он совершил вчера. Он защищает нас, а не мы его, и хватит смеяться над парнем! Если бы не он, не сидеть бы тебе сейчас здесь с поддельными волосами на голове!

— Что? Мой парик — это поддельные волосы? А ну-ка повтори, что ты сказал! Это самые настоящие волосы, можешь проверить!

Сэм снял парик и протянул его Стоуну.

— Оставь свои патлы себе! — засмеялся Дик.

— Как тебе не стыдно, Дик, так обзывать мое лучшее украшение? Вот уж от кого не ожидал! Эх, никто не ценит старика Сэма. Я презираю вас. Пойду-ка лучше к своей Мэри, посмотрю, как она там.

Безнадежно махнув рукой, старый Сэм вышел из комнаты.

На следующее утро вернулись воины, тайно посланные вслед за кайова; они принесли весть, что те, не останавливаясь в пути, отправились в свои земли и, как видно, не собирались принимать ответных мер.

Теперь для всех наступило время безмятежного отдыха, для всех — кроме меня. Сэм, Дик и Билл наслаждались гостеприимством апачей, обретенной свободой и бездельем. Единственным занятием Сэма были ежедневные поездки на Мэри, чтобы — как он важно заявлял — они привыкли друг к другу.

И только я не тратил времени даром. Виннету взялся обучать меня индейским премудростям. Целые дни мы проводили на лошадях, и я познавал все тонкости охоты и военного дела индейцев, пробирался сквозь чащи, учился незаметно подкрадываться, обрабатывал приемы ведения открытого боя и искал Виннету, который очень искусно прятался, тщательно заматывая за собой все следы, но я все же умудрялся их обнаруживать. Я часто видел, как он, сидя в зарослях или стоя по колено в воде Пекос, наблюдает за мной, чтобы потом исправить мои ошибки или показать, как надо и как не надо делать. То была великолепная школа, и она доставляла величайшее удовольствие нам обоим. Ни разу я не услышал от Виннету ни похвалы, ни упрека. Он просто учил меня и, надо признаться, оказался замечательным учителем.

Сколько раз я, не чуя под собой ног, едва добирался до дома! Но там меня вместо отдыха вновь ждали занятия. Я изучал с помощью Виннету, Ншо-Чи и Инчу-Чуны язык и наречия апачей — мескалеро, льянеро и

навахи. И овладел ими в короткий срок, тем более, что они очень похожи, а запас слов невелик. Если мы с Виннету отправлялись не слишком далеко, к нам присоединялась Ншо-Чи. И надо было видеть ее радость, когда я справлялся с заданием.

Как-то раз — мы были в лесу — Виннету попросил меня немного погулять и вернуться на это самое место через полчаса, дав задание найти спрятавшуюся Ншо-Чи. Я отошел на порядочное расстояние и к назначенному часу вернулся. Сначала следы были хорошо видны, потом отпечатки мокасин индеанки исчезли. Мне была хорошо знакома ее легкая поступь, земля вокруг была мягкая, и хоть какой-нибудь след обязательно должен был остаться. А тут — ни одной помятой травинки, ничего, а ведь повсюду рос мягкий мох. Я видел только следы Виннету, а мне нужна была его сестра, а не он. Сам-то он наверняка спрятался поблизости и наблюдает за мной, думал я.

Я прочесал местность раз, другой, но — тщетно: ни единого знака. Ничего не понимая, я принялся рассуждать: как же Ншо-Чи могла пройти через коварный мох, не задев его? А что, если вовсе его не касалась?

Внимательно изучив следы Виннету, я заметил, что они стали глубже. Видимо, он взял сестру на руки. Неужели он думал, что я не разгадаю его трюк? Теперь найти Ншо-Чи не составляло для меня никакого труда: следы надо искать не внизу, а наверху!

Будь Виннету один, он бы осторожно пробирался сквозь чащу. Но если на плечах его сидела Ншо-Чи, он не мог проскользнуть сквозь заросли, не оставив следа. Я внимательно осмотрел ветки. И оказался прав! Руки Виннету были заняты, раздвигать осторожно ветки он не мог, а Ншо-Чи, видно, не подумала об этом. Я быстро обнаружил надломанные веточки и оборванные листья.

Следы вывели меня к поляне. Наверняка оба сидели на ее другом краю, не подозревая, что уже обнаружены. Я мог подойти к ним, но передумал. Захотелось застать их врасплох. Я крадучись обошел поляну, огляделся и, прячась за деревьями, снова принялся искать следы Виннету.

Я приблизился к ним совершенно бесшумно. Они спокойно сидели спиной ко мне в зарослях дикой сливы, явно ожидая меня с другой стороны, и тихо разговаривали; слов разобрать я не смог.

Предвкушая радостную встречу, я решил подползти поближе, но когда до Виннету оставалось не больше вытянутой руки и я было собрался показаться, он вдруг шепотом спросил сестру:

— Найти его?

— Нет, — ответила Ншо-Чи. — Он сам придет.

— Не придет!

— Придет!

— Моя сестра ошибается. Да, он много знает, но твой след — в воздухе. Как он найдет его?

— Найдет. Мой брат Виннету говорил, что Сэки-Лата трудно провести. Почему ты стал думать иначе?

— Сегодня я дал ему самое трудное задание. Его глаз прочитает любой след, но твой можно понять только умом, а ему такое пока не под силу.

— Он все равно придет, потому что все умеет, все, что захочет.

Хотя она произнесла эти слова шепотом, в них прозвучала непоколебимая вера и убежденность.

— Да, первый раз встречаю человека, который все может. Все, кроме одного.

— О чем ты?

— О нашем общем желании.

Я уже собрался было встать, когда Виннету упомянул о каком-то желании. Разве я мог отказать этим добрым и милым людям? А может быть, они хотели, чтобы я догадался об их желании сам? Надеюсь все узнать, я не шевельнулся.

— А мой брат говорил с ним об этом? — спросила Ншо-Чи.

— Нет.

— А наш отец, Инчу-Чуна?

— Тоже нет. Он собирался, но я удержал его.

— Почему? Ншо-Чи очень любит этого бледнолицего, я — дочь верховного вождя апачей!

— Да, ты дочь вождя апачей, но не это самое главное. Любой краснокожий воин и любой бледнолицый был бы счастлив взять тебя в жены. Но только не Шеттерхэнд.

— Почему мой брат так говорит, если не спрашивал его?

— Потому что я знаю его. Он не похож на прочих белых: его влечет что-то возвышенное, и индеанку в жены он не возьмет.

— Он сказал тебе?

— Нет.

— А может быть, его сердце уже принадлежит белой скво?

— Тоже нет.

— Ты уверен?

— Мы разговаривали о белых скво, и я понял, что сердце его ни для кого не раскрыто.

— Так значит, он откроет его мне.

— Не надейся, сестра моя. Сэки-Лата думает и чувствует не так, как ты представляешь. И выберет женщину под стать себе.

— Разве я не такая?

— Ни одна индейская девушка не может сравниться с моей сестрой! Но что ты знаешь? Что умеешь? Где ты побывала? Моя сестра знает жизнь наших скво, но не имеет понятия, что должна знать и уметь белая женщина. Сэки-Лата не нуждается в золоте и не нужна ему миловидная женщина, индеанка не способна дать ему то, о чем он мечтает.

Девушка опустила голову и замолчала. Брат ласково погладил ее по щеке:

— Мне жаль, что я ранил сердце моей любимой сестры, но Виннету всегда говорит правду, как бы горька она ни была. И очень может быть, что Виннету найдет путь, по которому Ншо-Чи добьется своей цели.

Услышав это, Ншо-Чи мгновенно подняла голову:

— Какой путь?

— Путь в город бледнолицых.

— Я должна туда отправиться?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы там научиться всему, что умеет белая женщина, и чтобы потом Сэки-Лата полюбил тебя.

— Тогда поехали туда как можно скорее! Ты выполнишь мою единственную просьбу, брат мой Виннету?

— Какую?

— Поговори с отцом и упроси его разрешить мне поехать в город бледнолицых, он не откажет тебе, потому что...

Больше я не стал слушать и поспешил незаметно отползти. Мне стало неловко. Я невольно подслушал то, что не предназначалось для моих ушей, и молил Бога, чтобы Виннету и Ншо-Чи не заметили меня, иначе как мы сможем смотреть другу другу в глаза? Отползти как можно тише и осторожнее! Любой звук, любой шелест мог меня выдать. Они поймут, что я проник в тайну прекрасной индеанки, и тогда — прощай мои краснокожие друзья!

К счастью, мне удалось выбраться незамеченным. Я отполз на большое расстояние, где они меня уже не могли слышать, встал, обогнул поляну и вышел на их след. Приблизившись к ним с той стороны, откуда они меня ожидали, я закричал:

— Брат мой Виннету, выходи!

Ответа не последовало, я снова позвал:

— Брат, выходи, я тебя вижу!

Опять никто не показался.

— Ты сидишь в кустах дикой сливы!

Ветви раздвинулись, и появился Виннету, правда один. Скрываться больше он не мог, но сестру решил не выдавать.

— Брат мой Сэки-Лата нашел Ншо-Чи?

— Да.

— Где же она?

— Спряталась в кустах.

— В каких кустах?

— В тех, куда ведет след.

— Ты видел ее следы?

Виннету не верил, что я действительно нашел Ншо-Чи, так как она не оставила следов на земле, и хотел услышать от меня объяснение.

— Да, я их видел.

— Но моя сестра старалась не оставить следов.

— И все-таки они хорошо видны.

— Но их нет.

— Нет на земле, потому что Ншо-Чи не шла по земле, но когда ты ее нес, то поломал ветки и оборвал листья.

— Уфф! Я ее нес?

— Конечно.

— Кто тебе сказал?

— Твои следы. Они стали глубже. Ты сам не мог стать тяжелее, значит, ты взял кого-то на руки. Это была твоя сестра. Вот почему ее нога не коснулась мха.

— Уфф! А не поискать ли тебе еще раз?

— Зачем? Ншо-Чи сидит там, откуда ты только что вышел. Я сам выведу ее.

И я направился было к кустарнику, но девушка меня опередила.

— Ну что я говорила?! Он нашел меня! — радостно сказала она брату.

— Моя сестра оказалась права, ошибся я. Мой брат Сэки-Лата сумел прочесть след не только глазами, но и умом. Теперь ты все умеешь!

— О нет! Мой брат Виннету рано хвалит меня. Мне еще многому надо от него научиться!

Так я услышал первую похвалу от Виннету. В душе я гордился собой и радовался, что при этом присутствовала его сестра.

Вечером того же дня Виннету принес красивый, с индейской вышивкой охотничий костюм из белой замши.

— Этот наряд посылает тебе моя сестра Ншо-Чи. Шеттерхэнду не пристало ходить в лохмотьях.

Да, моя прежняя одежда действительно превратилась в лохмотья, и пройдишь я в них по любому городу Европы, прямиком угодил бы в тюрьму, как последний бродяга. Но мог ли я принять такой дар от Ншо-Чи? Похоже, Виннету понял мои сомнения:

— Прими его, это я просил сшить. Виннету, которого ты спас, дарит его тебе, а не сестра. Может быть, бледнолицым нельзя принимать подарки от женщин?

— Только, пожалуй, от жены или родственницы.

— Ты мне брат, и значит, Ншо-Чи — твоя родственница. А потом, это подарок от меня, она его только сшила.

Померив на следующий день костюм, я был приятно поражен, увидев, что сидит он на мне превосходно. Куда там нью-йоркскому портному! Я поспешил показаться в нем Ншо-Чи, рассыпался в похвалах ее искусству, чем несказанно ее обрадовал. Потом появились Дик Стоун и Билл Паркер, и тут настала моя очередь удивляться: на них тоже были новые одежды, сшитые индеанками. А когда, несколько часов спустя, я упражнялся в метании томагавка, на поляну выплыло нечто в индейском наряде, в огромных старинных сапожищах и в еще более древней фетровой шляпе с обвисшими полями. Из-под шляпы торчали спутанная борода, здоровенный носище и выглядывали хитрющие глазки. Я сразу узнал моего Сэма Хокенса. Приблизившись ко мне, он спросил:

— Сэр, узнаете, кто перед вами?

— Гм, давайте-ка взглянуть!

Я взял его за плечи, повернул, внимательно оглядел с головы до ног и сказал:

— Как будто Сэм Хокенс, если я не ошибаюсь!

— Да, милорд! Вы правы! Сэм Хокенс собственной персоной и во всем великолепии. Вы замечаете что-то новенькое?

— Наряд?

— Ну наконец-то!

— Где же вы его взяли?

— А помните ту шкуру медведя, что вы мне подарили?

— Теперь ясно, но кто вам его сшил?

— Кто? Гм! Да есть тут одна... Хотя, собственно, не совсем...

— Не понимаю.

— Одна прекрасная особа.

— Вот как!

— Вы не знакомы с несравненной Клиуной-Аи, сэр?

— Нет. Клиуна-Аи значит Полная Луна. Она замужем?

— И да, и нет, или, вернее, и нет, и да.

— То есть, она одинока?

— Ничего подобного. Если она и замужем и не замужем одновременно — это означает, что она вдова. Ее муж, апач, погиб в последней схватке с кайова.

— И вы решили ее утешить?

— Угадали, сэр! Я желаю ей всяческого добра, к тому же она приглянулась мне, и даже очень!

— Что вы говорите, Сэм?

— Клиуна-Аи отличная партия!

— Неужели?

— Она лучше всех индеанок выделяет шкуры.

— Вот почему вы решили рискнуть своей!

— Шутки в сторону, сэр! Мне не до них, мы бы так счастливо зажили с ней... вы меня понимаете? У нее такое полное, такое круглое лицо, ну совсем как луна.

— Луна в первой и последней четверти?

— Не смейте шутить над Луной, к тому же она сама как полная луна, и я, кажется, женюсь на ней, чтоб мне лопнуть!

— Надеюсь, новолуния не будет? Как вы познакомились?

— Да все из-за вашей шкуры. Я искал, кто бы смог ее выделать, меня послали к Клиуне-Аи. Я принес ей шкуру, а она когда увидела, то пришла в такой восторг...

— В восторг от шкуры?

— Да нет же, разумеется, от меня!

— У нее хороший вкус, дорогой Сэм.

— Вот именно, а кроме того, она такая умница, не только обработала шкуру, но даже сшила мне этот наряд. Как я вам в нем нравлюсь?

— Верх элегантности!

— Джентльмен, а? Настоящий джентльмен! Она аж подпрыгнула, увидев меня в новом одеянии. Честное слово, сэр, я женюсь!

— А где ваша старая одежда?

— Я ее выбросил.

— Вот-вот, а кто как-то говорил мне, что и за десять тысяч долларов не продаст свою куртку?

— Это было давно, до знакомства с Клиуной-Аи. Что поделаеть, все меняется. Привет!

И жених-коротышка в медвежьей шкуре гордо зашагал прочь.

Перспектива женитьбы Сэма не встревожила меня, я мог быть спокоен за дальнейшее развитие его романа с прекрасной индеанкой. Стоило лишь взглянуть на жениха: огромные ступни, коротенькие кривые и тонкие ножки, но главное — лицо! Заросшая физиономия с торчащим, словно клюв у ястреба, носом! На такого не клюнула бы даже индеанка. Обернувшись, Сэм небрежно бросил:

— В новом наряде я чувствую себя совсем другим человеком, я словно заново родился! Зачем мне старье? Костюм делает меня неотразимым, хи-хи-хи!

На следующий день я встретил его в долине очень задумчивым.

— Сэм, дорогой мой, что за космические мысли посетили вас?

— Космические?

— Да, у вас на лице написано, будто вы собираетесь открыть комету или новую туманность.

— Сэр, вы попали в точку. Я думал, что открыл комету, а на самом деле, кажется, это туманность.

— Кто туманность?

— Клиуна-Аи — сплошная туманность.

— Неужели? Вчерашняя полная луна превратилась в туманность? Что случилось?

— Я спросил ее, не собирается ли она снова выйти замуж, а в ответ услышал: нет!

— Ну, не вешайте нос! Рим и тот не сразу строился.

— И мой наряд не сшит в одночасье. Вы правы. Я по-прежнему жених. — И он пошел к Клиуне-Аи.

Когда наутро я оседлал своего пегого — мы с Виннету собирались на медведя, — неожиданно появился Сэм Хокенс и заявил:

— Сэр, можно мне с вами?

— На медведя? Вряд ли. Кажется, вас ждет охота на другого зверя.

— Ох, не везет мне!

— Что? Что я слышу?

— Увы, уввы, она предъявляет свои требования.

— Не понимаю.

— Я опять пошел к ней, сделал... гм... предложение, а она заявила, что сшила наряд по просьбе Виннету.

— А не из любви к вам?

— Выходит, что нет. Потом спросила, что я ей дам за выделку шкуры, потому что, видите ли, я сделал ей заказ. Такие вот требования!

— Значит, она требует платы?

— Ну да. Это что, проявление любви?

— Не знаю. В таких делах я не мастак. Дети любят родителей, а родители тем не менее платят за них. А вдруг ваша Полная Луна таким образом проявляет свои чувства?

— Полная Луна? Скорее Луна на убыли. Так возьмете меня с собой?

— Виннету берет меня одного.

— Эх, не везет, так не везет!

— И вы могли бы запачкать свой новый костюм, дорогой Сэм!

— Оно и правда, вдруг кровь попадет?

Незадачливый жених побрел прочь. Но по пути новая мысль пришла ему в голову, он обернулся и спросил:

— А не кажется ли вам, сэр, что моя старая одежда намного удобнее?

— Пожалуй.

— Не пожалуй, а наверняка.

На этом наш разговор окончился, но на протяжении всех следующих дней Сэм ходил как в воду опущенный. Видимо, луна убывала. И вот в один прекрасный день я увидел его в старом костюме.

— Что я вижу, Сэм? А я думал, вы его выбросили.

— Так оно и было.

— Значит, отыскали?

— Угу.

— А что случилось?

— Наступило новолуние. Глаза бы мои не глядели на эту Клиуну-Аи!

— А помните, что я вам говорил?

— Да-да. Произошло все именно так, как вы сказали. Ну, и потом еще этот случай... Знаете, сэр, я был просто вне себя!

— Можно узнать, что произошло?

— Вам я скажу. Вчера я опять пришел к ней. В последнее время она ужасно злилась, почти не обращала на меня внимания и постоянно огрызалась. Ну так вот, сижу я, значит, рядом, голову прислонил к столбу. А волосы мои, видимо, зацепились за какой-то сучок. Когда я встал, что-то хлопнуло меня по голове, я оборачиваюсь и... о Боже, что я вижу!

— Ваш парик?

— Вот именно! Висит на столбе, а шляпа валяется рядом.

— И от прежней полной луны даже краешка не осталось?

— Точно так! Уставилась на меня, как... как на человека, с которого только что сняли скальп...

— А потом?

— Потом принялась орать и вопить, словно скальп сняли с нее.
— И чем все это кончилось?
— Кончилось? Кончилось новолунием — луна исчезла. Выбежала во двор, вот и все.
— Но она вернется!
— Никогда. Она не желает меня видеть, так и просила передать. Глупая скво, ищет, видите ли, мужа с волосами. Ну, что вы на это скажете? Наивно и смешно. Глупо, не правда ли?
— Гм!
— Нечего хмыкать, сэр! Чтоб мне лопнуть! Но когда женщина выходит замуж, ей должно быть все равно, что на голове у ее супруга — настоящие волосы или парик. А последний, наоборот, делает ему особую честь, ведь парик стоит денег, а простые волосы растут бесплатно.
— Ну и пусть себе растут бесплатно.
— Сэр, это свинство с вашей стороны! Человек пришел к вам за утешением в любовных страданиях, а вы изволите шутить. Чтоб вам тоже носить парик! Чтоб вас краснокожая вдова выставила за дверь! Счастливо оставаться! — И Сэм понесся, как сумасшедший.
— Сэм, постойте, один вопрос!
— Что еще? — донеслось издали.
— А где он?
— Кто?
— Ваш новый наряд.
— Я его вернул. Хотел надеть на свадьбу, но свадьбой и не пахнет, а так не нужна мне ее куртка! Хуг!

Так закончился роман Сэма с прекрасной Луной. Впрочем, он скоро утешился и признался: теперь уже радуется, что не женился, и больше никогда не расстанется со своей старой курткой, поскольку чувствует себя в ней гораздо лучше, она практичнее и удобнее всяких там нарядов, сшитых краснокожими портнихами. Я оказался прав: жених из Сэма никудышный.

Вечером того же дня я, как всегда, ужинал вместе с Инчу-Чуной и Виннету. Поужинав, молодой вождь вышел из комнаты, я последовал было за ним, но Инчу-Чуна задержал меня. Он заговорил о злоключениях Сэма, потом вообще о браках между белыми и индейцами. Я догадался — разговор начат неспроста.

— Как считает мой юный брат, может ли белый взять в жены индеанку?
— Если священник его благословляет, а индеанка принимает христианскую веру.

— Следовательно, мой младший брат не взял бы в жены индеанку, если та не перейдет в его веру?

— Нет.

— А трудно стать христианкой?

— Нет, совсем нетрудно.

— А такая женщина сможет уважать своего отца-язычника?

— Да. Наша религия велит детям почитать и уважать своих родителей.

— А какую женщину выберет мой брат: белую или краснокожую?

— Как мне подскажет сердце, цвет кожи тут ни при чем. Мы все равны перед лицом Великого Духа, и кому суждено соединиться, те всегда найдут друг друга.

— Хуг! Найдут друг друга, если полюбят. Ты, как всегда, верно и хорошо сказал, брат мой!

На этом наш разговор закончился. Я неспроста упомянул, что, если индеанка захочет стать женой белого человека, она должна принять христианство. Это серьезное препятствие для индейцев. Я желал Ншо-Чи выйти замуж за самого достойного и благородного воина или вождя, но сам я отправился на Дикий Запад не за краснокожей женой. Более того, я и о белых женщинах пока не мечтал.

В моих планах, как я их тогда себе рисовал, женитьба не значилась.

На следующий день я узнал, какие последствия имел мой разговор с Инчу-Чуной. Вождь привел меня в нижние помещения пуэбло, где лежало наше снаряжение.

— Проверь, все ли на месте?

Все инструменты были в порядке, незначительные поломки я мог выправить самостоятельно.

— Мы приняли их за амулеты, поэтому решили сохранить. Мой младший брат может взять их.

Я стал было благодарить его, но старый вождь прервал меня:

— Они принадлежат тебе, мы забрали их, потому что ты был нашим врагом. А теперь — ты наш брат и должен получить свои вещи назад. Благодарность здесь излишня. Что ты теперь с ними сделаешь?

— Когда возвращусь домой, верну их тем людям, у которых взял.

— А где они живут?

— В Сент-Луисе.

— Я был в этом городе и знаю, как туда пройти. Мой сын Виннету тоже там был. Так значит, ты собираешься покинуть нас?

— Да, но не сейчас.

— Нам будет очень грустно. Ты стал воином нашего племени, я

наделил тебя властью вождя апачей. Мы думали, ты останешься с нами, как Клеки-Петра, навсегда.

— Но я здесь по другой причине...

— Ты знаешь, что с ним случилось?

— Да, он мне все рассказал.

— Он оказал тебе большое доверие, хотя видел впервые.

— Наверное, потому, что мы приехали из одной страны.

— Думаю, не только поэтому. Умирая, он говорил с тобой. Я не понимал вашего разговора, ты потом передал мне его слова. Исполняя волю Клеки-Петры, ты стал братом Виннету, а теперь собираешься покинуть его. Я не могу этого понять.

— Но ведь и братья расстаются, когда их пути расходятся.

— Но ты вернешься?

— Да. Мы обязательно будем вместе, мое сердце отныне принадлежит вам!

— Твои слова радуют мне душу! Мы всегда будем рады тебе. Но почему ты заговорил о разных путях? Разве с нами ты не сможешь быть счастливым?

— Я не могу твердо сказать, ведь с вами я провел пока мало времени. Вот две птицы, они сидят и кормятся на одном дереве. Одной птице пищи с дерева хватает, другая же летит в дальние края.

— Мы можем тебе дать все, что ты пожелаешь.

— Я знаю, но имею в виду совсем иное — пищу духовную.

— Да, мне это понятно. Клеки-Петра рассказывал о пище для души бледнолицых. Он тоже тосковал и был часто задумчив, хотя и пытался скрыть от нас свою печаль. Ты моложе его и затоскуешь скорее. Мы не смеем тебя задерживать, но просим: вернись! Кто знает, вдруг ты передумаешь и поймешь, что счастье твое — с нами? Скажи мне, что собираешься делать, когда возвратишься в город бледнолицых?

— Пока сам не знаю.

— Ты останешься с белыми, которые прокладывают дорогу для огненного коня?

— Нет.

— И правильно сделаешь. Ты — брат краснокожих, и тебе нечего водиться с белыми, которые решили отобрать наши земли и богатства. Но там ты не сможешь жить охотой. Ты беден, ты сказал об этом Виннету. И если бы мы не напали на вас, ты бы заработал денег. Поэтому мой сын попросил меня помочь. Тебе нужно золото?

Он испытующе взглянул мне прямо в глаза, и я не решился ответить:

да.

— Золото? Но у меня не было золота, и я не вправе его требовать от вас.

То есть: я не сказал «да», но и не ответил «нет». Я слышал, что некоторые индейские племена владеют тайной богатых месторождений золота, но они никогда не раскрывают ее бледнолицым. Инчу-Чуна, конечно, знал такие места, поэтому и задал мне этот вопрос. Какой же бледнолицый откажется от золота? Я никогда не помышлял о богатстве, о вещах, которые съест ржавчина и моль, но золото считал верным средством для достижения благородных целей. Вождю это могло показаться непонятным...

— Верно, у тебя не было золота, — ответил он. — Но из-за нас ты лишился заработка, и я хочу помочь тебе. В горах есть золото. Индейцы знают, где оно лежит. Надо пойти и взять его. Хочешь, чтобы я тебе принес его?

Другой на моем месте принял бы без размышлений это предложение и... ничего бы не получил. Я понял это по хитрому взгляду Инчу-Чуны и ответил ему так:

— Благодарю тебя! Богатство, добытое без труда, не приносит радости, и настоящую цену имеет лишь то, что ты заработал собственными руками. Не думай, что если я беден, то умру в городе белых с голоду.

Настороженность исчезла из глаз Инчу-Чуны, он протянул мне руку и с теплотой в голосе сказал:

— Мы не ошиблись в тебе. Золотая пыль, за которой охотятся бледнолицые, приносит смерть, каждого, кто найдет ее, ждет гибель. Никогда не ищи золото, оно отравит и твое тело, и твою душу. Я хотел испытать тебя. Золота не дам, но деньги ты получишь.

— Но это невозможно.

— Возможно, потому что так хочу я. Мы отправимся туда, где вы вели работы, ты закончишь свои измерения и получишь обещанное вознаграждение.

Я смотрел на него с немым удивлением в глазах. Шутка? Нет, вождь индейцев не сможет позволить себе такие шутки. Или снова испытывает меня? Похоже, нет.

— Мой младший брат молчит. Ему не по сердцу мое предложение?

— Да нет, очень даже по сердцу, но я не могу поверить.

— Почему?

— Я должен закончить работу, из-за которой мои товарищи отправились на тот свет? Я должен сделать то, за что ты осудил меня еще

при нашей первой встрече?

— Ты делал это без разрешения хозяев земли, теперь же оно у тебя есть. Это решил не я, а мой сын Виннету. Он убедил меня, что твоя работа не причинит нам никакого вреда.

— Ты ошибаешься, дорога будет построена, и белые обязательно сюда придут.

Он помрачнел и, помолчав, признал:

— Ты прав. Нам трудно теперь защищать свои земли. Сначала бледнолицые пошлют такой отряд, как ваш, и мы легко разобьем его, но за ним появятся целые орды, и мы вынуждены будем отступить, иначе нас истребят. И даже ты не в силах будешь нам помочь. А может быть, мой брат, ты считаешь, что если не закончить измерений, они не придут?

— Нет, я так не думаю. Огненный конь в любом случае, как бы вы ни сопротивлялись, промчится по этим землям!

— Тогда соглашайся! И тебе — выгода, и нам — вреда никакого. Мы с Виннету все обдумали: мы пойдем вместе с тобой, тридцать воинов будут охранять и помогать нам. Затем они проводят нас до безопасного пути, который ведет на восток. И на большом каное бледнолицых мы поплывем в Сент-Луис.

— О чем говорит мой краснокожий брат? Правильно ли я тебя понял: ты собираешься в Сент-Луис?

— Да. Я, Виннету и Ншо-Чи вместе с тобой отправимся туда.

— И Ншо-Чи?

— Да, моя дочь тоже. Ей хочется побывать в большом городе бледнолицых, чтобы научиться всему, что умеет белая женщина.

Наверное, у меня был очень глупый вид; он, улыбаясь, добавил:

— Мой белый брат, видимо, удивлен. Или ему будет неприятно наше путешествие? Скажи прямо!

— Неприятно? О чем ты говоришь? Наоборот, я очень рад. С вами я буду в полной безопасности, и уже одна эта мысль радует меня. Но главное — со мной будут все те, кого я так люблю.

— Хуг! — радостно воскликнул вождь. — Как только ты закончишь работу, мы отправимся на восток. Ншо-Чи сможет там жить и учиться?

— Да, я все устрою. Но вождь апачей должен знать: бледнолицые не так гостеприимны, как индейцы.

— Я знаю об этом. Когда бледнолицые приходят к нам как друзья, то все получают бесплатно, а вот мы вынуждены за все платить, и даже больше, чем другие белые, к тому же получаем все самое плохое. Ншо-Чи заплатит.

— К сожалению, ты прав, но прошу тебя, не беспокойся. Я получу кучу денег благодаря твоей великодушной помощи, и вы будете моими гостями.

— Уфф! Уфф! Ты плохо думаешь об Инчу-Чуне и Виннету. Я говорил тебе, что индейцы знают, где золото. Золотоносные жилы залегают в горах и в долинах под тонким слоем земли. В город бледнолицых мы придем не с пустыми руками. Ншо-Чи получит столько золота, сколько ей понадобится. Алчность бледнолицых заставляет нас добывать его, а нам оно совсем не нужно. Когда мой младший брат будет готов?

— В любую минуту, когда прикажете.

— Тогда не будем откладывать. Мы всегда готовы. Отправимся завтра утром, если ты не возражаешь.

— Отлично. Только надо подумать, что взять с собой, сколько лошадей...

— Это дело Виннету, он уже давно все придумал, не волнуйся!

Вернувшись в свое жилище, я увидел Сэма Хокенса.

— У меня есть новости, сэр, — сияя от радости, объявил он. — Вы будете удивлены, чтоб мне лопнуть!

— Что случилось?

— Такие новости, такие новости... А может, вы уже слышали?

— Дорогой Сэм, да скажите же наконец, в чем дело?

— Мы уходим отсюда, уходим!

— Я уже знаю это.

— Знаете? А я-то думал, что преподнесу вам сюрприз, и, оказывается, опоздал.

— Мне только что сказал об этом Инчу-Чуна. А вам кто?

— Виннету. Я встретил его у реки, где он отбирал лошадей. А вы знаете, что Ншо-Чи тоже едет с нами?

— Да.

— Очень здорово придумано. И мне это по душе. Кажется, она будет жить в Сент-Луисе, в пансионате. Правда, не могу понять, зачем и для чего, если...

Он оборвал себя на полуслове, многозначительно посмотрел на меня своими маленькими глазками и продолжал:

— Если... если только... гм? Если только Ншо-Чи не станет вашей Клиуной-Аи, а? Как вы на это смотрите, молодой человек?

— Моей Клиуной-Аи, то есть моей луной? Оставляю это вам, я в лунах не разбираюсь. И для чего мне луна, которая то убывает, то прибывает?

— Опять шутки? Кстати, даже очень хорошо, что моя любовь к этой убывающей луне закончилась.

— Почему же?

— Я бы не смог оставить ее здесь, и пришлось бы мне тащить ее с собой. А какой дурак таскает по прерии луну? Хи-хи-хи! Выходит, и в несчастье есть своя выгода. Только одно меня бесит!

— Что именно?

— Да моя отличная медвежья шкура; если б я сам ее выделал, то имел бы сейчас превосходную охотничью куртку, а так — ни куртки, ни шкуры.

— Да, вот несчастье-то! Не горюйте, встречусь еще раз с медведем, и считайте, что шкура ваша.

— Вы мне подарите шкуру? А не случится наоборот? Вы думаете, что гризли только и ждут, чтобы явился гринхорн и заколол их? Охота у вас будет удачная, чего нельзя сказать о шутке насчет убывающей луны, которая, кстати, чести вам не делает. И давайте-ка оставим медведей в покое, по крайней мере на время, пока нас ждет работа. Отличная мысль — закончить нашу работу, а?

— Благородная, весьма благородная, Сэм!

— Да, теперь мы получим все денежки, которые нам обещали. А может... А пропади оно все пропадом! Вот было бы здорово!

— О чем вы, Сэм?

— Вот если бы вы получили все деньги... все!

— Не понимаю.

— Да что тут понимать? Если работа будет закончена, то нам должны заплатить. Ну а раз другие уже мертвы, то вам причитается их доля...

— И не думайте даже об этом, Сэм! Они ни за что не пойдут на такое.

— Все возможно, все, вам только надо по-умному все представить и потребовать всю сумму. Вы же почти один сделали всю работу! Ну так как?

— Нет, и не подумаю требовать больше, чем мне положено.

— Опять в вас говорит мальчишка! Сколько можно повторять, что здесь, в этой стране, ваша заморская скромность абсолютно не к месту! Ради вашего блага послушайте меня. Распрощайтесь с мыслью стать вестменом, им вы никогда не будете. Силенок не хватит. Вас ждет иная судьба, а для этого нужны деньги, деньги и еще раз деньги. Если будете умницей — получите хорошенькую сумму и заживете спокойно. Если же не послушаетесь меня свернете себе шею и сдохнете, как рыба, выброшенная на берег.

— А это уже не ваше дело. Я пересек Миссисипи не для того, чтобы стать вестменом, и плакать не стану, если это счастье обойдет меня. Вот

только вас мне будет очень жаль.

— Меня? С какой стати?

— Вы отдали столько сил, чтобы из меня что-нибудь получилось; я так и слышу, как мне будут говорить: вам так не повезло с этим никудышным учителем.

— Никудышный?! Я?! Сэм Хокенс?! Да я все могу! Неблагодарный! Знать вас больше не желаю! — И он гордо удалился, но с полдороги вернулся и важно закончил: — Имейте в виду! Если вы не потребуете всех денег, то это за вас сделаю я и запихну их в ваш паршивый карман!

И Сэм торжественно зашагал прочь. Он наверняка считал, что идет словно король, но на самом деле походил на шута. Этот милейший человек как всегда желал мне добра. Вот и теперь он хотел, чтобы я получил все деньги, но на это я бы ни за что не согласился.

Инчу-Чуна оказался прав, когда говорил, что краснокожий воин в любую минуту готов отправиться даже в самый дальний путь. Жизнь в пуэбло продолжала идти своим чередом, ничто не напоминало о предстоящем отъезде. Ншо-Чи была такой же, как всегда, не то что белая дама, сборы которой не обходятся без суматохи и нервотрепки. Эта индеанка отправлялась в далекое и опасное путешествие за прелестями цивилизации, а держалась удивительно спокойно. Меня никто ни о чем не спрашивал, никто ко мне не приставал, я должен был лишь завернуть приборы в мягкие шерстяные одеяла, которые дал мне Виннету. Вечер мы провели как обычно, ни словом не обмолвясь о завтрашней поездке. Спокойствие и выдержка индейцев передались и мне, так что я заснул безмятежным сном. Рано утром меня разбудил Хокенс, докладывая, что все готово к отбытию. Рассвет только забрезжил. Холодное осеннее утро бодрило.

Наскоро позавтракав, все жители пуэбло высыпали проводить нас к реке. Там мне предстояло впервые увидеть, как шаман предсказывает исход путешествия.

На зрелище собрались все жители деревни. В этом важном обряде не последнюю роль играл наш старый фургон. Он стоял на том же месте, и шаман, повесив на него шкуры и покрывала, спрятался внутри.

Краснокожие окружили фургон, и священный обряд — я мысленно назвал его спектаклем — начался. Сначала из фургона послышалось ворчание и фыркание, словно свора собак и кошек готовилась к отчаянной схватке.

Я стоял между Виннету и его сестрой. Ншо-Чи сменила девичий наряд на мужской, и теперь ее сходство с братом стало еще заметнее. Непокрытые

волосы она завязала узлом на макушке, как брат. На поясе висело несколько разных мешочков, нож и пистолет, на плече — ружье. В этом новом, вышитом разноцветными нитками и украшенном бахромой наряде девушка выглядела воинственно, но в то же время очень женственно и привлекательно, отчего все взгляды были устремлены на нее. Поскольку на мне был такой же костюм, то мы все трое стали похожи друг на друга.

Кажется, услышав странные звуки из фургона, я немного скривился, на что Виннету заметил:

— Брат мой не знает нашего обычая, а потому мысленно смеется над нами.

— Я никогда не смеюсь над обрядами, даже если ничего не понимаю.

— То, что ты сейчас услышишь и увидишь, будет спором двух сил: злого рока и счастливой судьбы.

И он начал объяснять мне символику звуков, а потом и жестов, и движений шамана. Фыркание прекратилось, и послышалось протяжное завывание, прерывающееся легкими всхлипами. Страшное завывание означало, что шаман видит впереди неприятности, а мягкие всхлипы говорили о добрых силах. Это продолжалось довольно долго; вдруг шаман выскочил из фургона и пустился как сумасшедший с диким ревом бегать по кругу. Затем слегка сбавил темп, перестал выть, напускной страх прошел, и он начал медленный замысловатый танец, сопровождающийся монотонным пением. Его лицо скрывала маска, тело было обвешано разными странными и даже жуткими предметами. Вскоре танец и пение постепенно прекратились, шаман присел, спрятал голову и долго сидел, не двигаясь и не говоря ни слова. Наконец резко поднялся и поведал зрителям то, что ему было дано увидеть в будущем.

— Слушайте, слушайте, сыновья и дочери апачей! Вот что открыл мне Великий Дух Маниту! Вожди Инчу-Чуна и Виннету и наш бледнолицый вождь Сэки-Лата уезжают со своими белыми и краснокожими воинами, чтобы отвезти в город белых молодую дочь нашего племени Ншо-Чи. Добрый Маниту будет оберегать их во время пути, и они возвратятся счастливо домой. Ншо-Чи останется там, а потом тоже вернется. Но одного из них мы не увидим больше никогда.

Он замолчал и опустил голову, чтобы выразить свое сожаление по поводу грустного пророчества.

— Уфф! Уфф! Уфф! — пораженные краснокожие заволновались, но никто не посмел задать вопрос: кого?

Колдун молчал, и Сэм Хокенс не выдержал:

— Кто же не вернется? Скажи нам, шаман!

Тот погрозил ему рукой, повременил, затем поднял голову, остановил свой взгляд на мне и воскликнул:

— Лучше бы меня не спрашивали! Я не хотел говорить, но любопытный бледнолицый, Сэм Хокенс, заставил меня открыть его имя. Мы больше не увидим Сэки-Лату! Смерть настигнет его. И пусть те, кому я предсказал счастливое возвращение, держатся от него подальше, если не хотят тоже умереть! Рядом с ним они в опасности, а вдали — спасены! Это открыл мне Великий Дух! Хуг! И он вернулся в фургон.

Краснокожие, глядя на меня, громко выражали свое сочувствие.

— Что этому бездельнику пришло в голову? — возмутился Сэм. — Вы умрете? Только такая глупая башка могла до такого додуматься! У него все мозги высохли! С чего он это взял?

— Лучше спросите, что за этим кроется! Он не любит меня, ни разу не заговорил со мной. Впрочем, я платил ему тем же и просто не замечал его. Боится, как бы мое влияние на вождей не перекинулось и на остальных, а тут подвернулся подходящий случай, вот он и напороочил мне беду.

— Ну, я ему сейчас задам! Пара хороших тумачков...

— Стойте, Сэм! Не стоит принимать глупости так близко к сердцу.

Инчу-Чуна, Виннету и Ншо-Чи, услышав такое пророчество, озабоченно переглянулись. Не знаю, поверили они в него или нет, зато прекрасно понимали, какое воздействие оно окажет на всех присутствующих. С нами должны были отправиться тридцать воинов, но если они поверили, что пребывание рядом со мной несет смерть, переубедить их будет невозможно. Раз предсказание не изменить, значит, надо смягчить его силу. Моментально сообразив это, Инчу-Чуна и Виннету на виду у всех взяли меня за руки, и Инчу-Чуна громко, чтобы все услышали, сказал:

— Братья мои и сестры! Слушайте меня! Наш брат шаман умеет заглядывать в будущее, и то, что он предвидел, часто сбывалось. Но мы не раз убеждались, что он тоже ошибается. Обещал во время засухи дождь, но тот до сих пор не прошел. А перед последним походом на команчей сулил нам большие трофеи, а мы же, одержав победу, получили лишь несколько старых кляч и три дрянные винтовки. Советовал прошлым летом идти на реку Тояли, где пасутся стада бизонов, и мы последовали его совету, но добыли так мало мяса, что зимой чуть не умерли с голоду. Я могу вспомнить и много других случаев. Увы, зрение порой ослабевает. Может, он и сейчас ошибается, когда говорит о нашем друге, Сэки-Лате. Я предаю его слова забвению. Призываю сестер и братьев моих поступить точно так же. Посмотрим, сбудутся ли они.

И тут неожиданно вмешался Сэм:

— Не будем ждать, и не надо ждать, потому что есть способ сразу проверить, правду ли сказал шаман.

— О каком способе говорит мне мой бледнолицый брат? — удивился вождь.

— Сейчас скажу. Не только у краснокожих имеются шаманы, умеющие видеть будущее, и самый великий из бледнолицых шаманов — это я, Сэм Хокенс!

— Уфф, уфф! — удивились апачи.

— Да, да, удивляйтесь! Вы же принимали меня за самого обыкновенного вестмена, и все потому, что вы меня не знаете. Я вам не какой-нибудь первый встречный бродяга. Вы меня еще узнаете! Пусть воины возьмут томагавки и выкопают в земле узкую, но глубокую яму.

— Мой брат хочет заглянуть внутрь земли? — спросил Инчу-Чуна.

— Да, так как будущее сокрыто или в чреве земли, или в звездах. Но сейчас, ясным днем, звезд не видно, поэтому я обращаюсь к земле, доходчиво объяснил Сэм.

Несколько индейцев бросились копать томагавками яму в земле.

— Бросьте валять дурака, Сэм, — шепнул я. — Если краснокожие поймут, что вы водите их за нос, дело может принять совсем нежелательный оборот!

— Я валяю дурака? Вожу за нос? А как называется то, что выделявал тут их шаман? Не водил за нос? Что можно ему, позволительно и мне, чтоб мне лопнуть, уважаемый сэр. Я знаю, что делаю. Отойдите и не мешайте мне колдовать. Если мы ничего не предпримем, то воины, которые пойдут с нами, начнут сторониться нас.

— Вы, конечно, правы, но умоляю вас: не ломайте комедию!

— Никаких комедий не будет! Не волнуйтесь!

И все-таки мне стало как-то не по себе. Я прекрасно знал склонность Сэма к шуткам. Надо было остановить его, но Сэм уже направился к индейцам, чтобы показать, какой глубины рыть яму.

Когда яма была готова, он приказал воинам вернуться на свои места, а сам снял кожаную куртку, застегнул ее на все пуговицы и водрузил над ямой, так что теперь старая хламида напоминала деревянную трубу. Покончив с приготовлениями, он сделал трагическое лицо и воскликнул:

— Мужчины, женщины и дети апачей сейчас увидят, что я, бледнолицый кудесник, буду делать, и удивление охватит их! От моих волшебных заклинаний разверзнется земля, и я увижу, что нас ждет в ближайшем будущем!

Отойдя на несколько метров от ямы, он медленно и торжественно стал описывать вокруг нее круги, повторяя, к моему величайшему удивлению, таблицу умножения, причем так быстро, таким гнусавым голосом и с такими ошибками, что не только индейцы, но и мы почти не разбирали слов. Дойдя до умножения на девять, он ускорил шаг и для разнообразия принялся быстро подскакивать вокруг куртки, громко завывая и размахивая руками. Набегавшись и накричавшись до хрипоты, он подошел к куртке, несколько раз низко ей поклонился и засунул голову в горловину, чтобы заглянуть внутрь ямы.

Я страшно волновался, наблюдая за его кривляньем, однако, оглядевшись, понял, что краснокожие весьма серьезно воспринимают этот спектакль. Лица обоих вождей по-прежнему выражали спокойствие, хотя, несомненно, Инчу-Чуна догадывался, что Сэм ломает комедию.

Старый хитрец продержал голову внутри куртки примерно минут пять, при этом размахивал руками, словно видел перед собой страшные и необыкновенные картины. Наконец с важным видом вытащил голову, расстегнул куртку, надел ее вновь на себя и обратился к собравшимся:

— Пусть мои краснокожие братья зароят яму, потому что, пока земля открыта, я не могу говорить.

Когда все было сделано, Хокенс глубоко и облегченно вздохнул, как сильно уставший человек, и начал вещать:

— Ваш краснокожий брат шаман плохо увидел будущее, оно совсем другое. Я узнал, что произойдет в ближайшие недели, но всего открыть не могу. Могу лишь кое-что объяснить. Я видел ружья и слышал выстрелы. Тот, кто сделает последний выстрел, останется жив, последним же выстрелит ружье Шеттерхэнда. Он победит. Несчастье грозит моим краснокожим друзьям, и только рядом с Шеттерхэндом они будут в безопасности. А если сделают так, как говорил ваш шаман, то погибнут. Я все сказал! Хуг!

Пророчества Хокенса произвели ожидаемое впечатление, по крайней мере в данный момент. Краснокожие ему явно поверили, но с опаской поглядывали в сторону фургона, ожидая появления шамана. Но тот не показывался — верный знак того, что признал себя побежденным. Сэм Хокенс подошел ко мне и, сверкнув глазами, спросил:

— Ну, сэр, как у меня получилось?

— Как у самого настоящего обманщика!

— Отлично! Значит, все в порядке? Или нет?

— Да, мне кажется, вы своего достигли.

— Наверняка. Шаман посрамлен и не посмеет теперь носа высунуть.

Виннету спокойно и многозначительно взглянул на нас. Его отец не выдержал, подошел и обратился к Сэму:

— Мой белый брат очень мудр, у него есть куртка пророчеств, и он лишил слова шамана силы. Слава о его куртке пройдет от одной Большой Воды до другой. Но Сэм Хокенс сказал лишнее.

— Что же лишнее? — недоумевал бледнолицый прорицатель.

— Достаточно было упомянуть, что Сэки-Лата не принесет несчастья. Зачем Сэм Хокенс добавил, что смерть подстерегает нас?

— Потому что я так видел в яме.

Инчу-Чуна остановил его:

— Вождь апачей знает, как обстоит дело. И не стоило говорить о смерти, вселять страх в души наших людей.

— Страх? Воины апачей смелые и бесстрашные люди.

— Да. И мы докажем это, даже если на наш отряд, наш мирный отряд нападут враги. Выступаем!

Привели лошадей, на них погрузили мои инструменты, съестные припасы и прочие необходимые вещи.

У индейцев существует свой обычай провожать отправляющихся в поход: жители деревни некоторое время бегут за ними. На этот раз Инчу-Чуна отменил проводы. Тридцать краснокожих воинов простились с женами заранее, ибо звание воина не позволяло сделать это при всех. И только один из нас прощался во всеуслышание — конечно же, Сэм Хокенс, заметивший среди женщин Клиуну-Аи. Сидя верхом на муле, он приблизился к ней и спросил:

— Луна знает, что я видел в яме?

— Знаю, я слышала, что ты говорил.

— Я видел еще кое-что: например, тебя.

— Меня? Я тоже была в яме?

— Да. И я знаю твое будущее. Рассказать?

— Расскажи! — Бедная индеанка вся дрожала. — Что принесет мне будущее?

— Оно ничего не принесет. Наоборот, отнимет одну очень ценную вещь.

— Какую? — упавшим голосом спросила она.

— Твои волосы. Через несколько месяцев ты их потеряешь и станешь лысой, как луна, у которой тоже нет волос. И тогда я пришлю тебе мой парик. Прощай же, мутная луна!

Он пришпорил мула и с хохотом помчался вперед, а Клиуна-Аи пряча лицо, сокрушалась, что так глупо позволила посмеяться над собой.

Мы ехали в таком порядке: Инчу-Чуна, Виннету с сестрой и я — впереди, за нами Хокенс, Паркер и Стоун, затем тридцать апачей, которые по очереди вели навьюченных лошадей.

Ншо-Чи сидела на лошади по-мужски. Она была великолепной наездницей, в чем, впрочем, я убедился еще раньше, и не только легко сидела на коне, но так же свободно владела оружием. Посторонний мог принять ее за брата Виннету, но острый глаз сразу же заметил бы мягкие линии девичьего лица и фигуры. Ншо-Чи была прекрасна, ослепительно хороша, и ее красоты не портили ни мужская одежда, ни мужские повадки.

Первые дни похода пролетели без особых происшествий. Тогда, после памятного нападения на нас, апачи добрались до пуэбло за пять дней, так как пленные и раненые не позволяли двигаться с большей скоростью. На этот раз мы доехали до места, где Рэттлер убил Клеки-Петру, за три дня. Здесь мы остановились на ночлег. Апачи собрали камни и воздвигли своего рода памятник. Виннету стал еще серьезнее и задумчивее.

На следующий день мы отправились на то место, где были прерваны наши изыскательские работы. Из земли по-прежнему торчали колышки, и я мог сразу приняться за работу, однако нас отвлекли более неотложные дела.

Тогда, после боя, апачи не потрудились похоронить убитых белых и воинов кайова, и они лежали до сих пор там, где их застигла смерть. Звери и стервятники взялись за работу вместо людей. Мне, Сэму, Дику и Биллу пришлось заняться малоприятной процедурой захоронения человеческих останков, поскольку апачи, естественно, нам не помогали.

На это ушел целый день, и только на следующее утро я приступил к работе. Вместе с воинами мне помогал Виннету, а его сестра просто не отходила от меня ни на шаг. Как же приятно и споро шла работа! Свободные от работы воины охотились в окрестностях и вечером приносили пойманную добычу. Само собой разумеется, мы быстро продвигались вперед.

Рельеф местности оказался довольно сложным, но тем не менее через три дня мы подошли к соседнему сектору, а весь четвертый день я посвятил уточнению чертежей и записей. Я остался очень доволен столь быстро завершённой работой. Не за горами была зима, ночи стояли холодные, и нам приходилось постоянно поддерживать огонь в костре.

Я упомянул, что апачи помогали мне, однако делали это без видимого удовольствия. Они подчинились лишь приказу вождя, и я откровенно радовался, когда освобождал их от работы. А по вечерам тридцать апачей разбивали свой лагерь чуть дальше, чем это было принято у индейцев. Инчу-Чуна и Виннету, разумеется, все видели, но ничего не говорили.

Сэм тоже заметил это:

— Наши краснокожие друзья не падают с ног от усталости. Так было и так будет всегда: индейцы — отличные охотники и храбрые воины, но работать не любят. Работа не для них.

— То, что они делают для меня, совсем не тяжело и, собственно, это не работа. Причина же поменьше работать — в другом.

— Да неужели? В чем же, позвольте полюбопытствовать?

— Просто они помнят пророчества шамана и верят ему больше, чем вам, Сэм.

— Возможно, но это глупо!

— Кроме того, работа на съемке для них особенно неприятна. Судите сами — земля принадлежит им, я же измеряю ее для чужих, для врагов. Вот так-то, дорогой Сэм.

— Но их вожди велят...

— Безусловно. Но сие не означает, что воинам это по душе. Вот они и протестуют по-своему, тихо.

— Часто я ловлю их на том, как они собираются в кружок и о чем-то шепчутся. Голову даю на отсечение — обо мне. Причем ничего хорошего обо мне не говорят.

— Ну и пусть. Их мысли и слова не причинят нам зла. Нам зато всюю помогают Инчу-Чуна, Виннету и Ншо-Чи, и уж на них-то можно положиться.

Сэм был абсолютно прав, потому что Виннету и его отец помогали нам буквально во всем с искренней братской учтивостью. Индеанка угадывала любое мое желание, по глазам читала каждую мысль. Она делала всегда то, что я хотел, даже в тех случаях, когда я ничего не говорил, с трогательной заботливостью помня даже о мелочах. С каждым днем я чувствовал все большую признательность. Девушка быстро все схватывала и внимательно слушала. Вскоре я, к моей великой радости, понял, что как-то незаметно стал ее учителем, каждое слово которого было для нее откровением.

Что бы я ни говорил, она впивалась взглядом в мои губы, повторяла каждое мое движение, даже если по обычаям ее народа оно было противоестественным. Казалось, она здесь только ради меня, мое здоровье и мои удобства для нее были важнее, чем для меня самого, поскольку я считал неприличным выделяться среди остальных.

К концу четвертого дня я закончил измерения, завернул инструменты в одеяла, и на пятый день рано утром мы отправились дальше. Вожди одобрили маршрут, по которому Сэм привел нас сюда.

Через два дня мы вышли на плоскую, поросшую травой и редким

кустарником равнину. На Диком Западе, где часты опасные встречи, очень важно загодя заметить любого путника.

Неожиданно впереди мы увидели четверых белых всадников. Они тоже заметили нас и остановились, раздумывая, ехать ли вперед или свернуть в сторону. Повстречаться с тридцатью краснокожими — опасное дело для белого человека, если к тому же не знаешь, из какого те племени. Разглядев, что среди краснокожих находятся белые, путники отбросили сомнения и поскакали нам навстречу.

Они были одеты как ковбои, вооружены винтовками, ножами и револьверами. Когда до нас оставалось шагов двадцать, вскинув по принятому на Западе обычаю ружья, всадники остановились и один из них крикнул:

— Добрый день, господа! Нам держать ружья наготове?

— Добрый день, джентльмены, — ответил Сэм. — Уберите свои пушки! Мы не собираемся вас съесть! Позвольте спросить, откуда путь держите?

— От нашей старушки Миссисипи.

— И куда направляетесь?

— В горы, в Нью-Мексико, а потом в Калифорнию. Говорят, там нужны пастухи и платят больше, чем в тех краях, где мы жили прежде.

— Вам виднее, сэр, однако путь вам предстоит далекий, мы идем именно оттуда и направляемся в Сент-Луис. Дорога безопасна?

— Вполне. По крайней мере, мы ничего не слышали. Ну, потом вам нечего бояться, вас много, или краснокожие джентльмены покинут вас?

— В город пойдут только двое мужчин и девушка, дочь старшего из них. Это вожди апачей Инчу-Чуна и Виннету.

— Что вы сказали, сэр? Краснокожая леди едет в Сент-Луис? Позвольте узнать ваши имена.

— Извольте. Мы честные люди, и нам нечего скрывать их. Меня зовут Сэм Хокенс, чтоб мне лопнуть! Это мои друзья — Дик Стоун, Билл Паркер, а рядом вы видите Олд Шеттерхэнда. Этот юноша продырявил ножом медведя гризли и любого свалит с ног одним ударом. А теперь не будете ли и вы так любезны представиться нам?

— С удовольствием. О Сэме Хокенсе мы много слышали, а вот остальных не знаем. Меня зовут Сантэр, и я не столь прославленный вестмен, как вы, а простой и бедный ковбой.

Он представил своих спутников, но я не запомнил их имена. Обменявшись вежливыми фразами, мы разъехались в разные стороны. Когда те удалились, Виннету спросил Сэма:

— Зачем мой брат так подробно рассказал о нас?

— А почему я должен был скрывать?

— Лучше было промолчать.

— А что в том плохого? Они вежливо спросили, и я так же вежливо ответил. Сэм Хокенс всегда так поступает.

— Я не верю в вежливость бледнолицых. Они были вежливы, потому что нас оказалось в восемь раз больше. Очень жаль, что ты открыл им, кто мы такие.

— Почему? Ты думаешь, может что-нибудь случиться?

— Конечно.

— Что?

— Все что угодно. Не понравились мне эти бледнолицые. У того, с кем ты говорил, злые глаза.

— Я не заметил. Но и что из того, если злые? Они едут своей дорогой, мы — своей, им в голову не придет нападать на нас.

— Но я все-таки посмотрю, что они будут делать. Поезжайте потихоньку вперед, а мы с Шеттерхэндом проверим, действительно ли они едут туда, куда сказали, или только притворяются.

Наши друзья двинулись дальше, а мы с Виннету поскакали вслед за той четверкой. Признаться, мне тоже не понравился этот Сантэр, да и трое его попутчиков не вызывали особого доверия. Хотя, с другой стороны, как и чем они могли навредить нам? Если это и были любители запускать руку в чужой карман, вряд ли они приняли нас за достойную внимания дичь. И даже если они сочли, что у нас есть чем поживиться, вряд ли вчетвером отважились бы напасть на тридцать семь хорошо вооруженных человек. Я поделился своими сомнениями с Виннету, и тот ответил:

— Если они нападут на нас, то сделают это исподтишка. Они выберут жертву и будут ждать удобного случая.

— А кого же они выберут? Ведь они совершенно нас не знают.

— Того, у кого золото.

— Золото? Откуда они могут знать, есть ли у нас золото? А если и есть, то у кого? Они что, видят нас насквозь?

— Вовсе нет, просто догадаются. Сэм Хокенс неосмотрительно проговорился, кто мы такие и куда едем. Этого им достаточно.

— Ах! Теперь я понял, что мой брат имеет в виду. Индейцы, направляющиеся в город, должны иметь деньги, которых у них нет, значит, они везут золото. К тому же вы вожди, и вам, конечно, известны золотоносные места, поэтому скорее всего у вас много золота.

— Мой брат Сэки-Лата верно рассуждает. Если эти бледнолицые

грабители, они нападут на нас, на вождей. И ничего не найдут.

— Не найдут? Но вы же хотели взять с собой золото!

— Мы сделаем это только завтра. Зачем носить его с собой, пока оно не нужно? Платить придется тогда, когда мы подъедем к городу. Вероятно, завтра мы заберем золото.

— Значит, эти золотоносные места лежат рядом с нашей дорогой?

— Да, есть такая гора, которая называется Наггит-циль. Так зовем ее только мы, а остальные не знают, что там есть золото, и называют ее по-другому. Сегодня к вечеру мы к ней подъедем и возьмем столько золота, сколько нам потребуется.

Признаюсь, я очень удивился. Эти люди знали места больших залежей драгоценного металла и, вместо того, чтобы пользоваться им, продолжали жить в нищете, а ведь стоило лишь протянуть руку — и карманы наполнились бы сокровищами! Что за люди эти индейцы!

Чтобы Сантэр нас не заметил, мы соблюдали все меры предосторожности, используя как прикрытие каждый холм, каждый куст. Через пятнадцать минут мы увидели всех четверых, во весь дух скакавших своей дорогой. Вероятно, они очень спешили. Мы остановились; Виннету проводил их взглядом, пока те совсем не скрылись, и только потом сказал:

— Бледнолицые не замыслили ничего плохого, мы можем быть спокойны.

Как же он ошибался! Ковбои уже задумали свое черное дело и перехитрили нас. Опасаясь, что мы проследим за ними, они сделали вид, будто спешат, и только потом повернули назад и поехали следом за нами.

Развернув лошадей, мы быстро нагнали своих товарищей. К вечеру наш отряд добрался до места. Осторожные вожди тщательно обследовали местность и только потом приказали разбить лагерь. Место выбрали у родника с прозрачной, чистой водой. Травы для лошадей было в достатке, кругом росли деревья и кустарник, и мы без опаски могли развести костер. Инчу-Чуна назначил два караула. Казалось, все меры предосторожности были приняты.

Апачи, как обычно, расположились на некотором расстоянии от нас и приступили к вечерней трапезе, состоящей из куска пеммикана. Мы всемером сидели у разведенного вблизи кустов костра, поскольку тут меньше досаждал холодный вечерний ветер.

После ужина, как всегда, мы принялись обсуждать планы на следующий день, и Инчу-Чуна сообщил, что завтра тронемся в путь чуть позже, ближе к полудню, а когда Хокенс поинтересовался о причине задержки, он не таясь — о чем я потом страшно сожалел — ответил:

— Это должно остаться в тайне, но если мои бледнолицые братья поклянутся, что никогда не воспользуются ею, я вам открою ее.

Мы поклялись, и он продолжал:

— Нам нужны деньги, и завтра вместе с Виннету и Ншо-Чи я отправлюсь за наггитами, золотыми самородками, и вернемся мы только к полудню.

Стоун и Паркер от удивления вскрикнули, а Хокенс спросил с не меньшим изумлением:

— Здесь рядом лежит золото?

— Да, — спокойно ответил Инчу-Чуна. — Но об этом никто не знает, даже мои воины. Сам я узнал это от своего отца, а тот — от своего. Такие тайны передаются от отца к сыну, они священны. И даже самому верному другу не рассказывают про них. Но я говорю вам об этом, однако места не называю, и каждого, кто осмелится пойти за нами, — застрелю.

— Нас ты тоже убьешь?

— Непременно! Я доверяю вам, но, если вы злоупотребите моим доверием, вас ждет смерть! Надеюсь, до нашего возвращения вы не покинете лагерь. Хуг!

Мы молча восприняли это краткое, но грозное предостережение. Потом разговор перешел на другую тему, и вдруг Сэм Хокенс самым неожиданным и невежливым образом прервал нашу беседу. Инчу-Чуна, Виннету и я сидели спиной к кустам, а Сэм, Дик и Билл — напротив нас. Громко вскрикнув, Хокенс вдруг вскинул ружье, прицелился и выпалил по кустам, переполошив весь лагерь.

Подбежали индейцы, мы тоже вскочили, спрашивая Сэма, что случилось.

— Там в кустах, за спиной Инчу-Чуны, были глаза!

Схватив головни из костра, индейцы бросились в кусты, но никого не нашли. Постепенно все успокоилось и вернулись к огню.

— Сэму Хокенсу наверняка показалось, — сказал Инчу-Чуна. — Угольки мерцают, вот и померещилось.

— Да нет, я почти уверен — там были глаза.

— Может, ветер пошевелил листья, и мой брат увидел их блестящую сторону, приняв за глаза.

— Может быть, так оно и было, выходит, я застрелил два листика, хи-хи-хи!

И он засмеялся своим привычным смехом. Однако Виннету было не до шуток. С тревогой в голосе он сказал:

— В любом случае мой брат совершил ошибку, которой в будущем

должен избегать.

— Я?! Ошибку?! Какую?

— Не надо было стрелять.

— Не надо? Вот те на! Разведчик забрался в кусты, и я имею полное право послать ему пулю в лоб, чтоб мне лопнуть!

— А откуда мы знаем, что разведчик пришел с плохими намерениями? Он, может быть, потому и подкрался, что решил выяснить, кто мы такие, а потом бы вышел из кустов и поприветствовал нас.

— Ну... бывает, конечно, — неохотно согласился Сэм.

— Этот выстрел очень опасен для нас, — продолжал Виннету. — Одно из двух: либо моему брату Сэму померещилось и это были не глаза, тогда выстрел может привлечь к нам врагов, находящихся поблизости, либо действительно кто-то следил за нами, но и в том случае тоже было бы лучше не стрелять, потому что заранее ясно, что промахнешься.

— Ого! Сэм Хокенс бьет наверняка! Очень бы хотел посмотреть на того, кто мне докажет, что я промахнулся.

— Я тоже умею стрелять, но и я бы промахнулся. Ведь разведчик заметил, что в него целятся, быстро убрал голову, пуля прошла мимо, и он скрылся в темноте.

— Все это так, но что бы сделал мой краснокожий брат на моем месте?

— Не стал бы вскидывать винтовку, пусть лежит на коленях, а незаметно выстрелом с бедра ранил бы его. Или, еще лучше, незаметно зашел бы ему в тыл, чтобы схватить живьем.

Выстрелить из ружья, лежащего на коленях, чрезвычайно трудно. Не каждому вестмену хватит сноровки на такой выстрел, хотя отличных стрелков среди них много. Я ничего не знал о такой манере стрельбы, поэтому, когда Виннету упомянул о ней, решил обязательно овладеть приемом, называемым выстрелом с бедра.

Представьте себе, сию я, один или с товарищами, у костра, справа от меня лежит ружье. Вдруг замечаю следящие за мной глаза. Лицо наблюдателя скрыто, его выдает матовый, фосфоресцирующий блеск глаз. Однако должен заметить, что обнаружить в густой листве их чрезвычайно трудно, научиться этому невозможно, все дело в остром зрении, которое дается от рождения.

А вот незаметному выстрелу научиться можно. Выстрел с бедра производится следующим образом: слегка приподняв бедро и небрежным жестом одной руки пристроив на нем ружье, надо навести ствол на противника и спустить курок.

Мастерски стрелял с бедра Виннету. Я долго принаравливал свой

громоздкий карабин к этому приему, и постоянными упражнениями в конце концов достиг желаемого.

Мы поискали-поискали и, не найдя никого, успокоились, тем не менее Виннету встал и пошел проверить кустарник еще раз. Через час он вернулся:

— Никого. Сэму Хокенсу, должно быть, показалось.

Но все-таки удвоил охрану, приказав обходить лагерь дозором. Мы легли спать.

Спал я плохо, часто просыпался, мне снились тревожные сны, главным действующим лицом которых был Сантэр и его друзья.

Позавтракав мясом и кукурузной похлебкой, Инчу-Чуна с сыном и дочерью отправились за золотом. Я просил взять и меня и объяснил — не золото тому причиной, а Сантэр.

— Брат мой, не беспокойся за нас, — ответил Виннету. — Ради твоего спокойствия я еще раз поищу следы Сантэра. Мы знаем, что золота тебе не надо, но если ты пойдешь с нами, узнаешь, где оно лежит, тебя может потянуть к сеющему смерть песку, как тянет всякого бледнолицего, пока душа и тело его не найдут погибели. Мы просим тебя — не ходи с нами. Не потому, что не доверяем, а потому, что любим и хотим уберечь тебя.

Я подчинился. Виннету еще раз внимательно осмотрел окрестности. Не обнаружив никаких следов, вожди двинулись в путь. Пошли пешком, значит, место было недалеко.

Я разлегся на траве, закурил трубку и, стараясь побороть не оставлявшее меня беспокойство, завел разговор с Сэмом Хокенсом, Диком и Биллом. Тревога не проходила, и я поднялся, не в силах сидеть без дела, вскинул карабин на плечо, решив развеять тяжелые мысли охотой в прерии.

Индейцы ушли на юг, а я решил пойти на север, подальше от запретного места.

Через полчаса я наткнулся на следы мокасин, которые оставили три человека. Следы больших, средних и маленьких ног означали, что здесь прошли Инчу-Чуна, Виннету и Ншо-Чи. Значит, они отправились сначала на юг, чтобы мы подумали, будто золото лежит там, а потом, повернули на север.

Что делать? Идти за ними? Увидев мой след, они подумают, что я следил за ними. В лагерь мне возвращаться не хотелось, и я повернул на запад.

Однако вскоре новые следы привлекли мое внимание — следы четырех мужчин в сапогах со шпорами. Естественно, я мгновенно подумал о Сантэре. Следы вели из ближайшей дубовой рощи туда, где в это время

мог находиться Инчу-Чуна с детьми. Не раздумывая, я поспешил к роще. Там стояли лошади Сантэра и его товарищей. Я сразу узнал их. Все говорило о том, что ковбои провели здесь ночь. Так значит, они вернулись! Неспроста! Прав оказался Виннету! И Сэму Хокенсу вчера вечером не показалось — он действительно видел глаза разведчика, но спугнул его. Теперь все стало ясно: нас подслушали. Сантэр выбрал свою жертву и дожидался подходящего момента. Но как же он умудрился наблюдать за нами, ведь отсюда до нашего лагеря довольно далеко?

Я решил внимательно осмотреть деревья. Они были высокие и не толстые, забраться на верхушку не составляло большого труда. На одном из них виднелись четкие отметины, явно от шпор. Следовательно, кто-то залезал на дерево и сверху следил за каждым нашим шагом. О Господи! Надо вспомнить: о чем мы говорили в тот момент, когда Сэм заметил глаза? Да о том, за чем сегодня отправились Инчу-Чуна и его дети, — о золоте! И разведчик все слышал, а утром, взобравшись на дерево, проследил, куда пошли они. И, прихватив товарищей, отправился им вслед. Виннету, Инчу-Чуна и Ншо-Чи в опасности! Надо было немедленно догнать негодяев! В лагерь возвращаться не было смысла, поэтому я, быстро отвязав одну из лошадей, вывел ее из рощи, вскочил и помчался по следу мошенников, который вскоре совпал со следами индейцев.

Следы то исчезали, то появлялись вновь. Необходимо было определить их направление на тот случай, если они совсем исчезнут. Я стал вспоминать наш вечерний разговор и на основании скурых сведений пытался определить то место, где апачи находили золото. Виннету говорил о горе Наггит-циль — Золотой горе. Следовательно, надо искать гору. Я огляделся. Вокруг простиралась плоская равнина, и лишь на севере, куда я спешил, виднелось несколько высоких холмов, поросших лесом. Именно там должна быть Золотая гора.

Старая кляча, которую я прихватил в спешке, двигалась очень медленно, и только удары плеткой немного приободрили ее. Вскоре я достиг подножия холмов. Следы привели меня в каньон, где и потерялись на каменистой тропе. Где искать Сантэра? Вправо ответвлялся другой каньон. Спешившись, я внимательно осмотрел землю, пытаясь обнаружить следы. И мне это удалось следы вели направо. Вскочив на лошадь, я поспешил туда, но дорога опять раздваивалась, а здесь, в горах, она все время петляет, поэтому больше не было смысла продвигаться верхом.

Привязав лошадь к дереву, подгоняемый тревогой, я побежал по узкому каменистому дну некогда бурного потока. Поднявшись на крутой перевал и переведя дух, я во весь опор помчался вниз. Следы сворачивали в

лес. Я продрался сквозь чащу, неожиданно деревья стали реже, посветлело, и я оказался на опушке. Вдруг грянул выстрел, и сразу раздался страшный крик это был предсмертный крик апачей.

Я уже не просто бежал, а несся огромными прыжками, как хищник, преследующий добычу. Раздался еще один выстрел, потом другой — из двустволки Виннету. Слава Богу! Он жив! Сломя голову я метнулся к поляне и замер как вкопанный!

На середине поляны лежали Инчу-Чуна и его дочь, раненые или мертвые — неизвестно. Неподалеку, за небольшой скалой, притаился Виннету, который перезаряжал винтовку, а слева от меня, укрывшись за деревьями, стояли двое негодяев, с ружьями наизготовку.

Справа, между деревьями, осторожно полз третий, собираясь зайти молодому вождю в тыл. Четвертый лежал передо мной с простреленной головой.

Самую большую опасность для Виннету представляли эти двое. Быстро вскинув карабин, я разрядил в них сразу оба ствола и, не перезаряжая оружия, бросился за третьим негодяем. Тот моментально обернулся и выстрелил в меня, но не попал — пуля просвистела мимо. Он бросился наутек. Я помчался за ним — это оказался сам Сантэр. Расстояние между нами увеличивалось. На поляне я еще видел его, но потерял из виду, когда он скрылся в лесу. Замешкавшись в поисках следов, я решил вернуться, тем более что Виннету могла понадобиться моя помощь.

Виннету стоял на коленях возле отца и сестры, тревожно вглядываясь в их лица. Заметив меня, он поднялся. Никогда не забуду его взгляд — такое безмерное отчаяние и холодная ярость отражались в нем.

— Мой брат Сэки-Лата видит, что произошло. Прекраснейшая и достойнейшая дочь племени апачей, Ншо-Чи, никогда не пойдет в город белых людей. Жизнь пока еще теплится в ней, но глаз она не откроет никогда.

Я окаменел от горя. Отец и дочь лежали в луже крови — Инчу-Чуна с простреленной головой и Ясный День, смертельно раненная в грудь. Он умер сразу, она еще дышала. Ее загорелое лицо все больше бледнело, тень смерти легла на дорогие мне черты.

Девушка слегка пошевелилась, повернула голову к лежащему рядом отцу и медленно открыла глаза. Увидев Инчу-Чуну в крови, она вздрогнула и потеряла сознание. Очнувшись, дотронулась до груди и, почувствовав под рукой струйку крови, глубоко вздохнула.

— Моя дорогая, единственная сестра Ншо-Чи! — произнес Виннету с

непередаваемой скорбью в голосе.

Она подняла глаза:

— Виннету... брат... мой... Отомсти... отомсти... за... меня...
прошептала она.

Затем перевела взгляд на меня, и слабая улыбка расцвела на ее побелевших губах:

— Сэки-Лата... Ты... здесь... умираю... все... — выдохнула она.

Смерть помешала ей договорить, навсегда закрывая ее уста. Невыносимая боль наполнила мое сердце, и я, вскочив на ноги, закричал так громко, что эхо прокатилось по горам.

Виннету медленно, словно под тяжестью огромного груза, поднялся, обнял меня и произнес:

— Они оба мертвы! Самый благородный и великий из вождей и сестра моя Ншо-Чи, которая отдала тебе свое сердце. Она умерла с твоим именем на устах, помни об этом, прошу тебя, помни, брат мой!

— Никогда, никогда не забуду! — поклялся я.

Но вот лицо Виннету стало суровым, голос зазвучал, как далекие раскаты грома:

— Ты слышал ее последнюю просьбу? Мечь! Я должен отомстить за нее! И я отомщу так, как никто и никогда еще не мстил! Ты знаешь, кто убил их? Ты видел их? Это были бледнолицые, которым мы не сделали ничего плохого. Так было и так будет всегда, пока они не уничтожат последнего краснокожего. На собственной земле индеец всегда будет жертвой белых. Мы шли в город этих проклятых бледнолицых; Ншо-Чи хотела стать такой, как белая женщина, потому что любила тебя и думала, что, научившись обычаям белых, сможет завоевать твое сердце. И заплатила за это жизнью. Любим ли мы вас или ненавидим — все равно там, где ступает нога бледнолицего, нас ждет гибель. Великий плач пройдет по всем племенам апачей: по всем землям, где живут наши сородичи, прозвучит клич ярости и мести. Глаза всех устремлены на Виннету, они жаждут увидеть, как он отомстит за смерть отца и сестры. Пусть брат мой Сэки-Лата услышит мою клятву, которую я даю над телами самых дорогих для меня людей! Клянусь Великим Духом, клянусь благородными предками наших племен, что с этой минуты я застрелю из винтовки, выпавшей из мертвой руки моего отца, каждого встретившегося мне белого или пусть...

— Остановись! — прервал я его, сознавая всю силу такой клятвы и понимая, что он ее сдержит. — Постой! Брат мой, Виннету, прошу тебя, не торопись клясться!

— Ты просишь не торопиться? — гневно спросил он.

— Клятву приносят со спокойной душой.

— Уфф! Душа моя спокойна, как могила, куда я опущу своих родных.

И как земля никогда не отдаст их нам, так и я не отступлюсь от слов! Клянусь!

— Умоляю, остановись!

Он грозно сверкнул глазами и воскликнул:

— Олд Шеттерхэнд собирается помешать мне? Я не хочу, чтобы старые скво плевали в меня, считая трусом! Я не хочу, чтобы меня изгнали из моего собственного племени за то, что я не отомстил за смерть своих близких!

— Ты меня не понял! Я тоже хочу, чтобы убийца был наказан. Трое уже получили по заслугам, четвертый сбежал, но ему от нас не уйти.

— Я в этом не сомневаюсь! — воскликнул Виннету. — Но дело не только в нем одном. Он действовал как сын белого племени, которое несет нам смерть. Все бледнолицые отвечают за то, чему научили его, поэтому они все виноваты. И я, Виннету, первый и верховный вождь всех апачей, бросаю им вызов!

Он стоял передо мной, гордый и непреклонный. Несмотря на свои юные годы, он — могучий вождь апачей! Да, такой сдержит клятву, сумеет собрать под своим командованием всех краснокожих воинов и начать великую и отчаянную, не на жизнь, а на смерть, войну с белыми. Не важно, что исход ее предрешен. Все равно прерии Дикого Запада покроют тысячи трупов.

Именно тогда, в ту страшную и горестную минуту, решалась судьба многих племен, решался вопрос — быть или не быть кровавой бойне, откапают ли краснокожие военный топор и вступят ли на военную тропу против белых.

Я взял апача за руки и сказал:

— Пусть Виннету выслушает меня. Возможно, это последняя моя просьба. И он больше никогда не услышит голоса своего белого друга и брата. Здесь лежит Ншо-Чи, и ты говоришь, что она любила меня и умерла с моим именем на устах. Тебя она тоже любила: меня — как друга, тебя — как брата, и ты отвечал ей тоже любовью. Во имя этой любви заклинаю тебя: дай свою клятву после того, как скалы сомкнутся над достойнейшей из дочерей апачей, но только не сейчас.

Опустив голову, Виннету внимательно слушал меня, затем посмотрел на сестру. Лицо его смягчилось, и он заговорил:

— Мой брат Сэки-Лата имеет большую власть над сердцами людей.

Ншо-Чи обязательно бы последовала твоему совету, поэтому и я не могу отказать. Когда глаза мои не будут видеть их тел, тогда и решится, понесут ли воды Миссисипи и ее притоков кровь бледнолицых и краснокожих в море. Я сказал! Хуг!

Я с благодарностью пожал ему руку.

— Мой краснокожий брат поймет, что не милости для убийцы прошу я. Пусть преступника настигнет суровая и страшная кара, которую он заслужил. Нельзя позволить ему убежать. Скажи, Виннету, что нам делать?

— Ноги мои скованы, — мрачно сказал вождь, — обычаи моего народа повелевают остаться с мертвыми родными и похоронить их. Только потом я смогу вступить на тропу отмщения.

— Когда будут похороны?

— Я должен посоветоваться с воинами. Мы можем или похоронить их здесь, где они умерли, или отвезти туда, где они жили. Если их тела найдут здесь последнее пристанище, на обряд погребения верховного вождя Инчу-Чуны потребуется несколько дней.

— Убийца успеет скрыться!

— Не успеет. Виннету не может пуститься в погоню, но вместо него это сделают другие. А теперь, брат, скажи, как ты очутился здесь?

Он заговорил об обычных делах и внешне казался совершенно спокойным. Я рассказал ему обо всем. Вдруг мы услышали тяжелый стон, доносящийся с места, где лежали сраженные мной грабители. Мы приблизились к ним и увидели, что один из них, раненный, как и Ншо-Чи, в грудь, еще жив и только что пришел в сознание. Вытаращив глаза, он что-то бормотал. Второй белый был мертв: пуля попала ему в сердце. Я наклонился к раненому и спросил:

— Вы узнаете, кто рядом с вами?

Казалось, он силился припомнить, что произошло, затем его глаза просветлели, и я услышал тихий голос:

— Где... где... Сантэр?

— Убежал.

— Ку...да...?

— Не знаю, но думаю, вы поможете нам. Ваши товарищи мертвы, и вам тоже осталось недолго жить. Хотя бы перед лицом смерти скажите правду. Откуда пришел Сантэр?

— Не... знаю...

— Это его настоящее имя?

— У... него... много... имен...

— Кто он такой?

— Не... знаю...

— Здесь у вас поблизости есть еще сообщники?

— Нет... нет...

— Куда вы ехали?

— Никуда... Туда... где... деньги...

— Следовательно, вы бандиты? Почему решили напасть на апачей?

— Наг... гиты...

— Но вы же ничего не знали о золоте?

— Не... знали... сначала...

Ему было трудно говорить, и я сам составил за него фразу:

— Вы слышали, что апачи едут на восток, и подумали, что у них должно быть золото?

Он кивнул в ответ.

— Поэтому решили напасть на них? Чтобы ввести нас в заблуждение, вы проскакали немного вперед, а потом вернулись?

Он опять подтвердил кивком головы.

— Потом вы поехали за нами. И подслушали нас вечером?

— Да... Сантэр...

— Так это был сам Сантэр? Он передал вам, что услышал?

— Апачи... Наггит... цель... забрать наггиты... утром...

— Я так и предполагал. Потом вы спрятались в кустах и с деревьев вели наблюдение за нами?

Ничего не ответив, он закрыл глаза.

— И решили напасть на индейцев, когда те...

Тут Виннету прервал меня:

— Брат мой, незачем больше спрашивать, этот бледнолицый никогда не ответит нам — он умер. Белые собаки хотели похитить нашу тайну, но опоздали. Мы уже возвращались, когда они, укрывшись за деревьями, открыли стрельбу. Инчу-Чуна и Ншо-Чи упали, мне пуля пробила рукав. Я выстрелил в одного из них, но тот успел спрятаться за деревом, и я промахнулся. Вторая пуля настигла его дружка. Я укрылся за скалами, и если бы ты, мой брат, не подоспел вовремя, я бы погиб. Двое наступали спереди, третий крался с тыла, я его видел, но защититься не мог. Когда услышал выстрел твоего карабина, я понял, что спасен. Теперь мой брат все знает, и давай обдумаем, как схватить Сантэра.

— Ты мне оказываешь честь, поручая поймать его?

— Да, Сэки-Лата, ты обязательно выйдешь на след подлеца.

— Не сомневаюсь. Но на поиски уйдет уйма времени.

— Нет, след искать не надо, мы знаем, куда он приведет — к их

стоянке. А там растет трава, и Сэки-Лата прочитает, куда ведут его следы.

— А потом?

— Потом мой брат и десять воинов пустятся в погоню. Остальные двадцать воинов нужны для обряда погребения.

— Пусть будет так. Положись на меня, я не подведу моего краснокожего брата.

— Я знаю, Сэки-Лата сделает все так, как сделал бы я сам! Хуг!

Я крепко пожал руку Виннету, в последний раз склонился над телами Инчу-Чуны и Ншо-Чи и отправился в путь. На краю поляны я обернулся: Виннету, затянув похожую на тихие стоны траурную песнь апачей, прикрывал одеялами головы погибших. О Господи! Что я тогда почувствовал! Но я должен был действовать и поспешил назад той самой дорогой, которая привела меня сюда.

По дороге меня одолевали сомнения. Сантэру не было смысла возвращаться в лагерь, ему надо было уходить поскорее и подальше от нас. Почему бы ему не воспользоваться лошадью, которую я оставил у подножия горы? Он непременно наткнется на нее у выхода из каньона.

Представив это, я прибавил шагу, на перевале отдохнул несколько минут и бегом пустился вниз. Как я и думал, лошади на месте не оказалось. Не теряя времени на поиски следов, — впрочем, на каменистом дне ущелья их быть не могло, — я промчался по высохшему руслу реки и только в долине остановился. Здесь надо было отыскать следы. Сухая земля затрудняла поиски. Минут через десять я выбрался на более рыхлый грунт, где отпечатки копыт должны быть заметнее.

Однако меня ждало разочарование. Несмотря на самые тщательные поиски, следов я не нашел. Сантэр здесь не проезжал. Видимо, он покинул каньон значительно выше, свернув в другую сторону. Я стоял и думал, что мне делать: вернуться и искать место, где Сантэр свернул? На это уйдет много времени, чего я не мог себе позволить. И я решил поскорее добраться до лагеря.

Я мчался со всех ног. Виннету научил меня правильно, не задыхаясь и не уставая, бежать. Надо только умело переносить тяжесть тела с одной ноги на другую, и тогда можно без напряжения бежать часами. Конечно, если легкие в порядке.

Сначала я направился к лагерю Сантэра. Лошади по-прежнему стояли в рожице. Сев на одну из них и взяв остальных под уздцы, я поехал в наш лагерь и к полудню уже прибыл на место. Навстречу выбежал Сэм:

— Сэр, где вы пропадаете? Опоздали к завтраку, а я... — Он осекся, увидев лошадей. — Чтоб мне лопнуть! Отправились пешком, а

возвращаетесь верхом! Неужели вы их украли?

— Нет. Этих животных я добыл.

— Где?

— Неподалеку.

— Чьи они?

— Приглядитесь внимательно! Я-то их сразу узнал, а ведь ваши глаза лучше моих.

— Так оно и есть! Теперь и я узнал — это лошади Сантэра и его компании. Но одной не хватает.

— Будем искать ее вместе с всадником.

— А что...

— Спокойно, дорогой Сэм! Случилось нечто серьезное и печальное.

Мы должны немедленно сниматься с места.

— Куда и зачем?

Я собрал апачей и сообщил им о смерти Инчу-Чуны и его дочери. Услышав это, они замерли: трудно было поверить столь ужасной вести. Тогда я подробно рассказал, как все произошло, и закончил так:

— И теперь мои краснокожие братья должны признать, кто вернее предсказал будущее: Сэм Хокенс или краснокожий шаман. Инчу-Чуна и Ншо-Чи погибли, потому что с ними не было меня. А Виннету спасся. Скажите, что я приношу — жизнь или смерть?

Сомнений на сей раз уже не было. Раздался клич, который был услышан на много миль кругом. Краснокожие, словно потеряв рассудок, принялись бегать, размахивая оружием, и воинственными гримасами демонстрировать свое горе и решимость отомстить за смерть вождя и его дочери. Мне с трудом удалось успокоить их:

— Нельзя терять времени, воины апачей! Криками делу не поможешь. Мы отправляемся на поиски убийцы!

— Да, да, вперед! — седлая коней, закричали апачи.

— Тихо! Моя братья пока не знают, что надо делать. Я скажу вам.

Они так тесно обступили меня, что чуть было не задавили. И плохо бы пришлось Сантэру, попадись он им в руки в этот момент. Стоун и Паркер, пораженные вестью о смерти отца и сестры Виннету, молча наблюдали за нами, стоя в стороне. Сэм, конечно, дал выход своим чувствам:

— Я чувствую себя так, словно меня огрели по голове. Трудно поверить в такое! Эта прекрасная, добрая краснокожая мисс! Она была так мила и предупредительна со мной, и ее больше нет? Чувствую, словно...

— Ваши переживания оставьте пока при себе, дорогой Сэм! — прервал я его. — Мы должны догнать убийцу. Надо действовать, а не

давать волю чувствам!

— Все! Едем! Но куда? Вам известно, где искать негодяя?

— Пока нет.

— Давайте пораскинем мозгами. Где искать его следы, мы не знаем. Что же делать? А искать обязательно надо, хотя это чертовски трудно.

— Наоборот, очень легко.

— Вы так считаете? Гм! Вы хотите сказать, что мы поедem в каньон и обследуем каждый камешек?

— Я не говорил о каньоне.

— Нет? А о чем же? Порой и гринхорну приходит в голову дельная мысль, но...

— Сэм, прекратите! Сколько можно обзывать меня? Мне надоели ваши шуточки! Оставьте их при себе!

— Шуточки? С чего вы взяли, сэр? Просто я не понимаю, как это можно поймать Сантэра, не обследовав место, где обрывается след?

— Но вы же сами согласились, что мы потеряем много времени. Мы поступим иначе. Взгляните на те холмы, похоже, они не образуют сплошную цепь, а находятся на расстоянии друг от друга.

— Правильно. Я знаю эту местность неплохо. Это не горная цепь, а просто отдельные холмы в прерии.

— Прерии? Значит, там есть трава?

— Ну да, такая же трава, как здесь!

— Я так и думал. Сантэр может себе ехать сколько угодно по холмам и между холмами, но в прерии он обязательно оставит следы.

— Самой собой разумеется, уважаемый сэр!

— Тогда слушайте. Мы разделимся на два отряда, четверо белых объедут горы справа, а десять апачей — слева. И встретимся на противоположной стороне, кто-нибудь из нас обязательно выйдет на след. Я уверен, мы найдем его, а уж потом решим, что делать дальше.

Сэм озадаченно поглядел на меня и воскликнул:

— Черт возьми! Как же это я сам не догадался? Все так просто и понятно, под силу даже ребенку, чтоб мне лопнуть!

— Вы согласны, Сэм?

— Полностью, сэр, полностью! Быстро выбирайте десять воинов!

— Поедут те, у кого самые выносливые и быстрые лошади. На случай, если поиски наши затянутся, надо прихватить продовольствие. Вы лучше знаете эти места. Сколько нам потребуется времени, чтобы объехать холмы?

— Если поспешим — часа два.

— Тогда — вперед!

Я отобрал десятерых апачей, которые обрадовались, поскольку предпочитали искать убийцу, а не петь траурные песни. Остальным я объяснил дорогу к Виннету, и мы тронулись в путь.

Но сначала мы заглянули на стоянку Сантэра, чтобы повнимательнее рассмотреть следы коня, на котором я скакал утром. Я аккуратно перерисовал отпечаток копыта, на что Сэм Хокенс недоуменно покачал головой:

— А что, геодезистов учат делать рисунки даже лошадиных копыт?

— Нет, но я думаю, что любому вестмену тоже стоит этому поучиться.

— Зачем?

— Вот найду след лошади и сравню его с рисунком.

— Неглупо! Это вы тоже прочитали в книжках?

— Нет.

— А где?

— Сам догадался.

— Что за чудесные мысли приходят вам в голову, никогда бы не подумал, хи-хи-хи!

— Вероятно, в моей голове им приятней находиться, чем под вашим париком, милый Сэм!

— Верно! Верно! — воскликнул Дик Стоун. — Так ему и надо!

— Я не потерплю, когда меня оскорбляют, заглядывая мне под парик!

— А что ты можешь мне сделать?

— Возьму и подарю его тебе! И чего привязались? Я же согласился, что план нашего грин... план совсем неплох, и хочу лишь сказать, что такие рисунки следовало бы раздать нашим краснокожим.

Я ответил, что это излишне. Сэм страшно удивился, я же объяснил:

— Во-первых, они не смогут сравнить рисунок со следом как полагается. Во-вторых, следы Сантэра едва ли им встретятся: я почти убежден.

— А я утверждаю обратное. Не мы, а они их найдут. Ведь это же яснее ясного, что Сантэр поедет на запад.

— Я не уверен.

— Как так? Он же ехал в западном направлении, когда вы его встретили, следовательно, он помчался туда и теперь.

— А вот и нет. Он умен и хитер, в чем мы уже смогли убедиться, и ждет, что мы поступим именно так, как вы сейчас говорили, будем искать его на западе, а он тем временем повернет на восток. Это же совершенно ясно.

— Ну раз все так просто и понятно, будем надеяться, что вы правы.

Вскоре мы разделились: индейцы повернули налево, на запад, а мы вчетвером — на восток.

Пришпорив коней, мы поскакали по прерии, оставляя зловещие холмы слева и стараясь ехать по мягкой земле, где могли быть заметны следы Сантэра. Не отрывая глаз от земли, мы мчались вперед.

Так прошел час, потом еще полчаса. Когда мы уже почти обогнули холм, на темной траве вдруг появился след. Здесь явно проскакала лошадь. Мы спешили и пошли по следу, пытаясь найти более четкий отпечаток копыта. Скоро таковой был обнаружен, я сопоставил его с рисунком: они совпадали. Наконец-то мы вышли на след Сантэра!

— Какая замечательная вещь этот рисунок, надо обязательно взять на заметку, — воскликнул Сэм.

— Да, возьми на заметку! — подхватил Паркер. — И еще кое-что.

— Что?

— А то, что ты, учитель, учишься у своего ученика.

— Неужели ты думаешь, что обидел меня, старина Билл? Ничего подобного, хи-хи-хи! — засмеялся Сэм. — Учителю всегда приятно узнать, что его ученик превзошел учителя по уму и смекалке. А вот от тебя подобных результатов не жду. Сколько лет я потратил, чтобы сделать из тебя вестмена, и все кобыле под хвост. Если в молодые годы ничему не научился, нечего рассчитывать, что к старости поумнеешь.

— Старые песни! Ты меня еще гринхорном назови, жить не можешь без этого прозвища, а вот с Олд Шеттерхэндом этот номер уже не пройдет.

— Вот именно, ты гринхорн, каких свет не видывал, да притом еще старьей, и тебе должно быть стыдно перед молодым, который на голову выше тебя, старого дурака, чтоб мне лопнуть!

Обмениваясь колкостями, они тем не менее пришли к единому мнению, что Сантэр проезжал здесь примерно два часа назад. Однако мы не смогли пуститься в погоню — пришлось ждать апачей, а они появились только спустя три четверти часа. Одного я послал с донесением к Виннету, с остальными мы поскакали дальше на восток.

До наступления сумерек оставалось часа два, и мы спешили, чтобы хоть немного наверстать упущенное время. Ночью нечего было и думать о преследовании беглеца — его след терялся в темноте.

Мы прекрасно понимали, что именно за вечер и ночь Сантэр постарается оторваться от нас. Назавтра нам предстояли лихие скачки. В отличие от беглеца, имевшего полную свободу действий, мы должны были все время внимательно следить за дорогой. Но ночная гонка должна была

утомить Сантэра, не говоря уже о его коне, которому необходим был хороший отдых, это было единственное обстоятельство, игравшее нам на руку.

Немного погодя холмы, названные Виннету и его отцом Золотыми, исчезли, и мы выехали на равнину, покрытую побуревшей травой и поросшую кустарником. Сантэр ехал быстро, его конь буквально взрывал землю копытами, оставляя отчетливые следы.

Наступили сумерки, пришлось спешиться, чтобы видеть след. Но вот он совсем пропал. К счастью, в этом месте росло немного зеленой травы, мы пустили лошадей пастись, а сами, завернувшись в одеяла, легли спать. Ночь была очень холодной. Мои товарищи, замерзнув, несколько раз просыпались. Я же вообще не сомкнул глаз, не переставая думать о неожиданной смерти Инчу-Чуны и его дочери. Стоило мне лишь смежить глаза, как я снова видел их лежащими в крови и слышал последние слова Ншо-Чи. Я ругал себя за то, что был недостаточно внимателен с ней: думал о том, что в памятном разговоре с ее отцом надо было вести себя иначе. Мне казалось, что это я, собственноручно, толкнул ее в объятия смерти.

К утру холод стал совсем невыносим. Я встал и, чтобы согреться, принялся ходить. Сэм Хокенс тоже проснулся и, по своему обыкновению, пошутил:

— Замерзли, уважаемый сэра? Надо было захватить с собой грелку, коль уж собрались на Дикий Запад. Вы, гринхорны, без нее ни на шаг... А я чувствую себя великолепно в моей старой куртке; не страшны ей ни стрелы индейцев, ни холод. Хи-хи-хи!

Холод разбудил всех, и, как только стало светать, мы тронулись в путь. Лошади отдохнули, а после ночного холода рвались вперед.

Плоская прерия тем временем плавно перешла в равнину с разбросанными по ней холмами. Трава на их вершинах пожелтела и пожухла от заморозков и ветров, а на равнине оставалась зеленой и мягкой. Кое-где блестели лужи, из них мы поили лошадей.

Ближе к полудню следы, идущие до сего времени на восток, немного сместились к югу. Сэм вдруг принял озабоченный вид, а когда я спросил его, в чем дело, ответил:

— Боюсь, наши усилия напрасны.

— В чем дело?

— Сантэр, старая лиса, похоже, идет к кайова.

— Да он не отважится!

— Еще как отважится! Может, надеетесь, что ради ваших прекрасных глаз он станет посреди прерии и позволит себя схватить? Сантэр — не

дурак и понимает, что наши лошади не чета его кляче и рано или поздно мы его догоним, вот и решил найти убежище у кайова.

— Но они не примут его!

— Еще как примут, можете не сомневаться, особенно когда узнают, что он застрелил Инчу-Чуну и Ншо-Чи. Знаете, как они обрадуются! Надо обязательно до вечера догнать его!

— По-вашему, он давно проезжал тут?

— Это не имеет значения. Ночь Сантэр провел в седле и наверняка сейчас вынужден будет отдохнуть.

К полудню мы вышли на место привала Сантэра. Его конь так устал, что, судя по следам на траве, еле держался на ногах. Сам всадник, похоже, устал не меньше. По нашим предположениям, Сантэр отдыхал значительно дольше, чем намеревался, и лишь два часа назад покинул это место.

Следы все больше сворачивали к югу. Видимо, Сантэр решил распрощаться с Канейдиан и выйти к Ред-Ривер. Мы дали отдых лошадям, надеясь настичь его до наступления темноты.

После полудня мы опять пустились в погоню. Внимательно изучив следы, мы обнаружили, что беглец опережает нас всего на полчаса.

На горизонте появилась темная полоса.

— Лес, — объяснил Сэм. — Кажется, перед нами один из северных рукавов реки.

Это было препятствие, осложняющее нашу задачу. В прерии мы имели прекрасный обзор, да и засаду легче обнаружить, не то что в лесу. Времени для более подробного изучения местности не было. Сэм оказался прав. Мы вскоре очутились у небольшой речушки, в которой воды почти не было — так, одни лужи в углублениях. И леса, как такового, не было, только по берегам росли отдельные деревья и кусты.

К вечеру мы почти нагнали беглеца и теперь в любую минуту ожидали его увидеть. Мы пришпорили лошадей. Мой пегий держался молодцом. Я вырвался вперед. Перед глазами стояли Инчу-Чуна и Ншо-Чи, и я должен был поймать и наказать убийцу.

Обогнув заросли, след спустился вниз, к высохшему руслу. Я приостановился, чтобы предупредить своих товарищей. Это спасло нас. В ожидании их я глянул вниз и мгновенно отпрянул назад, в заросли. В пятистах шагах от меня, но уже на противоположном берегу, у леса, была стоянка индейцев. На вбитых в землю кольях на ремнях висело мясо. Высунься я чуть больше, индейцы меня заметили бы. Я слез с лошади и показал товарищам, что происходит на том берегу.

— Кайова! — сказал один из апачей.

— Да, кайова, — согласился Сэм. — Видно, сам дьявол помогает этому проклятому Сантэру! Ускользнул от нас в последнюю минуту!

— Кайова не очень много, — заметил я.

— Гм! Тут могут быть не все, а сколько их в лесу — неизвестно. Видно, охотились и теперь готовят еду.

— Сэм, что делать? Повернем назад?

— Ни в коем случае! Останемся здесь!

— Это опасно.

— Ерунда.

— Но ведь любой краснокожий может прийти сюда?

— И не подумает! Во-первых, они на том берегу, а во-вторых, уже темнеет, а ночью они не рискнут покинуть лагерь.

— Лучше быть поосторожнее.

— Так рассуждают гринхорны. Поверьте, под носом у кайова мы в безопасности, как в Нью-Йорке. Они сюда не придут, а вот мы нанесем им визит. Я обязательно должен поймать этого Сантэра собственными руками, даже если мне придется сразиться с тысячей кайова.

— Что-то вы слишком уж горячи, дорогой Сэм, всегда меня ругаете за опрометчивость, а тут лезете на рожон...

— Что? На рожон? Сэм Хокенс слишком горяч? Хи-хи-хи! Такого мне еще никто не говорил! Сэр, вроде вы не робкого десятка, с одним ножом пошли на медведя, так откуда же ваш страх?

— Это не страх, всего лишь осторожность. Враги слишком близко.

— Близко? Не смешите меня! Да мы подойдем к ним еще ближе, поверьте мне. Подождите, пока совсем стемнеет.

Сэм Хокенс в тот день был не похож на себя. Смерть прекрасной, доброй и милой краснокожей мисс потрясла маленького вестмена, и он жаждал только одного: отомстить. Поскольку Стоун и Паркер поддержали Сэма, мне оставалось подчиниться. Мы стреножили лошадей и стали ждать ночи.

Кайова, по-видимому, ни о чем не подозревали. Они открыто ходили, переговаривались и вообще вели себя так, будто находились в своем собственном, хорошо охраняемом селении.

— Смотрите-ка, похоже, они ни о чем не подозревают, — сказал Сэм.

— Если бы так!

— Сэм Хокенс всегда прав!

— А вот мне кажется — они притворяются.

— Глупости! С какой стати им притворяться?

— Чтобы заманить нас в ловушку.

— Это излишне, мы и без ловушки отправимся к ним.

— Как вы думаете, Сантэр у них?

— Наверняка! Добравшись до их стоянки, он перешел на ту сторону.

— А как вы думаете, он рассказал им о случившемся?

— Что за вопрос? Конечно же, он все им рассказал.

— И значит, он предупредил, что погоня вот-вот нагрянет.

— Все возможно.

— Тогда непонятно, почему они ведут себя так неосторожно.

— Удивляться здесь нечему. Они полагают, что погоня еще далеко, и ожидают нас завтра утром. Как только стемнеет, я прокрадусь к ним и все разузнаю. А потом примем решение, что делать дальше. Я должен схватить этого Сантэра!

— Хорошо, но я тоже пойду.

— Это совсем не обязательно.

— А я считаю, что очень даже обязательно.

— Сэм Хокенс обойдется в разведке без помощников. Я не возьму вас с собой, поскольку вы с вашей неуместной добротой все испортите. Вы наверняка захотите оставить убийцу в живых.

— И не подумаю!

— Да неужели?

— Может, мне и хотелось бы поймать Сантэра и отдать его Виннету, но, как видно, живым он не дастся, поэтому я пущу ему пулю в лоб. Не сомневайтесь!

— А я что говорил? Пулю в лоб! И на этот раз вы хотите освободить негодяя от пыток! Жестокие казни мне тоже не по нутру, но этот мерзавец должен умереть в муках! Мы схватим его и отвезем к Виннету. Но сначала надо выяснить, сколько тут кайова, ибо совершенно ясно, что их гораздо больше, чем мы видим.

Я промолчал, потому что апачи уже начали с подозрением прислушиваться к нашему разговору. Они помнили, как я заступался за Рэттлера, и опасались, что я могу поступить точно так же и с Сантэром. Прекратив разговор, я улегся рядом с конем.

Солнце зашло, наступила темнота. Кайова развели несколько костров, от которых взметались высокие языки пламени. Осторожные краснокожие так никогда не делают, поэтому я получил еще одно подтверждение, что они притворяются. Всем своим поведением они старались убедить, что не подозревают о нашем близком присутствии, и тем самым хотели заставить нас выступить первыми. А сделай мы именно так — прямиком бы угодили в их раскрытые объятия.

Пока я так рассуждал, до меня вдруг долетел подозрительный шорох. Наших за спиной не было, я лежал с самого краю. Прислушался. Звук повторился. Теперь я определил, что это было: кто-то осторожно раздвигал ветки с сухими листьями или колючками — шуршание повторялось равномерно, как бы от одной колючки к другой.

Тут я понял, где находился источник шума. За моей спиной среди деревьев рос колючий куст ежевики. Видимо, в него забрался зверек. Или человек? Следовало проверить. Правда, не было видно ни зги, но ничего другого не оставалось.

Огонь от костров, разведенных кайова на берегу, освещал и нас, разумеется, не очень ярко, но очертания предметов можно было различить. Надо было незаметно подойти к кусту ежевики и выяснить, кто там прячется. Я поднялся и медленно отошел в сторону. Описав круг, вышел к нашей стоянке с противоположной стороны и, оказавшись недалеко от колючих зарослей, пополз к ним, стараясь, чтобы и мои товарищи не заметили меня. Куст, хорошо видимый в свете пламени, был уже совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки.

И опять из зарослей, на сей раз не из середины, а сбоку, послышалось шуршание. Я быстро подполз и увидел то, что и ожидал увидеть: из куста, стараясь не шуметь, пытался выбраться индеец. Он двигался медленно и осторожно, отцепляя колючку за колючкой, и только легкий шорох выдавал его присутствие. Я услышал его лишь потому, что лежал очень близко. Индеец почти выбрался из куста, ему оставалось освободить лишь одну руку.

Я притаился за его спиной. Когда краснокожий полностью вылез из куста, я встал на колени, левой рукой схватил его за горло и трижды ударил кулаком по голове так, что он рухнул на землю.

— Что это? — спросил Сэм. — Вы ничего не слышали?

— Лошадь стукнула копытом, — ответил Дик.

— А где наш друг? Господи, только бы он не натворил глупостей!

— Глупостей? Да он никогда не делал и не наделает глупостей.

— Ого-го! Еще как! Вот возьмет и проберется к кайова, чтобы спасти Сантэра.

— Нет, он его не выпустит из рук. Смерть вождя и Ншо-Чи потрясла его. Да ты тоже это заметил.

— Все может быть, но я не возьму парня на вылазку, он мне там не нужен. Сосчитаю индейцев, разведаю обстановку, а уж потом решим, как напасть. Хоть он и гринхорн, но толк из него будет. Сейчас же, при такой иллюминации, он не проберется к кайова незамеченным. Они ждут нас и

держат ухо востро. Только опытный вестмен сумеет подобраться к ним. Нашего гринхорна они сразу же услышат и увидят.

Тут я встал и быстро подошел к ним.

— Ошибаетесь, дорогой Сэм! Вы полагали, что меня нет, а я здесь. И умею подкрадываться, не так ли?

— Черт возьми, вы здесь! Совершенно не заметили вас!

— Так кто из нас гринхорн? Бросьте, Сэм, нечего дуться. Отгадайте лучше, что тут у меня?

— А что там у вас?

— Подойдите к кусту ежевики — и увидите.

Сэм подошел к кусту.

— Ого! Здесь лежит краснокожий. Откуда он взялся?

— Вы у него спросите.

— Но он мертв.

— Нет, я просто оглушил его.

— Где? Надеюсь, не здесь? Ведь вас тут не было! Вы подкараулили его неподалеку, нанесли свой коронный удар и притащили сюда?

— Нет! Он сидел, спрятавшись в кустах ежевики, а я услышал его. Когда он уже собирался улизнуть, я стукнул его по голове. Звук удара вы и приняли за топот лошади.

— Чтоб мне лопнуть, все правильно! Выходит, индеец сидел в кустах и слышал весь наш разговор? А потом ищи ветра в поле... Черт побери! Отлично, что вы, так сказать, обезвредили шпиона. Свяжите его и заткните ему рот! Но постойте, почему он не остался со своими сородичами на том берегу? Что он тут делал? Может, пришел сюда раньше нас?

— Что за вопрос, Сэм? Конечно же, он спрятался еще до нашего появления. Теперь нет сомнения — кайова ждут нас. Они знают, что мы преследуем Сантэра и его следы приведут нас сюда. Они готовы к встрече и оставили здесь своего разведчика. Но мы прибыли раньше, или он проглядел нас, а может, мы подошли с ним одновременно, и он был вынужден спрятаться в кустах.

— Он успел бы добежать до своих.

— Нет, не успел бы, мы бы его заметили и поняли, что кайова предупреждены о нашем появлении. Впрочем, не исключено, что он сам решил спрятаться и подслушать нас.

— Да, кажется, так оно и было. Как хорошо, что он попал нам в руки! Уж теперь-то мы из него все вытянем!

— Он будет молчать, и вы ничего от него не узнаете.

— Возможно. А впрочем, не стоит и пытаться. Нам и так все известно,

ну а чего не знаем, то скоро выведаем, потому что я отправлюсь на ту сторону.

— Чтобы на эту уже никогда не вернуться?

— Почему?

— Кайова схватят вас. Вы же сами говорили, какое это опасное дело подкрадываться при таком освещении.

— Да, для вас это трудно, а для меня — пустяки. Поэтому будет так, как я сказал: на ту сторону иду я, а не вы.

Этот повелительный и безапелляционный тон возмутил меня.

— Сэм, уж больно вы раскомандовались сегодня! Не забывайте, Инчу-Чуна с согласия всего племени назначил меня вождем. Кроме того, я геодезист, а вы всего лишь моя охрана, так что я вправе приказывать вам, а вы мне — нет.

— Чихать я хотел на болтовню какого-то вождя! И на вашу тоже! Мне, старому вестмену, будет приказывать мальчишка, к тому же мой ученик! Вот она, благодарность! Будет как я решил. Я иду, вы ждете меня здесь.

И он, оставив ружье, зашагал прочь. Апачи зашептались, а Стоун заметил:

— Он сегодня действительно не в себе. Обвинил вас в неблагодарности! А ведь без вас мы бы уже сидели в раю среди святых. А он хоть раз спас вам жизнь?

— Оставьте его в покое! Сэм храбрый вестмен, и подтверждением тому его сегодняшнее поведение. Он потрясен смертью Инчу-Чуны и Ншо-Чи. Но я все-таки слушаюсь его и тоже пойду к кайова. В таком состоянии он может наломать дров. Вы оставайтесь на местах и ничего не предпринимайте, даже если услышите выстрелы. Разве что я сам позову вас.

Следуя примеру Сэма, я оставил свой карабин в лагере и спустился к реке. Я знал, что надо было делать.

Тем временем Хокенс спустился вниз, пересек русло реки и, видимо, решил подкрадываться к индейцам по тому берегу. На мой взгляд, это был тактический просчет. Кайова ожидали нашего появления в верховьях реки и именно там выставили надежную охрану. Хокенс шел прямо на нее, а я решил подкрасться с противоположной стороны.

Спустившись к реке и держась как можно дальше от огней, я дошел до леса. Свет от костров заслоняли деревья. Темень была хоть выколи глаз, и я мог незаметно перейти через реку на противоположный берег. Под деревьями я лег на землю и пополз вперед. Я насчитал восемь костров и сорок индейцев: слишком много огней для стольких краснокожих. Похоже,

их разожгли специально для нас.

Кайова сидели под деревьями небольшими группками, ружья держали на изготовку. Горе нам, выскочи мы прямо на них! Впрочем, их хитрость была шита белыми нитками: угодить в западню могли только полные болваны. Лошади индейцев паслись в открытой прерии.

Мне не терпелось послушать разговоры, особенно той группы, где сидел предводитель отряда. Но как узнать, где он? Буду искать Сантэра, решил я, с ним будет и вождь. И я, переползая от дерева к дереву, пустился на поиски негодяя.

Спустя некоторое время я обнаружил Сантэра в окружении четырех индейцев, но ни один из них не имел отличий вождя. Впрочем, это было не обязательно в походах. По обычаям индейцев вождем назначался самый старший. Подползти поближе я не мог: единственный приличный заслон составлял скромный частокол деревьев, отбрасывавший от восьми полыхающих костров причудливые, колеблющиеся тени, которые, переплетаясь, придавали лесу загадочный вид.

На мое счастье, краснокожие разговаривали громко, совершенно не таясь: вероятно, в их планы входило, чтобы мы не только видели, но и слышали их. Я притаился примерно в двухстах шагах от Сантэра. Тот рассказывал о Золотой горе и уговаривал краснокожих немедленно отправиться с ним за сокровищами.

— Мой белый брат знает то место, где лежат нагиты? — спрашивал самый старый индеец.

— Нет. Мы следили за апачами, но опоздали.

— В таком случае, искать нечего. Пошли хоть сто человек и обыщи десять раз. Индейцы хорошо скрывают такие места от посторонних глаз. Но мы поедем с нашим белым братом и поможем ему, потому что он застрелил нашего смертельного врага и его дочь. Но сначала надо поймать преследователей, а потом убить Виннету.

— Виннету? Он придет с ними!

— Нет. Он не может сейчас покинуть тела убитых родных, и большинство воинов осталось с ним. Белая собака, Шеттерхэнд, который ранил нашего вождя, поведет остальных, и мы расправимся с его отрядом.

— А затем отправимся к Золотой горе, уьем Виннету и найдем золото.

— Нет, мы не можем поступить так, как задумал мой брат. Виннету должен похоронить отца и сестру, мы не вправе мешать ему. Великий Дух не простит нам такого никогда. Мы нападём после обряда погребения. В город белых он уже не пойдет, а вернется домой. Мы устроим засаду или

заманим его точно так же, как и Олд Шеттерхэнда, который обязательно придет сюда. Я оставил разведчика на той стороне, он должен скоро вернуться. Кроме того, я жду, что скажут разведчики, которых я выслал далеко вперед.

Последние слова вождя встревожили меня. Он выставил наблюдателей у леса! Это была непредвиденная новость. Сэм Хокенс может их не заметить! Только я это подумал, как послышались крики. Вождь вскочил и прислушался, все кайова притихли и насторожились.

Из лесу вышли четверо краснокожих, таща за собой отчаянно сопротивляющегося человека. Его не связали, а подталкивали остриями ножей со всех сторон. Пленником был неосмотрительный Сэм! Я решил незамедлительно освободить его, чего бы мне это ни стоило.

— Сэм Хокенс! — узнал его Сантэр. — Добрый вечер, сэр! Вот неожиданная встреча, не правда ли?

— Негодяй, разбойник, убийца! — вцепившись ему в глотку, закричал бесстрашный вестмен. — Наконец-то я поймал тебя, чтоб мне лопнуть!

Сантэр, не ожидавший нападения, рванулся, а индейцы отшвырнули Сэма. Я воспользовался этой суматохой и, вытащив два револьвера, прыгнул в толпу индейцев.

— Олд Шеттэрхэнд! — в ужасе воскликнул Сантэр и бросился бежать.

Я выпустил в него две пули, но, к сожалению, промахнулся, остальные пули послал в индейцев и заставил их отступить.

— Сэм, сюда! — крикнул я Сэму Хокенсу.

Застигнутые врасплох краснокожие застыли на месте, не способные сопротивляться, я же палил направо и налево, стараясь ни в кого не попасть. Схватив Сэма за руку, я потащил его к реке. Все произошло мгновенно, моя атака длилась не более минуты.

— О, дьявол! Вы подоспели вовремя, — признался Сэм, когда мы спустились к реке. — Эти негодяи хотели...

— Молчите! Быстро к реке! — скомандовал я, отпуская его руки и сворачивая направо. Надо было уходить поскорее.

Пораженные и остолбеневшие краснокожие наконец-то пришли в себя, и вслед нам полетел истошный вой, заглушивший шаги Сэма. Послышалось улюлюканье, грянули выстрелы, поднялся невообразимый шум.

Я бежал в сторону, противоположную нашему лагерю, ища спасение в темноте реки. Потом, описав круг, я собирался вернуться к своим, обходя издали погоню, которая, несомненно, направилась в сторону нашего лагеря.

Наконец я остановился. Здесь было тихо, крики краснокожих едва

были слышны.

— Сэм! — шепотом позвал я.

Ответа не последовало.

— Сэм, где вы, отзовитесь! — позвал я громче.

Но и на этот раз мне ответило молчание. Куда же он запропастился? Я слышал, как он бежал за мной по высохшему илу и глубоким лужам. Я вытащил патроны, зарядил револьверы и медленно пошел назад на поиски Сэма.

Кайова продолжали истошно вопить, и я двинулся на их крик, пока не дошел до места, откуда мы с Сэмом бежали. Поиски оказались безрезультатными. Видимо, Сэм решил поступить иначе и помчался на другой берег, под пули индейцев, не обращая внимания на мои слова. Что за упрямец этот маленький человек! Больше я не мог его искать и повернул назад. Окольным путем возвратился я в лагерь.

Все мои друзья — и белые, и краснокожие — были очень взволнованы и засыпали меня вопросами. Дик Стоун даже бросил мне упрек:

— Сэр, почему вы не позвали нас, когда начали стрелять? Мы ждали вашего знака! Слава Богу, что вы целы и невредимы, как я вижу.

— Сэм вернулся? — спросил я.

— Разве вы не видели, что с ним произошло?

— Что такое?

— Мы ждали сигнала от вас, как условились. Слышали крик, и все стихло. Потом грянуло несколько выстрелов, после чего поднялся страшный вой. Потом — снова выстрелы, и мы увидели Сэма.

— Где?

— Там внизу, около леса, но уже на том берегу.

— Так я и думал! Сегодня Сэм вел себя как никогда опрометчиво. Что было дальше?

— Он бежал к нам, но кайова схватили его. Мы все это отчетливо видели, огни костров горят ярко. Кинулись было ему на помощь, но индейцы перешли на свой берег и скрылись за деревьями. Очень хотелось отбить Сэма, но, помня о вашем наказе, мы остались на месте.

— И правильно сделали. Одиннадцать человек не справятся с отрядом индейцев. Вас бы просто перестреляли.

— А что мы будем делать теперь, сэр? Сэм схвачен.

— Увы, уже во второй раз!

— Во второй раз? — удивился он.

— Да. В первый раз я освободил его, и если бы он послушался меня, сидел бы сейчас вместе с нами, но сегодня он делал все по-своему.

И я рассказал им, как все произошло. Друзья в молчании выслушали мой рассказ и долго сидели, переживая. Потом Билл Паркер сказал:

— Сэр, вы сделали больше, чем смог бы каждый из нас на вашем месте. Сэм Хокенс сам полез туда. Но оставлять его там нельзя!

— Конечно, надо его выручать, но теперь это будет гораздо труднее. Поверьте, кайова не позволят застать себя врасплох дважды.

— Само собой, но попытаться надо.

— Обязательно, но сначала необходимо все обдумать: что могут сделать двенадцать человек против пятидесяти? К тому же теперь кайова ждут нападения. Похоже, есть один-единственный выход, учитывая, что днем атаковать опасно.

— Отлично! Сегодня же ночью мы и ударим!

— Спокойно! Я же сказал — надо все хорошенько обдумать!

— Вы пока думайте, сэр, а мне позвольте перебраться на ту сторону на разведку.

— Вы сделаете это, но позже, дайте кайова немного успокоиться. Впрочем, скорее всего, я составлю вам компанию.

— Хорошо, сэр, очень хорошо! Пусть так и будет! И это уже означает нападение; на себя беру шесть-восемь краснокожих, Стоун — не меньше. Не правда ли, старина Дик?

— Попал в точку, Билл, — отвечал Дик. — Если речь идет об освобождении Сэма, мне чихать, сколько их там будет. Жаль Сэма, он воробей стреляный, но сегодня для него был неудачный день.

Действительно, сегодня Сэму явно не повезло. Итак, хорошенько обдумать, обдумать... Моя жизнь — в моем полном распоряжении, но жизнью апачей я рисковать не имел права. Впрочем, можно добиться хитростью... и с меньшим риском, но для этого надо перебраться на тот берег. Я решил взять апачей на случай, если нападение окажется возможным.

На той стороне по-прежнему стоял большой шум, и мы вынуждены были ждать. Постепенно все стихло, тишину нарушали лишь громкие и сильные удары томагавков. Вероятно, кайова решили нарубить дров для костров, чтобы до утра поддерживать огонь.

Затем удары топоров прекратились. Звезды показывали полночь, пора было приступать к делу. Мы хорошенько привязали лошадей, я еще раз проверил ремни и кляп у пойманного мной индейца, и мы покинули лагерь той самой дорогой, по которой я шел несколько часов тому назад.

У леса над рекой я оставил в засаде отряд апачей под началом Дика Стоуна, а сам с Биллом Паркером поднялся бесшумно на тот берег.

Выбравшись наверх, мы легли на землю и прислушались. Вокруг стояла полная тишина. Мы медленно поползли вперед. Восемь костров по-прежнему сильно полыхали. Вместо сучьев в них горели толстые бревна. Мы продолжали ползти дальше, но так никого и не встретили. Немного погодя мы убедились — индейцы покинули лагерь.

— Они ушли, и ушли скрытно! — поразился Паркер. — А в костры подбросили дров.

— Чтобы скрыть свой уход! Они решили нас обмануть. Раз горят такие костры, мы должны думать, что они здесь.

— Но куда они ушли? И насовсем ли?

— Похоже, что так. Сэм — хорошая добыча, надо ее спрятать подальше. Кто знает, что у них на уме!

— А что может случиться?

— А вот возьмут и нападут на нас с той стороны, откуда мы их не ждем!

— Черт возьми! Возможно! Сэр, надо спешить!

— Да, нужно вернуться и хотя бы спрятать лошадей.

Мы сошли вниз к апачам и поспешили в лагерь, где пока все было в полном порядке. Решив не дожидаться кайова, мы вскочили на лошадей и, отъехав как можно дальше, остановились на ночлег. Не найдя нас на старом месте, кайова отложат поиски до утра, думали мы. Пленника мы забрали с собой.

Нам ничего не оставалось, как запастись терпением и дожидаться рассвета. Кто мог — спал, а кто нет — бодрствовал. Так прошла ночь, и как только забрезжил рассвет, мы сели на коней и вернулись на прежнее место. Убедившись, что ночью сюда никто не приходил, и приняв меры предосторожности, мы решили осмотреть лагерь кайова. Костры уже погасли, и только кучи пепла напоминали о вчерашних событиях.

Мы занялись следами. Они говорили, что кайова оседлали лошадей и поехали на юго-восток. Похоже, они отказались от мысли вступить с нами в бой, так как момент внезапности был упущен, едва ли можно было уповать на успех.

А Сэм? К величайшему огорчению Дика Стоуна и Билла Паркера, они забрали его с собой. Мне искренне было жаль нашего товарища, и ради его освобождения я был готов на любой, даже безумный, поступок.

Дик не находил себе места.

— Бедняга Сэм! Эти дикари привяжут его к столбу пыток и станут мучить.

— Нет, — возразил я. — Не забывайте, у нас в плену их воин, он

заложник.

— А это им известно?

— Безусловно. Сэм должен был сказать. Мы можем поступить с ним точно так же, как они с Сэмом.

— Тогда скорее отправимся за нашими индейцами!

— Обождем немного.

— Что? Вы собираетесь его там оставить?

— Нет.

— Так как же это понимать?

— А так, что я не позволю этим краснокожим разбойникам водить нас за нос.

— За нос? Не понимаю.

— Взгляните на их следы. Когда они оставлены?

— Похоже, до полуночи.

— И я того же мнения. Следовательно, прошло более десяти часов.

Как вы полагаете, мы сможем нагнать их сегодня?

— Нет.

— А завтра?

— Тоже нет.

— Куда они, по-вашему, направились?

— К себе в селение.

— Они будут там раньше, чем мы успеем догнать их. А может быть, вы полагаете, что нам следует как можно дальше забраться на земли кайова, потом напасть на их стойбище и освободить пленника?

— Это было бы безумием!

— Вот именно!

— Я тоже так думаю, поэтому мы за ними не поедем.

Стоун почесал за ухом и с горечью пробормотал:

— Но ведь у них Сэм, Сэм! Что будет с нашим старым Сэмом? Мы не можем оставить его!

— Нет, конечно, мы не оставим его, напротив, мы его освободим!

— Ах, черт вас побери, сэр! Такие загадки мне не по зубам! То говорите, что не поедем за краснокожими, а через минуту утверждаете, что во что бы то ни стало освободим Сэма. Да это почти то же самое, если бы вы называли осла то верблюдом, то обезьяной. Пусть вас понимают те, кто умнее. Я не могу.

— Что ж, объясню. Кайова направляются не к себе в деревню.

— А куда же?

— Не догадываетесь?

— Нет.

— Гм! И это старый и опытный вестмен! Куда лучше иметь дело с гринхорнами, которым такие орешки по зубам. Краснокожие направились к Золотой горе!

— Нет... нет... вы только посмотрите на него! Возможно ли это?

— Да-да, будьте спокойны.

— А впрочем, от них все можно ожидать.

— Не только ожидать, но я просто в этом убежден.

— Но во время обряда погребения нападать запрещено.

— Они и не нападут, пока все не закончится. Но, безусловно, захотят отомстить и нам, и апачам. Появление Сантэра оказалось им весьма на руку. Представляете, как они обрадовались, узнав о смерти Инчу-Чуны и Ншо-Чи! Теперь они полны решимости расправиться с Виннету! Сантэр сказал им, что мы преследуем его, и они попытались отомстить и нам. Но мы не попались, один бедняга Сэм... Они лишь притворялись, будто направляются домой — в расчете, что мы откажемся от погони и вернемся к Виннету. Для отвода глаз поехали на юго-запад, решив тем временем созвать побольше воинов и затем повернуть к Золотой горе. Там нападут и перебьют нас всех.

— Придуманно неплохо, ничего не скажешь, но мы расстроим их план.

— Этот план задуман Сантэром, чтобы при случае добраться до золота. Даю голову на отсечение, что их план именно таков. Вы все еще настаиваете на преследовании кайова?

— Нет, зачем же? По правде говоря, ваши предложения очень уж неожиданны, но насколько я знаю вас, вы никогда не ошибались. Думаю, попали в точку и на сей раз! А ты как думаешь, старина Билл?

— Думаю, так оно и есть, как говорит наш друг. Нам надо торопиться и предупредить Виннету. Вы согласны, сэр?

— Целиком и полностью.

— Пленника берем с собой?

— Обязательно! Свяжем и посадим на Мэри, и пусть только попробует покапризничать. Перед дальней дорогой надо найти воду и напоить лошадей.

Через полчаса мы уже были в пути, обсуждая неутешительные результаты нашей погони. Искали Сантэра, а вместо этого потеряли Сэма Хокенса! Однако если мои предположения сбудутся, то и Сэма освободим, и Сантэра поймаем.

Когда мы преследовали Сантэра, мы, естественно, вынуждены были идти по его следу и сделали большой круг. Теперь я решил ехать напрямик,

благодаря чему к полудню мы уже оказались у входа в каньон, ведущий к той злосчастной поляне.

Оставив лошадей в долине под присмотром одного из апачей, мы двинулись в горы. На краю поляны нас приветствовал легким движением руки часовой апачей. Двадцать воинов занимались приготовлениями к погребению вождя и его дочери. На земле лежали свежесрубленные тонкие деревья для подмостков и камни. Прибывшие со мной апачи моментально включились в работу. Я выяснил, что погребение должно состояться через два дня.

Неподалеку был сооружен шалаш, куда поместили тела убитых. Узнав о нашем прибытии, Виннету вышел из него поприветствовать нас. Нам сказали, что он ни на минуту не покидал умерших. Как же изменился за это время молодой вождь!

Виннету всегда был серьезен, и улыбка редко озаряла его лицо. Я никогда не слышал, чтобы он громко смеялся. Однако это строгое лицо излучало доброту, а темные бархатные глаза смотрели порой с нежностью. Сегодня же передо мной стоял совершенно незнакомый человек. Лицо его словно окаменело, глаза были полны печали, движения замедленны и тяжелы. Он подошел, угрюмо взглянул на меня, вяло пожал руку, глядя прямо в глаза, от чего мне вдруг стало не по себе, и спросил:

— Когда вернулся мой брат?

— Только что.

— Где убийца?

— Скрылся.

Честно признаюсь, нелегко было произнести эти слова, и я невольно опустил глаза.

Виннету тоже потупился. Помолчав, он спросил:

— Мой брат потерял его след?

— Нет, пока не потерял. Убийца скоро сам придет сюда.

— Пусть Сэки-Лата расскажет мне все!

Мы присели на камень, и я подробно все изложил. Он слушал в полном молчании, а когда я окончил, сказал:

— Значит, мой брат не уверен, попали ли пули в Сантэра?

— Не уверен, но скорее всего, они его не задели.

Он кивнул головой, пожал мне руку, сказав:

— Брат мой, прости меня за вопрос о следах Сантэра. Сэки-Лата прекрасно справился с заданием, вдобавок поступил очень мудро. Сэм Хокенс поплатился за свою неосторожность, но мы простим ему и освободим нашего белого брата. Я согласен с Сэки-Лата: кайова идут сюда,

но мы примем их иначе, чем они думают. Пленника следует беречь, как зеницу ока. Завтра я сделаю гробницы для Инчу-Чуны и Ншо-Чи. Мой брат поможет мне?

— Я бы огорчился, если бы Виннету не позволил мне быть рядом с ним.

— Не только позволяю, но и прошу. Твое присутствие, вероятно, поможет остаться в живых многим сыновьям белых людей. Закон крови требует смерти для множества белых, но твой глаз — как солнце, которое растапливает холодный лед и превращает его в живительную воду. Ты знаешь, кого я потерял. Будь мне отцом и сестрой одновременно, прошу тебя, Чарли!

В его глазах блеснула слеза. При посторонних он бы сдержался, но меня ему нечего было стыдиться. Он стремительно скрылся в глубине шалаша. Сегодня Виннету впервые назвал меня по имени — Карл, и впоследствии он произносил его точно так же, как сейчас — Чарли.

Погребение состоялось с соблюдением всех обычаев. Признаюсь, подробное описание составило бы занимательную картину. Но стоит мне только вспомнить об этих горестных минутах, как к горлу подступает комок, так свежи еще воспоминания. Поведать о тех событиях, значит для меня осквернить — нет, не склеп, который мы построили тогда для умерших у подножия Наггит-циль, — а тот памятник, который я воздвиг в своем сердце и окружил неустанным почитанием. Поэтому прошу извинить меня и избавить от подробного описания.

Тело Инчу-Чуны привязали к его коню, засыпали животное землей так, чтобы оно не могло пошевелиться, и прострелили ему голову. Затем насыпали землю слоями, чтобы она покрыла всадника вместе с его оружием и мешочком с «лекарствами». Сверху рядами уложили камни.

Ншо-Чи, по моей просьбе, была похоронена в другой могиле. Мне не хотелось, чтобы земля непосредственно касалась ее тела. Прислонив труп в сидячем положении к стволу дерева, мы затем уложили камни в форме пирамиды, вершину которой венчала верхушка дерева.

Впоследствии мы часто навещали с Виннету могилы у Наггит-циль и всегда заставляли их нетронутыми.

Глава VI

ОСВОБОЖДЕНИЕ СЭМА

Виннету тяжело переживал утрату отца и сестры. Во время похорон он еще мог дать выход горю, теперь же следовало скрывать свои чувства ото всех. Так повелевал обычай индейцев. Кроме того, нам предстояла схватка с противником. Передо мной стоял уже не убитый горем сын и брат, а мужественный воин, готовый к любой атаке неприятеля, жаждущий покарать убийцу своих близких. Вероятно, он все обдумал заранее, так как сразу после церемонии похорон приказал апачам пригнать на поляну пасущихся в долине лошадей и быть готовыми выступить в поход.

— Зачем мой брат отдал такой приказ? — поинтересовался я. — Лошадей очень сложно гнать по камням каньона.

— Я знаю, но так надо. Маленькая уловка, с помощью которой я обману кайова, приютивших убийцу. Они умрут за это.

При этих словах его лицо стало решительным и грозным, не предвещающим ничего хорошего его недругам. Мне такая месть казалась не очень справедливой, ведь кайова, хотя и являлись нашими врагами, в смерти Инчу-Чуны и Ншо-Чи виновны не были. Но разве можно переубедить Виннету, не вызвав его гнева? И все-таки я решил воспользоваться случаем и поговорить с ним, когда мы отправились на охоту. Апачи были заняты лошадьми, Стоун и Паркер присоединились к ним, что было даже к лучшему: неприятный разговор состоится без свидетелей. Итак, я собрался с духом и заговорил с Виннету. Его реакция, признаюсь, сильно удивила меня. Он посмотрел на меня большими печальными глазами и спокойно ответил:

— Я ждал этого от моего брата, потому что по его понятиям уступить врагу — не значит проявить слабость.

— Я имел в виду совершенно другое, о поблажках не может быть и речи. Я тоже думаю над тем, как их схватить, но к тому, что здесь произошло, они непричастны, и наказывать их за смерть Инчу-Чуны и Ншо-Чи несправедливо.

— Они взяли под защиту убийцу и хотят напасть на воинов апачей. Разве этого не достаточно?

— Нет, по крайней мере для меня. Мне очень жаль, что мой брат Виннету собирается совершить ошибку, из-за которой погибнут все

индейские племена.

— Я не понимаю тебя, Сэки-Лата.

— Вместо того чтобы всем вместе подняться на борьбу с общим врагом, индейцы убивают друг друга. Позволь мне быть с тобой откровенным. Кто, по-твоему, мудрее и хитрее, краснокожий или бледнолицый?

— Конечно, бледнолицый. У белых и знаний, и умения больше, они превосходят нас во всем.

— Но Великий Дух наделил тебя таким даром, который редко встретишь даже у белого. Поэтому я жду от тебя иных поступков, нежели от обыкновенного краснокожего. Ты умнее и проницательнее всех остальных индейцев. Сколько раз вы выкапывали топор войны? Ты не станешь отрицать, что краснокожие воины постоянно истребляют друг друга, а теперь ты собираешься участвовать во всеобщем самоубийстве. Инчу-Чуну и Ншо-Чи убили не краснокожие, а белые, и один из них укрылся у кайова, подговорив их напасть на вас. Конечно же, одного этого достаточно, чтобы сразиться с ними, но это ни в коем случае не повод, чтобы перестрелять их, как паршивых псов. Не забывай, они — твои красные братья!

Я говорил долго, и Виннету спокойно внимал мне. Когда мои аргументы истощились, он протянул мне руку.

— Сэки-Лата настоящий и искренний друг всех краснокожих воинов. Ты справедливо называешь наше поведение самоубийством. Я поступлю так, как ты говоришь: захвачу кайова, а потом отпущу их, но Сантэра оставлю у себя.

— Ты думаешь, что захватишь? Это будет нелегко — их значительно больше. А может, тебе в голову пришел тот же план, что и мне?

— А что ты придумал?

— Надо заманить кайова в такое место, где они не смогут применить оружие.

— Именно об этом и я подумал.

— Отлично. Тебе эти места знакомы, так скажи, куда мы заманим их?

— Недалеко отсюда есть узкое скалистое ущелье.

— Думаешь, получится?

— Обязательно. Со всех сторон — крутые неприступные скалы, и когда кайова туда войдут, мы нападём спереди и с тыла, и если им жизнь дорога, они сдадутся. Им я дарую жизнь, а Сантэр останется в моих руках.

— Благодарю тебя! Сердце моего брата Виннету открыто для добрых дел и помыслов. Хочу надеяться, что подобным образом ты поступишь и в

другом случае.

— Что ты имеешь в виду, мой брат?

— Ты собирался дать клятву мстить всем бледнолицым, но я попросил тебя повременить, пока не закончатся похороны. Позволь мне узнать твое решение.

Опустив голову, мой собеседник надолго замолчал, потом взглянул на меня открытым взглядом и, показывая рукой на шалаш, где лежали до погребения тела убитых, произнес:

— Прошлую ночь я провел там, при них, в мучительных раздумьях. Мечь подсказала мне великую и смелую мысль собрать краснокожих воинов всех племен и выступить против бледнолицых. Но победа, увы, была бы не за мной... Зато из борьбы с самим собой сегодня ночью я вышел победителем.

— И ты отказался от этой великой и смелой мысли?

— Я спрашивал совета у самых близких мне людей: двух умерших и одного живого. Они дали отрицательный ответ, и я решил прислушаться к ним.

Видимо, на моем лице отразилось недоумение, ибо он продолжал:

— Мой брат не догадывается, о ком я говорю? Это — Клеки-Петра, Ншо-Чи и ты. Всех вас я мысленно спрашивал и от каждого получил один и тот же ответ.

— Несомненно, если бы они были живы, ты мог спросить их, они сказали бы тебе то же самое, что и я. Твой план — грандиозен, и ты бы справился с ним, но...

— Ты переоцениваешь меня, брат мой, — перебил Виннету. — Одному вождю не под силу поднять всех индейцев, на это нужны годы, и пройдет целая жизнь, прежде чем я достигну цели. А в конце жизни слишком поздно начинать борьбу. Достойного же продолжателя найти трудно.

— Я рад, что мой брат Виннету пришел к этому выводу. Ты прав. Один человек не сможет завершить дело, а продолжателя нет. Даже если бы тебе удалось объединить всех, результат войны с белыми давно предрешен.

— Я знаю, война лишь приблизила бы нашу гибель. Даже если бы мы одержали победу во всех сражениях, бледнолицых много больше, они прислали бы новые отряды, а мы не были бы в состоянии восполнить свои ряды. Сидя ночью у тел моих родных, я решил отказаться от этого плана и отомстить лишь Сантэру и тем, кто пришел ему на помощь. Однако мой брат Сэки-Лата отсоветовал мне и это, поэтому моя мечь коснется только Сантэра, а кайова мы отпустим.

— Твои слова исполнены благородства, и я горжусь связывающей нас

дружбой. Я никогда не забуду этого. А сейчас надо готовиться к схватке с кайова. Хотелось бы знать, когда они нагрянут?

— Уже сегодня! — твердо, словно речь шла о давно доказанном факте, сказал Виннету.

— Почему ты так уверен?

— Вспомни, что говорил мне. Ты сказал: кайова сделали вид, будто поехали в свое стойбище, надеясь обмануть вас, а на самом деле они едут сюда. Едут кружным путем, иначе бы появились здесь еще вчера. К тому же есть и другая причина для задержки.

— Какая причина?

— Сэм Хокенс. Надо было отправить его в селение, не тащить же с собой. Вместе с ним отправили и гонца с вестью о походе на нас.

— Ты полагаешь, «то на вас пойдут все жители стойбища кайова»?

— Конечно. Воины, которых вы встретили на высохшей реке, направились к Наггит-циль, а гонцов послали за подмогой и с ними же отправили Сэма Хокенса. А чтобы вы не заметили их маневров, были вынуждены поискать обходной путь и задержались. Поэтому вчера и не появились, но сегодня уж точно придут.

— А может быть, они уже пришли?

Виннету молча показал рукой на ближайшую гору, на которой возвышалось густое дерево. Оттуда прерия была видна как на ладони.

— Там сидит мой воин. Как только покажутся кайова, он подаст знак.

— Это хорошо, что нас предупредят. Враги, видимо, еще далеко. Но почему ты так уверен, что ждать их следует сегодня?

— Они должны поторопиться, если хотят застать нас тут.

— Но они решили устроить засаду, когда ты будешь возвращаться домой, а не собирались идти к Наггит-циль.

— Им это удалось бы, но ты подслушал их, и теперь, когда мне все известно, я сам заманю их. Они, думая, что я поеду на юг, ждут меня именно там, а я двинусь на север.

— А ты уверен, что они последуют за тобой?

— Еще бы! Кайова пошлют разведчика, чтобы убедиться, тут ли мы. Мы спокойно разрешим ему все разведать. Догадываешься, для чего я приказал привести на поляну лошадей? Мы нарочно оставим много следов, они будут видны даже на таком твердом грунте, лошадей же у нас больше тридцати. Потом мы пойдем к ущелью и там устроим засаду.

— Их разведчик проследит за нами и сообщит вождю о нашем уходе на север. Правильно я рассуждаю?

— Да. Они тогда откажутся от прежнего плана и последуют за нами.

— Я уверен, что именно так и будет. И Сантэр уже сегодня попадетсЯ мне в руки.

— Что ты с ним сделаешь?

— Не спрашивай меня, прошу тебя. Он умрет. Вот и все.

— Где? Здесь?

— Еще не решено. Надеюсь, он не окажется таким же трусом, как Рэттлер, которого пришлось застрелить, как паршивого пса. Постой! Я слышу топот коней. Идем!

Привели лошадей. Каждый воин вел свою лошадь под уздцы, так как по камням ехать верхом было невозможно.

Виннету возглавил наш отряд. Пройдя через лес, спускающийся в долину, мы уже верхом поскакали на север к отвесной скале, в которой виднелась узкая расщелина.

— Вот моя ловушка, — сказал Виннету, указывая на проход.

То, что он назвал ловушкой, было очень узким каньоном. Со всех сторон высились почти неприступные вертикальные скалы. Вести бой в таком ущелье было полным безумием.

Дорога все время петляла, и лишь четверть часа спустя мы достигли выхода. Там все спешили. Через минуту появился разведчик.

— Кайова прибыли, — сообщил он. — Но сколько их, я не разобрал, потому что они еще довольно далеко.

— Они едут сюда? — спросил Виннету.

— Нет. Остановились в прерии среди деревьев. Один пешком идет сюда.

— Это разведчик. У нас достаточно времени, чтобы приоткрыть, а затем захлопнуть дверь мышеловки. Мой брат Сэки-Лата возьмет с собой Стоуна, Паркера и двенадцать воинов, обойдет гору с левой стороны. У толстой высокой березы войдет в лес, который приведет вас сначала на гору, а потом — вниз. Сэки-Лата окажется в той самой долине, по которой мы добирались к Наггит-циль. По ней вы вскоре попадете на место, где паслись наши лошади. Дальнейший же путь известен моему брату. Продвигайся краем леса, а не по открытой долине. У входа в каньон остановись и жди.

Пропусти разведчика и следующих за ним воинов — пусть войдут в ущелье.

— Так вот что мой брат придумал! Он стоит здесь и сторожит выход, а я в обход возвращаюсь к подножию Наггит-циль, чтобы потом закрыть вход в ловушку.

— Именно так. Надеюсь, нас ждет удачная охота, сделай только все

так, как я сказал.

— Буду предельно осторожен. Что еще посоветует мне брат?

— Ничего. Сэки-Лата и сам достаточно умен и решит, что ему сделать.

— Кто вступит в бой с кайова в случае, если они угодят в ловушку?

— Я. Твоя задача — удержать их внутри каньона, когда они, наткнувшись на моих воинов, захотят вырваться. Торопитесь! Полдень уже давно миновал, и кайова откладывать до завтра не будут, они нападут сегодня до заката.

Солнце почти завершило свой дневной путь, через час наступят сумерки. Я, Дик, Билл и дюжина апачей тронулись в путь.

Спустя четверть часа мы вышли к березе и углубились в лес. Местность совпадала с описанием Виннету. Вскоре мы были уже там, где днем паслись наши лошади. Впереди открывался боковой проход к поляне с могилами Инчу-Чуны и Ншо-Чи. С этого места, укрывшись под деревьями, мы могли вести наблюдение, не опасаясь, что кайова обнаружат нас.

Апачи молчали, Стоун и Паркер вполголоса разговаривали о том, что кайова и Сантэр обязательно попадут в наши руки. Я же стал сомневаться. До наступления сумерек оставалось не больше двадцати минут, а кайова все не появлялись. Разведчика тоже нигде не было видно. Все прояснится только к утру, думал я. Под деревьями стало совсем темно.

Паркер и Стоун прекратили шептаться. Легкий ветерок покачивал верхушки деревьев. Лес шумел. Этот равномерный шум напоминал глубокое и ровное дыхание, в котором отчетливо слышался каждый посторонний звук. И вот мне послышалось, будто кто-то скользит по мягкой земле. Я прислушался. Шуршание повторилось. Четвероногий? Не похоже. Змея? Тоже вроде нет. Я распластался на земле, и сделал это вовремя — за моей спиной выросла чья-то темная тень. В тот же миг она скрылась за деревьями. Я вскочил на ноги и ринулся следом. Тень промелькнула передо мной, я успел схватить лишь край одежды и услышал испуганный возглас: „Прочь!“ Кто-то вырвался из моих рук и исчез. Я застыл, прислушиваясь, и, возможно, определил бы, в каком направлении скрылся неизвестный, если бы мои товарищи не подняли шум, услышав крик. Я пытался успокоить их и снова прислушаться, но вокруг царил тишина.

Кто-то явно подслушивал нас, и это был белый человек, о чем свидетельствовал возглас на английском языке. И мог это быть только сам Сантэр, поскольку других белых среди индейцев кайова не было. Я обязательно должен догнать его!

— Садитесь и ждите меня, — приказал я своим товарищам и пустился бежать. Куда? Да, разумеется, туда, где следует искать беглеца, — к лагерю кайова, в прерию! Чтобы хоть ненадолго задержать его, заставить притаиться, я крикнул:

— Стой, стрелять буду! — и дважды выстрелил из револьвера.

Поскольку мы и так были обнаружены, я мог позволить себе эти выстрелы. Надеюсь, что беглец из осторожности углубится в лес и, следовательно, сбавит темп, я выскочил на опушку, собираясь перехватить его у выхода из долины. Другой дороги у Сантэра не было.

Мой план был хорош, но выполнить его я не сумел. Я уже выскочил было из зарослей кустарника, как вдруг прямо перед собой увидел людей с лошадьми, да так близко, что едва успел отпрянуть назад и спрятаться за деревьями.

У самого выхода из долины стояли лагерем кайова. Они сначала остановились в открытой прерии и послали одного воина, но не в разведку, как подумали мы, а на поиски Сантэра, потому что Сантэр прибыл сюда раньше и успел пробраться в горы до того, как Виннету выставил наблюдателя. Негодяй решил все сам разузнать и потом сообщить индейцам, где нас искать. Кайова пришли на условленное место, а он все не появлялся. Тогда они послали по его следам разведчика, который обследовал окрестности и, не обнаружив нас, поспешил с этой вестью обратно к своим. А поскольку в открытой прерии ночевать опасно, кайова перебрались поближе к горам. Сантэр должен был выйти прямо на них.

Теперь мне стало ясно, что ни сегодня, ни завтра нам их не схватить, потому что коварный Сантэр разгадал все наши планы. Что же теперь делать? Вернуться назад и надеяться, что кайова тем не менее угодят в засаду? Или лучше вернуться к Виннету, сообщить, что обстановка изменилась, посоветоваться?

Правда, был еще третий выход, самый рискованный: остаться здесь и разузнать, что решат кайова, услышав доклад Сантэра. Тот обязательно расскажет им о встрече со мной, а это очень опасно. Однако маленький шанс на успех имелся: я надеялся на темноту, так как, соблюдая меры предосторожности, кайова костров не развели. И я решил подслушать их, притаившись за огромными валунами, заросшими мхом и папоротником.

Одни индейцы привязывали лошадей, чтобы животные не выдали их и не разбежались по прерии, другие сидели или лежали на опушке леса. Сообразив, где может находиться вождь, я в кромешной тьме пополз в этом направлении, ничуть не опасаясь, что кайова обнаружат меня, так как нападения со стороны валунов они явно не ожидали. Благополучно

добравшись до цели, я взобрался на один из камней и распластался на нем. Ни одному индейцу не пришло бы в голову искать меня здесь, на высоте двух метров.

Привязав лошадей, индейцы легли отдыхать. Я услышал несколько отданных вполголоса приказов — значит, я верно определил местонахождение вождя, однако не понял, что он сказал, так как в то время еще не знал язык кайова. По всей вероятности, он распорядился насчет караула, потому что несколько воинов поднялись и стали на страже у входа в долину, оставив без присмотра лес, чему я очень порадовался, поскольку намеревался отходить именно лесом.

Кайова тихо разговаривали, я слышал каждое слово, однако ничего не понимал. А мне так нужно было знать содержание их разговоров! Впоследствии, во время моих скитаний, мне постоянно приходилось ходить в разведку к самым различным племенам индейцев, да и не только к ним, и то, что я узнавал от них, не раз помогало и даже спасало мне жизнь.

Читатель не представляет, какое это трудное и опасное дело — разведка. Она требует не только отличной физической подготовки, но и выдержки, смекалки и знания обычаев. И нечего соваться к индейцам или арабам, курдам или суданцам, не зная их языка. В таких обстоятельствах, вопреки пословице, лучше один раз услышать, чем сто раз увидеть. Поэтому я всегда стремился овладеть языком тех людей, с которыми сводила меня судьба. Виннету знал шестнадцать диалектов, и я вскоре тоже выучил их. Позже я никогда не подходил к лагерю неприятеля, не зная его языка.

Минут десять я пролежал на камне, как вдруг послышались выкрики караульных, и наконец я услышал долгожданный ответ:

— Это я, Сантэр. Вы уже здесь?

— Да.

Сантэр разговаривал с индейцами на англо-индейском жаргоне, поэтому я все понял.

— Мой брат пробыл там слишком долго. Надеюсь, его задержали серьезные причины? — спросил Сантэра вождь, когда тот подошел к нему.

— Намного серьезнее, чем вы думаете. Вы здесь давно?

— То время, которое белые называют половиной часа.

— А где мой конь?

— Мы след в след ехали за тобой и, проезжая мимо того места, где ты его привязал, забрали его.

— Но я говорил вам, чтобы вы оставались в прерии! Здесь опасно!

— Здесь удобнее было разбить лагерь, к тому же мы ждали, что ты

быстро вернешься. Разве нам угрожает опасность?

— Да, и очень большая, именно поэтому я задержался, но зато очень много разузнал. Олд Шеттерхэнд находится здесь!

— Я так и думал. Мой брат его встретил?

— Да.

— Тогда мы схватим его и отведем к нашему вождю, которому он раздробил колени. Его ждет столб пыток. Где он?

Я понял, что кайова и не собирались заманивать нас в свое селение, а были уверены, что мы вернемся к Виннету!

— Вы вряд ли его поймаете, — отвечал Сантэр.

— Поймаем, у этих собак только тридцать воинов против наших пятидесяти. Кроме того, им неизвестно, что мы тут. Мы застанем их врасплох.

— Ты сильно заблуждаешься. Они ждут нас и, возможно, уже знают о нашем прибытии, иначе бы выслали разведчиков.

— Уфф! Разведчиков?

— Да.

— То есть наше нападение не будет неожиданным?

— Конечно же, нет!

— Тогда прольется большая кровь. Только против Виннету и Олд Шеттерхэнда надо выставить по десять воинов.

— Верно. Смерть Инчу-Чуны и Ншо-Чи привела их в такую ярость, что они кипят от жажды мести и будут драться, как разъяренные хищники. Но нам надо во что бы то ни стало схватить их, хотя бы Виннету!

— Почему именно его?

— Только он знает, где лежат наггиты.

— Он не покажет их никому.

— Даже если попадет в наши руки?

— Даже в этом случае.

— Тогда я буду пытаться его, пока не вытяну из него тайну золота.

— Он будет молчать, пытки ему не страшны. А раз он знает, что мы близко, то постарается скрыться.

— О! Я знаю, что нам надо делать, чтобы взять его в плен!

— Если знаешь, говори!

— Их надо заманить в ту самую ловушку, которую они приготовили для нас.

— Ловушка для нас? Какая ловушка?

— Они решили заманить нас в узкое ущелье и без боя взять всех в плен.

— Уфф! Мой брат Сантэр сам слышал это?

— Да.

— И ты знаешь, где это ущелье?

— Я там был.

— Расскажи, откуда ты узнал про него?

— Я совершил невозможное, и заметь они меня, стоять бы мне у столба пыток. Я чертовски рад, что все окончилось благополучно. И все благодаря тому, что я уже знал дорогу к Золотой горе и на поляну со склепами.

— Склепы? Виннету, значит, похоронил своих родных на поляне?

— Да. Я решил воспользоваться тем, что апачи занялись похоронами, и пробрался на поляну, хотя, признаюсь, это оказалось очень нелегко. Я прошел через огонь и воду, но сегодня мне было особенно трудно. У входа в каньон паслись лошади апачей. Хитрость и опыт помогли мне попасть на поляну и спрятаться за валуном. Благодарю Бога, что глаза и уши апачей были заняты погребением. Мне удалось все увидеть и услышать.

— Мой белый брат очень смелый человек, и похороны спасли ему жизнь.

— Именно это я и сказал. Как только все было кончено, Виннету велел привести лошадей.

— В горы?

— Да, и лошадей привели.

— Значит, он что-то задумал?

— Естественно. Он хотел, чтобы мы, заметив, как они уходят, пошли за ним следом и попали в ловушку.

— Почему ты так думаешь?

— Не думаю, а твердо знаю. Я все слышал.

— От кого?

— От Виннету. Я подслушал его разговор с Олд Шеттерхэндом.

— Уфф! Ты подслушал Виннету? Видно, действительно его мысли занимали умершие отец и сестра, а не мы.

— О, не сомневайся, и мы тоже. Иначе бы он не выставил на горе наблюдателя.

— И тот нас заметил?

— Надеюсь, что нет. Вот видишь, как хорошо, что я поехал вперед. Наблюдатель меня не заметил.

— Да, ты поступил очень мудро. Говори дальше!

— Привели коней, апачи без промедления покинули поляну и направились к узкому каньону в отвесных скалах.

— Значит, Виннету хочет закрыть каньон с двух сторон?

— Да, но после того, как вы туда войдете.

— Тогда он должен был поделить своих людей и одних поставить у выхода, а других — у входа.

— Я тоже так думаю.

— Земля там каменистая или покрыта травой?

— Каньон каменистый, а в долине растет трава.

— В таком случае мы заметим следы, оставленные вторым отрядом. Ничего у Виннету не выйдет, в засаду мы не полезем!

— Напротив, эти наглецы хитрее, чем ты думаешь. Второй отряд тоже проехал вместе с ними через каньон.

— Уфф. Так как же они собирались нас поймать?

— Я задал себе этот же вопрос, и ответ тут один: этот отряд зайдет нам в тыл кружным путем.

— Мой брат снова мудро рассуждает. Ты нашел этот путь?

— Да. Невзирая на большой риск, я обследовал каньон. А когда возвращался обратно, услышал торопливые шаги. К счастью, я успел укрыться за лежащими на дороге камнями. Это спасло меня. Мимо прошел апач.

— Может, это был наблюдатель с горы?

— Возможно.

— Увидел нас и поспешил с донесением к Виннету?

— Может, и нет. Просто уходя, Виннету послал гонца к наблюдателю передать, что они уже ушли из лагеря.

— В таком случае, они должны были вернуться вместе, но тот шел один. Выходит, я прав — он увидел нас и спешил к Виннету с донесением. Как хорошо, что тебе удалось спрятаться! Что ты делал потом?

— Я подумал: если апачи решили обойти нас с тыла, они затаятся только в одном месте — у входа в каньон. Спрячутся среди деревьев и, как только мы пройдем, незаметно последуют за нами и захлопнут ловушку. Я должен был убедиться в правильности своей догадки.

— Ты нашел их?

— Не сразу, так как прибыл на место раньше них, однако ждать долго не пришлось.

— Ты хорошо их разглядел?

— Это были Олд Шеттерхэнд, двое белых и десять индейцев.

— А Виннету поджидает нас у выхода из каньона?

— Точно. Решив попытать удачи еще раз, я подполз к ним ближе.

— О чем они говорили?

— Ни о чем. Белые разговаривали очень тихо, слов я не разобрал, потом они смолкли. Апачи тоже молчали. Я мог до Шеттерхэнда достать рукой. Вот бы он разозлился, узнай это!

Сантэр был совершенно прав. Еще бы не разозлился! Этот коварный и дерзкий человек сумел подслушать наш разговор с Виннету у могил, пробрался за нами в каньон, разгадал весь наш план! Он лежал на расстоянии вытянутой руки! Я ухватил его за край куртки! Что за невезение, сплошное невезение! И надо же, чтобы этому бандиту так сегодня везло! Если бы я поймал его тогда, все бы обернулось иначе! Да и моя собственная жизнь сложилась бы, возможно, совершенно по-другому.

Я еле сдерживал охвативший меня гнев. Правда, мы были квиты, поскольку теперь я разузнал намного больше его.

— Ты был так близко от этого пса? Так почему не воткнул ему нож в сердце? — возмутился вождь.

— А зачем? Только бы все испортил. Представляешь, какой бы поднялся шум? Апачи тут же сообщили бы Виннету, что его план раскрыт — и ищи ветра в поле, а кто мне покажет дорогу к золоту?

— Ты никогда не попадешь туда и ничего не получишь. Сэки-Лата остался на месте?

— Надеюсь.

— Что значит, надеюсь? Он что, пошел за тобой? Ты же говорил, что они ждут нас.

— Но они могли и передумать.

— Почему?

— Потому что Олд Шеттерхэнд узнал, что за ним подглядывали.

— Уфф! Но как он узнал?

— Да все из-за дурацкой норы в земле, будь она проклята! А заодно и зверь, что ее выкопал!

— Разве норы умеют говорить?

— Иногда случается. Так вот, я уже собрался уходить, но, неудачно повернувшись, правой ногой угодил в какую-то нору, на шум обернулся Шеттерхэнд и сразу ринулся за мной, я побежал, а он вцепился в мою куртку, чуть было не схватил меня, но мне удалось вырваться и отпрыгнуть в сторону. Он крикнул: «Стой, стрелять буду!» Понятно, такой глупости я не сделал, а, пользуясь темнотой, кинулся в лес, как можно дальше от проклятого места. Там переждал немного и пришел сюда.

— А что сделали его люди?

— Хотели идти искать меня вместе с ним, но он не разрешил и велел ждать. Он один искал меня. Я слышал его шаги, но потом и они стихли.

— Так, значит, он пошел искать тебя?

— Потеряв мой след, должен вернуться к своим.

— Он догадался, что это был ты?

— Думаю, нет, было слишком темно.

— А вдруг он все же сидит где-нибудь поблизости и следит за нами?

— Исключено, он же не знает, куда я пошел. Я довольно долго просидел в лесу и, только убедившись, что вокруг никого нет, добрался до опушки и помчался к вам, но вы тем временем сами пошли мне навстречу, и меня окликнул твой дозор.

— Что мой белый брат собирается делать?

— Сначала послушаю тебя.

— Из твоих слов я понял, что наш план раскрыт: теперь мы не можем врасплох застигнуть апачей и всех перебить. Мы должны уходить отсюда.

— Уходить? Ты хочешь уйти? Почему? Ты испугался горстки апачей?

— Надеюсь, мой белый брат не хочет меня обидеть? Я не испугался, но не хочу зря проливать кровь. Так поступит каждый мудрый воин, будь он храбрейший из храбрых.

— А как же ты надеешься поймать белых и апачей?

— Когда мы уйдем отсюда, они пустятся за нами в погоню.

— А если нет?

— Обязательно пойдут за нами. Виннету поклялся тебе отомстить, и он знает, что ты находишься у нас, поэтому пойдет по нашим следам. Уж мы постараемся оставить их, когда будем возвращаться в нашу деревню. И не забывай, там у нас в плену их друг Сэм Хокенс.

— Ты уверен, что апачи поспешат вслед за нами?

— Уверен, и будут очень торопиться.

— Чтобы схватить меня, как я понимаю! Ничего себе, приятное известие! Тут подвертывается такой случай осуществить все задуманное мной, а мне опять надо пускаться в бега!

— У тебя ничего не получится, и помни: пока ты с нами — ты в безопасности.

— Но как только апачи нагонят нас, вся безопасность вмиг улетучится.

— Не нагонят, мы будем далеко. Выступаем немедленно, они же тронутся за нами лишь утром.

— Ты решил немедленно возвращаться? Разумно ли? Подумай хорошенько, как примет тебя вождь Тангуа, когда узнает, что ты упустил возможность отомстить за него, хотя ничто не мешало тебе!

Вождь замолчал, похоже, Сантэр попал в точку. Почувствовав это, Сантэр удвоил усилия:

— Пойми, сейчас все складывается для нас как нельзя лучше! Нам остается лишь заманить апачей в их же собственную ловушку!

— Уфф! Каким образом?

— Разбив поочередно оба их отряда.

— Тогда сначала расправимся с отрядом Сэки-Латы! Согласен?

— Согласен.

— Значит, утром мы проедем мимо них, словно ни о чем не подозревая...

— Нет, — перебил Сантэр, — до утра ждать нечего, надо напасть прямо сейчас!

— Уфф! Объясни, что мы должны делать?

— Все очень просто: я проведу вас к лагерю Олд Шеттерхэнда. Кайова видят в темноте как кошки и ползают по земле как змеи. Мы окружим их, и я подам знак к нападению. Мы их заколем, прежде чем они опомнятся. Никто не должен уцелеть.

— Уфф, уфф, уфф! — одобрили план Сантэра сидящие рядом индейцы.

Но вождь не спешил с ответом.

— Если действовать очень осторожно, может быть, и получится, — наконец проговорил он.

— Не может быть, а обязательно получится! Самое главное — незаметно окружить их, а это раз плюнуть. Несколько взмахов ножа и дело сделано. Всю добычу забирайте себе, мне ничего не надо. А потом займемся Виннету.

— Сегодня же ночью?

— Нет, утром. Он мне очень нужен, я должен все время видеть его, а ночью это невозможно. Мы последуем примеру апачей и тоже разделимся. Один отряд я доведу до каньона, где воины проведут ночь. А на рассвете Виннету заметит их и вступит в бой, надеюсь, что с другой стороны по нам ударит отряд Шеттерхэнда. Я же со вторым отрядом зайду Виннету в тыл той самой дорогой, которой в свое время шел Шеттерхэнд, но только в обратном направлении: через лес, потом вдоль подножья горы и прямо к выходу из каньона, где стоит Виннету. В пылу сраженья он и не заметит нас. И сам угодит в ловушку, расставленную на нас! Ему придется сдаться, если он не захочет погибнуть и погубить своих людей, которых у него, кстати, очень мало: самое большее человек пятнадцать. Вот мой план.

— Если все будет так, как ты сказал, я одобряю его.

— Ты согласен?

— Да. Мне надо во что бы то ни стало привести живого Виннету к

вождю Тангуа, и твой план поможет мне!

— Надо торопиться!

— Незаметно, да к тому же в темном лесу, окружить лагерь Сэки-Латы будет очень нелегко, я пошлю самых ловких и зорких воинов.

Тут вождь принялся вызывать их по именам, а мне самое время было уходить, чтобы успеть предупредить своих товарищей. Я сполз с камней на землю, пятясь, удалился на безопасное расстояние и поспешил к месту нашей стоянки. Добравшись до зарослей кустарника, я рискнул выйти из леса и помчался к своим по освещенной звездами долине. Друзья уже беспокоились обо мне.

— Кто идет? Сэр, это вы? — спросил Дик Стоун, услышав шаги.

Я отозвался.

— Где вы так долго пропадали? Неужели здесь в самом деле кто-то был? Какой-нибудь кайова наткнулся на вас?

— Это был Сантэр!

— Сто тысяч чертей! Он?! Ему удалось удрать? Этот негодяй сам лез к нам в руки, а мы его упустили?!

— Приготовьтесь к самому худшему, но рассказывать нет времени, надо уносить отсюда ноги. Потом все узнаете.

— Уносить ноги? Почему?

— Потому что сюда идут кайова, чтобы напасть на нас.

— Вы шутите?

— Какие могут быть шутки? Я подслушал их разговор. Сейчас они нападут на нас, а завтра — на Виннету. Они знают наши планы. Поэтому мы быстро снимаемся с места!

— И куда двинемся?

— К Виннету!

— Через лес? В темноте? Мы же свернем себе шею!

— Значит, надо взять глаза в руки и вперед!

Опасное это дело для человека — пробираться сквозь лесную чащу в кромешной тьме. Следуя моему приказу, все полностью доверились рукам. Двое шли с вытянутыми вперед руками и нащупывали дорогу, за ними, держась друг за друга, — остальные. Целый час мы брели таким образом, стараясь не потерять направления. Выйдя из леса, мы обогнули подножие горы и вышли к каньону, где ночевал отряд Виннету.

С той стороны, откуда мы подошли, Виннету нечего было опасаться, и тем не менее он выставил стражу, которая остановила нас резким окриком. Я ответил так громко, что все апачи повскакали с мест.

— Это ты, мой брат Сэки-Лата? — сильно удивился Виннету. — Что-

нибудь случилось? Мы напрасно прождали кайова.

— Они придут только завтра, и не через каньон, а с противоположной стороны, и намерены расправиться с вами.

— Уфф! Но сначала они должны были расправиться с тобой или, по крайней мере, узнать все наши планы.

— Они их знают!

— Не может быть!

— Увы, но это так! Во время похорон на поляне укрылся Сантэр и подслушал наш разговор.

Лицо Виннету скрывала темнота, и я не мог видеть, какое впечатление произвели на него мои слова. Он только очень долго молчал. Затем попросил меня сесть рядом.

— Откуда ты знаешь об этом? Ты тоже его подслушал?

— Да.

— Значит, наш план сорван! Расскажи, что произошло?

И я стал рассказывать. Апачи столпились вокруг, стараясь ничего не пропустить, часто прерывая мой рассказ возгласами удивления. Виннету не проронил ни слова. Когда я закончил, он спросил:

— Мой брат Сэки-Лата решил, что самым разумным будет покинуть свой пост?

— Да. Я обдумывал два пути выхода из положения, ни тот ни другой не годились при создавшихся обстоятельствах.

— Какие два пути?

— Первый — мы отходим немного в сторону и ждем там до утра.

— И поступаете неправильно, потому что утром против вас выступят пятьдесят воинов неприятеля. А второй?

— Остаться на месте. Признаюсь, мне очень хотелось сделать именно так. Я подумал, что Сантэр пойдет впереди отряда, я бы его подстерег, оглушил, а потом, взвалив на спину, принес сюда.

— Мой брат отважный воин, однако за эту дерзость ты мог бы заплатить собственной жизнью. С бесчувственным Сантэром далеко не уйдешь, тебя бы схватили и убили.

— Я тоже подумал об этом, и кроме того, где уверенность, что именно Сантэр пойдет впереди всех? Он мог только сказать кайова, где нас искать. Вот почему я и решил, что лучше всего нам вернуться к тебе.

— Ты поступил очень верно, мой брат всегда делает так, как сделал бы я на его месте.

— Еще я решил, что надо вернуться к тебе, чтобы обсудить наши дальнейшие действия.

— Что нам посоветует делать мой брат Сэки-Лата?

— Пока мы не узнаем, что решат кайова, не обнаружив моего лагеря, наши руки связаны.

— Давай попробуем обойтись без разведчиков и предугадаем ход их действий, — предложил Виннету.

— Да, попробовать, пожалуй, можно, но картина не будет полной. Это надо видеть и слышать. Как известно, человек полагает, а Бог располагает.

— Не забывай, что кайова — не маленькие дети, а взрослые и опытные воины. Они выберут самое мудрое и единственно правильное решение.

— Вернутся в деревню?

— Да. Тебя не найдут, значит, Сантэра уже не послушают, и вождь прикажет возвращаться. Я уверен — нападения не будет.

— Сантэр попытается их уговорить!

— Возможно, но они не послушают его и сделают по-своему.

— А мы? Что будем делать мы? Отправимся за ними, как они думают?

— Или опередим их!

— Отлично! А потом нападём!

— Может быть, но я придумал кое-что получше. Мы должны схватить Сантэра и освободить Сэма Хокенса, поэтому наш путь лежит в селение вождя Тангуа, но мы выберем не ту дорогу, по которой поедут кайова. Они не должны догадаться, что мы отправились туда.

— Мой брат Виннету знает, где находится селение Тангуа?

— Да. Оно расположено на реке Солт-Форк, северном притоке Ред-Ривер.

— К юго-востоку отсюда?

— Да.

— Значит, нас ждут с северо-запада. А мы подойдем с противоположной стороны — с юго-востока?

— Мой брат понял меня. Он словно читает мои мысли. Я вижу, что сбываются слова, сказанные моим отцом Инчу-Чуной, когда мы пили чашу братания: «Душа обитает в крови. Души двух молодых воинов сольются в одну. Что задумает Сэки-Лата, станет мыслью Виннету, а что захочет Виннету, станет желанием Сэки-Латы». Все именно так и происходит. Он увидел будущее. Так пусть возрадуется он в Стране Вечной Охоты, узнав, что сбылось его предсказание! Хуг!

Виннету охватило волнение. Он умолк, отдавая дань уважения отцу и мудрому вождю Инчу-Чуне, и мы все почтили молчанием его память. Спустя несколько минут, откашлявшись, чтобы скрыть обуревавшие его чувства, Виннету сказал:

— Да, мы пойдём в селение Тангуа, но не самой близкой дорогой, как кайова, а обогнём их земли и зайдём с той стороны, где нет сторожевых постов. Остается только решить, когда мы отправимся? Что скажет Сэки-Лата?

— Можем идти прямо сейчас, путь неблизкий, и чем раньше двинемся, тем скорее доберемся до цели. Но позволь мне дать тебе один совет: не торопись.

— Почему?

— Мы не знаем, когда кайова покинут эти места.

— Вероятно, уже сегодня ночью, — предположил Виннету.

— И я так думаю, однако могут задержаться до утра. К тому же кто знает, не вздумают ли они все-таки напасть на нас. Мы должны быть готовы к тому, что они решатся пойти по нашим следам, разгадав наш план.

— Мой брат снова читает мои мысли. Подождём, пока кайова уйдут, но ночь проводить здесь нельзя, слишком велика опасность...

— Необходимо найти укромное место, откуда в дневное время хорошо просматривается выход из каньона.

— Я знаю такое место. Берите лошадей под уздцы и следуйте за мной!

Собрав лошадей, пасущихся неподалеку, мы поспешили за Виннету в открытую прерию. Пройдя несколько шагов, мы очутились у небольшой рощицы, где и разбили лагерь в надежде, что кайова не найдут нас. Утром каньон виден будет отсюда как на ладони.

Ночь была холодной, как и все предыдущие. Мой конь опустил на землю, и я устроился у его бока. А умное животное, словно все понимая, лежало спокойно, так что я, почти не просыпаясь, проспал до утра.

Рассвело. Мы не сразу вышли из укрытия, а примерно час наблюдали за каньоном. Пока все было тихо. Где же кайова? Разведка заняла бы много времени, и я предложил Виннету следующее:

— Кайова подошли к Золотой горе со стороны прерии и наверняка возвратятся той же дорогой. Для чего нам терять время в поисках? Обойдем гору и выйдем к тому месту, где обнаружил их вчера твой разведчик. Тогда все станет ясно.

— Мой брат прав, мы так и сделаем.

Мы поскакали вокруг гор, но на этот раз с севера на юг. Мои предположения подтвердились: когда мы выехали в прерию, перед нами были два четких следа. Один, вчерашний, вел в долину, второй, сегодняшней, в прерию. Кайова ушли. Тем не менее мы еще раз внимательно осмотрели окрестности. Да, кайова действительно ушли.

Следы лошадей вели от Золотой горы и дальше совпадали со старыми.

Они были столь отчетливы, что Виннету усмехнулся:

— Кайова так стараются оставить следы, что это не может не вызвать подозрений. Они хотят нас перехитрить, а сами ведут себя как малые дети.

Он нарочно сказал это очень громко, чтобы пленный кайова, которого мы везли с собой, услышал его, потом, обращаясь прямо к нему, вождь добавил:

— Ты умрешь, если твои сородичи не освободят Сэма Хокенса или выяснится, что его пытали. А если мы освободим тебя, то передай, что далеко им до хитрости апачей! Мы и не подумаем идти по их следу! — И он приказал свернуть со следа, оставленного кайова. Теперь наш путь лежал на восток. Мы проезжали между Канейдиан и северными притоками Ред-Ривер.

Недавняя погоня за Сантэром утомила лошадей, и мы вынуждены были продвигаться довольно медленно. Я боялся, что задержит нас и нехватка продовольствия, так как запасы подошли к концу. Нельзя было терять драгоценного времени на охоту, и к тому же мы могли случайно выдать себя.

К счастью, вечером нам повстречалось небольшое стадо бизонов, остатки огромных скоплений животных, перемещающихся на юг. Подстрелив двух коров, мы запаслись мясом на целую неделю и со спокойным сердцем продолжали путешествие.

На следующий день мы выехали к северному притоку Ред-Ривер. Воды в нем было немного, зато по берегам хватало пастбищ для наших лошадей. Левый приток Ред-Ривер — Солт-Форк — образует здесь излучину, где тогда располагалось селение вождя кайова Тангуа. Поскольку мы шли вдоль левого берега Ред-Ривер, кайова могли нас и не заметить, но все же ночью мы обошли стороной устье Солт-Форк и только утром вышли к Ред-Ривер. Тут мы нашли удобное место для стоянки. Однако отдохнуть после ночной скачки мне не пришлось: Виннету попросил меня сопровождать его в разведке.

До этого наш путь пролегал вниз по реке, а на сей раз надо было подняться вверх по течению, да к тому же перебраться на правый берег. Сделали мы это подальше от лагеря, чтобы запутать следы. Спустившись к одному из притоков Ред-Ривер, мы на лошадях вошли в воду и двинулись против течения.

Через полчаса, выбравшись на берег, мы по прерии поскакали обратно к Ред-Ривер, оставив таким образом наш лагерь в нескольких английских милях ниже по течению.

Объезд занял много времени, однако наши усилия неожиданным

образом были вознаграждены, и скорее, чем мы думали. Еще до того, как выйти к реке, мы увидели двух всадников и дюжину нагруженных мулов. Один всадник трусил впереди, второй замыкал караван. Лица нельзя было разглядеть, но, судя по одежде, это были белые.

Они тоже заметили нас и остановились. Проехать мимо — значило вызвать их подозрение, да к тому же в разговоре можно почерпнуть кое-что полезное. Нападать на нас им не было смысла, а захоти они выяснить, кто мы такие и откуда, идти по нашему следу им и в голову не пришло бы. Я спросил Виннету, не стоит ли нам подъехать к ним. Он согласился.

— Это бледнолицые торговцы, они ведут меновую торговлю с кайова. Но кто мы такие, говорить не следует.

— Хорошо. Тогда я представлюсь младшим служащим Агентства по делам индейцев; по долгу службы еду к кайова, а ты индеец племени пауни, мой проводник и переводчик.

— Согласен. Поговори с этими бледнолицыми.

И мы направились к ним. Они — по обычаю Дикого Запада — схватились за оружие и настороженно поджидали нас.

— Отбросьте оружие, господа! — сказал я, подъехав к ним. — Мы вас не тронем.

— Тем лучше для вас, — ответил один из них. — А ружья держим наготове не из страха, а из осторожности. Никогда не известно, с кем повстречаешься в пути.

— Мы вам кажемся подозрительными?

— А как же? Если встречаешь в прерии двух джентльменов — краснокожего и белого, которые неизвестно чем занимаются... Вы к тому же одеты как индеец, и я бы сильно удивился, узнай, что имею дело с честными людьми.

— Спасибо за откровенность! Лучше знать заранее, что о тебе думают. Однако спешу вас заверить, вы ошибаетесь.

— Возможно. Впрочем, на грабителя вы и вправду не похожи. А теперь не соблаговолите ли сказать, откуда едете?

— С удовольствием. Нам нечего скрывать. От Фальце Вашита.

— Ага! А куда?

— К индейцам кайова.

— К кому именно?

— К вождю Тангуа.

— Это недалеко отсюда.

— Я знаю. Стойбище в междуречье Ред-Ривер и Солт-Форк.

— Точно. Но не побрезгуйте добрым советом и поверните обратно. Не

вздумайте даже соваться к кайова.

— Почему?

— Не стоит отдавать себя на растерзание индейцам.

— Я и не собираюсь ни теперь, ни в будущем.

— Что нам готовит судьба, сказать трудно. От всего сердца предупреждаю вас. И причины весьма серьезные. Мы, собственно, возвращаемся от Тангуа. Он похвально свернуть шею каждому встречному белому и краснокожему из другого племени.

— Как это мило с его стороны! Он что, сам вам об этом сказал?

— Конечно же, и несколько раз.

— Вот шутник.

— Ого-го! Он вовсе не шутил!

— Не шутил? Но тогда каким же чудом я имею возможность лицезреть вас в добром здравии? Тангуа грозит убить каждого белого и каждого краснокожего. Я правильно вас понял? А вы кто же — негры?

— Оставьте ваши глупые шутки! Он отпустил нас с миром, потому что мы с ним старые добрые друзья и уже много раз приходили в его селение. Мы торговцы, как вы, наверное, догадались, и, заметьте, честные торговцы, а не всякие там прохвосты, которые на каждом шагу обирают индейцев. Для нас двери всегда открыты, и кайова не дураки, чтобы набрасываться с ножом на порядочного человека, но вас непременно прикончат. Поверьте мне.

— Надеюсь, что не прикончат, я ведь тоже еду с добрыми вестями.

— Не может быть! Тогда скажите, кто вы такой?

— Я служащий Агентства.

— Агентства? О Господи, еще хуже! Не сердитесь, но только вам я открою: краснокожие ненавидят агентов, потому что... потому что... — он замялся, а я закончил за него:

— Потому что они столько раз их обманывали. Вы это подумали, и я полностью с вами согласен.

— Вот уж приятная неожиданность! Услышать именно от вас, что вы, агенты, — прохвосты! — засмеялся он. — При последних поставках индейцев страшно надули. Ну, коли вам не терпится угодить прямо в плен, то милости прошу, можете ехать. Столбы пыток индейцы приготовили. Вас ждет самый горячий прием.

— Я не привык отступать, сэр. Возможно, кайова поначалу и не особенно обрадуются, но, узнав приятные новости, надеюсь, сменят гнев на милость. Я спешу сообщить им, что недостающий товар выслан и вскоре они его получат.

— Сто тысяч чертей! Вы прямо какая-то белая ворона! — удивился торговец. — Ну тогда, конечно, можете смело ехать. А зачем понадобился этот краснокожий?

— Я не знаю диалекта кайова, это переводчик из племени пауни, которого к тому же знает Тангуа.

— Отлично! В таком случае все в полном порядке, напрасно я вас пугал, хотя, признаюсь, Тангуа страшно зол на весь свет.

— Из-за чего?

— В последнее время его преследуют одни неудачи. На его территорию вторглись апачи и отбили табун лошадей. Он пустился в погоню, но — опять невезение, поскольку апачей было втрое больше. И все равно кайова разбили бы врагов, не подсоби им белые вестмены. Один из них, которого прозвали Олд Шеттерхэнд, выстрелом покалечил Тангуа. Говорят, он любого великана одних махом валит с ног, вот это громила! Однако даром ему это не пройдет!

— Не пройдет? Краснокожие решили отомстить?

— Естественно. У Тангуа прострелены оба колена, он недвижим, посему он рвет и мечет и не успокоится, пока не заполучит этого белого громилу и Виннету.

— А кто такой Виннету?

— Молодой вождь апачей, он сейчас с небольшим отрядом в двух днях пути отсюда, а вместе с ним и белые. Кайова выслали им навстречу отряд как приманку и хотят заманить в ловушку.

— Неужели эти белые и апачи настолько глупы, чтобы угодить в ловушку?

— Тангуа уверен в успехе. Он велел наблюдать за передвижением апачей и очень надеется их поймать. Меня, правда, это не касается, но сам я белый и решил убраться отсюда подобра-поздорову, хотя собирался погостить у Тангуа, но знаете, как-то нет желания смотреть на мучения белых.

— А вы не хотели бы им помочь?

— При всем моем желании я бы ничего не смог сделать. И потом, с какой стати нарываться на неприятности? У меня с кайова, так сказать, чисто деловые отношения, мне и в голову не придет навредить себе, вступаясь за их врагов. Кстати, я было попробовал — сердце-то не камень, но получил такой отпор, что предпочел держаться от всего этого подальше. Тангуа словно бешеный волк!

— Да, можно себе представить!

— Вы знаете, одного белого они уже поймали, кажется, друга

самого... как его... Олд Шеттерхэнда. Да, скажу я вам, вот это храбрец! Смеется и вообще ведет себя так, будто смерть ему нипочем.

— Вы видели его?

— Да, когда его привели, но потом кайова связали пленника и отправили на остров.

— На остров? Он у них вместо тюрьмы?

— Не знаю, островок лежит на реке в нескольких шагах от деревни, туда просто так не подступишься, да к тому же пленника хорошо охраняют.

— Вы с ним разговаривали?

— Да так, перекинулся несколькими словечками, поинтересовался, не могу ли чем помочь. А он улыбнулся и по-дружески ответил, что ему чертовски хочется имбирного пива, и спросил, не смотаюсь ли я в Цинциннати за бутылочкой этой амброзии. Шутник, сущий комедиант. А на мои слова о грозящей ему смерти он только расхохотался, попросил не принимать все так близко к сердцу, поскольку на свете есть люди, которые позаботятся о нем. И тем не менее я замолвил за него словечко, но Тангуа прогнал меня. Обхождение с пленником, скажу откровенно, приличное, так как у Шеттерхэнда тоже имеется заложник. Только Сантэр не перестает портить белому последние дни жизни.

— Сантэр? Судя по фамилии, он белый? Значит, там есть и белые?

— Только Сантэр — пренеприятнейший тип, скажу вам. Он прибыл вместе с краснокожими и сразу же набросился на пленника. У вас будет возможность с ним познакомиться, когда приедете в деревню.

— А что он там делает?

— Не знаю. Поскольку он мне не понравился, я особенно не напрашивался на разговор, хотя мог порасспросить индейцев, но воздержался. Мое правило не лезь, куда не просят, и это очень выручает в жизни.

— А что, этот Сантэр — гость вождя? Ему выделили вигвам?

— Да, но не рядом с вождем, как положено почетным гостям, а какую-то развалюху на краю селения. Похоже, Тангуа особо его не жалует.

— А как зовут белого пленника?

— Сэм Хокенс — храбрый, видать, вестмен, хоть и большой шутник. Очень жаль его, да что поделаешь. Может, вождь послушает вас, а? Заступитесь за него.

— Попробую. Не могли бы вы точно сказать, где находится вигвам этого Сантэра?

— Да вы сами увидите: четвертый или пятый от реки. Уверен, Сантэр вам не понравится, вот у него уж точно лицо висельника. И лучше

остерегайтесь его. Несмотря на ваше звание, вы еще очень молоды, и мой добрый совет не сочтите за оскорбление. Ну, мне пора. Будьте здоровы и счастливого вам возвращения!

И, несмотря на то, что стоило бы выяснить еще кое-какие подробности, я не стал задерживать торговца.

Виннету одобрил мои действия.

— Мой брат узнал достаточно, лишние расспросы могут вызвать подозрение; они все-таки друзья наших врагов, — сказал он, когда мы тронулись в путь.

— Мы и так многое узнали, без труда найдем Сантэра и Сэма. Пора возвращаться.

— Да. Как только торговцы отъедут подальше, возвращаемся в лагерь. Думаю, нет смысла немедленно проверять все, что сказал этот бледнолицый, многое стало ясно, и сегодня вечером мы нанесем визит кайова.

Торговцы вскоре исчезли за горизонтом. Навьюченные животные не позволяли передвигаться быстрее, что, как позже выяснилось, обернулось большим несчастьем. У кайова они перекупили звериные шкурки — желанную добычу всех любителей поживиться за чужой счет.

Приняв все меры предосторожности, мы прежней дорогой вернулись в лагерь.

Дик Стоун и Билл Паркер остались весьма довольны результатами нашей разведки, но особенно обрадовались, узнав, что Сэм Хокенс находится в добром здравии и отличном настроении. Друзья хотели пойти с нами, но Виннету отказал:

— Пусть мои белые братья пока останутся здесь, сегодня мы вряд ли освободим Сэма. А вот завтра — вполне возможно, и тогда ваша помощь нам очень понадобится.

Хотя укрытие было выбрано довольно удачно, Виннету все же приказал перебраться на остров, расположенный чуть ниже по течению Ред-Ривер, опасаясь, как бы какому-нибудь кайова не пришлось в голову заглянуть сюда.

— Там много деревьев и кустов, и никто нас не заметит, — объяснил он.

Быстро собравшись, мы спустились вниз по реке. Вода стояла высоко, течение было быстрое, однако мы легко переправились на лошадях на остров. Виннету оказался прав: остров был внушительных размеров и весь покрыт густой растительностью, так что и люди, и кони нашли хорошее укрытие.

Я устроился в зарослях в надежде хоть немного выспаться, поскольку рассчитывать на сон в ближайшую ночь не приходилось, главным образом из-за... воды. В эту ночь нам предстояло четырежды окунуться в студеную воду, а была уже вторая половина декабря.

Сэма Хокенса держали на маленьком острове, и пробраться к нему можно было только вплавь, сначала с нашего острова на берег, затем с берега — на островок к Сэму и, конечно, обратно. В мокрой одежде в холодную пору года вряд ли кто-нибудь почувствует себя уютно, поэтому я решил вздремнуть и набраться сил.

Стемнело. Нас разбудили — пора было отправляться в деревню. Освободившись от лишней одежды и содержимого карманов, а из оружия оставив только ножи, мы прыгнули в воду, переплыли на другой берег и направились к Солт-форк. Через час мы добрались до устья реки. На левом берегу в сотне шагов от нас горели костры.

Стоя на правом берегу, мы наблюдали за тем, что происходило в деревне. Кстати, «деревня» индейцев сильно отличается от европейской. Привычных домов и садов в ней нет, а стоят лишь вигвамы из толстых шкур. Летом краснокожие перебираются, как правило, в более легкие жилища.

Почти перед каждым вигвамом горел костер, у которого грелись и ужинали кайова. В центре деревни стоял самый большой вигвам, вход в который украшали особой формы амулеты с перьями. У костра сидел вождь Тангуа в компании восемнадцатилетнего юноши и двух мальчиков лет двенадцати и четырнадцати.

— Эти трое — сыновья Тангуа, — объяснил Виннету. — Самый старший — его любимец и в будущем станет отважным воином. За быстрые ноги его прозвали Пида, что значит Олень.

Женщины сутились за вигвамами. По обычаям индейцев, жены и дочери, хотя и выполняют самую тяжелую работу, лишь прислуживают мужчинам во время трапез, довольствуясь остатками пищи.

Недалеко от берега в отблесках костров виднелись очертания трех небольших островов. Мы пытались разгадать, на котором из них кайова держат Сэма Хокенса, но пока нам это не удалось. Тем временем небо заволочло тучами.

— На каком из них может быть Сэм? — спросил я Виннету, указывая на островки.

— Пусть мой брат вспомнит, что говорил торговец, — ответил Виннету.

— Он сказал, что островок совсем рядом с берегом. Первый и третий

слишком далеко, выходит — второй, тот, что посередине.

— Похоже на то. А теперь взгляни направо, на край деревни. Сантэр живет в пятом или четвертом вигваме. Давай разделимся. Я пойду за Сантэром, убийцей отца и сестры, а ты выручай Сэма, он твой друг.

— Где встретимся?

— Здесь.

— Если все обойдется. На случай, если одного из нас обнаружат и ему придется бежать, давай назначим место встречи где-нибудь подальше от деревни.

— Дело предстоит нелегкое, а моему брату грозит двойная опасность, в реке не спрячешься. А если сумеешь уйти от погони, возвращайся на наш остров, но окольным путем, чтобы кайова не пронюхали, где мы остановились.

— Но утром они и так увидят наши следы!

— Нет, скоро пройдет дождь и все смоет.

— Хорошо! Ну а если попадешься ты, я тебя выручу.

— Не волнуйся, и давай пожелаем друг другу удачи. Взгляни на тот берег. У пятого вигвама темно, похоже, Сантэр спит, и надо воспользоваться случаем. — И Виннету бесшумно удалился.

Он собирался пройти по берегу вдоль реки, за деревней переплыть на другой берег и незаметно пробраться к вигвамам с противоположной стороны.

Островок, где находился Сэм, освещался пламенем костров. И островок, и река вокруг него были видны как на ладони. Я мог подобраться к нему только под водой. Но плыть к острову тоже было рискованно: я мог вынырнуть у часового под носом. Поэтому сначала я решил добраться до первого островка, лежащего в двухстах метрах от второго и, похоже, необитаемого, а там осмотреться и решить, как действовать дальше.

Идя вдоль реки, я пристально всматривался в первый островок. Не обнаружив ничего подозрительного, потихоньку вошел в воду, нырнул, а благополучно добравшись до берега, высунул голову, чтобы перевести дыхание и набрать воздуха. И тут обнаружил, что достичь своей цели могу совершенно иным путем.

Островок, у которого я стоял в данный момент в воде, лежал в каких-то двадцати метрах от берега, здесь покачивались привязанные к кольям пироги. «Отличное прикрытие!» — осенило меня, и я тут же глубоко нырнул. Перебираясь от одной лодки к другой, я наконец нашел место, откуда островок Сэма был виден как на ладони.

Он был весь покрыт невысоким кустарником, над которым

возвышались два дерева. Ни Сэма, ни охраны не было видно. Только было я собрался снова нырнуть, как услышал над собой, на высоком берегу, какой-то шорох. Глянув вверх, я увидел спускающегося индейца. Это был Пида, сын вождя Тангуа. К счастью, он не заметил меня, вскочил в лодку и стал грести к островку, где находился Сэм. Мне пришлось заpastись терпением.

Вскоре до меня стали долетать обрывки разговора, я узнал голос Сэма. Я подплыл к последней в ряду пироге, которых, кстати, было огромное множество, словно каждый кайова имел собственную лодку, вынырнул и услышал голос сына вождя:

— Мой отец Тангуа приказывает, чтобы ты сказал!

— Вот еще! — отвечал Сэм.

— Тебя ждут самые страшные пытки! — угрожал Пида.

— Не смешите меня! Сэм Хокенс — и пытки? Хи-хи-хи! Твой папаша уже раз пытался это сделать, там, у Рио-Пекос. И знаешь, чем все это кончилось?

— Этот койот Сэки-Лата ранил его!

— Точно! Так будет и здесь! Я не боюсь вас!

— Ты сошел с ума. Подумай, о чем ты говоришь? Ты в плену и крепко связан.

— Спасибо дорогому Сантэру за эти ремешки, мне в них так удобно.

— Я знаю, тебе очень, даже очень больно. И как же ты собираешься бежать, если кругом охрана, а ты крепко привязан к дереву?

— Молодой человек, предоставьте это дело мне. Тут прекрасный климат, и я пока не тороплюсь покидать ваш гостеприимный край. Но когда надумаю прощайте навек!

— Мы тебя отпустим, но только скажи — куда он пошел?

— И не подумаю. Теперь я все понял. Сантэр пугал меня, рассказывая о приключениях у Золотой горы, привирая при этом безбожно. Я же догадываюсь, как было дело, и смеюсь над вами. Вам ни за что не поймать Виннету и моего ученика Олд Шеттерхэнда, хи-хи-хи!

— А как же ты, его учитель, попался к нам в руки? — съехидничал Пида.

— А просто так, дай, думаю, попадусь, — не моргнув глазом, отпарировал Сэм. — Просто страшно соскучился по вас, вот и надумал малость погостить, чтоб мне лопнуть! И с чего это вы взяли, что Виннету и Олд Шеттерхэнд побегут за вами? Чепуха! Затея ваша сорвалась, апачей — нет как нет, и вы ломаете голову, где они, а я, видите ли, должен вам сказать, куда они поехали? Да откуда я знаю? А... впрочем, знаю, но не скажу, ты сам скоро и без меня все узнаешь...

В этот момент раздались громкие окрики, и Сэм замолчал.

Слов я не понимал, но в шуме явно слышались крики погони, вдруг я различил четко произнесенное имя Виннету.

— Слышишь, где они? — с ликованием воскликнул Сэм. — Где Виннету, там и Сэки-Лата! Пришли наконец-то, голубчики!

Крики и топот бегущих индейцев усиливались. Они заметили Виннету, но пока его не поймали. Срочно надо было действовать. Сын вождя в одно мгновение прыгнул в пирогу, на ходу отдавая стражникам приказ:

— Приготовьте ружья и стреляйте в каждого, кто попытается освободить его! — и погреб к берегу.

Мне не терпелось освободить Сэма в тот же день, но сейчас об этом нечего было и думать. При моем появлении стражники убили бы и Сэма, и меня, выполняя приказ юного вождя.

Пока Пида греб к берегу, мне пришла в голову дерзкая мысль. Он любимый сын вождя, и если бы я взял Пиду в заложники, то можно было обменять его на Сэма. План был, конечно, дерзкий, но вполне выполнимый.

Я огляделся. Виннету бежал к Ред-Ривер, потом свернул влево, оставляя наш лагерь правее. Он уводил преследователей от нашей стоянки. Кайова неслись вслед за ним с криками и воплями, часовые повернулись ко мне спиной и уставились на тот берег. Поблизости никого не было. Сын Тангуа доплыл до берега и, когда, наклонившись, принялся привязывать пирогу, я выскочил из воды прямо у него перед носом и одним ударом повалил на землю. Потом втащил в лодку, забрался в нее сам и погреб вверх по течению вдоль самого берега. Все произошло мгновенно и, главное, незаметно: стражники по-прежнему следили за происходящим в деревне.

Я греб изо всех сил, чтобы как можно быстрее выбраться за пределы деревни. А когда огни костров исчезли, я пересек реку, вытащил лежащего без сознания индейца на берег, отрезал у лодки ремни и связал юношу, а пирогу, чтобы не выдала меня, вытолкнул на середину реки. Потом взвалил связанного парня на спину и медленно пошел к нашему лагерю.

Доставить добычу оказалось труднее, чем я думал. Придя в себя, Пида стал яростно сопротивляться. Пришлось пригрозить ему ножом.

— Ты кто? — в бешенстве кричал он. — Паршивый бледнолицый, завтра мой отец Тангуа расправится с тобой!

— Он не догонит меня, он не может ходить, — спокойно возразил я.

— Зато у него есть множество воинов, они по его приказу пойдут по твоим следам.

— Не страшны мне ваши воины, и каждого ждет участь твоего отца,

пусть только сунутся!

— Уфф! Ты дрался с моим отцом?

— Да, это я раздробил ему колени!

— Уфф, уфф! Значит, ты Сэки-Лата? — поразился Пида.

— Ты еще не понял? Кто же, как не я и Виннету, осмелится пробраться в вашу деревню и похитить сына вождя?

— Уфф! Пусть я умру, но вы не услышите из моих уст ни одного крика боли!

— Мы не желаем твоей смерти, потому что мы не убийцы. Если твой отец выдаст обоих бледнолицых, мы тебя отпустим.

— Сантэра и Хокенса?

— Да.

— Он их выдаст, потому что сын для него важнее сотни бледнолицых.

После этого разговора Пида послушно пошел со мной. Предсказание Виннету сбылось: начался дождь, да такой сильный, что я не мог найти наш остров и был вынужден укрыться под густым деревом, чтобы переждать и продолжить поиски на рассвете.

Отдых под деревом превратился в настоящую пытку: дождь не прекращался, а до рассвета было далеко. Я начал зябнуть в мокрой одежде и, чтобы согреться, принялся махать руками и делать упражнения. Лежащему без движения индейцу я мог только посочувствовать, правда, он был более закаленным.

Но наконец Бог внял моим молитвам: дождь кончился и начало светать, однако все вокруг утонуло в густом белом тумане. Тем не менее я вскоре легко обнаружил наш остров; я позвал и тут же услышал голос Виннету:

— Это ты, мой брат, Сэки-Лата?

— Я!

— Иди сюда! Не зови! Это опасно.

— Я взял пленника. Нужны хорошие пловцы и ремни.

— Сейчас приплыву, — ответил Виннету.

Как же я был счастлив, что Виннету ускользнул от кайова! Немного погодя в тумане на поверхности реки показалась его голова. Вскоре он выбрался на берег, сильно удивившись при виде индейца:

— Уфф! Пида, сын вождя? Где мой брат его поймал?

— На берегу, у острова, где держат Хокенса.

— Ты видел Сэма?

— Нет, зато очень хорошо слышал его разговор с Пидой. Сэма можно было освободить, но в деревне обнаружили тебя, и я пока оставил Сэма на

острове.

— Мне не повезло. Когда я добрался до вигвама Сантэра, неожиданно появились кайова. Я попытался незаметно отползти, но они увидели меня, к тому же и узнали. Пришлось бежать. Сантэра, к сожалению, я не видел.

— Скоро увидишь. Мы обменяем Пиду на Сэма и Сантэра. Сам он не возражает и думает, что его отец согласится.

— Уфф! Отлично! Просто и отлично! Мой брат Сэки-Лата поступил очень отважно и мудро, захватив Пиду в плен. Это большая удача!

Заверяя Виннету, что мы вскоре встретимся с Сантэром, я не представлял, что это произойдет намного раньше, чем мы думали.

А пока, привязав Пиду к себе, так что наши плечи соприкасались, мы вошли в воду и поплыли на остров.

На реке стоял густой туман, и в десяти метрах ничего не было видно, зато, как известно, слышимость в тумане преотличнейшая. Когда до берега оставалось совсем немного, Виннету вдруг насторожился:

— Тихо! Слышишь?

— Что?

— Похоже на плеск весел выше по реке.

— Давай подождем!

— Послушай!

Мы прислушались, стараясь плыть как можно тише. Да, Виннету был прав кто-то греб и, видимо, очень спешил, раз при таком сильном после дождя течении еще и налегал на весла.

Лодка быстро приближалась, кто-то плыл прямо на нас. Взглянув на меня, Виннету приказал вполголоса:

— Остаемся на месте! Туман скрывает нас. Надо узнать, кто плывет!

Пида, очевидно поверив нам, вел себя очень спокойно и не пытался обнаружить наше местонахождение внезапным шумом или выкриком: Всем нам хотелось узнать имя гребца.

Удары весел приближались, и вот в тумане показалась индейская пирога. В ней сидел... кто бы вы думали? Разглядев гребца, Виннету не сдержался от возгласа:

— Сантэр! Он убегает!

Мой всегда такой сдержанный друг при виде своего смертельного врага совершенно забыл, что привязан ко мне и Пиде, и изо всех сил рванулся к пироге.

— Уфф! Я должен его догнать... должен поймать! — воскликнул он, ударом ножа освобождаясь от ремней, связывающих его с нами.

Сантэр обернулся на крик Виннету и от испуга неожиданно

остановился.

— О дьявол! Это они... — вырвалось у него.

Лицо Сантэра исказилось от страха, он лихорадочно стал грести, а заметив нас, отбросил весло, схватил ружье и прицелился. Испуг уступил место зловещей радости.

— Наконец-то сочтемся!

Когда прогремел выстрел, Виннету уже успел освободиться от ремней и мчался к лодке. Мы тоже рванулись в сторону, так что пуля пролетела мимо.

С ножом в зубах Виннету не плыл, а буквально летел над водой, отталкиваясь от ее поверхности мощными ударами рук и ног. Сантэр опять прицелился — у него оставалась в запасе вторая пуля — и издевательски крикнул:

— Ближе, ближе, проклятый краснокожий! Сейчас мы расквитаемся!

Ему казалось, что стоит нажать курок, и Виннету погибнет. Но он просчитался. Индеец, нырнув, скрылся под водой. Переверни он лодку — и Сантэру конец! Однако убийца разгадал маневр апача, быстро отложил ружье и схватился за весло. И — вовремя. Через секунду там, где только что покачивалась пирога, вынырнул Виннету, но Сантэр уже успел отплыть на безопасное расстояние:

— Ну что, собака, поймал меня? Пулю поберегу для следующего раза! — Пригрозил он.

Виннету что было сил бросился вслед, но куда там! Даже чемпион мира по плаванию не смог бы нагнать летящую по быстрой реке пирогу.

Не прошло и минуты, как Сантэр скрылся в густом тумане, а на реке появились апачи. Заслышав голоса, они прыгнули в воду и поспешили на помощь. Помогли нам выбраться на берег, отвязали от меня Пиду, и в это самое время на берегу показался Виннету. Он обратился к своим воинам:

— Братья мои, мы немедленно отправляемся в погоню! Здесь только что проплыл Сантэр, мы должны его настичь!

— Да-да, мы немедленно отправляемся, — согласился я. — Но что будет с Сэмом Хокенсом?

— Ты позаботишься о нем, — ответил Виннету. — Оставайся здесь и выручи Сэма, он твой друг, а я займусь убийцей отца и сестры. Нам придется расстаться.

— Надолго?

Он задумался.

— Не знаю. Судьбой человека распоряжается Великий Дух. Хотелось быть рядом с тобой, брат мой Сэки-Лата, но Маниту повелевает иначе.

Догадываешься, почему убежал Сантэр?

— Да, ему не удалось поймать нас, вчера вечером тебя видели в деревне, кайова поняли, что мы поблизости и не успокоимся, пока не заполучим Сантэра и не освободим Сэма Хокенса. Сантэр испугался, вот и решил обратиться подобру-поздорову.

— А может быть, его бегство связано с исчезновением Пиды и Тангуа весь свой гнев обрушил на Сантэра, считая, что это он во всем виноват, и выгнал его из деревни.

— Вполне возможно, похоже, кайова отказались защищать Сантэра, высказал я свои мысли.

— Но почему он избрал путь по реке, а не поскакал верхом?

— Боялся встречи с нами, зная, что мы отыщем его следы и пустимся в погоню. Вот и выбрал пирогу, чтобы потом пересесть на коня. Откуда ему было знать, что наши пути пересекутся. А наткнувшись на нас, он приналег на весла. Ты думаешь, вы догоните его по берегу?

— Это будет очень трудно, но надо попытаться. Мы поедем ему наперерез, а не вдоль берега реки.

— Это не совсем верно. Сантэр может выйти на берег в любом месте, и вы не узнаете, где он высадился. За Сантэром должны идти два отряда, следуя по обоим берегам Ред-Ривер.

— Мой брат совершенно прав, мы так и сделаем, — согласился Виннету.

— Смотрите в оба, правда, на это уйдет немало времени, но все же не советую ехать наперерез, потому что там, где один отряд будет огибать излучину, другой проедет прямо. Вы слишком далеко разойдетесь.

— Мы поедем так, как говорит мой брат, — строго вдоль берега, не пропуская ни одного поворота реки.

— С каким удовольствием я бы присоединился к вам! Но кто же тогда выручит Хокенса? А оставлять его у кайова нельзя.

— Не огорчайся, брат мой, мы увидимся через несколько дней, когда Хокенс уже будет на свободе.

— Где мы встретимся?

— После освобождения Сэма поезжай вдоль Ред-Ривер до Рио-Боскеде-Начиточес. На левом берегу тебя будет ждать мой посланец.

— А если там никого не будет?

— Значит, мы все еще идем по следу Сантэра. Тогда возвращайся со своими друзьями в Сент-Луис к бледнолицым, которые строят дорогу для огненного коня. Но прошу тебя, как только добрый Маниту позволит, приезжай к нам. Мой дом на Рио-Пекос всегда открыт для тебя, а если ты

не найдешь меня в пуэбло, тебе скажут, где меня искать.

Пока мы разговаривали, апачи готовились в путь. Виннету пожал на прощанье руку Паркеру и Стоуну и снова подошел ко мне:

— Мой брат Сэки-Лата помнит, как радовались наши сердца, когда мы покидали берега Рио-Пекос, но смерть подстерегла Инчу-Чуну и Ншо-Чи. Если ты когда-нибудь снова посетишь нас, то не услышишь больше голоса прекрасной дочери апачей. Вместо города белых она отправилась в Страну Вечной Охоты. А теперь месть заставляет меня расстаться с тобой, но я верю — мы встретимся. Я обязательно оставлю знак на Рио-Боске, но если мне не удастся, прошу тебя: не задерживайся в городе бледнолицых, возвращайся как можно скорее. Ты знаешь, как ты мне дорог и кого должен заменить. Обещай вернуться, мой дорогой и любимый брат Чарли.

— Обещаю, — произнес я. — Сердце мое с тобой, дорогой брат Виннету, и ты знаешь, в чем я поклялся умирающему Клеки-Петре. Я сдержу свое слово!

— Пусть добрый Маниту хранит тебя! Хуг!

Мы обнялись, он поцеловал меня на прощание, отдал воинам короткий приказ и вскочил на коня. Апачи разделились: один отряд поехал по правому, второй — по левому берегу реки. Я долго провожал Виннету взглядом, пока тот не скрылся в тумане. Мне казалось, что я теряю частичку самого себя, и думаю, ему тоже было тяжело расставаться со мной.

Стоун и Паркер понимали мое душевное состояние. Дик от всего сердца пытался утешить меня:

— Сэр, не принимайте все так близко к сердцу! Мы обязательно встретимся вновь! Вот только вызволим Сэма и прямиком помчимся за ними. Давайте скорее возьмемся за дело, зачем медлить с обменом? Только сперва подумаем, как это лучше сделать!

— Для начала, дорогой Дик, я хотел бы выслушать вас как более опытного вестмена.

Польщенный моими словами, вестмен, поглаживая бороду, предложил:

— Самое простое — послать пленного воина к Тангуа. Пусть сообщит вождю, где находится его сын и на каких условиях Пиду отпустят. Что ты на это скажешь, старина Билл?

— Гм, — проворчал Паркер, — вот уж глупее не придумаешь!

— Глупее? Да что ты такое говоришь, разрази меня гром!

— Если Тангуа прознает, где мы находимся, пришлет сюда своих воинов, они отберут у нас Пиду, а про Хокенса забудут. Я бы сделал иначе.

— А как?

— Мы отъедем немного в открытую прерию, затем пошлем кайова с условием, что Сэм возвращается сюда в сопровождении двоих — только двоих воинов, и пусть они забирают Пиду. А если их окажется больше, мы устроим им достойную встречу.

— Пожалуй, лучше никого не посылать и сделать все по-другому, вмешался я в разговор.

— А как Тангуа узнает, где его сын?

— Узнает, — решительно сказал я.

— От кого? — недоумевал Билл.

— От меня.

— От вас? Вы собираетесь идти к нему в деревню?

— Вот именно.

— Сэр, да вы с ума сошли! Вам грозит верная смерть, вас схватят!

— Не думаю.

— Да какие тут могут быть сомнения? Обязательно схватят!

— Тогда и Пиды умрет. Не вижу необходимости посылать пленного воина, у нас на одного заложника станет меньше.

— Это верно. Но почему именно вы? Могу, например, пойти я.

— Ваша храбрость всем известна, дорогой Билл, и все же с Тангуа говорить буду я. Так лучше.

— А по-моему, вождь скорее согласится на наши условия, если пойду я, а не вы. Не забывайте — он страшно взбешен, а увидев вас, расвирепееет еще больше.

— Потому-то я и хочу сам вести переговоры. Если пойдет другой, Тангуа может подумать, будто я его боюсь. Я хочу доказать обратное. Мне он ничего не сделает, как бы ни злился.

— Что ж, поступайте как считаете нужным, сэр! Где вас ждать? На острове или в другом, более подходящем месте?

— Лучше этого убежища, пожалуй, не придумаешь.

— Отлично! Но если с вами что-нибудь приключится в стойбище, нашим пленникам несдобровать, церемониться не станем! Когда вы отправляетесь?

— Сегодня вечером.

— Не поздновато? А не лучше ли было бы закончить все до полудня и тут же последовать за Виннету?

— А кайова — тут как тут, погонятся за нами по пятам и перестреляют всех как перепелок.

— Почему вы так думаете?

— Потому что Тангуа с радостью отдаст Сэма за любимого сына и тут

же погонится за нами, чтобы отомстить. Вот поэтому обмен состоится сегодня вечером, чтобы ночью, пока кайова еще не собрались, мы успели убраться отсюда как можно дальше. К тому же вождь станет сговорчивее, если подольше поволнуется за жизнь сына.

— Все верно... А если они вдруг все же обнаружат нас?

— Ничего страшного!

— В поисках Пиды они могут забрести и на остров.

— На остров не забредут по той причине, что, обнаружив следы Виннету, решат, что все мы ушли, забрав Пиду. Тогда Тангуа испугается по-настоящему. Тсс, тихо!

Послышались голоса. Туман поднялся, и мы увидели на берегу индейцев, которые внимательно разглядывали только что обнаруженные ими следы копыт. Даже не взглянув на остров, кайова вскоре исчезли.

— Похоже, что они спешат, — заметил Дик Стоун.

— Наверняка побежали докладывать Тангуа. А тот не замедлит выслать всадников по следам Виннету, — догадался Паркер.

Через пару часов мы убедились, что наше предположение верно. На другой стороне реки показалась группа всадников. Они пустились по следу Виннету. Мы могли не опасаться, что кайова догонят апачей, поскольку передвигались и те, и другие с одинаковой скоростью, и Виннету уже наверняка был далеко. Разумеется, мы разговаривали шепотом, чтобы лежащие в зарослях связанные пленники ничего не услышали и ни о чем не догадались.

Перед полуднем солнце преподнесло сюрприз, выглянув из-за туч, согрев нас и высушив мокрую одежду, что намного облегчило нам жизнь и скрасило ожидание.

Сидя на берегу, я вдруг заметил приближающуюся к острову пустую пирогу. Когда она в конце концов застряла в прибрежной траве, я подтащил ее к берегу и увидел, что это та самая лодка, в которой я увез Пиду. Я узнал ее по отрезанным ремням. Долго же она добиралась от Солт-Форк до Ред-Ривер! Лодка оказалась весьма кстати — вечером я воспользуюсь ею для переправы.

Когда стемнело, я толкнул пирогу в воду. Стоун и Паркер пожелали мне удачи, и я поплыл вверх по течению, предупредив вестменов, чтобы ждали меня на заре.

Грести против течения было очень тяжело, и только спустя час я свернул из Ред-Ривер в Солт-Форк. Недалеко от стойбища я пристал к берегу и привязал лодку к дереву.

Как и вчера, в селении кайова горели костры, около них сидели

мужчины, хлопотали женщины. Я ожидал, что деревня будет строго охраняться, но ошибся. Найдя следы Виннету, кайова выслали погоню и успокоились.

Тангуа точно так же сидел перед вигвамом, на сей раз, правда, с двумя сыновьями. Низко опустив голову, он хмуро смотрел на огонь. Я осторожно подкрался как можно ближе, благо никто меня не заметил. Распластавшись на земле, я подполз совсем близко к вигваму и услышал тихую, монотонную песнь печали: вождь оплакивал по индейским обычаям потерю любимого сына.

— Почему Тангуа поет песнь печали? — спросил я, поднимаясь с земли прямо перед ним. — Настоящий воин слез не проливает, это удел скво.

Трудно описать, какое впечатление на Тангуа произвело мое неожиданное появление и моя речь. Не в силах выдать из себя ни слова, вождь вскочил было на ноги, забыв о раздробленных коленях, и тут же рухнул как подкошенный. Вперив в меня безумный взгляд, он, заикаясь, забормотал:

— Ссэ-ки-Ла-ла-та! Уфф! Уфф! Уфф! Откуда... ты... взялся? Как... ты... где... Так... значит... вы... здесь? Никуда... не... ушли?

— Как видишь. Я пришел поговорить с тобой.

— Сэки-Лата! — заорал он, выговорив наконец мое имя.

Сыновья в испуге отпрянули назад.

— Сэки-Лата! — повторил Тангуа, и ярость исказила его лицо. Он прокричал что-то в сторону вигвамов. Я ничего не понял, кроме собственного имени.

Спустя минуту в деревне поднялся оглушительный вой. Отовсюду повысыпали воины с поднятым оружием. Я вытащил нож и приставил его к уху Тангуа.

— Ты хочешь, чтобы Пида умер? Это он прислал меня.

Услышав сквозь жуткий вой мои слова, вождь поднял руку. Крики прекратились. В полном молчании кайова окружили нас. По их кровожадным взглядам я понял, что мне так просто отсюда не уйти. Однако я спокойно уселся рядом с Тангуа и, невозмутимо глядя ему прямо в глаза, начал:

— Мы с тобой смертельные враги. Не моя в том вина, но и против я ничего не имею. И я не боюсь тебя, иначе разве я пришел бы, чтобы поговорить с тобой? Пиду поймал я, и его повесят, если я не вернусь к назначенному часу.

Застывшие словно статуи краснокожие ни единым словом, ни единым

жестом не отреагировали на мое сообщение. Только глаза вождя налились кровью от бессильной ярости. Скрежеща зубами, он наконец выдавил:

— Как... как... ты поймал его?

— Вчера, когда Пида беседовал с Сэмом, я был на острове, сбил его с ног и взял его в плен.

— Уфф! Злой Дух покровительствует тебе! Где мой сын?

— В безопасном месте, но я не скажу где. Потом Пида сам расскажет. Ты теперь понимаешь, что я не собираюсь убивать твоего любимого сына. У нас есть еще один твой воин, которого я схватил в зарослях ежевики, когда тот нас подслушивал. Мы отпустим его вместе с твоим сыном, а ты отдашь Сэма Хокенса!

— Уфф! Ты получишь его, но сперва приведи мне Пиду и воина!

— Привести? Нет! Я знаю, что Тангуа нельзя доверять. За одного я отдаю двух — и поступаю очень справедливо. И вполне благородно по отношению к вам. Но за это я вправе потребовать от вас честного выполнения договора.

— А где доказательства, что Пида действительно у вас?

— Доказательства? Тебе нужны доказательства? Если я говорю, значит, так и есть. Сэки-Лата не Тангуа. Покажи мне сначала Сэма Хокенса. Вы забрали его с острова, потому что боитесь, как бы он не сбежал. Мне надо с ним поговорить.

— О чем ты хочешь с ним говорить?

— Хочу услышать, как с ним обращались. От этого многое зависит.

— Я должен посоветоваться с воинами. Отойди от вигвама и жди.

— Хорошо. Но торопитесь. Если я не вернусь вовремя, Пиду повесят.

Смерть через повешение, как я уже говорил, считается у индейцев самой позорной. Можете себе представить, как встревожился Тангуа! Он немедленно созвал совет старейшин. Я отошел к ближайшему вигваму и сел на землю. Воины Тангуа тут же окружили меня, испепеляя гневными взглядами, готовые растерзать меня по первому знаку. Только благодаря Пиде я остался в живых. Впрочем, я заметил, что и моя отвага произвела на кайова должное впечатление. Спустя некоторое время вождь послал воина за Сэмом. Как только появился Хокенс, я вскочил на ноги и подбежал к нему. Увидев меня, Сэм возликовал:

— Наша взяла! Олд Шеттерхэнд! Ну, что я говорил? Вы пришли, сэр! Небось соскучились там без старика Сэма, а? — И он протянул для приветствия связанные руки.

— Все очень соскучились, — отвечал я. — И как вы только умудрились попасть в плен к кайова? Сколько ни вдалбливай, куда надо

бежать, вы обязательно помчитесь в противоположную сторону.

— Упреки, дорогой сэр, оставьте на десерт, я сейчас весь сгораю от любопытства, что там у вас и как моя Мэри?

— Она с нами.

— А моя Лидди?

— Ваша пушка? С ней тоже все в порядке.

— В таком случае, превосходно, чтоб мне лопнуть! Ну что ж, не пора ли нам уходить отсюда? Честно говоря, мне надоело здешнее общество.

— Потерпите еще немного, любезный Сэм. Вам кажется, что можно так просто взять и уйти? Увы, есть еще маленькая загвоздка.

— А в чем дело? Разве для вас существуют загвоздки? Попади я хоть на Луну, вы бы и оттуда меня вытащили, хи-хи-хи!

— Смейтесь, смейтесь, похоже, вам здесь было неплохо, а?

— Неплохо? Что вы такое говорите? Мне было превосходно! Замечательно! Все индейцы любили меня как собственного сына, уж так меня холили и лелеяли, что дальше некуда. А если мне хотелось прилечь отдохнуть, так этого даже не надо было делать, я и так целый день лежал.

— А что с карманами? Обчистили?

— Еще бы! И дочиста!

Тем временем совет подошел к концу. Я заявил вождю, что ждать больше у меня нет времени и если он хочет увидеть сына живым и здоровым, пускай поторопится. Наши переговоры вскоре вступили в завершающую стадию. Тревога за сына сделала вождя более покладистым, я же ни на йоту не уступил индейцам. Мы договорились, что со мной и Сэмом поплывут на двух лодках четыре воина. Мы передадим им Пиду и пленного кайова. Я еще раз предупредил Тангуа, что Пиди погибнет, если вождь попытается проследить за нами.

Этого было достаточно, они поверили моим словам и, кстати, с тех пор всегда верили Крепкой Руке. Куда мы плывем, я, разумеется, им не объяснил. Сэму развязали руки, и он, радостно размахивая ими, воскликнул:

— Свободен! Снова свободен! Сэр, я никогда не забуду, что вы для меня сделали! И больше ни за что не помчусь вверх и налево, если вы побежите вниз и направо!

Мы собирались в дорогу под недовольный ропот индейцев, кипевших от злобы при мысли, что Сэм и я ускользаем от них, а Тангуа прямо-таки шипел:

— Пока мой сын не вернется — ты в безопасности, но потом берегись! Все племя пустится по твоим следам! Ты от нас не уйдешь! Мы достанем

тебя хоть из-под земли!

Я пропустил мимо ушей зловещие угрозы вождя. Мы спустились к реке, где по двое — разумеется, я вместе с Сэмом — расселись по лодкам. В тот миг, когда лодки отчалили, нам вслед полетел душераздирающий протяжный вой.

Пока мы плыли, я успел рассказать Сэму обо всем, что произошло с той минуты, когда его угораздило попасть в плен. Узнав, что Виннету вынужден был нас покинуть, он искренне огорчился, однако не слишком сильно, ибо больше всего опасался вполне понятного недовольства вождя апачей.

Несмотря на полную темноту, мы благополучно высадились на острове, радостно встреченные Диком Стоуном и Биллом Паркером, которые признались, что лишь после моего ухода полностью осознали риск моего отчаянного поступка.

Мы передали кайова обоих пленников, и они, не простившись, сели в лодки и поплыли прочь. Подождав, пока стихнут удары весел, мы оседлали коней и переправились на левый берег реки. Нас ждала дальняя и полная опасностей дорога. Однако Сэм, как выяснилось, прекрасно знал эти места, так что мы могли не волноваться.

Привстав в стремени, Сэм Хокенс погрозил кулаком вслед уплывающим индейцам:

— Сколько угодно ломайте свои тупые головы, глупые кайова, вам нас не поймать! Не выйдет! Ищи ветра в поле! Теперь-то я не полезу сам в яму, чтобы всякий гринхорн меня из нее вытаскивал! Не видать вам Сэма Хокенса, чтоб мне лопнуть!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечания

1

Флинт — здесь: род карабина для охоты на крупного зверя.

Вестмен (буквально «человек Запада») — человек, хорошо знающий условия Дикого Запада, чаще всего охотник-промысловик, здесь — предприимчивый американец с западной границы, которая в XIX веке отодвигалась все дальше в глубь не завоеванных еще территорий индейских племен. — Прим. автора.

Индейскими территориями официально назывались земли, отведенные в 40-60-е годы XIX века федеральным правительством для проживания индейцев, позднее в 1907 году, из них был образован штат Оклахома.

Шеттерхэнд — Разящая Рука (англ.), в дальнейшем к этому прозвищу присоединили словечко «олд» (старина), так что героя книги стали называть Олд Шеттерхэнд.

Файерхэнд (англ.) — Огненная (Стреляющая) Рука.

Мафусаил — библейский старец, проживший 969 лет; его имя стало синонимом долголетия.

Баяр (Пьер де Террайль) — известный своей отвагой рыцарь эпохи средневековья, прозванный «рыцарем без страха и упрека»; Роланд — легендарный герой, один из двенадцати рыцарей короля франков и императора Карла Великого, прославившийся в битве при переходе через Пиренеи. — Прим. автора.

Вивисекция (или живосечение) — операция на живом животном, проводимая либо ради изучения функций организма, либо для выяснения причин заболеваний, либо в целях выявления воздействия на организм различных веществ.